ТРУДЫ ЧЛЕНОВЪ
Россійской Духовной Миссіи.

Изданіе Пекинской Духовной Миссіи.

ТОМЪ IV.

Изданіе второе.

Г. ПЕКИНЪ.
Типографія Успенскаго Монастыря при Русской Духовной Миссіи.
1910.

14-го Іюля 1910 г. Печатать разрѣшается
Епископъ **Иннокентій**.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТАРИННОЕ МОНГОЛЬСКОЕ СКАЗАНІЕ О ЧИНГИСХАНѢ.

Подъ этимъ названіемъ предлагается здѣсь переводъ давно извѣстнаго по имени, но до послѣдняго времени остававшагося неизданнымъ сочиненія: *Юань чао ми ши*, т. е. Секретной (фамильной) исторіи династіи Юань (Монгольской). Она составлена первоначально на монгольскомъ языкѣ, въ XIII вѣкѣ, въ Монголіи, неизвѣстнымъ авторомъ. Для оцѣнки этого сочиненія, считаю нужнымъ войти въ нѣкоторыя пояснительныя подробности.

Ни въ *Юань ши*, или исторіи Чингисханидовъ въ Китаѣ, ни въ другихъ письменныхъ памятникахъ тѣхъ временъ, не встрѣчается упоминанія о немъ, ни подъ какимъ названіемъ. Записки о дѣяніяхъ Чингисхана и его біографіи, о которыхъ говорится въ *Юань ши*[1]), составлены въ Китаѣ и, частію, послужили документами составителямъ *Юань ши*, въ жизнеописаніи Чингисхана, во многомъ не сходномъ съ разсказомъ *Юань чао ми ши*. Должно полагать, что она оставалась въ рукописи, недоступною для общаго свѣдѣнія, какъ указываетъ и данное ей названіе, и входила въ составъ дворцоваго архива, называемаго, въ *Юань ши*, *Тобчиянь*[2]).

Въ первый разъ упоминается объ *Юань чао ми ши* уже послѣ изгнанія Монголовъ изъ Китая и съ воцареніемъ въ немъ династіи *Минъ*. Въ запискахъ о дѣяніяхъ основателя этой династіи, называемыхъ *Ши лу*, подъ 15-мъ годомъ правленія *Хунъ ву* (1382 г.)[3]), говорится слѣдующее: «Въ этотъ годъ повелѣно составить сравнительный словарь китайскихъ и монгольскихъ словъ. Предшествовавшая династія *Юань*, не имѣя собственныхъ буквъ, для оффиціальныхъ актовъ (обнародованій и повелѣній), заимствовала гаочанскія (уйгурскія) и изъ нихъ образовала буквы монгольскія, для сообщенія по всѣмъ ея владѣніямъ. Нынѣ государь повелѣлъ члену *Ханъ линь* (академіи) *Чжанъ юань изъ* и секретарю *Маша ихэ*, перевести монгольскія слова на китайскія. Такимъ образомъ переведены были слова по астрономіи, географіи, житейскимъ потребностямъ, одѣянію, пищѣ, сосудамъ; потомъ, взявъ *Юань чао ми ши*, сличили ее (переложеніе съ подлинникомъ), связали и раздѣлили ея буквы и приспособили къ нимъ (китайскіе) тоны и произношенія. Когда трудъ былъ конченъ, повелѣно было отпечатать (эти руководства) и обнародовать. Съ сихъ поръ (наши) посланцы, часто ѣздившіе въ степи, могли понимать положеніе (дѣлъ) и намѣренія (монголъ).»

---

1) Юань ши. Цз. 5, 14.; 8, 4.; 14, 11.; 15, 3.; 21, 11.; 137, 3.
2) Юань ши. Цз. 35, 14.
3) Минъ тай цзу ши лу. Цз. 141, 4.

Другія подробности объ этихъ руководствахъ встрѣчаются въ описаніи одной частной библіотеки[1]), въ слѣдующихъ словахъ: «*Хуа и и юй* (китайско-монгольскія слова), 1-я тетрадь. Въ 21 годъ правленія *Хунъ ву* (1388-й г. когда трудъ былъ, вѣроятно, конченъ), членъ *Ханъ линь*, *Ши* (*Чжанъ?*) *юань цзъ*, перевелъ на китайскую рѣчь монгольскія слова, прописывая оныя вполнѣ, сочетая по нѣскольку знаковъ, и съ переводомъ ихъ значенія. Этотъ словарь отпечатанъ. Государь приказалъ (ученому) *Лю сань ву* написать къ нему предисловіе. На концѣ прибавлены готовыя выраженія монгольскія, для употребленія въ грамотахъ и сообщеніяхъ Китайскаго Двора къ потомкамъ Юаньскаго дома.»

Изъ сихъ указаній, при сличеніи ихъ съ текстомъ *Юань чао ми ши*, оказывается, что оригиналъ ея писанъ былъ монгольскими, но не квадратными, а уйгурскими буквами; что составители руководства, взявъ для образца *Юань чао ми ши*, при переводѣ ея, переложили монгольскіе слоги условными, однажды на всегда установленными, знаками китайскими и, перевели монгольскія слова тоже условными и опредѣленными навсегда китайскими выраженіями. Эти условныя выраженія и знаки они могли заимствовать изъ переводной литературы временъ династіи Юань. Такимъ образомъ, *Юань чао ми ши* состояла изъ трехъ текстовъ: монгольскаго, писаннаго уйгурскими буквами; тоническаго, представлявшаго только звуки монгольскаго текста, выраженные условными китайскими знаками, и, наконецъ, китайскаго, переводнаго. Этотъ послѣдній, переводный, какъ и тоническій текстъ, принадлежалъ, несомнѣнно, сказанной коммисіи *Хунъ ву* хотя объ этомъ и не говорится положительно въ приведенныхъ выше ссылкахъ; потому что нѣкоторыя мѣста въ Китаѣ, упоминаемыя въ сей исторіи, носятъ въ переводномъ китайскомъ текстѣ названія, существовавшія только во время царствованія *Хунъ ву*. Самое названіе сочиненія: *Юань чао ми ши*, дано ему переводчиками; тоническій текстъ, по свидѣтельству людей, видѣвшихъ оригиналъ, не носитъ никакого названія.

Юань чао ми ши, помѣщенная въ Нанкинскую Библіотеку, раздѣлила общую судьбу ея. Въ 1406 г., когда государь правленія *Юнъ лэ*, свергнувъ племянника своего съ престола, перенесъ столицу изъ Нанкина въ Пекинъ, онъ приказалъ перевезти изъ Нанкинской Библіотеки дублеты и экземпляры хранившихся въ ней книгъ въ Пекинъ; они доставлены были во 100 ящикахъ и послужили основаніемъ Пекинской Дворцовой Библіотеки, которая, со временемъ, увеличилась по каталогу, до 20, 000 сочиненій[2]). Изъ собранныхъ *Юнъ лэ* книгъ, въ числѣ которыхъ было весьма много сочиненій временъ династіи *Юань*, этотъ государь составилъ справочную библіотеку, извѣстную подъ именемъ *Юнъ лэ да дянь*. Особая коммисія распредѣлила книги по родамъ, многія разбила на части, отнесши оныя въ разные отдѣлы, подвела названія книгъ, по китайскому способу, подъ рифмическіе тоны и установила сплошную нумерацію не по книгамъ, а по *цзюанямъ*, или отдѣ-

1) Душу минь цю цзи. Цз. 2, 58.
2) Жися цзю вень као. Цз. 62, 11—15.

леніямъ книгъ[1]). *Юань чао ми ши,* не имѣвшая никакого дѣленія, раздѣлена была также на 15 цзюаней, въ 8 тетрадяхъ. Она означена въ каталогѣ *Юнъ лэ да дянь му лу* подъ 12-мъ звукомъ *Сянь*, 43-мъ *Юань*, въ 24 знакѣ *Юань*[2]).

Китайскіе писатели замѣчаютъ, что знаменитая Пекинская Библіотека, вслѣдствіе неоднократныхъ переворотовъ, и въ особенности переворота 1644 года, равно похищеній книгъ частными лицами, съ воцареніемъ маньчжуръ въ Китаѣ не заключала въ себѣ и 10-й части прежнихъ сокровищъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и *Юнъ лэ да дянь*, составлявшая особый отдѣлъ въ Библіотекѣ, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, не мало пострадала и уменьшилась. Однакожъ *Юань чао ми ши* уцѣлѣла. Въ половинѣ прошедшаго столѣтія отпечатано было, подвижными деревянными буквами, до 80 томовъ разныхъ сочиненій, выбранныхъ изъ *Юнъ лэ да дянь*; но въ это изданіе, извѣстное подъ общимъ наименованіемъ *Цзюй чжень* (Собранія перловъ), *Юань чао ми ши*, сколько я знаю, не вошла. *Юнъ лэ да дянь* нынѣ помѣщается въ библіотекѣ *Хань линь юань.*

Неизвѣсто, была ли отпечатана *Юань чао ми ши*, вмѣстѣ съ руководствомъ *Чжань юань цзъ.* Экземпляръ ея, въ *Хань линь юань*, рукописный, вѣроятно только копія съ подлинника, оставшагося въ Нанкинѣ. Монгольскаго текста въ этомъ экземплярѣ не оказалось; только оставлено для него полое мѣсто, или столбцы. Такимъ образомъ изчезъ рѣдкій памятникъ старинной монгольской словесности и монгольскаго письма. Впрочемъ, для монголистовъ легко будетъ возстановить монгольскій текстъ по тоническому, сохранившемуся, но не изданному, если когда-нибудь удастся пріобрѣсть его.

Упоминанія объ *Юань чао ми ши* мы встрѣчаемъ во многихъ китайскихъ сочиненіяхъ, какъ предшествующей, такъ и нынѣшней династіи; между прочимъ краткая и неполная выписка изъ генеалогическаго отдѣла ея, помѣщена въ сборникѣ *Сань цай ту хой* и въ исторіи Фамилій *Вань синъ тунъ пу*—сочиненіяхъ, равно принадлежащихъ къ послѣднимъ временамъ династіи *Минъ*; покойный оріенталистъ Клапротъ перевелъ эту выписку, въ своихъ Mèmoires relatifs á l' Asie.

Составители подробнаго каталога книгъ, собранныхъ въ правленіе *Цянь лунъ*, въ прошедшемъ столѣтіи и извѣстнаго подъ именемъ *Сы ку цюань шу му лу*, упоминаютъ объ *Юань чао ми ши*, замѣчая, что содержаніе ея, въ сущности, тоже, что содержаніе сочиненія *Сананъ сэцэна* о монголахъ, переведеннаго въ то время на китайскій языкъ, подъ названіемъ *Мынг гу юань лю*[3]). Очевидно, что они не потрудились прочесть *Юань чао ми ши* далѣе родословія Чингисхана, довольно сходнаго съ родословіемъ, излагаемымъ у *Сананъ сэцэна.*

Въ томъ же каталогѣ упоминается объ историческомъ изслѣдованіи о династіи *Юань*, автора *Сунь чэнъ цзэ*, съ присоединеніемъ, на концѣ, *Юань чао ми ши*[4]).

---

1) Введеніе въ Юнъ лэ да дянь му лу.
2) Предисловіе издателей.
3) Цзянь минъ му лу. Цз. 5, 29.
4) Цзянь минъ му лу. Цз. 8, 9.

Но это сочиненіе, вмѣстѣ съ прибавленіемъ, вѣроятно, доселѣ остается въ рукописи, въ Общей Императорской Библіотекѣ, неизданнымъ.

1748 года. *Вань гуань дай* былъ однимъ изъ ученыхъ, обратившихъ особенное вниманіе на *Юань чао ми ши.* Онъ имѣлъ случай читать ее и составилъ сокращеніе ея, подъ названіемъ *Юань ми ши лю*, измѣнивъ расположеніе текста и раздѣливъ сочиненіе на двѣ *цзюани.* Это сокращеніе, въ рукописи, хранилось въ одной частной библіотекѣ, въ г. *Янъ чжоу фу*, извѣстной въ ученомъ мірѣ китайскомъ подъ именемъ *Чжи бу цзу чжай. Янъ фу цзи*, издатель двадцатитомнаго сборника *Чжао дай цунъ шу*, списалъ съ сей рукописи копію и помѣстилъ ее въ пятомъ выпускѣ, или отдѣленіи, своего сборника, отпечатаннаго вполнѣ въ 1847 году. *Вань гунь дай*, въ примѣчаніи къ своему сокращенію, говоритъ, что онъ представилъ только существенное, отбросивъ нелѣпости оригинала; но при сличеніи его сокращенія съ оригиналомъ, оказывается, что онъ счелъ благоразумнымъ опустить многія трудныя мѣста и особенности монгольскаго разсказа; притомъ многаго не допонялъ, вѣроятно, по поспѣшности въ чтеніи и списаніи. Впрочемъ трудъ *Вань гуань дая* имѣетъ свою цѣну и полезенъ при чтеніи оригинала, какъ послѣ окажется.

Ученый *Цянь да синь*, писавшій въ концѣ прошедшаго и началѣ текущаго столѣтія, первый оцѣнилъ важность *Юань чао ми ши*, при скудныхъ и неточныхъ свѣдѣніяхъ, какія представляетъ китайская исторія о первыхъ временахъ монгольскаго владычества. Надобно замѣтить, что самый важный и прямой источникъ свѣдѣній о тѣхъ временахъ есть *Юань ши*; а это исторія, состоящая изъ 210 *цзюаней*, составлена была тотчасъ послѣ изгнанія монголъ изъ Китая, менѣе чѣмъ въ годъ отъ такой поспѣшности и частію отъ недостаточности и разнорѣчія документовъ исторіи Юаньскаго дома, *Юань ши* исполнена ошибокъ, пропусковъ и противорѣчій; китайскіе ученые позднѣйшихъ временъ, не имѣя возможности исправить недостатки ея, ограничивались выставленіемъ ихъ. *Вань хой цзу* составилъ цѣлый томъ варіантовъ и промаховъ *Юань ши*; (см. *Юань ши бэнь чжэнъ*); но пользы оттого было мало. Біографическій отдѣлъ *Юань ши* могъ бы поставить значительныя пополненія и многія подробности къ *Бэнь цзи*, или отдѣлу о царствованіяхъ; но, какъ справедливо замѣчаетъ *Цянь да синь*, біографіи составлены на основаніи фамильныхъ преданій (*цзя чжуань*) и могильныхъ памятниковъ (*шэнь дао бэй*); а эти документы, писанные на заказъ, обыкновенно наполнены бываютъ вымыслами и небывалыми фактами, для вящшаго прославленія жизнеописуемаго лица; въ этомъ отношеніи, они совершенно сходны съ похоронными рѣчами Римскихъ ораторовъ, которыя произносимы были на форумахъ надъ гробомъ покойника. Наконецъ, такъ называемый Историческій Комитетъ, составленный въ правленіе *Цянь лунъ*, для исправленія исторій трехъ династій, *Ляо, Цзинь* и *Юань* увеличилъ затрудненія, исказивъ текстъ *Юань ши* произвольными возстановленіями иностранныхъ словъ и названій. Работая по приказанію, а не по собственному расположенію, онъ избѣгалъ труда критическихъ соображеній и изысканій и старался скорѣе кончить дѣло, не заботясь о достоинствѣ труда; поэтому. китайскіе ученые не обращаютъ вниманія

на мнимыя исправленія и обыкновенно руководствуются текстомъ стариннаго, не исправленнаго изданія *Юань ши. Цзинь ши,* или исторія династіи *Гинь,* должна бы сообщить много подробностей о Монголахъ, но будучи составлена во время Монгольской династіи, она мало представляла новаго. Сказанія писателей династіи *Сунъ,* впрочемъ весьма немногія, должны быть принимаемы съ большою осторожностію; они большею частію основаны на слухахъ, доходившихъ въ Южный Китай черезъ гиньцевъ; самыя достовѣрныя изъ нихъ требуютъ еще критической оцѣнки. Что касается до историческихъ обозрѣній, каковы *Тунъ цзянь, Тунъ цзянь ганъ му,* равно сокращеній *Юань ши,* какъ то: *Юань ши лэй бянь, Ши вэй, Сунъ ши цзи ши, бянь мо,* то разсказы ихъ о первыхъ временахъ владычества монголъ, есть дѣло позднѣйшихъ составителей и не заслуживаютъ большого вниманія. Вотъ почему *Цянь да синь* и послѣдовавшіе за нимъ изыскатели встрѣтили *Юань чао ми ши,* какъ рѣдкую находку, какъ оригинальный документъ о временахъ, событія которыхъ темно и кратко изложены въ общедоступныхъ источникахъ.

Въ послѣдніе годы *Сюй сунъ*, авторъ важнаго сочиненія *Си юй шуй дао цзи*, или о водныхъ системахъ Западнаго Края, по роду своихъ предпочтительныхъ занятій, обратилъ тщательное вниманіе на *Юань чао ми ши*; онъ установилъ безусловное довѣріе къ сказаніямъ этого повѣствованія, до такой степени, что всѣ варіанты, всѣ лишнія подробности, касательно событій въ Монголіи при Чингисханѣ и вообще жизни этого завоевателя, встрѣчающіяся въ общеизвѣстныхъ памятникахъ, и изложенныя иначе, или опущенныя въ *Юань чао ми ши*, онъ отвергалъ, какъ искаженное преданіе. Онъ намѣревался издать это твореніе и приготовилъ вчернѣ множество примѣчаній, но не успѣлъ кончить труда и умеръ въ 1847 году.

Сюй сунъ принадлежалъ къ обществу немногихъ китайскихъ ученыхъ, которые, съ счастливой руки *Цянь да синя,* обратили особенное вниманіе на исторію чужеземныхъ династій въ Китаѣ: киданей, чжурчжитовъ и монголъ, и старались открывать и издавать рѣдкія сочиненія, относящіяся къ тѣмъ временамъ. Таковы, кромѣ *Сюй суна*, ученые *Чэнъ тунъ вэнь*, *Гунъ динъ ань*, *Шень цзы дунъ*, *Чжанъ ши чжоу, Хэ цю тао*, *Люй сянъ цзи*, *Вэнъ чжэнъ санъ*, извѣстный библіофилъ Пекинскій и одинъ изъ министровъ послѣдняго времени и, наконецъ, многіе члены фамиліи *Ѣ*, къ которой принадлежалъ и *Ѣ минъ шень,* Кантонскій генералъ-губернаторъ, попавшійся въ плѣнъ англичанамъ. Всѣ эти ученые писали въ Пекинѣ, который до сихъ поръ отличается книжнымъ богатствомъ.

Въ мое время, одинъ изъ богатыхъ купцовъ, по фамиліи *Янъ*, нажившійся соляными откупами, ревнуя о чести изданія рѣдкихъ старинныхъ сочиненій, пригласилъ двухъ изъ упомянутыхъ выше ученыхъ, *Чжанъ ши цзъ*, иначе называемаго *Чжанъ му*, и *Хэ цю тао*, для содѣйствія въ составленіи и изданіи его сборника. Первымъ сочиненіемъ въ этомъ сборникѣ была *Юань чао ми ши*, доставленная *Чжанъ му. Чжанъ му*, какъ онъ самъ разсказываетъ, въ краткомъ примѣчаніи къ изданію, въ 1841 году, по знакомству съ библіотекаремъ въ *Ханъ линь юань,* имѣлъ доступъ въ Библіотеку Академіи, осмотрѣлъ ея сокровища, и поселившись на время

въ одномъ изъ залъ ея, имѣлъ терпѣніе собственноручно списать изъ *Юнъ лэ да дянь*, нѣсколько рѣдкихъ сочиненій, въ томъ числѣ и *Юань чао ми ши*. После онъ сверилъ свою копію съ другимъ спискомъ, снятымъ съ оригинала транспарантомъ, и принадлежавшимъ фамиліи *Хань*. Въ 1848 году *Юань чао ми ши* поступила въ изданіе Сборника, подъ редакціею и корректурою *Чжанъ му* и *Хэ цю тао*. Изданный ими экземпляръ нѣсколько отличается отъ списка, находившагося въ рукахъ *Сюй суна*. Къ сожалѣнію, предпріятіе *Яна* кончилось несовсѣмъ удачно. Въ 1853 году, когда инсургенты грозили Пекину, *Янъ* счелъ благоразумнымъ удалиться на свою родину, въ *Шань си*, и забралъ съ собою печатныя доски для предположеннаго сборника; слышно, что онъ уже померъ. Отпечатано не много твореній, кромѣ *Юань чао ми ши* и то въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Изъ этихъ сочиненій особенно замѣчательно *Си ю цзи*, или описаніе путешествія одного Даосскаго монаха къ Чингисхану, мною тоже переведенное, и историческія изслѣдованія *Шень цзы дуня*.

Теперь, имѣя въ рукахъ *Юань чао ми ши*, можно безпристрастно и болѣе точно судить о ея достоинствѣ и значеніи. Какъ произведеніе старинно-монгольское, она отличается простотою и наивностію, которыя трудно отыскать въ твореніяхъ китайскихъ бытописателей. Она преимущественно распространяется о событіяхъ въ жизни Чингисхана, до той поры, когда онъ дѣлается единодержавнымъ владыкою степной имперіи; о дальнѣйшихъ его завоеваніяхъ, за предѣлами Монголіи, она говоритъ кратко, далеко не такъ, какъ писатели покоренныхъ имъ странъ. *Юань чао ми ши* составляетъ особый источникъ свѣдѣній о Чингисханѣ, основанный на ближайшихъ къ его времени устныхъ преданіяхъ, и который трудно согласить съ другимъ источникомъ, тоже основаннымъ на устныхъ преданіяхъ, но видоизмѣнившимся въ преемственныхъ письменныхъ памятникахъ династіи *Юань*, какъ онъ существуетъ въ *Юань ши*; это два пособія, которыя не должно смѣшивать и которыми равно не должно пренебрегать въ критическомъ изслѣдованіи Монгольскихъ древностей, пока дѣйствительные факты не будутъ очищены отъ примѣси вымысловъ.

Я счелъ излишнимъ сличеніе настоящаго сказанія съ другими извѣстными у насъ источниками; его легко сдѣлать и безъ пространныхъ поясненій. Мы имѣемъ китайскія жизнеописанія Чингисхана въ переводахъ Гобиля, Мальи и О. Іакинѳа; это сказанія краткія и сбивчивыя, которыя слѣдовало бы пополнить и пояснить на основаніи общедоступныхъ Китайскихъ сочиненій. Къ нимъ надобно присоединить *Цинь чженъ лу*, старинную біографію Чингисхана, почти совершенно доселѣ неизвѣстную; переводъ ея послѣдуетъ за *Юань чао ми ши*. Монгольскія преданія изложены въ сочиненіи *Сананъ сэцэна*, переведенномъ Шмитомъ, и въ *Алтанъ тобчи*, недавно изданномъ съ русскимъ переводомъ ламы Гомбоева; оба эти сочиненія, проникнутыя буддійскимъ вліяніемъ, не могутъ имѣть важнаго историческаго авторитета. Магометанскія сказанія о Чингисханѣ мы имѣемъ въ переведенныхъ на русскій языкъ сочиненіяхъ *Хондемира* и *Абулгази*, равно въ компиляціи Пти-де-ла-круа и

въ Исторіи Монголъ Д'оссона. Нѣтъ сомнѣнія, что лѣтописи *Рашидъ Эддина*, переводимыя на русскій языкъ нашимъ извѣстнымъ оріенталистомъ Березинымъ, завершатъ и далеко оставятъ за собою всѣ прежнія повѣствованія и исторіи. Думаю, что настоящее монгольское сказаніе не будетъ безполезно для уразумѣнія нѣкоторыхъ подробностей разсказа персидскаго историка, и во всякомъ случаѣ будетъ заимствовать отъ него много свѣта и достовѣрность. Другихъ источниковъ, для сличенія, заслуживающихъ вниманія, я не нахожу.

Имя автора *Юань чао ми ши* неизвѣстно. Впрочемъ, вникая внимательно въ разсказъ ея, я получилъ убѣжденіе, что она есть дѣло не одного лица; по видимому люди, бывшіе свидѣтелями самыхъ событій, или жившіе не далеко отъ времень Чингисхана, слагали, каждый, свои живыя преданія въ общую сумму, которая и излагаема была систематически кистью какого-нибудь грамотнаго монгола. Оттого, въ повѣствованіи, встрѣчаются иногда разнорѣчія и даже противорѣчія; что было неизбѣжно, при отсутствіи правильныхъ современныхъ записей и въ такую тревожную и разнообразную эпоху, какова была жизнь монгольскаго завоевателя. Впрочемъ, подобныхъ недостатковъ въ *Юань чао ми ши*, сравнительно съ другими біографическими памятниками, слишкомъ мало, и они доказываютъ только, съ какою точностью авторъ излагалъ сообщаемыя ему свѣдѣнія.

Нельзя положительно сказать и о времени написанія монгольскаго текста *Юань чао ми ши*. Авторъ, послѣ повѣствованія о Чингисханѣ, посвящаетъ нѣсколько страницъ царствованію Огэдая и, не упоминая объ его смерти, оканчиваетъ свое сказаніе помѣткою, что книга кончена была въ годъ мыши, во время большого собранія на рѣкѣ *Кэрулянь. Сюй сунъ,* въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, не колеблясь, отнотитъ этотъ годъ мыши къ циклическому знаку *гэнь-цзы,* т. е. 1240-му, предпослѣднему въ жизни Огэдая. Но *Вань чу ань дай,* сократитель *Юань чао ми ши,* относитъ время написанія гораздо далѣе, на ошибочныхъ основаніяхъ: онъ говоритъ, что въ переводномъ текстѣ Чингисъ часто называется *Тай цзу* (Великій Предокъ), а это наименованіе въ храмѣ предковъ дано Чингису во 2-й годъ правленія *Чжи да* (1309 г.); слѣдовательно сочиненіе писано уже послѣ сего года; очевидно, что *Вань гуань дай*, принимаетъ переводный китайскій текстъ *Юань чао ми ши* современнымъ монгольскому; притомъ названіе *Тай цзу,* придаваемое Чингисхану, было употребляемо съ первыхъ временъ воцаренія Монголовъ въ Китаѣ[1]); наконецъ, по замѣчанію самаго *Вань гуань дая,* словомъ *Тай цзу* въ китайскомъ переводѣ передано слово *Чингисъ хахань* тоническаго переложенія. Поэтому мнѣніе *Вань гуань дая* не идетъ къ дѣлу. По моему мнѣнію, то обстоятельство, что книга была писана или кончена на одномъ собраніи въ Монголіи,—что въ то время было ежегоднымъ обычаемъ,—доказываетъ, что составленіе настоящей исторіи относится ко временамъ первыхъ четырехъ хановъ; потому что, въ послѣдующія времена, съ раздѣленіемъ дома Чингисханидовъ, не видно болѣе общихъ собраній внутри

---

1) *Юш.* Цз. 4, 7; 7, 2, 14.

Монголіи, особенно на Кэрулунѣ. Можно также указать на простоту и безыскуственность слога *Юань чао ми ши*, качества, которыя подтверждають, что, въ то время, монголы еще не выходили изъ своеобразнаго степного быта.

Слогъ переводнаго текста *Юань чао ми ши* составляетъ особенность, которую нельзя пройти молчаніемъ; онъ-то и былъ причиною забвенія и пренебреженія, въ какомъ, до послѣдняго времени, находилось это сочиненіе. Этотъ слогъ китайскіе ученые называютъ тяжелымъ, грубымъ и деревенскимъ. Многіе изъ нихъ, имѣвшіе случай читать образчики этой монголо-китайской словесности, отзываются объ ней съ презрѣніемъ и насмѣшкою; другіе, болѣе благоразумные, съ удивленіемъ и сожалѣніемъ. Самъ *Цянь да синь*, отдавая справедливость *Юань чао ми ши*, не могъ воздержаться отъ сожалѣнія, что не нашлось искусной кисти для исправленія варварскаго слога сего важнаго творенія. Для ученаго китайца слогъ есть самое важное въ сочиненіи. Дѣйствительно, слогъ *Юань чао ми ши* ниже разговорнаго слога драматическихъ піесъ, повѣстей и сказокъ китайскихъ; притомъ представляетъ идіотизмы, ни въ какихъ другихъ извѣстныхъ сочиненіяхъ не встрѣчаемые. Дѣло въ томъ, что монголы принесли съ собой въ Китай нарѣчіе, которому научились, вѣроятно, на границахъ Китая, и нашли лучшимъ монгольскіе документы и казенныя бумаги переводить этимъ нарѣчіемъ, какъ болѣе способнымъ выразить грамматическія измѣненія монгольской рѣчи, чѣмъ сжатый, неопредѣленный и неудобопонятный для нихъ ученый слогъ китайцевъ. Какъ бы то ни было, можно положить за вѣрное, что всѣ патятники и акты, писанные грубымъ, или, правильнѣе, канцелярскимъ слогомъ, суть переводные съ монгольскаго языка; для подобныхъ переводовъ учреждено было, при Пекинской академіи, особое отдѣленіе. Таковы нѣкоторые манифесты, льготныя грамоты языческимъ монастырямъ, въ особенности же Монгольско-Китайское Уложеніе *Юань чао дянь чжанъ*[1]), состоящее болѣе чѣмъ изъ 2, 000 параграфовъ или статей, въ которыхъ всѣ рѣшенія государя, данныя на монгольскомъ языкѣ, переведены на китайскій этимъ слогомъ, съ постояннымъ однообразіемъ выраженій. Если открываются памятники, писанные обыкновенною китайскою ученою рѣчью, съ монгольскимъ текстомъ, то это вѣрный признакъ, что памятникъ собственно написанъ по-китайски, а монгольскій текстъ есть только тоническое переложеніе китайскихъ звуковъ. Этотъ обычай переводить монгольскій текстъ особымъ слогомъ такъ укоренился въ Китаѣ, что документы, писанные и другими иностранными языками, переводимы были, большею частію, тѣмъ же слогомъ, не только при династіи *Юань*, но также и во время династіи *Минъ*, а магометанскіе писатели въ Китаѣ, и доселѣ, приводя стихъ изъ Алкорана, переводятъ ихъ простонародною китайскою рѣчью. Комитетъ *Хунъ-ву* перевелъ *Юань чао ми ши*, съ незначительною разницею, тѣмъ же самымъ нарѣчіемъ, которое было употребляемо у монголъ, и притомъ перевелъ въ то время, когда еще живы были преданія этой письменности.

---

1) Остается въ рукописи.

Однакожъ, не нужно думать, что подобный слогъ, какъ разговорный, удобенъ для пониманія; въ *Юань чао ми ши* онъ представляетъ для китайскаго читателя большія затрудненія; въ немъ встрѣчаются выраженія или совершенно вышедшія изъ употребленія, или исключительно употреблявшіяся у монголъ въ Китаѣ, или имѣющія совершенно особое значеніе, чѣмъ показываютъ знаки. Если присоединить къ тому особенности разсказа, которыя могутъ быть понятны только для опытнаго монголиста, знакомаго съ бытомъ и нравами монголъ, то не мудрено, что китайскіе читатели не любятъ подобной литературы, и что самые ученые изъ нихъ не въ состояніи вполнѣ понягь ея смысла. Это можетъ показаться страннымъ, однакожъ совершенно справедливо.

Простонародное нарѣчіе *Юань чао ми ши* удобно для полнаго выраженія монгольскихъ періодовъ рѣчи, но за то монгольскія понятія перелагаются на китайскій ладъ; такъ напримѣръ, пища вездѣ переводится выраженіемъ *ча фань*, т. е. чай и каша, и т. п. Есть и другіе недостатки, касающіеся собственно перевода: такова неполнота въ изчисленіи названій лицъ и мѣстъ; напримѣръ, говоря о нѣсколькихъ лицахъ, переводный текстъ называетъ только первое и прибавляетъ частицу *дэнъ*, и прочія, тогда какъ въ тоническомъ текстѣ перечисляются всѣ лица. Нѣкоторые изъ сихъ пропусковъ, болѣе важные, можно было пополнить помощію сокращенія *Вань гуань дая*. Въ другихъ случаяхъ, въ переводномъ текстѣ, употреблены общепринятыя въ Китаѣ собственныя названія, не такъ какъ въ тоническомъ текстѣ; напримѣръ, гиньское племя вездѣ называется *Нюй чжинь*, тогда какъ, по другимъ указаніямъ, въ тоническомъ текстѣ писано *Чжурчжи* или *Чжурчжитъ*. Впрочемъ такихъ разногласій мало.

Всѣ собственныя наименованія, въ переводномъ текстѣ, по правилу, установленному комитетомъ Хунъ *ву*, переложены опредѣленными условными знаками; для выраженія звуковъ *р* и *г*, которыхъ нѣтъ въ китайскомъ языкѣ, употреблены знаки, читающіеся *эрръ, ло, лу, ли, лэ, ла*, съ присоединеніемъ, съ лѣвой стороны, значка *шэ* (языкъ): это указываетъ, что тѣ знаки надобно читать *р*, ро, *ру*, и т. д.; для выраженія го, при знакѣ *хо* ставится значекъ *чжунъ* (средина); для выраженія звука *ха*, также не имѣющагося въ китайскомъ языкѣ, присоединяется къ знаку *хо* значекъ *коу* (ротъ); для указанія, что знакъ надобно читать какъ отдѣльную согласную, чего не допускаетъ китайскій языкъ, подобный знакъ пишется вдвое меньше знаковъ текста и ставится нѣсколько въ сторонѣ. Такимъ образомъ, Бо лэ чжи ги дай мѣ эрръ гань, надобно читать *Бор чжи ги дай мэр гань;* Аньбахай—*Ань ба гай;* Кэ кэ сѣ у са бу ла хэ —*Кэксэусабрахъ*. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы, и при подобномъ способѣ переложенія, монгольскія названія были точны, тѣмъ болѣе, что Пекинскій экземпляръ *Юань чао ми ши,* какъ копія съ Нанкинскаго оригинала, не вездѣ однообразенъ въ названіяхъ. Не говоря о болѣе существенныхъ трудностяхъ текста, которыя будутъ отмѣчены въ своемъ мѣстѣ, нельзя не пожелать пріобрѣтенія тоническаго текста *Юань чао ми ши* для порвѣки переводнаго.

При переводѣ на русскій языкъ *Юань чао ми ши,* употреблено было стараніе сохранить въ возможной точности рѣчь подлинника. Я присоединилъ филологическія и другія, какія могъ сдѣлать, поясненія для полнаго уразумѣнія текста, имѣя въ виду не столько соглашеніе разсказа *Юань чао ми ши* съ другими сказаніями, сколько разъясненіе разсказываемыхъ въ ней событій.

Настоящее введеніе къ моему переводу можетъ показаться длиннымъ, какъ и примѣчанія мои къ тексту мелочными; но я считаю подобныя подробности необходимымъ условіемъ добросовѣстнаго труда и желаю поставить читателя въ полную независимость отъ переводчика.

Вначалѣ, предками Монгольскаго дома [1]) были: небомъ рожденный [2]) бурый волкъ, да сивая лань [3]); сочетавшись между собою они вмѣстѣ переплыли воду, называемую *Тэнъ-гi-сы*[4]), достигли вершины рѣки, называемой *Онанъ*, и поселились у горы [5]) по имени *Бурханъ* [6]); здѣсь они произвели на свѣтъ человѣка, по имени *Батачиханъ* [7]).

У *Батачиханя* былъ сынъ, по имени *Тамача* [8]); у *Тамачи* сынъ, по имени *Хоричармъргань*; у *Хоричармъргана* сынъ *Аучжанъбороунъ*; у *Аучжанъбороуня* сынъ *Салихачау*; у *Салихачау* сынъ *Ѣкэнидунъ*; у *Ѣкэнидуня* сынъ *Синьсочи*; у *Синьсочи* сынъ *Харчу*. У Харчу былъ сынъ *Борчжигидаймъргань*; у *Борчжигидаймъргана* жена называлась *Манхолчжиньхоа*; рожденный ею сынъ назывался *Торохолчжинь-боянъ*. У *Торохолчжиня* жена называлась *Борохчиньхоа*; у нихъ былъ одинъ мальчикъ[9]), домашнiй рабъ, по имени *Боролдайсуялби*; были также два добрыхъ мерена: одинъ *Таиръ*, другой *Боро* [10]). У *Торохолчжиня* родились два сына: *Дувасохоръ* и *Добэнъмъргань*.

У *Дувасохора* былъ во лбу одинъ только глазъ [11]), которымъ онъ могъ видѣть мѣстность и предметы за три переѣзда. Въ одинъ день *Дувасохоръ* съ братомъ своимъ *Добэнъмърганемъ* поднялись на гору *Бурханъ*. *Дувасохоръ* съ вершины той горы увидѣлъ, что по берегу рѣки, называемой *Тунгэли* [12]), внизъ по теченiю ея, перекочевывала толпа народа. *Дувасохоръ* сказалъ: «Въ той толпѣ перекочевывающаго народа есть одна черная кибитка: на переди ея [13]) сидитъ прекрасная дѣвица; если она еще не замужемъ [14]), сосватать бы ее за брата моего *Добэнъмъргана*». Поэтому онъ велѣлъ *Добэнъмъргану* ѣхать туда и посмотрѣть. *Добэнъмъргань* подъѣхалъ къ толпѣ народа и посмотрѣлъ. Дѣвица называлась *Аланъхоа*, дѣйствительно оказалась красавицей и еще не замужемъ. Народъ же тотъ составлялъ домъ *Хорилартаймъргань*. Въ прежнее время владѣтель урочища [15]) *Колбархучжинь*, по имени *Бархудаймъргань*, имѣлъ дочь, именемъ *Бархучжиньхоа*, которую онъ выдалъ за боярина [16]) *Хорилартаймъргана* изъ улуса [17]) *Хоритумадунь*. Отъ сего брака, въ урочищѣ *Алихъ-усунь* и родилась эта дѣвица, именемъ *Аланъхоа*. Причиной же перекочевки *Хорилартаймъргана* было то, что когда община [18]) его положила запретъ на ловлю соболей и бѣлокъ въ урочищѣ *Хоритумадунь* [19]), онъ огорчился этимъ и, услышавъ, что въ горѣ *Бурханъ* звѣри водятся въ изобилiи, поднялъ весь домъ свой и перешелъ къ владѣтелю[20]) горы *Бурханъ*, по имени *Шиньчибоянъ*, и такимъ образомъ составилъ особую фамилiю *Хориларъ*. Вотъ какъ и случилось, что *Добэнъмъргань* взялъ себѣ въ жены *Аланъхоа*.

Аланъхоа, по выходѣ замужъ за *Добэнъмъргана*, родила двухъ сыновей, одинъ

назывался *Бугунэтай*, другой *Бѣлгунэтай*. У старшаго брата *Добэньмърганева*, *Дувасохора*, было четыре сына [21]). Всѣ они жили вмѣстѣ, но, когда *Дувасохоръ* померъ, четыре сына его перестали обращаться съ *Добэньмърганемъ* какъ съ дядей своимъ, покинули его и, отдѣлившись, ушли и составили фамилію *Дорбянь* [22]).

Впослѣдствіи *Добэньмъргань*, отправившись однажды на охоту за звѣрьми въ гору, называемую *Тохочахъ-ундуръ*, встрѣтилъ въ лѣсу человѣка изъ улуса *Урянха* [23]), который жарилъ тутъ бедра и потроха убитаго имъ трехгодовалаго оленя. *Добэньмъргань* попросилъ у него мяса; *Урянха*, оставивъ для себя брюшину и легкія, все остальное мясо отдалъ *Добэньмъргарю*. *Добэньмъргань*, навьючивъ на лошадь добытое имъ оленье мясо, возвращался домой и на дорогѣ повстрѣчался съ однимъ бѣднякомъ, который шелъ, ведя съ собою мальчика сына. *Добэньмъргань* спросилъ его: «Ты что за человѣкъ?» — Онъ отвѣчалъ: «Я изъ рода *Маалихбоядай*; теперь я обѣднѣлъ; отдай мнѣ это оленье мясо, а я отдамъ тебѣ вотъ этого сына». *Добэньмъргань* отдалъ ему мясо съ задней ноги оленя, на промѣнъ сына его, взялъ мальчика съ собою и сдѣлалъ его у себя въ дому прислужникомъ.

По смерти *Добэньмъргання* жена его, *Аланъхоа*, еще родила трехъ сыновей: одинъ назывался *Бухухатаги*, другой *Бухатусалчжи*, третій *Бодуаньчаръ*. Родившіеся при жизни *Добэньмъргання* два сына, *Бѣлгунэтай* и *Бугунэтай*, наединѣ толковали между собою: «У матери нашей нѣтъ ни братьевъ мужа [24]), ни мужа, а она родила этихъ трехъ сыновей; въ дому у насъ только одинъ человѣкъ, что изъ дома *Маалихбоядай*; ужъ не съ нимъ ли они прижиты» [25])? Когда они такъ говорили, мать ихъ то провѣдала.

Въ одинъ день, весной, мать ихъ, *Аланъхоа*, заваривъ зимой заколотаго барана [26]), позвала пятерыхъ сыновей своихъ и усадивъ ихъ рядомъ, каждому изъ нихъ дала по стрѣлѣ и приказала переломить: всѣ они переломили; потомъ, связавъ пять стрѣлъ вмѣстѣ, приказала переломить, но ни одинъ изъ пятерыхъ сыновей не могъ переломить [27]).

Тогда мать ихъ, *Аланъхоа*, сказала: «Дѣти, *Бѣлгунэтай* и *Бугунэтай!* Вы оба сомнѣваетесь, отъ кого мною рождены были эти три сына, и сомнѣваетесь вправду, Вы не знаете, что каждую ночь ходилъ ко мнѣ, черезъ верхнее отверстіе юрты и сквозь дверь, тамъ гдѣ свѣтитъ, [28]) человѣкъ золотистаго цвѣта и гладилъ меня по брюху; исходившій отъ него свѣтъ проникъ въ мою утробу; уходя [29]) же отъ меня, онъ взбѣгалъ по лучамъ свѣтилъ [30]), словно желтый песъ. Перестаньте же толковать пó-пустому. По всему видно, что они дѣти неба и ихъ нельзя сравнивать съ простыми людьми. Когда они сдѣлаются царями, да князьями [31]), тогда только узнаете» [32]).

Потомъ *Аланъхоа*, наставляя дѣтей, говорила имъ: «Всѣ вы, пятеро, рождены изъ моей утробы. Если вы, подобно этимъ пяти стрѣламъ, будете итти порознь, то всякому легко будетъ сломать васъ; а если будете жить единодушно, то будете подобно этимъ пяти стрѣламъ, связаннымъ вмѣстѣ; другимъ легко ли будетъ сломить васъ?» Впослѣдствіи мать ихъ, *Аланъхоа*, скончалась.

По смерти матери, *Аланьхоа*, четыре брата: *Бѣлунэтай, Бугунэтай, Бухухатаги* и *Бухатусалчжи*, раздѣлили между собою имущество, принадлежавшее пяти братьямъ вмѣстѣ, и, считая *Бодуаньчара* глупымъ и слабымъ, поступили съ нимъ не по-братски и не удѣлили ему ничего изъ имѣнія.

Бодуаньчаръ, видя, что старшіе братья поступаютъ съ нимъ не по-братски, сказалъ: «Для чего мнѣ жить здѣсь? Уйду отсюда; умру, такъ умру; останусь живъ, такъ буду жить.» Вслѣдствіе сего, онъ сѣлъ на сивую лошадь, съ потертой спиной и съ голымъ паршивымъ хвостомъ, и поѣхалъ по теченію рѣки *Онанъ*; пріѣхавъ въ урочище *Балчжуньала,* онъ построилъ здѣсь для себя шалашъ и поселился.

Проживая такимъ образомъ, *Бодуаньчар* увидѣлъ однажды молодого кречета, который поймалъ тетерева; онъ придумалъ хитрость: вырвавъ изъ хвоста лошади нѣсколько волосъ, сдѣлалъ изъ нихъ силки; поймалъ ими кречета и вскормилъ его, *Бодуаньчаръ* не имѣя что ѣсть, стрѣлялъ звѣрей, когда волки окружали ихъ у горныхъ утесовъ [33]), или подбиралъ остатки отъ съѣденнаго волками и тѣмъ кормилъ себя и кречета. Такъ прожилъ онъ зиму.

Съ наступленіемъ весны, налетѣли гуси и утки. *Бодуаньчаръ* морилъ кречета голодомъ, потомъ пускалъ его на летъ и добывалъ много гусей и утокъ; чего не съѣдалъ, то вѣсилъ на сухія деревья, гдѣ оно и гнило [34]).

За горою, называемою *Дуилянь* жилъ народъ, перекочевывавшій по берегу рѣки *Тунгэли; Бодуаньчаръ,* охотясь съ кречетомъ, каждый день доходилъ до жилища этого народа напиться кобыльяго молока, а вечеромъ возвращался на ночлегъ въ свой шалашъ. Тѣ люди просили у *Бодуаньчара* его кречета; но *Бодуаньчаръ* не отдавалъ его; между тѣмъ, ни та, ни другая сторона, не спрашивали другъ у друга ни объ имени, ни о прозваньи, и такъ проживали.

Впослѣдствіи старшій братъ *Бидуаньчара, Бухухатаги,* отправился искать его внизъ по рѣкѣ *Онанъ;* достигши берега рѣки *Тунгэли,* онъ встрѣтился съ тѣмъ народомъ и спросилъ: Не былъ ли здѣсь такой-то человѣкъ, верхомъ на такой-то лошади? Народъ отвѣчалъ: «Есть такой человѣкъ, съ такою лошадью, какъ ты спрашиваешь; у него есть еще кречетъ, съ которымъ онъ охотится; днемъ онъ приходитъ къ намъ сюда пить кобылье молоко; а гдѣ проводитъ ночь—не знаемъ; только, когда подуетъ сѣверозападный вѣтеръ, сюда несутся перья и пухъ гусей и токъ, словно снѣгъ [35]); должно быть, онъ и живетъ въ той сторонѣ. Теперь настоящая пора, когда онъ приходитъ сюда каждый день; ты обожди не много». Нѣсколько времени спустя, завидѣли приближавшагося къ нимъ человѣка; дѣйствительно, то былъ *Бодуаньчаръ*. Братъ, узнавъ его, взялъ его съ собой и отправился обратно.

Бодуаньчаръ, слѣдуя за братомъ, и похлестывая лошадь, сказалъ: «Хорошо, когда на тѣлѣ человѣка есть голова, а на платьѣ воротникъ». Братъ ничего не отвѣчалъ ему. *Бодуаньчаръ* еще раза два повторилъ тѣ же самыя слова. Тогда только братъ спросилъ его: «Ты два, или три раза повторяешь одно и тоже; что ты хочешь сказать этимъ?» *Бодуаньчаръ* отвѣчалъ: «У тѣхъ людей, что на берегу рѣки

Тунгэли; нѣтъ головы, которая правила бы ими; у нихъ большой и малый равны; легко прибрать ихъ. Намъ овладѣть бы ими». Брать его сказалъ: «Коли такъ, то, пріѣхавъ домой, посовѣтуемся съ братьями, а потомъ пріѣдемъ овладѣть тѣмъ народомъ». Пріѣхавъ домой, братья посовѣтовались. *Бодуаньчару* они велѣли быть передовымъ. *Бодуаньчаръ,* будучи передвымъ, доѣхалъ до того народа; захвативъ одну беременную женщину, онъ спросилъ ее: «Ты изъ какого рода?» Женщина отвѣчала: «Я изъ рода *Чжарчиутъ, Аданханьурянхачжинъ*» [36]). Пятеро братьевъ овладѣли тѣмъ народомъ и возвратились съ нимъ. Посему у нихъ былъ и скотъ [37]), и прислужники на обѣдахъ.

Ту беременную женщину *Бодуаньчаръ* сдѣлалъ своей женой; она родила сына, по имени *Чжачжирабай,* который былъ предкомъ рода *Чжадара* у *Чжачжирадая* былъ сынъ *Тугудай;* у *Тугудая* сынъ *Бурибулчиру;* у *Бурибулчиру* сынъ *Харахадаанъ;* сынъ *Харахадааня* былъ *Чжамуха* [38]), составившій родъ *Джадаланъ.*

Отъ *Бодуаньчара* та жена его родила еще одного сынъ, по имени *Баарыдай* который былъ предкомъ рода *Баалинъ.* У *Баарыдая* былъ сынъ *Чидухулбоко; Чидухулбоко* имѣлъ много женъ и отъ нихъ много дѣтей, отчего и составился родъ *Мѣнянъбаалинъ.*

Бѣлгунэтай составилъ родъ *Бѣлгунэтъ; Бугунэтай* - родъ *Бугунэутъ; Бухухатаги*—родъ *Хатагинъ; Бухатусалчжи*—родъ *Салчжиутъ,* а *Бодуаньчаръ*—родъ *Борчжигинъ* [39]).

Бодуаньчаръ взялъ себѣ еще другую жену и прижилъ съ нею сына, по имени *Бариньшииратухабичи.* За матерью этого *Хабичи* послѣдовала одна женщина, которая сдѣлалась побочною женою *Бодуаньчара* и родила сына по имени *Чжаоурьдай.* При жизни своей, *Бодуаньчаръ* сдѣлать его законнымъ сыномъ и позволилъ ему участвовать въ жертвоприношеніяхъ [40]). Когда же *Бодуаньчаръ* померъ, то *Бариньшииратухабичи* не сталъ обращаться съ *Чжаоурьдаемъ* по братски и говорилъ: «Въ нашъ домъ часто приходилъ человѣкъ изъ рода *Аданхаурянхадай* [41]); можетъ быть, что отъ него онъ прижитъ». Поэтому, во время жертвоприношенія, онъ изгналъ *Чжаоурьдая,* который, впослѣдствіи, составилъ родъ *Чжаоурьитъ.*

Сынъ *Хабичи* назывался *Мѣнянътудунъ;* у *Мѣнянътудуня* было семь сыновей; старшій назывался *Хачикюйлукъ,* второй *Хачинъ,* третій *Хачиу,* четвертый *Хачула,* пятый *Хачиунъ,* шестой *Харандай,* седьмой *Начиньбаатуръ.*

У *Хачикюйлука* былъ сынъ *Хайду;* мать *Хайду* называлась *Намолунъ.* У *Хачиня* былъ сынъ *Наягидай,* названный такъ потому, что любилъ наряжаться бояриномъ; онъ составилъ родъ *Наялъ.* Сынъ *Хачиу* назывался *Барулатай,* потому что родился большимъ ребенкомъ и ѣлъ пищу съ жадностію; онъ составилъ родъ *Барулась.* Сыновья *Хачуры* тоже ѣли пищу съ жадностію; отчего и назвали ихъ: Большой *барула,* и Малый *барула* [42]), *Эрдяньту барула* и *Тодоянъ барула;* эти четыре имени обращены въ названія родовъ. Сынъ *Харандая* вырывалъ у другихъ хлѣбъ и пищу, не различая ни старшаго, ни младшаго, отчего названъ *Будаанъ.*

а родъ его *Будаанътъ.* Сынъ *Хачиуня* назывался *Адардай* [43]); онъ любилъ пересуды и ссорилъ братьевъ, отчего и названъ такъ; онъ составилъ родъ *Адаринъ.* *Начиньбаатуръ* имѣлъ двухъ сыновей: *Уруудая* и *Манхутая,* которые составили два рода: *Урyутъ* и *Манхутъ. Начиньбаатуръ,* отъ взятой имъ жены, имѣлъ еще двухъ сыновей: *Шичжуудая* и *Дохоладая.*

У *Хайду* родились три сына: *Бошинъхордохшинъ, Чарахайлинху* и *Чаочжиньортѣгай.* У *Бошинъхордохшиня* былъ одинъ сынъ, по имени *Туньбинайсѣчань; Чарахайлинху* имѣлъ сына, по имени *Сянкуньбилгэ;* у *Сянкуньбилгэ* былъ сынъ, по имени *Аньбахай;* изъ сего составился родъ *Дайичиутъ. Чарахайлинху,* взявъ за себя жену старшаго брата, имѣлъ отъ нея сына, по имени *Бѣсутай,* который составилъ родъ *Бѣсутъ.* У *Чаочжиньортѣгая* было шесть сыновей: *Оронаръ, Хуанхотанъ, Арулатъ, Сюѣнитъ, Хабтурхаху* [44]). и *Хенигэсы;* они составили шесть особыхъ родовъ тѣхъ именъ.

У *Туньбинайсѣчаня* было два сына: *Хабульхаханъ* и *Синьсѣчилъ;* у послѣдняго былъ сынъ *Бултѣчубаатуръ.* У *Хабула* было семь сыновей, по именамъ *Окиньбархахъ, Бартаньбаатуръ, Хутухтумунгуръ, Хутулахаханъ, Хуланъ, Хадаанъ* и *Тодояньотчигинъ.* У *Окиньбархаха* былъ сынъ *Хутухтучжурки; Хутухтучжурки* имѣлъ двухъ сыновей: *Сѣчэбѣки* и *Тайчу,* которые составили родъ *Чжурки* У *Бартаньбаатура* было четыре сына: *Мангэтукиянъ, Нѣкуньтайцзы, Ѣсугайбаатуръ* и *Даритайочигинъ. Хутухтумунгуръ* имѣлъ одного сына, по имени *Бурибоко;* это тотъ самый *Бурибоко,* который, во время пиршества на берегу рѣки *Онанъ,* разсѣкъ плечо *Бѣлгутаю,* брату *Чингиса* [45]). У *Хутулахаханя* было три сына: *Чжочи, Гирмау* и *Алтанъ.* У сына *Хуланьбаатурова,* по имени *Ѣкэчжэлянъ,* были два раба: *Бадай* и *Кишилихъ;* оба они, впослѣдствіи, при *Чингисѣ,* сдѣланы были боярами *Таларханъ* [46]). Только у *Хадааня* и *Тодояня* не было потомковъ.

Народами *Дада* [47]) правилъ царь *Хабулъ* [48]). Хотя у *Хабульхаханя* было семеро сыновей, но ни которому изъ нихъ онъ не ввѣрилъ управленія, а передалъ оное *Аньбахаю* [49]), сыну *Сянкуньбилгэ.*

Между озерами *Буюйръ* и *Колянъ* [50]) протекаетъ рѣка, называется *Уршиунъ* [51]); по этой рѣкѣ обиталъ особый родъ *татаръ* [52]). *Аньбахай,* отдавая имъ замужъ свою дочь, самъ проводилъ ее; а *татары* схватили и отправили его къ *Гиньцамъ* [53]). При отправленіи, онъ говорилъ *Барахачи,* человѣку изъ рода *Бѣсу,* возвращавшемуся домой: «Ты передай среднему изъ семи сыновей *Хабульхаханя, Хутулъ,* да изъ моихъ десяти сыновей, *Хадааньтайцзы* [54]), мои слова: Я, владѣлецъ народовъ, провожая дочь, былъ схваченъ. На будущее время, да послужу вамъ зарокомъ: хотя бы вамъ пришлось стереть всѣ ногти на пяти пальцахъ и потерять всѣ десять пальцевъ [55]), мстите за насъ!»

Въ то время, отецъ *Чингиса, Ѣсугайбаатуръ,* охотясь съ соколомъ у рѣки *Онанъ,* завидѣлъ человѣка изъ рода *Мѣрки,* по имени *Ѣкэчилѣду,* который везъ жену, взятую имъ изъ рода *Олхунэ* [56]). *Ѣсугайбаатуръ,* усмотрѣвъ, что эта-

женщина была красавица, немедленно съѣздилъ домой и снова вернулся со старшимъ братомъ своимъ *Нѣкуньтайцы* и младшимъ *Даритайотчигинь*.

Когда братья подъѣзжали, *Ѣкэчилѣду*, завидѣвъ ихъ, испугался, ударилъ коня своего и переѣхалъ одинъ хребетъ, обогнулъ горную распадину и вернулся къ телѣгѣ своей жены. Жена его говорила: Видъ этихъ трехъ человѣкъ весьма [57]) недобрый; они непремѣнно убьютъ тебя; удались скорѣе. Если сохранишь свою жизнь, пусть будетъ у тебя жена похожая на меня; коли будешь помнить обо мнѣ, то назови другую жену свою моимъ именемъ.» Сказавъ это, она сняла съ себя рубаху и отдала ее ему на память о себѣ [58]). *Ѣкэчилѣду*, сидя на конѣ, только что принялъ рубаху, увидѣвъ приближавшихся *Ѣсугайбаатура* съ братьями, ударилъ коня и ускакалъ вверхъ по рѣкѣ *Онанъ*.

Ѣсугайбаатуръ съ братьями погнался за *Ѣкэчилѣду*; они переѣхали семь хребтовъ [59]), но не догнавъ его вернулись назадъ и окруживъ ту женщину, повезли ее; *Ѣсугай* тащилъ [60]) кибитку; *Нѣкуньтайцзы* ѣхалъ впереди, а *Даритай* подлѣ оглобли. Эта женщина, по имени *Хоэлунь*, плача, говорила: «Мужъ мой! Вѣтеръ не развѣвалъ волосъ на головѣ твоей; желудокъ не терпѣлъ голода [61]); а теперь, какъ бѣжалъ, какіе труды будешь переносить». Вопли ея потрясали воду рѣки *Онанъ* и лѣсъ, растущій по долинѣ. *Даритайотчигинъ* говоритъ той женщинѣ: «Твой мужъ переѣхалъ уже много хребтовъ, переправился черезъ много рѣкъ; хоть плачь, а онъ ужъ не обернетъ головы своей назадъ; ищи его слѣдовъ, не увидишь; перестань же вопить; не плачь.» Такимъ образомъ, привезли ее домой и отдали въ жены *Ѣсугайбаатуру*.

Такъ какъ Царь *Аньбахай*, во время плѣненія своего, упомянулъ имена *Хадааня* и *Хутулы*, то народы *Дада Дайчиу* собрались при рѣкѣ *Хорхона* [62]), и поставили царемъ *Хутулу* [63]). По этому случаю, подъ большимъ деревомъ устроили пиръ; народы *Дада* [64]) веселились и прыгали кругомъ этого дерева до того, что протоптали глубокую рытвину.

Хутула, сдѣлавшись царемъ, вмѣстѣ съ *Хадаантайзцы* ходилъ противъ *татаръ* выполнять месть; тринадцать разъ онъ бился съ *Котуаньбараха* и *Чжамибухуа*, но все еще не довольно отмстилъ.

Во время битвы съ *татарами Ѣсугайбаатуръ* взялъ въ плѣнъ у нихъ *Тѣмучжиньугэ* и *Хорибухуа*. Въ это время беременная жена *Ѣсугайбаатура*, *Хоэлунь*, на берегу рѣки *Онанъ*, при горѣ *Дѣлиуньболдахъ* [65]), родила *Чингиса* [66]); онъ родился, держа въ правой рукѣ комокъ крови, похожій на животный камень [67]). Какъ онъ родился въ то время, когда взятъ былъ въ плѣнъ *Тѣмучжиньугэ*, то и назвали его *Тѣмучжинемъ*. *Хоэлинь* родила четырехъ сыновей: *Тѣмучжиня*, *Хасара*, *Хочиуня* и *Тѣмугэ*, и одну дочь, по имени *Тѣмулунь*. Когда *Тѣмучжиню* было девять лѣтъ, *Хасару* было семь, *Хочиуню* пять, *Тѣмугэ* три, а *Тѣмулунь* была еще въ колыбели.

Когда *Тѣмужиню* было девять лѣтъ, отецъ его, *Ѣсугай*, повезъ его къ дядьямъ по матери, въ родъ *Олхуна*, просить дѣвицы въ жены *Тѣмучжиню* [68]); доѣхавъ

до мѣста, что между горами *Чэксаръ* и *Чихургу* онъ повстрѣчалъ *Дэсъчаня,* человѣка изъ рода *Унгира*[69]). *Дэсъчанъ* спросилъ его: «Сватъ *Ѣсугай!* Ты куда ѣдешь?»—*Ѣсугай* отвѣчалъ: «Ѣду къ дядьямъ по матери этого сына, къ роду *Олхуна* просить дѣвицы».—*Дэсъчанъ* сказалъ: «У этого сына твоего блестящіе глаза и свѣтлое лицо. Вчера мнѣ приснилось, будто бѣлый соколъ, держа въ лапахъ солнце и луну, слетѣлъ и сѣлъ ко мнѣ на руку. Я и говорю другимъ: солнце и луну мы только видимъ очами; а теперь этотъ бѣлый соколъ, держа солнце и луну, слетѣлъ ко мнѣ на руку; навѣрно, это доброе предвѣстіе. Сватъ *Ѣсугай!* На ту пору ты пріѣхалъ съ этимъ сыномъ своимъ и разгадалъ мой сонъ[70]). Вѣрно, онъ предвѣщаетъ счастье для васъ, *Киянъ*[71])! Нашъ домъ, *Унгира,* въ прежніе дни, не спорилъ съ другими ни о земляхъ, ни о народахъ; у насъ были только красивыя дочери, которыхъ мы представляли въ вашъ царскій домъ, а вы дѣлали ихъ царицами и царскими женами[72]). Когда сватаютъ, то у жениха смотрятъ бытъ и состояніе, а у невѣсты красоту[73]). Сватъ *Ѣсугай!* У меня въ домѣ есть дочь, еще малолѣтняя; поѣдемъ со мной, посмотришь».—Тогда онъ повелъ ихъ къ себѣ.

По прибытіи въ его жилище, *Ѣсугай* увидѣлъ, что дѣвушка была красавица, и въ сердцѣ порадовался. Дѣвушка была десяти лѣтъ, старше *Тѣмучжиня* однимъ годомъ и называлась *Бортѣ*[74]). Въ тотъ день они ночевали у *Дэсъчаня.* На другой день *Ѣсугай* сталъ сватать эту дочь. *Дэсъчанъ* сказалъ: «Развѣ будетъ важнѣе, когда я отдамъ только послѣ долгихъ просьбъ; и значитъ-ли оказать пренебреженіе, если отдамъ послѣ немногихъ просьбъ?[75]). Вѣстимо, что когда родится дѣвушка, то ей не слѣдъ навсегда оставаться въ домѣ[76]). Отдаю свою дочь за твоего сына, а ты оставь его здѣсь женихомъ». Обѣ стороны согласились. *Ѣсугай* сказалъ: «Мой сынъ боится собакъ; не позволяй собакамъ пугать его».—Затѣмъ, оставивъ, одну заводскую лошадь, въ знакъ заключеннаго сватовства, онъ уѣхалъ.

На возвратномъ пути *Ѣсугай,* доѣховъ до урочища *Чэкчэръ,* встрѣтилъ *Татаръ,* которые устроили тамъ пиръ. Чувствуя отъ пути и голодъ и жажду, онъ сошелъ съ коня и остановился у нихъ. Къ несчастію, *Татары* узнали его и говорили: «*Ѣсугай-киянъ* пріѣхалъ»! Вспомнивъ, что онъ нѣкогда полонилъ ихъ людей, они, въ отмщеніе, тайно приготовили отраву и накормили его оною. *Ѣсугай* сѣвъ на коня и продолжая путь, почувствовалъ себя нездоровымъ; чрезъ три дня, онъ пріѣхалъ домой и болѣзнь его усилилась. *Ѣсугай* сказалъ: «Въ сердцѣ у меня боль; кто близъ меня»? Въ это время случился тутъ сынъ старика *Чараха, Мунликъ;* позвавъ его къ себѣ, *Ѣсугай* сказалъ ему: «Мои дѣти молоды и малы. Я отвозилъ *Тѣмучжиня,* чтобы сосватать за него невѣсту и на возвратномъ пути, у *Татаръ,* тайно отравленъ; въ сердцѣ у меня весьма не хорошо. Повидай моихъ братьевъ и снохъ; тебѣ завѣщаю это[77]); а сына моего *Тѣмучжиня* поскорѣе приведи ко мнѣ».—Сказавъ это, онъ умеръ.

Мунликъ, повинуясь приказанію *Ѣсугая,* отправился къ *Дѣсечаню* и говорилъ ему: «*Ѣсугай* чрезвычайно тоскуетъ по *Тѣмучжинѣ;* онъ послалъ меня взять его»[78]), *Дэсъчанъ* сказалъ: «Коли онъ тоскуетъ по сынѣ, пусть *Тѣмучжинъ* отправится и,

повидавшись съ нимъ, возвратится сюда».—*Мунликъ*, взявши *Тѣмучжиня,* вернулся домой.

Въ тотъ годъ [79]), весной, когда двѣ жены царя *Аньбахай*, *Орбо* и *Сохатай*, приносили жертву [80]) предкамъ, *Хоэлунь* опоздала и ей не дали жертвенныхъ яствъ [81]). *Хоэлунь* сказала имъ: «*Ѣсугай* померъ, и мои дѣти ужъ не подростутъ [82]); почему же вы не даете доли священнаго мяса большимъ? Коли не даете теперь яствъ, которыя я вижу своими глазами, то, значитъ, поднимаясь съ кочевья, не повѣстите и не позовоте меня съ собою» [83])—*Орбо* и *Сохатай* сказали: «Не приходится просить и звать тебя; гдѣ найдешь пищу, тамъ и ѣшь. Знать потому, что Царь *Аньбахай* померъ, слышимъ мы отъ *Хоэлунь* такія рѣчи. Сказать по правдѣ[84]), лучше покинуть эту мать съ дѣтьми въ кочевьѣ и не позволять ей итти съ нами.»—На другой день, *Тархутай-Кирилтухъ* и *Тодоянь-Гиршь* [85]), поднимаясь съ кочевья, дѣйствительно покинули мать и дѣтей. Старикъ *Чараха* отговаривалъ ихъ; но *Тодоянь Гиршь* сказалъ: «Глубокая вода высохла, свѣтлый [86]) камень разбился»[87]); и, не слушая его увѣщаній, поднялись; мало того, они ткнули старика *Чараху* въ спину разъ копьемъ.

Когда раненый старикъ *Чараха* лежалъ у себя дома, *Тѣмучжинь* навѣстилъ его. Старикъ сказалъ ему; «Они увели съ собой собранный отцомъ твоимъ народъ и нашихъ людей [88]); когда я отговаривалъ ихъ, они меня поранили».—*Тѣмучжинь,* заплакавъ, ушелъ. *Хоэлунь* сама сѣла на коня и, приказавъ людямъ взять копья съ кистями [89]), во главѣ ихъ отправилась въ погоню; она остановила половину народа [90]), но остановленная половина людей тоже не захотѣла оставаться; всѣ ушли вслѣдъ за *Дайичиу*.

Когда братья *Дайичиутъ* покинули *Хоэлунь* съ дѣтьми, *Хоэлунь,* женщина чрезвычайно разумная, собирала плоды, да вырывала коренья и тѣмъ питала дѣтей своихъ. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ воспитанныя ею дѣти подросли; всѣ они имѣли признаки царскаго и княжескаго достоинства.

Когда дѣти *Хоэлунь,* воспитанныя на растѣніяхъ, подросли и преуспѣли, то уже осмѣливались состязаться съ другими. Чтобы прокормить свою мать, надѣлали изъ иголъ удочки и удили рыбу въ рѣкѣ *Онанъ;* связавъ также сѣти, они ловили рыбу, и такъ питали свою мать.

Однажды братья; *Тѣмучжинь,* *Хасаръ,* *Бѣктѣръ* и *Бѣлутай* [91]), въ-четверомъ, вмѣстѣ сидѣли и удили рыбу; *Тѣмучжинь* удочкой своей поймалъ рыбку золотистаго цвѣта; братья его отъ другой матери, *Бѣктѣръ* и *Бѣлутай,* отняли ее у него. *Тѣмучжинь* и *Хасаръ,* воротившить домой, говорили матери: «Мы поймали золотистаго цвѣта рыбку, а *Бѣктѣръ* и *Бѣлутай* отняли ее у насъ».—Мать ихъ сказала имъ: «Вы, братья, зачѣмъ такъ поступаете?»—Потомъ иносказательно говорила имъ: «У насъ [92]), кромѣ собственной тѣни, нѣтъ друзей; опричь хвоста, (лошадинаго) нѣтъ плетки[93]). Когда мы въ силахъ отмстить братьямъ *Дайичиу* запричиненное намъ горе, зачѣмъ вы, подобно пяти сыновьямъ княгини *Аланъ* [94]), не ладите между собою? Перестаньте такъ поступать».—*Тѣмучжинь* съ *Хасаромъ,*

огорчился такими словами матери и говорилъ еще: «Намедни, я подстрѣлилъ птичку, они отняли ее у меня; сегодня отняли тоже пойманную мной рыбу; если все будетъ такъ, то какъ намъ жить вмѣстѣ?» Послѣ сихъ словъ, оба брата отбросили дверную занавѣску[95]) и вышли. Въ это время *Бѣктъръ* сидѣлъ на холмѣ и пасъ коней. *Тѣмучжинъ* подкрался къ нему сзади, а *Хасаръ* спереди; они вынули стрѣлы и намѣревались застрѣлить его. *Бѣктъръ* замѣтилъ ихъ и сказалъ имъ: «Намъ тяжело переносить горе, причиненное намъ братьями *Байичиутъ;* какъ бы отомстить имъ? Зачѣмъ вы хотите поступить со мной, какъ съ волосомъ въ глазу, или занозой во рту? Но пусть я умру; не покиньте только моего *Бѣлгутая*». Сказавъ это, онъ сѣлъ, поджавъ ноги, и ждалъ ихъ стрѣлъ. *Тѣмучжинъ* съ братомъ, спереди и сзади, застрѣлили его до смерти.

Когда *Тѣмучжинъ* и *Хасаръ* вернулись домой, мать ихъ, *Хоэлунъ,* по выраженію лицъ ихъ, догадалась и сказала: «Ты *Тѣмучжинъ,* родившись, держалъ въ рукѣ комокъ черной крови. Вы, что собаки, пожирающіе мѣсто; лютые звѣри' бросающіеся на скалу; львы [96]), кипящіе неукротимымъ гнѣвомъ; удавы [97]), глотающіе добычу живьемъ; соколы, бросающіеся на тѣнь; большія рыбы, пожирающія молча; бѣшеные верблюды [98]), кусающіе пяты заднихъ ногъ у собственныхъ верблюжатъ; волки, губящіе подъ вѣтромъ и снѣгомъ; турпаны [99]), которые, не могши прогнать отъ себя птенцовъ своихъ, заѣдаютъ ихъ; шакалы [100]), сторожащіе свою берлогу; тигры, стремительно хватающіе добычу; птицы и звѣри, безумно бросающіеся на добычу. У васъ, кромѣ тѣни, нѣтъ товарищей; кромѣ хвоста лошадинаго; нѣтъ плетки; горе причиненное намъ братьями *Дайичиутъ,* невыносимо; когда думать бы о средствахъ отомстить врагамъ, вы какъ переносите это, и потомъ такъ поступаете?»—Такъ-то *Хоэлунъ,* приводя слова старыхъ людей, укоряла сыновей своихъ.

Черезъ нѣсколько времени, *Дайичиутъ Кирилтухъ* сказалъ: «Покинутые нами *Тѣмучжинъ* и другія дѣти съ матерью, вѣрно, теперь уже оперились какъ птичьи птенцы, и подросли, подобно дѣтенышамъ звѣрей.» Взявъ съ собой товарищей, они наѣхали разузнать. *Тѣмучжинъ* съ матерью, завидѣвъ пріѣздъ ихъ, испугались; *Бѣлгутай* въ густомъ лѣсу наломалъ деревьевъ и устроилъ засѣку, а *Хачиуня, Тѣмугэ* и *Тѣмулунъ,* троихъ малыхъ, спряталъ въ разщелинѣ скалы; *Хасаръ* перестрѣливался *Дайичиутъ; Дайичиутъ* громко крикнули ему: «Намъ надо только твоего старшаго брата, *Тѣмучжиня,* а другихъ людей не надобно».—Устрашенный тѣмъ, *Тѣмучжинъ* сѣлъ на лошадь и пустился въ горный лѣсъ; *Дайичиутъ,* замѣтивъ это, погнались за нимъ и преслѣдовали до горы *Тѣргунъ; Тѣмучжинъ* углубился въ густой лѣсъ, а *Дайичиу,* не могши въѣхать туда же, окружили лѣсъ и стерегли.

Тѣмучжинъ, пробывъ въ густомъ лѣсу трое сутокъ, повелъ подъ устцы лошадь и хотѣлъ выйти изъ лѣса, какъ сѣдло съ лошади упало на землю; обернувшись, онъ увидѣлъ, что шлея на груди и подпруга, по-прежнему, застегнуты, и сказалъ: «Сѣдло можетъ спасть, хоть подпруга и застегнута; но когда нагрудная шлея

застегнута, то какъ можно сѣдлу самому упасть? Вѣрно, само Небо останавливаетъ меня».—Онъ воротился и еще прожилъ три дня. Потомъ, когда хотѣлъ выйти при выходѣ изъ густаго лѣса, упалъ большой бѣлый камень, въ видѣ юрты, и загородилъ путь. *Тѣмучжинъ* опять сказалъ: «Вѣрно, Небо останавливаетъ меня».— Онъ снова вернулся и еще провелъ три дня. Всего прожилъ онъ въ лѣсу девять дней сряду, ничего не ѣвши. Напослѣдокъ, онъ сказалъ: «Неужели мнѣ умереть такимъ образомъ, безъ вѣсти? Лучше выйти». Онъ взялъ ножъ, которымъ строгалъ стрѣлы, срѣзалъ имъ деревья, росшія подлѣ заграждавшаго выходъ камня, и, ведя за собой лошадь, сошелъ съ горы. Сторожившіе тутъ люди *Дайчиушъ* тотчасъ схватили и увели его.

Тархутай Кирилтухъ, поймавши *Тѣмучжиня*, объявилъ повелѣніе своему народу, чтобы въ каждомъ станѣ *Тѣмучжиню* жить сутки. Такъ переходилъ онъ изъ одного дома въ другой, до 16-го числа 4-ой луны [101]); въ этотъ день *Дайчиутъ* устроили пиръ на берегу рѣки *Онанъ*. Когда, по захожденіи солнца, разошлись по домамъ, они приказали одному молодому и слабому парню стеречь *Тѣмучжиня*. *Тѣмучжинъ*, видя, что всѣ разошлись, ударилъ того парня краемъ своей колодки въ голову и сшибъ его съ ногъ, а самъ убѣжалъ; добѣжавъ до лѣса, что на берегу рѣки *Онанъ*, онъ внутри его прилегъ; но опасаясь, что его здѣсь увидятъ вошелъ въ стремнину рѣки *Онанъ* и погрузился въ воду тѣломъ, выставивъ наружу только лицо.

Караульный, потерявшій узника, громкимъ голосомъ кричалъ: «Пойманный человѣкъ бѣжалъ!» На крикъ его, разошедшіеся *Дайчиутъ* снова собрались и при свѣтѣ луны, ясномъ какъ днемъ, стали искать *Тѣмучжиня* повсюду, въ лѣсу, по берегу рѣки *Онанъ*. *Сорханьшира*, изъ рода *Сулду-сунъ*, проходя, для обыска, близъ того мѣста рѣки, гдѣ лежалъ *Тѣмучжинъ*, замѣтилъ его и сказалъ ему: «Вотъ за такую-то смѣтливость твою братья *Дайчиутъ* ненавидятъ и преслѣдуютъ тебя. Будь остороженъ и лежи такъ, я не донесу на тебя». Сказавъ это, онъ прошелъ мимо.

Когда *Дайчиутъ*, обыскивая на возвратномъ пути, толковали между собою, *Сорханьшира* сказалъ имъ: «Вы потеряли человѣка днемъ; а теперь, въ темную ночь[102]), какъ искать? Воротимся на прежнее мѣсто и обыщемъ мѣста еще не осмотрѣнныя и разойдемся; а завтра снова соберемся для обыска. Куда уйдетъ этотъ человѣкъ съ колодкой?»[103]) Во время возвратнаго поиска, *Сорханьшира* снова проходилъ прежнимъ мѣстомъ и сказалъ *Тѣмучжиню*: «Теперь мы кончили обыскъ и возвращаемся; завтра опять придемъ искать тебя; теперь когда мы разойдемся, ты уходи и сыщи свою мать и братьевъ; если встрѣтишь кого-нибудь, не говори, что я видѣлъ тебя». Сказавъ это, онъ ушелъ.

Когда всѣ разошлись *Тѣмучжинъ* подумалъ про себя: «Намедни, когда приказано было стеречь меня, по очереди, въ каждомъ становищѣ, во время пребыванія въ домѣ *Сорханьширы*, оба сына его, *Чиньбо* и *Чилаоунъ*, оказали ко мнѣ сожалѣніе; на ночь снимали съ меня колодку и оставляли меня ночевать на свободѣ. Сегодня

Сорханьшира замѣтилъ меня, однакожъ не хотѣлъ сказать о томъ другимъ; не один разъ былъ здѣсь и проходилъ мимо. Пойду къ нему; навѣрно, онъ спасетъ меня».— Вслѣдствіе того онъ пошелъ внизъ по рѣкѣ *Онань* искать *Сорханьширу*.

Жилище его можно было издали узнать по стуку отъ битья кобыльяго молока, который продолжался съ вечера до утра[104]). Прислушиваясь къ этому стуку отъ битья молока, *Тьмучжинъ* дошелъ до жилища *Сорханьширы*. Когда онъ вошелъ, *Сорханьшира* сказалъ: «Я велѣлъ тебѣ итти искать мать и братьевъ твоихъ; зачѣмъ ты сюда пришелъ?».—Сыновья его, *Чиньбо*, и *Чилаоунь* сказали: «Когда пташка, преслѣдуемая *лундоромъ*[105]), прячется въ густую траву, густая трава спасаетъ ей жизнь; если такъ бываетъ отъ травы, то мы будемъ хуже ея, коли не поможемъ человѣку, прибѣгшему къ намъ».—Тогда, они сняли съ *Тьмучжиня* колодку и сожгли ее, а его спрятали въ возъ съ овечьей шерстью, стоявшій назади жилья и поручили сестрѣ своей, *Хадаань*, смотрѣть за нимъ, запретивъ ей сказывать о томъ кому-либо.

На третій день, братья *Дайчиутъ* говорили между собою: «Не спряталъ ли кто нибудь *Тьмучжиня*; обыщемъ свое кочевье».—Вслѣдъ за тѣмъ, они стали дѣлать обыскъ; дошедши до жилища *Сорханьширы*, они обыскали его юрту, кибитку и подъ каномъ[106]); напослѣдокъ пошли къ телѣгѣ съ овечьей шерстью и стали изъ отверстія ея выкидывать шерсть; когда оставалось вытащить шерсть изъ зада телѣги *Сорханьшира* сказалъ: «Можно ли человѣку, въ такую жаркую пору, оставаться въ овечьей шерсти?» Тогда обыщики сошли съ телѣги и ушли.

Когда они удалились, *Сорханьшира* сказалъ *Тьмучжиню*: «Ты едва не погубилъ[107]) меня; дымъ изчезъ и огонь погасъ бы у меня[108]). Теперь ступай искать мать и братьевъ своихъ».—Онъ далъ *Тьмучжиню* кобылу, безъ сѣдла, желтой масти, съ бѣлой мордой, еще не носившую жеребятъ[109]); далъ также ему свареннаго жирнаго ягненка, откормленнаго молокомъ двухъ овецъ, кобыльяго молока въ кожаномъ мѣхѣ; да лукъ съ двумя стрѣлами; только не далъ ему огнива[110]); такъ снарядивъ, отправилъ его.

Тьмучжинъ доѣхалъ до слѣдовъ прежней ограды своей и оттолѣ слѣдовалъ вверхъ по рѣкѣ *Онань*; пріѣхавъ къ рѣкѣ *Кимурха*[111]), впадающей на западъ въ *Онань*, онъ замѣтилъ на берегу этой рѣчки слѣды и по рѣчкѣ вверхъ отправился. Близъ этой рѣчки есть гора, называемая *Бьтъръ*; передъ этой горой есть отдѣльная горка, называемая *Хорчукуй*: здѣсь онъ нашелъ мать и братьевъ своихъ.

Соединившись съ родными, *Тьмучжинъ* перекочевалъ къ горѣ *Бурханъ*; есть тамъ гора *Гулялгу*; въ этой горѣ протекаетъ рѣка *Сангуръ*[112]); на берегу рѣки есть небольшая гора, называемая *Харачжирутэ* и Зеленое озеро[113]). Здѣсь онъ устроилъ свое становище; ловилъ *тубошу* и степныхъ мышей[114]), и тѣмъ питался.

Однажды воры[115]) увели у *Тьмучжиня* восемь сивыхъ мереновъ; осталась одна свѣтложелтая лошадь, на которой братъ его *Бьлгутай* отправился ловить *тубошу*. Когда, къ вечеру, онъ вернулся съ вьюкомъ *тубошу*, *Тьмучжинъ* сказалъ «Коней моихъ украли». *Бьлгутай* сказалъ «Я погонюсь за ними». *Хасаръ* сказалъ:

«Ты не сможешь; я погонюсь». Но *Тъмучжинъ* сказалъ имъ: «Оба вы не можете я самъ поѣду».—Съ сими словами, онъ сѣлъ на ту свѣтложелтую лошадь и поѣхалъ по слѣдамъ, оставленнымъ его восемью конями. Ѣхалъ онъ трое сутокъ и въ послѣдній день, рано утромъ, замѣтилъ на дорогѣ въ одномъ табунѣ лошадей бойкаго парня, который доилъ кобылу. *Тъмучжинъ* спросилъ его: «Не видалъ ли ты; восьми сивыхъ мереновъ»? Парень отвѣчалъ: «Сегодня рано, еще до восхода солнца, такіе восемь коней здѣсь прогнаны. Я покажу тебѣ, куда они бѣжали». Сказавъ это, онъ пустилъ лошадь *Тъмучжиня* на паству, а вмѣсто ея далъ ему бѣлую лошадь, съ чернымъ ремнемъ на хребтѣ; потомъ, не уходя домой, спряталъ кожаный мѣхъ и кожаный дойникъ съ надоеннымъ молокомъ, прикрывъ ихъ травой, и говорилъ *Тъмучжиню*: «Ты совершенно измучился отъ дороги; у молодцовъ [116]) печали общи; я буду тебѣ товарищемъ и вмѣстѣ съ тобой поѣду догонять коней. Отецъ мой называется *Нахубоянъ* [117]); у него я единственный сынъ; мое имя *Бўорчу* [118])». Сказавъ это, онъ поѣхалъ, вмѣстѣ съ *Тъмучжинемъ*, по конскимъ слѣдамъ; ѣхали они еще трое сутокъ; въ послѣдній день, къ вечеру, они доѣхали до одного становища [119]) и увидѣли восемь коней, стоявшихъ внѣ становища. *Тъмучжинъ* сказалъ: «Товарищъ! Ты стой здѣсь; а я поѣду и отгоню этихъ коней». *Бўорчу* сказалъ: «Коли я взялся помогать тебѣ; то зачѣмъ мнѣ оставаться здѣсь». И такъ оба они пустили лошадей своихъ и отогнали коней.

Похитители пустились за ними въ погоню; одинъ изъ нихъ, сидѣвшій на бѣлой лошади, держалъ въ рукахъ арканный укрюкъ; онъ уже догонялъ ихъ; *Бўорчу* сказалъ: «Дай мнѣ свой лукъ и стрѣлы; я съ нимъ пострѣляюсь». *Тъмучжинъ* отвѣчалъ: «Боюсь, чтобы не ранили тебя изъ за меня; я самъ съ нимъ пострѣляюсь». Онъ тотчасъ вернулся назадъ и началъ стрѣлять. Сидѣвшій на бѣломъ конѣ, направивъ арканную жердь на *Тъмучжиня*, остановился [120]). Товарищи этого вора, тоже пустившіеся въ погоню, замѣтивъ, что свечерѣло, и небо стемнѣло, остановились и отстали.

Въ эту ночь, *Тъмучжинъ* и его товарищъ проѣхали пути на трое сутокъ. Когда они воротились къ жилищу *Нахубояня*, *Темучжинъ* сказалъ *Бўорчу*: «Безъ тебя мнѣ не добыть бы этихъ коней; раздѣлимъ ихъ; сколько тебѣ надобно?» *Бўорчу* отвѣчалъ: «Я рѣшился помочь и сопутствовать тебѣ, потому что видѣлъ, какъ ты измучился; къ чему же мнѣ требовать отъ тебя твоего, какъ чужого богатства; я одинъ сынъ у отца; у насъ въ домѣ богатства для меня слишкомъ довольно, и твоего не нужно. Если я потребую отъ тебя твоего, то къ чему послужитъ то, что я былъ твоимъ товарищемъ?» Такъ говорилъ онъ.

Когда они вошли въ жилище *Нахубояня*, то застали его плачущимъ о потерѣ сына своего *Бўорчу*; внезапно увидѣвъ ихъ обоихъ и узнавъ своего сына, онъ и плакалъ и выговаривалъ ему. *Бўорчу* сказалъ: «Самъ не знаю; какъ я увидѣвъ этого добраго товарища, который подъѣхалъ весь измученный, вздумалъ помочь ему и отправился вмѣстѣ съ нимъ. Теперь вотъ я и пріѣхалъ».—Сказавъ это, онъ поѣхалъ верхомъ на лошади и привезъ прежде имъ спрятанные подъ травой кожа-

ный мѣхъ и кожаный дойникъ съ надоеннымъ молокомъ; убилъ жирнаго ягненка, откормленнаго молокомъ двухъ овецъ; наполнилъ кожаный мѣхъ кобыльимъ молокомъ и, увязавъ все это на подобіе вьюка, отдалъ *Тѣмучжиню*, на продовольствіе въ дорогѣ. *Нахобоянъ* говорилъ имъ: «Вы оба молодые люди, будьте всегда друзьями и впередъ никогда другъ друга не покидайте». *Тѣмучжинъ*, простившись, отправился въ путь и черезъ трое сутокъ прибылъ домой, на берегъ рѣки *Сангуръ*. Мать его, *Хоэлунъ*, и *Хасаръ* съ братьями, въ это время тосковавшіе по немъ, увидѣвъ его возвратившимся, несказанно обрадовались.

Прежде, когда *Тѣмучжиню* было десять лѣтъ, онъ разстался съ дочерью *Дэсъчаня*, *Бортѣвучжинъ*[121]). Теперь онъ поѣхалъ за ней съ братомъ своимъ *Бѣлгутаемъ* внизъ по рѣкѣ *Кэрулянъ*; достигши удолья, что промежъ горъ *Чэкчерв* и *Чихурху*, онъ отыскалъ жилище *Дэсъчаня*. *Дэсъчанъ*, увидѣвъ *Тѣмучжиня*, чрезвычайно обрадовался и говорилъ ему: «Слыша, что братья *Дайчиутъ* возненавидѣли тебя, я чрезвычайно печалился и потерялъ уже надежду (видѣть тебя); только теперь я узрѣлъ тебя». Затѣмъ онъ отдалъ дочь свою *Бортѣ Тѣмучжиню* въ жены. *Дэсъчанъ* и жена его *Сотанъ* проводили обратно *Тѣмучжиня* съ женою; съ края *Кэрулянъскаго Урахчуэлъ*[122]) *Дэсъчанъ* вернулся домой; а *Сотанъ* проводила дочь свою до самаго жилища *Тѣмучжиня* и оттуда уже возвратилась[123]).

Послѣ того *Тѣмучжиню* захотѣлось имѣть товарищемъ *Бӧорчу*; онъ послалъ за нимъ *Бѣлгутая*. *Бӧорчу*, какъ увидѣлся съ *Бѣлгутаемъ*, даже не сказавшись отцу своему, сѣлъ на горбатую желтую лошадь, навьючилъ шубу изъ чернаго мѣха и вмѣстѣ съ *Бѣлгутаемъ* пріѣхалъ къ *Тѣмучжиню*. Съ тѣхъ поръ, онъ сдѣлался товарищемъ *Тѣмучжиню* и никогда болѣе съ нимъ не разлучался.

Тѣмучжинъ, поднявшись съ берега рѣки *Сангуръ*, перекочевалъ къ вершинѣ рѣки *Кэрулянъ* и основался станомъ у подошвы уступа, называемаго *Бурги*[124]).

Дочь *Сотани*, *Бортѣвучжинъ*, привезла съ собой кафтанъ изъ черныхъ соболей, чтобы поднести его своей свекрови, при первомъ съ ней свиданіи[125]). *Тѣмучжинъ* сказалъ: «Въ прежнее время отецъ нашъ, царь *Ѣсугай*[126]), велъ дружбу съ *Ванъ ханемъ*[127]), рода *Кэрѣитъ*[128]); поэтому онъ тоже, что отецъ для меня. Теперь онъ живетъ на берегу рѣки *Туула*[129]), въ Черномъ-Лѣсѣ[130]); я подарю ему этотъ кафтанъ.» *Тѣмучжинъ*, съ двумя братьями, повезъ соболій кафтанъ къ *Ванъ ханю*, и, при свиданіи съ нимъ, говорилъ ему: «Въ прежніе дни ты заключилъ дружбу съ отцомъ моимъ; поэтому ты для меня тоже, что отецъ. Теперь я подношу тебѣ, отецъ, подарокъ, взятый моей женой для поднесенія ея свекрови.» Съ сими словами онъ отдалъ *Ванъ ханю* кафтанъ изъ черныхъ соболей. *Ванъ ханъ*, получивъ кафтанъ, былъ весьма доволенъ и говорилъ *Тѣмучжиню*: «Отдѣлившихся отъ тебя людей я соберу для тебя, разсѣявшихся присоединю къ тебѣ, и накрѣпко запамятую это въ сердцѣ своемъ.» Такъ сказалъ онъ[131]).

По возвращеніи *Тѣмучжиня* домой, пришелъ къ нему отъ горы *Бурханъ* старикъ *Чжарчиутай* съ кузнечнымъ мѣхомъ[132]) за плечами и ведя съ собой сына, по имени *Чжэлмѣ*, и сказалъ ему: «Когда ты родился въ урочищѣ *Дѣлиунъ*-

бŏлдаха, я подарилъ тебѣ пеленку, подбитую соболемъ, и отдалъ тебѣ сына моего *Чжелмъ;* но какъ онъ былъ еще молодъ, то я взялъ его къ себѣ и воспиталъ. Теперь отдаю его тебѣ; пусть онъ сѣдлаетъ тебѣ коня и отворяетъ дверь.» Сказавъ это, онъ отдалъ *Тѣмучжиню* своего сына.

Спустя нѣсколько времени послѣ того, однажды раннимъ утромъ, на полуразсвѣтѣ, старая женщина[133]), прислуживавшая матери *Хоэлунь*[134]), сказала ей: «Мать, мать! скорѣе вставай! слышно, что земля дрожитъ. Не опять ли наѣхали братья *Дайичиутъ*, старые губители наши и страшные намъ? Мать! скорѣе вставай»! *Хоэлунь* молвила: «Скорѣе разбуди дѣтей». Съ сими словами, *Хоэлунь* тотчасъ встала; вслѣдъ за тѣмъ встали *Тѣмучжинь* и его братья. *Хоэлунь*, *Тѣмучжинь*, *Хасаръ*, *Хачиунь*, *Тѣмугэотчигинь*[135]), *Бѣлгутай*, *Бŏорчу* и *Чжелмъ* сѣли на коней; *Тѣмулуня* мать взяла къ себѣ на руки. *Тѣмучжинь* имѣлъ на-готовѣ только одну заводную лошадь[136]), и для супруги, *Бортѣ*, не осталось коня.

Тѣмучжинь, съ братьями, тотчасъ сѣвъ на коней, уѣхали въ гору *Бурханъ*. Старуха *Хоахчинь*, желая скрыть *Бортѣ*, посадила ее въ черную кибитку и, запрягши въ кибитку пеструю корову, поѣхала вверхъ по рѣчкѣ *Тунгэли*. На дорогѣ, когда ночной мракъ началъ разсѣеваться и стало свѣтать, повстрѣчалась имъ толпа[137]) всадниковъ, которые, подъѣхавъ къ старухѣ, спросили ее: «Ты кто такая»? Старуха отвѣчала: «Я изъ дома *Тѣмучжиня*; ѣздила по богатымъ домамъ стричь овецъ; теперь возвращаюсь домой[138])». Всадники спросили ее: «Дома или нѣтъ *Тѣмучжинь?* И далеко ли онъ отсюда?» Старуха отвѣчала: «Домъ его не далеко; да я отправилась изъ задняго жилья, такъ и не знаю, дома ли *Тѣмучжинь*». Такъ она говорила.

Когда всадники отъѣхали, старуха *Хоахчинь* прiударила пеструю корову, запряженную въ кибитку, чтобы ѣхать поскорѣе, какъ вдругъ телѣжная ось оттого сломилась. Когда она хотѣла итти пѣшкомъ въ горный лѣсъ, тѣ всадники настигли ее; они захватили мать *Бѣлгутая*, которую одинъ изъ нихъ держалъ, сидя на конѣ. Подъѣхавъ къ кибиткѣ, они спросили старуху: «Кто сидитъ въ этой кибиткѣ?» Старуха *Хоахчинь* отвѣчала: «Она нагружена шерстью». Всадники сказали: «Братцы, сойдемъ съ коней и осмотримъ». Съ этими словами, они сошли съ коней и отворили дверцы кибитки; увидѣвъ внутри ея молодую женщину, они вытащили ее оттуда и посадили на коня вмѣстѣ съ старухою; потомъ погнались за *Тѣмучжинемъ*, слѣдуя по конскимъ слѣдамъ, къ горѣ *Бурханъ*.

Эти всадники, преслѣдовавшiе *Тѣмучиня*, три раза объѣзжали гору *Бурханъ*[139]), но не могли поймать его; желая найти прямую дорогу въ гору, они бросались то туда, то сюда, но вездѣ встрѣчали или топкую тину, или лѣсную чащу, такъ что нельзя было пробраться внутрь; оставалось только ожидать назади. Такимъ образомъ, имъ не удалось поймать *Тѣмучжиня*.

Всадники тѣ, на самомъ дѣлѣ, были люди трехъ родовъ *Мѣрки:* одинъ *Тохтоа* изъ *Удуитъ мѣрки*, другой *Дайиръусунъ* изъ *Увасы мѣрки*, третiй *Хаатай дармала* изъ *Хаатъ мѣрки* Эти три рода *Мѣрки* прiѣхали теперь съ местью за

то что въ прежнее время *Ѣсугай* отнялъ у *Чилэду Хоэлунь*. Они толковали между собою: «Схвативши жену *Тѣмучжиня*, мы отомстили тѣмъ за похищеніе *Хоэлуни*». Послѣ чего, они съѣхали съ горы и уѣхали домой.

Тѣмучжинь, не зная дѣйствительно ли *Мѣрки* уѣхали, или скрывались въ засадѣ, отправилъ *Бѣлгутая*, *Боорчу* и *Чжэлмѣ*, развѣдать съ задней стороны (горы), и уже черезъ трое сутокъ, когда увѣрились, чтъ *Мѣрки* были далеко, *Тѣмучжинь* рѣшился сойти съ горы, Тогда онъ, ударяя себя въ грудь [140]), воскликнулъ къ небу: «Благодаря хорьковому слуху и горностаевому зрѣнію почтенной *Хоахчинь*, я спасенъ. Гора *Бурханъ* защитила мою бѣдную жизнь [141]); отселѣ впредь, буду всегда приносить ей жертву и завѣщаю моимъ дѣтямъ и внукамъ тоже приносить ей жертву.»—Сказавъ это, онъ обратился къ солнцу [142]), повѣсилъ поясъ на шею, а шапку на руку [143]), и ударяя себя въ грудь, девять разъ преклонилъ колѣна и сдѣлалъ возліяніе кумысомъ [144]).

Послѣ сего, *Тѣмучжинь*, съ *Хасаромъ* и *Бѣлгутаемъ*, отправился въ Черный-Лѣсъ, что на рѣкѣ *Туула*, къ *Тооридъ-ванъ хаию* и прибывши къ нему говорилъ: «Три рода *Мѣркитъ*, напавъ въ расплохъ, похитили мою жену. Государь и отецъ! Нельзя-ли избавить и возвратить мою жену?» *Ванъ-ханъ* сказалъ: «Въ прошломъ году, когда ты приходилъ и подарилъ мнѣ соболій кафтанъ, я обѣщалъ тебѣ отступившійся отъ тебя и разсѣявшійся народъ твой возвратить и собрать тебѣ, и постоянно помнилъ то. Теперь, согласно тѣмъ словамъ моимъ, я уничтожу *Мѣркитъ*, избавлю и возвращу тебѣ жену твою *Бортѣ*. Ты-же увѣдомь о томъ брата *Чжамуху* [145]); онъ кочуетъ въ урочищѣ *Хорхонахчжубуръ*. Я, съ своей стороны, наберу двѣ тьмы [146]) ратниковъ и буду правой рукой [147],) а *Чжамуха* пусть тоже подниметъ двѣ тьмы ратниковъ и будетъ лѣвой рукой. Какъ же намъ сойтись, рѣшитъ то *Чжамуха*.» .

Тѣмучжинь, съ братьями, возвратившись домой, послалъ *Хасара* и *Бѣлгутая* къ *Чжамухѣ* передать ему слѣдующія слова: «Жену мою похитили *Мѣркиты*. Мы съ тобой одного рода-племени. Какъ бы отомстить за такую обиду?» Потомъ поручилъ имъ передать ему также слова *Ванъ хания*. Когда Хасаръ, съ братомъ, передали *Чжамухѣ* эти слова *Тѣмучжиня*, Чжамуха сказалъ: «Я тоже слышалъ, что жена *Тѣмучжинь-аньды* [148]) похищена и крайне соболѣзновалъ. Теперь изъ этихъ трехъ родовъ *Мѣркитъ*, *Тохтоа* находится въ урочищѣ *Буураказръ* [149]); *Дайиръ усунь* между рѣками *Орхуань* и *Сѣлэнгэ* [150]), въ урочищѣ *Талхунъ аралъ*; а *Хаатай Дармала* въ урочищѣ *Харачжикэзръ*. Связавъ изъ растенія свиная щетина [151]) плотъ, мы прямо переправимся черезъ рѣку *Килхо*, къ мѣстопребыванію *Мѣркитъ тохтоа*, какъ будто упадемъ къ нему въ юрту черезъ верхнее отверстіе, и овладѣемъ всѣмъ его народомъ.»

Чжамуха говорилъ еще: «Ты скажи *Тѣмучжиню* и *Ванъ-ханю*, что я уже снарядилъ свое войско; братъ *Ванъ ханъ* [152]), тронувшись въ походъ, пусть пройдетъ передъ горой *Бурханъ халдунъ* и, вмѣстѣ съ *Тѣмучжинемъ*, сойдется со мной въ урочищѣ *Ботоханъ боорчжи*. У меня здѣсь есть народъ, принадлежащій. Тѣ-

мучжинь аньдь [153]); изъ него я наберу одну тьму ратниковъ, да своихъ возьму тьму, и съ этими двумя тьмами пойду вверхъ по рѣкѣ *Онань* къ урочищу Бŏ*тохань бŏорчжи*, гдѣ мы и соединимся.» Послѣ того, сряду, онъ двинулся въ походъ.

Хасаръ и *Бѣлутай*, по возвращеніи, передавъ слова Чжамухи Тѣмучжиню, отправились къ *Ванъ ханю*, чтобы и ему передать ихъ. *Ванъ хань*, выслушавъ слова Ч*жамухи*, тотчасъ приказалъ двумъ тьмамъ своихъ ратниковъ сѣсть на коней, и отправился, черезъ подгорье Б*урхань халдунь*, по направленію къ рѣкѣ *Керулянь*, къ береговому яру, Б*урги*. Въ это время Т*ѣмучжинь*, стоявшій у яра *Бурги*, узнавъ, что *Ванъ хань*, съ войскомъ своимъ, проходитъ тутъ, поднялся съ мѣста и, вверхъ по рѣкѣ Т*унгэликъ*, дошелъ до горы Б*урхань*, къ рѣчкѣ Т*ана*, гдѣ и остановился лагеремъ. Т*ѣмучжинь* отселѣ двинулъ свое войско, и когда тьма *Ванъ ханя*, да тьма брата его Ч*жахаганьбу*, всего двѣ тьмы ратниковъ, ставили лагерь на берегу рѣки *Кимурха*, въ урочищѣ *Аилхарахона*, соединился съ ними. Поднявшись отсюда, Т*ѣмучжинь*, *Ванъ хань* и Ч*жахаганьбу*, пошли вмѣстѣ къ вершинѣ рѣки *Онань*, на условленное сборное мѣсто, урочище Б*отохань боорчжи*. Когда они прибыли туда, Ч*жамуха* былъ тамъ уже три дня. Увидѣвъ ихъ рать Ч*жамуха* выстроилъ двѣ тьмы своихъ ратниковъ въ боевой порядокъ и стоялъ; *Ванъ хань* и другіе, тоже выстроившись, приблизились; они узнали другъ друга. Ч*жамуха* сказалъ: «Когда условились о времени сбора, то, хотя бы былъ вѣтеръ и дождь, непремѣнно надобно прибыть въ свое время; вѣдь уже объ этомъ было переговорено. У насъ, *Дада* [154]), данное слово тоже, что клятва; коли не держать его, то не нужно братъ и помощниковъ.» *Ванъ хань* сказалъ: «Я пришелъ на условленное для сбора мѣсто тремя днями позже; братъ Ч*жамуха*! кори и взыскивай съ меня, сколько хочешь.» Такъ говорилъ онъ.

Соединенныя войска [155]), поднявшись съ урочища Бŏ*тохань бŏорчжи* и достигши берега рѣки *Килхо*, переправились черезъ нее, по связанному плоту, и пришли въ урочище Б*уура*; здѣсь онѣ захватили женъ и народъ Т*охтоа*. Самъ *Тохтоа*, спавшій въ то время, попался бы въ плѣнъ, если бы во время переправы черезъ *Килхо*, не случились на берегу ея рыбаки и охотники Т*охтоа*, которые ночью же поспѣшили предупредить его. Т*охтоа* и *Дайиръ усунь*, съ нѣсколькими спутниками, безъ всего, бѣжали внизъ по рѣкѣ *Сѣлянгэ*, въ Б*архучжинь* [156]).

Когда *Мѣркиты* ночью поспѣшно бѣжали по рѣкѣ *Сѣлянгэ* и наши войска дѣятельно преслѣдовали ихъ, хватая ихъ въ плѣнъ, *Тѣмучжинь*, среди бѣгущей толпы, кликнулъ имя жены своей, *Бортѣ*. *Бортѣ*, находившаяся среди того народа, услышавъ и распознавъ голосъ *Тѣмучжиня*, спрыгнула съ кибитки, и вмѣстѣ со старухой *Хоахчинь*, подбѣжала къ коню *Тѣмучжиня* и схватилась за поводья. Въ это время свѣтила луна и они узнали другъ друга. *Тѣмучжинь*, въ ту же ночь, отправилъ посланца къ *Ванъ ханю* и *Чжамухѣ*, съ такимъ извѣстіемъ «Я нашелъ, кого искалъ; далѣе не пойдемъ ночью, а остановимся здѣсь лагеремъ.» Тогда и остановились тутъ лагеремъ. Разсѣянно бѣжавшій народъ *Мѣркитъ* тоже остановился станомъ. Вотъ какъ происходило избавленія *Бортѣучжинь*.

Когда *Мэркиты*: *Удуитъ тохтоа*, *Увасы дайиръ усунъ* и *Хаатайдармала*, во главѣ трехъ сотъ человѣкъ, наѣхали на *Тэмучжиня*, чтобы отмстить за похищеніе *Ѣсугаемъ Хоэлуни*, жены *Чилэду*, брата *Тохтоа*, и три раза объѣхали кругомъ горы *Бурханъ*, но не могли схватить его, а полонили только жену его *Бортэ*, то отдали ее въ жены силачу *Чилэръ*, младшему брату *Чилэду*. Теперь, когда нашла (наша) рать, *Чилэръ*, испугавшись, бѣжалъ и говорилъ: «Мнѣ, какъ черной воронѣ, суждено питаться кожаными обрывками; захотѣлось же мнѣ отвѣдать дикихъ гусей и драхвы [157]); оскорбивъ *Бортэ*, я навлекъ напасть на весь родъ *Мэркитъ*; это бѣдствіе обрушится и на мою голову; чтобы спасти свою одинокую жизнь, скроюсь въ какое либо темное и тѣсное мѣсто; авось избавлюсь.» Сказавъ это, онъ бѣжалъ.

Схватили только *Хаатайдармалу* и надѣли на него колодку. Потомъ прямо пошли къ горѣ *Бурханъ*. Люди сказали *Бэлутаю* что мать его находится въ такомъ-то становищѣ; *Бэлутай* пошелъ за ней и когда входилъ въ юрту правой стороной двери, мать его, одѣтая въ изодранный бараній тулупъ, выходила лѣвой стороной двери, и внѣ говорила другимъ: «Я слышала, что дѣти сдѣлались князьями; а я здѣсь отдана подлому человѣку; какъ же мнѣ смотрѣть въ лице дѣтямъ.. Сказавъ это, она скрылась въ лѣсную чащу, въ которой такъ и не отыскали ее» По этой причинѣ, *Бэлутай*, только что засматривалъ кого нибудь изъ *Мэркитъ* тотчасъ приказывалъ пускать въ него стрѣлы съ тупымъ остріемъ; «говоря: Отдай мнѣ мою мать!» Тѣ триста человѣкъ которые пріѣзжали къ горѣ *Бурханъ* и три раза объѣзжали ее, истреблены были до одного, а ихъ жены, годныя въ жены, пошли въ жены, годныя въ рабыни, сдѣланы рабынями.

Тэмучжинъ, благодаря *Ванъ ханя* и *Чжамуху*, говорилъ имъ: «*Ванъ ханъ* отецъ и ты, *Чжамуха Аньда!* Благодаря помощи вашей, небо [158]) даровало мнѣ силу отомстить за обиду, нанесенную молодцу. За то, народы *Мэркитъ* до конца истреблены и жены ихъ полонены; теперь воротимся.»

Когда *Удуитъ мэркитъ* поспѣшно бѣжали, то покинули въ своемъ становищѣ пятилѣтняго мальчика, по имени *Кюйчу;* онъ былъ весьма красивъ, съ прекрасными блестящими глазами, и одѣтъ былъ въ платье, сшитое изъ мѣха рѣчнаго соболя [159]), съ набѣленной мездрой; на головѣ надѣта была соболья шапка, на ногахъ сапоги изъ оленьихъ лапъ. Ратники, овладѣвъ становищемъ, прибрали этого мальчика и, въ видѣ подарка [160]), отдали матери *Хоэлунъ*.

Тэмучжинъ, *Ванъ ханъ* и *Чжамуха*, соединенно разрушивъ жилища *Мэркитъдада* [161]), и полонивъ красивыхъ женъ ихъ, на возвратномъ пути, отступили чрезъ урочище *Талхуньаралъ*, что между рѣками *Орхуанъ* и *Сэлэнгэ*; *Тэмучжинъ* и *Чжамуха* возвратились въ урочище *Хорхонахчжубуръ*, а *Ванъ ханъ*, слѣдуя по загорью *Бурханъ халдунъ*, прошелъ три урочища *Хокорту чжурбу*, *Хачаурату субчитъ* и *Хулиятусубчитъ*, и занимаясь облавой, возвратился въ Черный-Лѣсъ рѣки *Туула* [162]).

Тэмучжинъ и *Чжамуха*, достигши урочища *Хорхонахчжубуръ*, стали становъ,

вмѣстѣ. Вспоминая прежнее время и начало дружбы своей, когда они обмѣнялись подарками [163]), теперь они обѣщались полюбить другъ друга еще крѣпче [164]), и о томъ говорили между собою. Вначалѣ когда сдѣлались они *аньда*, *Тѣмучжиню* было 11 лѣтъ; разъ, когда они играли въ животные камешки на льду рѣки *Онанъ*, *Чжамуха* подарилъ *Тѣмучжиню* животный камень отъ серны [165]), а *Тѣмучжинъ* отдарилъ *Чжамуху* животнымъ камнемъ, налитымъ мѣдью; чрезъ то, они и сдѣлались *аньда*. Потомъ, весной, когда *Тѣмучжинъ* и *Чжамуха* забавлялись вмѣстѣ пусканіемъ стрѣлъ изъ небольшихъ деревянныхъ луковъ, *Чжамуха*, изъ рога молодой коровы склеивъ гремучій наконечникъ на стрѣлу, подарилъ его *Тѣмучжиню*, а *Тѣмучжинъ* отдарилъ *Чжамуху* наконечникомъ стрѣлы изъ кипарисовой [166]) верхушки. Такъ-то случилось что они дважды побратались.

Тѣмучжинъ и *Чжамуха* толковали промежъ себя: «Старые люди говаривали что когда дѣлаются *аньда*, то оба друга имѣютъ какъ бы одну жизнь; одинъ другаго не покидаетъ, и бываютъ они охраной жизни другъ другу. Таковъ законъ взаимной нѣжной дружбы. Теперь мы снова скрѣпимъ нашу дружбу и крѣпче будемъ любить другъ друга.» Въ этихъ изъясненіяхъ *Тѣмучжинъ* опоясалъ *Чжамуху* золотымъ поясомъ, добытымъ имъ у *Мѣркитъ*, и подарилъ ему захваченную имъ кобылу, нѣсколько лѣтъ не носившую жеребятъ; а *Чжамуха* отдарилъ *Тѣмучжиня* тоже золотымъ поясомъ, отнятымъ имъ у *Мѣркитъ Дайиръусуня*, да захваченной имъ бѣлой лошадью, съ чолками [167]). Они устроили въ урочищѣ *Хорхонахчжубуръ*, у скалы *Хулдахаръ*, подъ густымъ деревомъ, пиръ; а ночью спали подъ однимъ одѣяломъ.

Тѣмучжинъ и *Чжамуха*, изъ любви другъ къ другу, прожили вмѣстѣ полтора года. Однажды, они поднялись съ того становища; было же то лѣтомъ въ 16-е число 4-й луны. *Тѣмучжинъ* и *Чжамуха* вмѣстѣ ѣхали впереди кибитокъ; на дорогѣ *Чжамуха* сказалъ: «Нынѣ, если мы остановимся у горы, то пасущіе коней достанутъ юрты; если подлѣ потока, то пасущіе овецъ и ягнятъ достанутъ пищи для горла [168]).» *Тѣмучжинъ* смолчалъ и остановившись, обождалъ свою мать, *Хоэлунъ*; когда она подъѣхала, онъ передалъ ей слова *Чжамухи* и сказалъ: «Я не понялъ словъ его и ничего не отвѣчалъ ему; нарочно подъѣхалъ спросить объ этомъ тебя, матушка.» Мать его не успѣла еще молвить слова, какъ *Бортѣ* проговорила: «Про *Чжамуха аньду* люди говорили, что онъ любитъ новое и презираетъ старое; теперь онъ наскучилъ нами. Не скрывается ли въ словахъ его какого нибудь умысла противъ насъ? Мы не должны останавливаться; пойдемъ въ ночь; лучше, по-добру, по-здорову, разстаться съ нимъ.»

Тѣмучжинъ сказалъ: «*Бортѣ* говоритъ дѣло.» По этому [169]) онъ не остановился и пошелъ въ ночь. Когда онъ, попути, проходилъ черезъ кочевье *Дайчиутъ*, послѣдніе, испугавшись, поднялись съ мѣста и въ ту же ночь ушли къ *Чжамухѣ*. Въ становищѣ, они покинули одного мальчика, по имени *Кокочу*; наши ратники взяли его и отдали матери *Хоэлунъ*, на воспитаніе.

Въ это ночное перекочеванье, когда начало свѣтать, глядь, пришли слѣдомъ люди изъ рода [170]) *Чжалаиръ*: *Хачиунъ Харахай* и *Харалдай*, три брата *Тохураунъ* [171]);

потомъ рода *Тарху*: *Хадаанъ Далдурханъ*, и другіе братья, въ-пятеромъ; также рода *Киянъ*: *Мунгэту*, съ сыномъ своимъ *Унгуръ*, и другими дѣтьми, вмѣстѣ съ людьми родовъ *Чаншиутъ* и *Баяу*; еще пришли изъ рода *Балура*: *Хубилай* и *Худусы*; рода *Манху*: братья *Чжэдай* и *Дохолху*; потомъ младшій братъ *Боорчу*, *Оѣлянь* [172]), отдѣлившись отъ рода *Алура*; пришли также, отдѣлившись отъ рода *Урянха*, младшіе братья *Чжэлмъ*, *Чаурханъ* и *Субъэтай*; изъ рода *Бѣсу*: *Дѣгай* и *Кучугуръ*; изъ рода *Сулду*: *Чимутай*, *Таки* и *Дайчиудай*; изъ рода *Чжалаиръ*: *Сѣчэдомохъ* и *Архайхасаръбала*, съ двумя сыновьями; изъ рода *Хуанхотанъ*: *Сюѣикэту*; также: *Сукэкэ*, *Чжэгай* и *Хуандахоръ*, съ дѣтьми своими: *Сукэгай*, *Чжэунъ*, *Нѣудай* и *Чахаанъбува*; изъ рода *Олхуна*: *Кинииядай* изъ рода *Хорола*: *Сѣчиуръ*; изъ рода *Дорбѣ*: *Мочибѣдуунъ*; изъ рода *Икирѣсунъ*: *Буту*, имѣвшій здѣсь невѣсту [173]); изъ рода *Наяки*: *Чжунъ-шай*; изъ рода *Орона*: *Чжирхоанъ*; изъ рода *Баруласы*: *Сухусѣчанъ* и *Харачаръ*, вмѣстѣ съ дѣтьми своими; изъ рода *Баарииъ*: *Хорчи*, старикъ *Усунъ* и *Кокососы*, съ родомъ *Мѣнянъбааринъ*, всѣмъ становищемъ.

Хорчи, пришедши, говорилъ (*Тѣмучжиню*): «Нашъ мудрый и могущественный предокъ *Бодуанчаръ*, отъ взятой имъ супруги, имѣлъ двухъ единоутробныхъ сыновей; то были предки *Чжамухи* и нашъ [174]); поэтому, намъ не слѣдовало бы отдѣляться отъ *Чжамухи*; но по откровенію духа [175]), я видѣлъ бѣлесоватую дойную корову, которая, пришедши къ *Чжамухѣ* и бодая кругомъ юрты и кибитки, сломала себѣ одинъ рогъ; эта корова, роя землю предъ *Чжамухою*, и мыча, говорила: «*Чжамуха!* отдай мой рогъ.» Потомъ одинъ безрогій и сильный быкъ, везъ колья [176]) отъ большой юрты по дорогѣ, которой ѣхала кибитка *Тѣмучжиня*; онъ шелъ и мыча говорилъ: «Небо [177]) присудило [178]) господиномъ царства быть *Тѣмучжиню* я везу къ нему царство.» Вотъ что духъ открылъ мнѣ и представилъ очамъ моимъ; а я открываю это тебѣ *Тѣмучжинъ!* Если ты сдѣлаешся господиномъ царства, то чѣмъ, за то, порадуешъ [179]) меня?» *Тѣмучжинъ* отвѣчалъ: «Если я дѣйствительно буду имъ (господиномъ царства), то сдѣлаю тебя темникомъ [180]).» *Хорчи* сказалъ: «Я высказалъ тебѣ много важнаго: если ты дашъ мнѣ только темника, то что это за радость? Ты дай мнѣ темника, да позволь мнѣ выбрать въ царствѣ тридцать прекрасныхъ дѣвицъ въ жены; кромѣ того, что-бы я ни сказалъ тебѣ, ты слушайся меня [181]).»

Потомъ пришли изъ рода *Гэнигэсы*: *Хунанъ*, и другіе; равно *Даритай отчигинъ*; изъ рода *Чжадара*: *Мулхалху* и люди рода *Сахаитъ*; изъ рода *Чжурки*: *Сорхатучжурки*, съ дѣтьми своими, *Сачабѣки* [182]) и *Дайчу*; сынъ *Нѣкунътайцзы*, *Хучарбѣки*, и сынъ *Хутулахахана*, *Алтанъотчигинъ*; всѣ они, съ цѣлыми становищами, отдѣлились отъ *Чжамухи* и присоединились къ *Тѣмучжиню*, когда онъ стоялъ станомъ у рѣчки *Кимурха*, въ урочищѣ *Аитъхарахана*. Поднявшись съ сего мѣста, онъ дошелъ до урочища *Гурѣлу*, къ рѣкѣ *Сангуръ* и остановился въ урочищѣ *Харачжурукэ*, у озера *Коконауръ*.

Алтанъ, *Хучаръ* и *Сачабѣки*, посовѣтовавшись цѣлымъ обществомъ, объявили *Тѣмучжиню*: «Мы хотимъ провозгласить тебя царемъ [183]). Когда ты будешъ

царемъ, то въ битвахъ со многочисленными врагами, мы будемъ передовыми, и если полонимъ прекрасныхъ дѣвицъ и женъ, да добрыхъ коней, то будемъ отдавать ихъ тебѣ. Въ облавахъ на звѣрей, мы будемъ выступать прежде другихъ и пойманныхъ (нами) звѣрей будемъ отдавать тебѣ. Если мы, въ ратныхъ бояхъ, преступимъ твои приказы, или, въ спокойное время, повредимъ дѣламъ твоимъ, то ты отними у насъ женъ и имущество и покинь насъ въ безлюдныхъ пустыняхъ.»

Такъ поклявшись, они провозгласили *Тѣмучжиня* царемъ и нарекли его *Чингисомъ* [184]).

Чингисъ, сдѣлавшись царемъ, приказалъ младшему брату *Боорчу, Огэлаю* [185]); вмѣстѣ съ *Хачиунемъ ,Чжэдаемъ* и *Дохолху,* четверымъ, быть стрѣлками [186]). *Вангуру,Сюьикэту* и *Хадаанъдалдурханю,* троимъ, завѣдывать пищей и питьемъ; *Дѣгаю* пастьою овецъ; *Гучугуру* изготовленіемъ кибитокъ [187]); *Додаю* управлять домашними людьми. Потомъ велѣлъ *Хубилаю, Чилгутаю* и *Хархайтохурауню,* троимъ, вмѣстѣ съ братомъ его *Хасаромъ,* быть мечниками и стоять въ одномъ мѣстѣ [188]). Брату своему *Бѣлгутаю,* съ *Харалдайтохураунемъ,* завѣдывать выправкою коней [189]). *Дайчиудайхуту, Моричи* и *Мутхалху,* троимъ, паствою конскихъ табуновъ; потомъ поручилъ *Архайхасару, Тахаю, Сукэгаю* и *Чаурханю,* четверымъ, быть въ родѣ дальнихъ и ближнихъ стрѣлъ [190]). *Субѣэтай* храбрый сказалъ: «Я буду убирать [191]), какъ старая мышь, прилетать, какъ галка, прикрывать, какъ конская попона, и защищать, какъ подвѣтренный войлокъ. Вотъ какъ я буду поступать.»

Послѣ того, Чингисъ сказалъ *Боорчу* и *Чжэлмѣ*: «Я не забылъ въ сердцѣ своемъ, что когда у меня еще не было товарищей, вы двое, прежде другихъ, сдѣлались моими товарищами: будьте же старѣйшими [192]) во всемъ этомъ собраніи.» Потомъ, онъ сказалъ собранію: «Вы, собравшіеся здѣсь, отстали отъ *Чжамухи* и рѣшились притти ко мнѣ. Если небо сохранитъ и поможетъ мнѣ, то вы всѣ, старые мои, впослѣдствіи будете моими счастливыми [193]) сподвижниками.» Сказавъ это, онъ поручилъ имъ исправлять ихъ должности [194]).

Чингисъ, сдѣлавшись царемъ, послалъ *Тахая* и *Сукэгая* извѣстить о томъ царя рода *Кэрѣитъ Тоорила. Тоорилъ* сказалъ: «Весьма хорошо, что Чингисъ сдѣланъ царемъ; какъ вы, *Дада* [195]), могли бы обойтись безъ царя? Не измѣняйте же того, что вы порѣшили съ общаго согласія.» Такъ онъ сказалъ.

Чингисъ отправилъ также *Архайхасара* и *Чаурханя* къ *Чжамухѣ*: *Чжамуха* сказалъ: «передайте ближнимъ *Тѣмучжиня, Алтаню* и *Хучару*, что они, наговорами своими, поссорили и развели меня съ *Тѣмучжинь аньдой* [196]). Почему вы не провозгласили его царемъ въ то время, какъ мы были вмѣстѣ, и съ какою цѣлію провозгласили его теперь? Вы постарайтесь, чтобы сердце *Тѣмучжинь аньды* было спокойно; будьте усердными сподвижниками *Тѣмучжиню*.

Послѣ того, когда младшій братъ *Чжамухи*, Тайчаръ, кочевалъ у горы *Чжалама*, въ урочищѣ *Олѣгайбулаха*, а сподвижникъ Чингиса, *Чжочидармала*, въ урочищѣ *Саали*, Тайчаръ захватилъ табунъ коней [197]) у *Чжочидармалы*; товарищи послѣдняго не осмѣлились преслѣдовать и *Чжочидармала* одинъ пустился въ по-

гоню; ночью, настигши конскій табунъ, онъ прилегъ на гриву лошади и прострѣлилъ *Тайчара* въ спинной хребетъ, а коней своихъ отогналъ назадъ.

Чжамуха, желая отмстить за убіеніе своего брата *Тайчара*, во главѣ своего и другихъ 13 родовъ, всего съ тремя тьмами ратниковъ, перешелъ горный хребетъ *Алаутъ Турхау* и намѣревался сразиться съ Чингисомъ. Чингисъ, находившійся, въ то время, въ урочищѣ *Гулялгу*, извѣщенъ былъ о томъ прибывшими къ нему *Мулкэтотахомъ* и *Бололдаемъ*, людьми изъ рода *Икирѣсы* [198]). Узнавъ о семъ, онъ собралъ въ своихъ 13 становищахъ, тоже три тьмы ратниковъ, выступилъ на встрѣчу *Чжамухѣ* и сразился съ нимъ въ урочищѣ *Даланьбалчжутъ*. Чингисъ, отброшенный натискомъ *Чжамухи*, отступилъ къ рѣкѣ *Онань* и остановился въ одной тѣснинѣ урочища *Чжэрѣнѣ*. Послѣ сего *Чжамуха* возвратился и захвативъ находившихся въ *Чинасы* великихъ князей [199]), велѣлъ сварить всѣхъ ихъ въ 70 котлахъ; также отрубилъ *Неудайчахааню* голову, и положивъ ее на крестецъ лошади [200]), уѣхалъ.

Послѣ отбытія *Чжамухи*, *Чжурчжудай*, изъ рода *Уруутв*, и *Хуюйлдаръ*, изъ рода *Манху* [201]), каждый со своимъ родомъ, отдѣлились отъ *Чжамухи* и перешли къ Чингису; пришелъ также изъ рода *Хуанхотанъ*, *Мунликъ*, съ семерыми сыновьями [202]). Чингисъ, на радости, что къ нему перешло столько народа, устроилъ пиръ на берегу рѣки *Онань*, въ лѣсу. При этомъ, онъ прежде всего отпустилъ одинъ кувшинъ кобыльяго молока для *Хоэлунъ*, вмѣстѣ съ *Хасаромъ* и *Сачабѣки*; потомъ, для молодой жены *Сачабѣки*, *Эбгай*, тоже одинъ кувшинъ; по этому случаю, боярыни *Холичжинъ* и *Хуурчинъ* [203]) замѣтили: «Почему намъ прежде не отпустили молока?» и прибили кравчаго, *Шикиура* [204]); *Шикиуръ* сказалъ: «*Ѣсугайбаатурв* и *Нѣкуньтайцзы* [205]) померли, такъ меня и бьютъ.» Говоря это, онъ громко заплакалъ.

Во время того пира, Чингисъ приказалъ *Бѣлгутаю* внѣ ловить коней [206]) и наблюдать за порядкомъ, а со стороны *Чжурки* велѣлъ завѣдывать тѣмъ же *Бурибоко*; одинъ человѣкъ изъ рода *Хадгинъ* укралъ поводъ и былъ пойманъ [207]) *Бѣлгутаемъ*; *Бурибоко*, защищая того человѣка, разрубилъ наплечникъ *Бѣлгутаю*; *Бѣлгутай* изъ за этого не завелъ дѣла; когда кровь текла изъ его раны, Чингисъ, сидѣвшій подъ тѣнью дерева и все видѣвшій, спросилъ его: «Какъ ты позволяешь имъ подобный поступокъ съ тобой?» *Бѣлгутай* отвѣчалъ: «Хоть я и раненъ, но неопасно; изъ за меня не стоитъ братьямъ ссориться [208])». Но Чингисъ, не слушая его, сломилъ съ дерева прутъ, да вынулъ деревянный пестъ, которымъ бьютъ кобылье молоко, напалъ на *Чжурки*, и одолѣлъ ихъ; захватилъ также *Холичжинъ* и *Хуурчинъ*. Тѣ пришли съ мировой и обѣ боярыни были возвращены.

Послѣ сего, когда посланцы ѣздили взадъ и впередъ [209]), *Гиньцы* [210]) отправили министра *Ванъ гина* [211]), съ войскомъ, на *Татаръ Мѣгучжинъ сѣулту*, и другихъ [212]), за то, что сіи не слушались ихъ повелѣній [213]). *Ванъ гинъ* преслѣдовалъ *Мѣгучжиньсѣулту*, вверхъ по рѣкѣ *Улчжа*.

Чингисъ сказалъ: «За *Татарами* есть кровная обида, та, что они погубили моего предка и моего отца. Теперь, пользуясь этимъ случаемъ, удобно напасть на нихъ съ двухъ сторонъ [214]). Вслѣдъ за тѣмъ, онъ отправилъ человѣка къ *Тоорилу*, съ такими словами: «*Гиньцы* послали *Вань гина*, который преслѣдуетъ *Мыгучжиня* и другихъ *Татаръ*, вверхъ по рѣкѣ *Улчжа*. Это родъ враждебный, погубившій моего предка и моего отца: Отецъ! помоги мнѣ ратовать на нихъ [215])». *Тоорилъ* согласился помочь: въ три дня, онъ приготовилъ войско и самъ пришелъ съ нимъ къ Чингису. Чингисъ также послалъ человѣка къ *Сачабѣки* и *Дайчу*, рода *Чжурки*, объяснить имъ свое желаніе мести за обиду и просить ихъ помощи; онъ ждалъ ихъ шесть дней, но они не приходили. Тогда, Чингисъ съ *Тоориломъ*, повелъ войска внизъ по рѣкѣ *Улчжа;* они съ *Ванъ гиномъ* съ двухъ сторонъ, напали на *Татаръ*. *Татары* устроили укрѣпленіе въ урочищѣ *Хусутушитуянь*. Чингисъ. съ *Тоориломъ*, разбилъ укрѣпленіе и убилъ татарскаго *Мыгучжинь сеулту*

Когда Гиньскій *Ванъ гинь* узналъ, Чингисъ и *Тоорилъ* разбили татарское укрѣпленіе и убили *Мыгучжиня* и другихъ, онъ крайне былъ доволенъ и далъ Чингису титулъ *Чжаухури* [216]), а *Тоорилу* титулъ *Вана* [217]). Потомъ, *Ванъ гинь* говорилъ Чингису: «Я весьма одолженъ тебѣ, что ты убилъ *Мыгучжиня* и другихъ; когда я возвращусь, то донесу о томъ Гиньскому царю, и постараюсь, чтобы онъ далъ тебѣ еще важнѣйшій титулъ: *Чжаотаогуань* [218]).» За тѣмъ *Ванъ гинъ* отправился въ обратный путь. Чингисъ и *Тоорилъ*, полонивъ *Татаръ* тоже вернулись домой.

Когда войско Чингиса находилось въ лагерѣ *Татаръ*, то подобрали въ немъ одного мальчика, который носилъ на носу золотое кольцо, и набрюшникъ съ золотыми кистями, подбитый соболемъ; его отдали матери *Хоэлунь*. *Хоэлунь* сказала: «Вѣрно, онъ изъ какого нибудь знатнаго дома [219])». Давъ ему имя *Шигиканьхудуху*, она сдѣлала его своимъ шестымъ сыномъ.

Старые и малые изъ народа Чингиса, отставши назади, стали на берегу озера *Халиль*. *Чжурки* съ 50 изъ нихъ содрали платье, да десятерыхъ убили. Когда извѣстили о томъ Чингиса, онъ разгнѣвался и сказалъ: «За что мы терпимъ подобные поступки отъ *Чжурки?* Прежде, во время пира на берегу рѣки *Онань*, въ лѣсу, ихъ люди прибили кравчаго и порубили плечо *Бѣлгутаю;* теперь, когда я хотѣлъ отомстить за предковъ, вмѣстѣ съ ними, они не пришли; напротивъ, предавшись нашимъ врагамъ, сдѣлались врагами.» Поэтому онъ повелъ войско свое раззорять *Чжурки;* прибывши въ *Долоань болдау*, у рѣки *Кэрулянь*, онъ овладѣлъ народомъ *Чжурки;* только двое, *Сачабѣки* и *Дайчу* безо всего бѣжали къ ущелью *Дѣлѣту*, но Чингисъ поймалъ ихъ и спросилъ: «Вы что мнѣ прежде говорили?» [220]) Оба они отвѣчали: «Мы не исполнили даннаго нами прежде обѣщанія.» Съ сими словами, они протянули шеи, чтобы ихъ убили: Чингисъ и убилъ ихъ. Убивъ *Сачабѣки* и *Дайчу*, Чингисъ возвратился въ становище *Чжурки* и поднялъ этотъ народъ [221]).

Въ то время, человѣкъ изъ рода *Чжалаиръ*, по имени *Тѣлыэту Боянь*

имѣвшій троихъ сыновей, велѣлъ старшему изъ нихъ, по имени ***Гуунъуа,*** съ двумя его сыновьями, ***Мухали*** и ***Буха,*** представиться Чингису и отдаться ему, сказавъ: «Пусть они будутъ навсегда рабами твоими. Если они отстанутъ отъ твоихъ дверей, то вытяни у нихъ изъ ногъ жилы и вырѣжь сердце и печень.» Потомъ велѣлъ второму своему сыну, ***Чилаунъ Хайичи,*** съ двумя его сыновьями, ***Тунгэ*** и ***Хаши,*** тоже представиться, говоря: «Пусть они оберегаютъ у тебя золотыя двери. Если они отстанутъ, то отними у нихъ жизнь.» Наконецъ, третьяго сына своего ***Чжэбкэ,*** онъ отдалъ брату Чингиса, ***Хасару,***

Чжэбкэ нашелъ въ лагерѣ ***Чжурки*** одного мальчика, по имени ***Бороулъ,*** котораго отдалъ матери ***Хоэлунъ. Хоэлунъ,*** принявшая послѣдовательно четырехъ, мальчиковъ: ***Гучу, Кокочу, Шигиканъхутуху*** и ***Бороула,*** вмѣстѣ съ дѣтьми своими днемъ наблюдала очами, ночью внимала ушами, и такъ воспитала ихъ.

Происхожденіе рода ***Чжурки*** было слѣдующее: у царя ***Хабула*** было семь сыновей; старшій назывался ***Олбархахъ*** 222); ***Хабулъ,*** во вниманіи къ его старшинству, выбравъ изъ народа смѣлыхъ, сильныхъ, твердыхъ и искусныхъ въ стрѣляніи изъ лука людей, далъ ему ихъ въ свиту. Куда бы они ни ходили, всѣхъ побѣждали и никто не смѣлъ состязаться съ ними; поэтому они и названы были ***Чжурки.*** Чингисъ покорилъ этотъ родъ и присоединилъ его народъ къ своему.

Разъ Чингисъ приказалъ *Бурибоко* и *Бѣлгутаю* побороться въ своемъ присутствіи. Обыкновенно, когда *Бѣлгутай* боролся съ *Бурибоко,* послѣдній, дѣйствуя одной рукой и одной ногой, поборалъ и заставлялъ его лежать безъ движенія. Въ этотъ разъ *Бурибоко,* притворившись, что уступаетъ силѣ *Бѣлгутая,* упалъ на земь. *Бѣлгутай,* прижавъ его, обернулся лицемъ къ Чингису; Чингисъ закусилъ нижнюю губу свою; *Бѣлгутай,* понявши этотъ знакъ, уперся колѣнами въ спину *Бурибоко,* обѣими руками ухватился за его шею, и съ силою потянувъ назадъ, переломилъ ему спинную кость. *Бурибоко* проговорилъ: «Я не могъ проиграть въ борьбѣ: но, боясь Чингиса, нарочно показалъ видъ, что не могу одолѣть тебя: а ты спровадилъ мою жизнь 223)».

У царя *Хабула* было семеро сыновей; старшій назывался *Олбархахъ;* второй *Бартанъбаатуръ;* сынъ *Бартаня* былъ *Ѣсугай,* сынъ *Ѣвугая* Чингисъ; третій сынъ *Хабула* именовался *Хутухтумунлъръ;* сынъ *Мунлъра* и былъ *Бурибоко. Бурибоко* обошелъ потомковъ *Бартаня* и сдѣлался товарищемъ отважныхъ потомковъ *Барха* 224) за то, хотя во всемъ царствѣ никто не могъ спорить съ нимъ въ силѣ, онъ, подъ конецъ, не избѣгъ смерти отъ перелома спины 225).

Послѣ того, въ годъ курицы 226), улусы: ***Хатагинъ*** и другіе, въ числѣ 11 227), собрались въ урочищѣ ***Алхуйбулаа*** и по совѣщаніи, рѣшились провозгласить ***Чжамуху*** главою 228). Тогда они, убивъ лошадь и произнесши клятву, отправились внизъ по рѣкѣ ***Эргунъ*** 229), и у острова рѣки ***Каньмурянь*** 230) провозгласили ***Чжамуху*** царемъ и намѣревались идти войной на Чингиса и ***Ванъ ханя.*** Одинъ человѣкъ изъ рода ***Хороласъ,*** по имени ***Хоридай*** ,прибылъ въ урочище ***Гуляму*** и увѣдомилъ о томъ Чингиса. Чингисъ отправилъ человѣка извѣстить ***Ванъ ханя***

слѣдствіе чего, ***Ванъ ханъ,*** собравъ войско, пришелъ съ нимъ къ Чингису. ***Ванъ ханъ*** и Чингисъ, соединившись, отправились внизъ по рѣкѣ ***Кэруляиъ,*** на встрѣчу ***Чжамухэ.*** Чингисъ отправилъ передовыми ***Алтаня*** и другихъ двоихъ [231]), а ***Ванъ ханъ—Санкуня*** [232]), тоже съ двумя товарищами; эти передовые отрядили отъ себя дозорныхъ, въ мѣста: ***Энъяньгуйльту, Чэксалъ*** [233]) и ***Чихурху,*** для дозора. Когда ***Алтанъ*** доѣхалъ до урочища ***Укитья*** [234]), пріѣхалъ къ нему дозорный съ ***Чихурху,*** съ извѣстіемъ, что непріятели приближаются. ***Алтанъ,*** съ товарищами, тотчасъ отправился впередъ, для развѣдыванія, и на дорогѣ повстрѣчался съ четырьмя передовыми ***Чжамухи, Аучубаатуромъ*** и другими; переговоривъ между собой [235]) и видя, что уже поздно, они возвратились на ночлегъ въ главный лагерь

На слѣдующій день, войско Чингиса сошлось съ войскомъ ***Чжамухи*** и вступило въ бой въ урочищѣ ***Коитянь*** Во время построенія рядовъ, въ войскѣ ***Чжамухи, Буирухъ*** и ***Худуха,*** чарами своими навели вѣтеръ и дождь, чтобы по вѣтру и дождю ударить на Чингиса; но вопреки ихъ ожиданію, вѣтеръ и дождь обратились противъ нихъ самихъ; воздухъ стемнѣлъ и ратники ***Чжамухи,*** не будучи въ состояніи двинуться впередъ, попадали въ ровъ. ***Чжамуха*** и другіе сказали: «Небо не покровительствуетъ намъ; отъ того и вышло такъ.» Вслѣдъ затѣмъ, войско его разсѣялось; ***Найманъ*** и другіе роды, въ числѣ 11, возвратились въ свои улусы.

Чжамуха, захвативъ народъ, провозгласившій его царемъ, отправился въ обратный путь, внизъ по теченію рѣки ***Эргунь; Ванъ ханъ*** пустился преслѣдовать его, а Чингисъ ***Аучубаатура,*** рода ***Дайчиутъ. Аучубаатуръ,*** прибывши въ свой улусъ, поднялъ весь народъ, переплылъ рѣку ***Онанъ*** и здѣсь выстроилъ свое войско, въ ожиданіи Чингиса, чтобы сразиться съ нимъ. Чингисъ, тотчасъ по прибытіи, вступилъ въ битву и сдѣлалъ нѣсколько схватокъ; къ вечеру обѣ стороны остановились на ночлегъ, одна противъ другой, на самомъ мѣстѣ битвы.

Чингисъ, въ сраженіи съ ***Дайчиутъ,*** раненъ былъ въ шею; отъ истеченія крови, онъ впалъ въ глубокій обморокъ; прислужникъ его, ***Чжэлмъ,*** высосалъ изъ раны его скопившуюся кровь, и Чингисъ уже въ полночь очнулся. Онъ сказалъ: «Кровь во мнѣ высохла; чрезвычайно хочется пить.» ***Чжэлмъ,*** нагой, отправился въ непріятельскій станъ, искалъ въ кузовахъ кибитокъ кобыльяго молока, но не нашелъ его; попалось ему только ведро со сливками [236]), которое онъ и унесъ съ собой, такъ, что никто не замѣтилъ, какъ онъ приходилъ и ушелъ. Потомъ онъ сходилъ за водой, и разведя ею густыя сливки, далъ Чингису напиться. Чингисъ три раза принимался пить, отдыхая, и только послѣ третьяго раза, остановился. Тогда Чингисъ сказалъ: «Глаза мои прозрѣли, душа просвѣтлѣла». Съ сими словами, онъ приподнялся и пока сидѣлъ, начало свѣтать. Замѣтивъ на мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, кровь которая образовала грязную лужу, Чингисъ сказалъ: «Что это такое? Развѣ нельзя было откидывать подальше?» ***Чжэлмъ*** отвѣчалъ: «Въ-торопяхъ, мнѣ не въ-догадъ было отходить подальше; да я и боялся удалиться отъ тебя, и какъ попало, то глоталъ, то выплевывалъ кровь; въ мое брюхо вошло ея тоже не мало». Чингисъ сказалъ опять: «Когда я былъ въ такомъ положеніи, какъ ты рѣшился, нагой

пробраться въ непріятельскій лагерь; если бы схватили тебя, вѣдь ты сказалъ бы имъ, что я раненъ?» *Чжэлмъ* отвѣчалъ: «Если бы схватили меня, то я сказалъ бы имъ, что я человѣкъ, передавшійся имъ; что вы, узнавъ о томъ, сняли съ меня платье и пока готовились убить меня, я вырвался отъ васъ и бѣжалъ къ нимъ Они непремѣнно повѣрили бы словамъ моимъ, одѣли и употребили бы въ дѣло, а я, сѣвъ на одну изъ ихъ лошадей, непремѣнно пріѣхалъ бы сюда.» Чингисъ сказалъ: «Прежде, когда *Мэркитъ* стѣснили меня въ горѣ *Бурханъ,* ты тогда защитилъ мою жизнь; теперь ты высосалъ у меня скопившуюся кровь; захотѣлъ я пить, и ты, рискуя своею жизнію, отыскалъ мнѣ сливокъ и напоивъ меня, возвратилъ мнѣ духъ. Эти три услуги твои я навѣки не забуду.»

На другой день, Чингисъ увидѣлъ, что непріятели ночью разсѣялись; а народъ, находившійся въ ихъ станѣ, полагая, что не можетъ убѣжать, не поднимался съ мѣста. Чингисъ, сѣвъ на коня, поѣхалъ вслѣдъ за ушедшимъ народомъ, чтобы и его возвратить назадъ; вдругъ замѣтилъ онъ на горѣ женщину, одѣтую въ красное платье, которая плакала и громко кликала: «*Тэмучжинъ!*» Чингисъ послалъ къ ней человѣка узнать, что такое? Та женщина сказала: «Я дочь *Сорханьшира* по имени *Хадаанъ;* ратники хотятъ убить моего мужа; потому я и звала *Тэмучжиня,* чтобы онъ спасъ его.»—Чингисъ, узнавъ это, тотчасъ поѣхалъ спасти ея мужа, но когда прибылъ, мужъ ея былъ уже убитъ ратниками. Вслѣдъ за тѣмъ, Чингисъ остановился лагеремъ въ этомъ мѣстѣ и позвавъ къ себѣ *Хадаанъ,* посадилъ ее рядомъ съ собою. На другой день, представились Чингису *Сорханьшира,* и *Чжэбэ;* оба они первоначально были домашними людьми *Тодогэ,* рода *Дайичиутъ.* Чингисъ сказалъ *Сорханьширѣ:* «Въ прежнее время, ты и дѣти твои оказали мнѣ услугу, снявъ съ меня колодку; почему такъ поздно пришли ко мнѣ?» *Сорханьшира* отвѣчалъ: «Въ душѣ я уже преданъ былъ тебѣ, но если бы я пришелъ къ тебѣ ранѣе, то, пожалуй, *Дайичиутъ* истребили бы моихъ женъ. Вотъ почему я явился къ тебѣ только теперь.»

Чингисъ спросилъ *Чжэбэ:* «Во время битвы, въ урочищѣ *Куйтянъ,* кто съ горы пустилъ стрѣлу и прострѣлилъ шейную кость у моего коня.» *Чжэбэ* отвѣчалъ: «Это я пустилъ стрѣлу. Теперь, если ты, царь, повелишь убить, меня, то замараешь только клочекъ земли, не больше, какъ съ ладонь: а коли оставишь меня живымъ, то я поусердствую [237]) тебѣ; глубокую воду остановлю и крѣпкіе камни разобью въ куски» [258]) Чингисъ сказалъ: «Когда врагъ убиваетъ человѣка, то онъ обыкновенно таитъ и не высказываетъ этого; ты же теперь не утаилъ отъ меня: будь же моимъ сподвижникомъ.»—До этого *Чжэбэ* назывался *Чжиргоадай,* а теперь за то, что онъ могъ застрѣлить ратную лошадь. Чингисъ далъ ему имя *Чжэбэ* и употреблялъ его, какъ ратную лошадь. *Чжэбэ* же есть названіе военнаго оружія.

Истребивъ всѣхъ дѣтей и внуковъ *Аучубаатура* рода *Дайичиутъ,* Чингисъ, со всѣмъ народомъ, перекочевалъ въ урочище *Хубахая,* гдѣ и провелъ зиму.

Бояринъ изъ племени *Дайичиутъ, Тархутай-Кирилту,* будучи во враждѣ съ Чингисомъ, бѣжалъ въ лѣсъ; домашній человѣкъ его, старикъ *Ширгуэту,* съ двумя

сыновьями своими, ***Алахъ*** и ***Наяа*** рѣшились выдать его Чингису; и такъ какъ онъ, по толстотѣ своей, не могъ сидѣть на конѣ, то повезли его въ кибиткѣ; братья и дѣти ***Тархутай-Кирилту,*** пустились вслѣдъ за нимъ и настигли; старикъ ***Ширгуэту*** испугался; притиснувъ ***Тархутай-Кирилту,*** онъ вынулъ ножъ и сказалъ: «Убью ли тебя, или не убью, все равно, умру; лучше же напередъ убить тебя, а потомъ умереть.» ***Тархутай-Кирилту*** закричалъ своимъ братьямъ и дѣтямъ: «Онъ хочетъ убить, меня; если убьетъ, то что вамъ пользы въ моемъ трупѣ; лучше скорѣе воротитесь назадъ, а меня пусть отвезутъ къ ***Тъмучжиню;*** онъ навѣрно не убьетъ меня; вѣдь я, въ молодыхъ годахъ, оказалъ ему услугу [239]).» Братья и дѣти его поэтому вернулись назадъ. Когда ***Ширгуэту*** доѣхалъ до урочища ***Хутуху,*** сынъ его, ***Наяа,*** сказалъ ему: «Если мы приведемъ его къ ***Тъмучжиню, Тъмучжинъ*** навѣрно скажетъ, что мы схватили своего законнаго господина и не можемъ быть ему товарищами: онъ непремѣнно убьетъ насъ; лучше отпустимъ ***Тархутай-Кирилту,*** а ***Тъмучжиню*** скажемъ, что мы схватили было его, но какъ онъ нашъ законный господинъ, то не могли потерпѣть того и отпустили его на волю; Чингисъ непремѣнно приметъ насъ.» Тогда они отпустили ***Турхутай-Кирилту*** и прибывши къ Чингису, разсказали ему, какъ было дѣло. Чингисъ сказалъ имъ: «Если-бы вы привезли его ко мнѣ, я непремѣнно убилъ бы васъ; но вы не потерпѣли того и отпустили его на волю; вы поступили хорошо.» За то онъ особо наградилъ ***Наяа.***

Послѣ того, когда Чингисъ находился въ урочищѣ ***Търсу,*** поддался ему, изъ рода ***Кэръи, Чжахаганьбу*** [240]). Въ то время, ***Мъркu*** хотѣли воевать съ Чингисомъ; Чингисъ, вмѣстѣ съ ***Чжахаганьбу,*** отразилъ ***Мъркu.*** Потомъ поддался ему разсѣянный народъ родовъ: ***Кэръи, Натубъганъ*** и ***Дунха*** [241]).

Дружба между ***Ванъ ханемъ,*** рода ***Кэръи,*** и ***Ѣсугаемъ,*** началась по слѣдующему обстоятельству. ***Ванъ ханъ*** умертвилъ младшихъ братьевъ отца своего, ***Хурчахусыбуируханя;*** дядя его, ***Гурханъ*** [242]), хотѣлъ за то убить ***Ванъ ханя,*** преслѣдовалъ и загналъ его въ гору ***Хараунъ;*** у ***Ванъ ханя*** осталось только сто человѣкъ; онъ пришелъ къ ***Ѣсугаю. Ѣсугай*** прогналъ ***Гурханя*** въ страну ***Хашинъ*** [243]), и собравъ снова народъ, принадлежавшій ***Ванъ ханю,*** возвратилъ ему. Оттого и возникла между ними дружба.

Послѣ того, ***Ванъ ханъ*** хотѣлъ умертвить своего младшаго брата, *Эркэхара;* послѣдній бѣжалъ въ *Найманьскій* родъ къ ***Инаньча. Инаньча*** поднялъ войско и прогналъ ***Ванъ ханя*** къ ***Гурханю,*** рода *Харакита* [244]). Въ скоромъ времени, ***Ванъ ханъ*** возмутился противъ ***Гурханя*** и ушелъ отъ него. Проходя родами ***Уйу*** и ***Тангу*** [245]), онъ питался только молокомъ, надоеннымъ отъ пяти овецъ [246]) и пилъ кровь верблюда, добывая ее прокалываніемъ въ его тѣлѣ. Такъ онъ дошелъ до озера ***Гусъръ.*** Чингисъ, по старой дружбѣ, выслалъ къ нему на встрѣчу храбраго *Сукэгая;* потомъ и самъ вслѣдъ пришелъ къ вершинѣ рѣки *Кэрулянъ* и встрѣтилъ ***Ванъ ханя.*** Приведши его въ свой станъ, Чингисъ приказалъ своему народу доставить провіантъ для его продовольствія. Тотъ годъ, они провели зиму въ урочищѣ *Хубахая.*

Братья *Ванъ ханя* и бояре, порицая его, говорили между собою: «У *Ванъ ханя* злое сердце; онъ перебилъ своихъ братьевъ и погубилъ собственный свой народъ. Надобно придумать, какъ отомстить ему. Прежде, когда ему было семь лѣтъ, онъ былъ въ плѣну у *Мэрки* и занимался толченіемъ 247); тринадцати лѣтъ, онъ, вмѣстѣ съ матерью, схваченъ былъ *Татарами*, которые заставили его пасти скотъ. Въ-послѣдствіи, боясь быть убитымъ отъ *Найманей*, онъ бѣжалъ въ страну *Хойхой* 248), къ рѣкѣ *Чуй* и прибѣгнулъ къ *Гуръхаханю*, рода *Харакита*; но меньше, чѣмъ черезъ годъ, онъ возмутился и опять бѣжалъ оттуда, и проходя странами *Туу* 249) и *Танъу*, терпѣлъ крайнее бѣдствіе. *Тэмучжинъ* помогъ ему; но теперь онъ забылъ прежнія благодѣянія и, напротивъ, питаетъ недобрыя мысли. Чтоже хорошаго мы можемъ сказать о немъ?» Нѣкто, по имени *Алтуньашухъ*, послѣ передалъ эти рѣчи *Ванъ ханю; Ванъ ханъ* схватилъ сговаривавшихся братьевъ своихъ и вельможъ: *Эрхутура*, *Хулбари* и *Ариньтайцзы*; одинъ только братъ его, *Чжахаганьбу*, бѣжалъ къ *Найманямъ*. *Элхутуръ*, съ товарищами, были крѣпко связаны и помѣщены въ жильѣ. *Ванъ ханъ* говорилъ имъ: «Когда мы проходили *Туу* и *Танъу*, вы тогда что говорили? Если вы такъ поступаете, то я не буду подобенъ вамъ.» За тѣмъ, онъ велѣлъ присутствовавшимъ наплевать имъ въ лицо и потомъ отпустилъ ихъ.

Послѣ того, въ годъ пса, осенью, Чингисъ ратовалъ, въ урочищѣ *Даланьнэмургэсы*, съ четырьмя родами *Татаръ*, т. е. съ *Чаганъ Татаръ* и другими. Передъ сраженіемъ, онъ отдалъ приказъ своему войску: «Если одержимъ побѣду, то не гнаться за добычей; по окончаніи же всего, раздѣлить ее поровну. Когда ратники принуждены будутъ отступить къ первоначальному строю, то снова должны вернуться и биться и биться усильно; кто, отступивъ къ первоначальному строю, не вернется, тому отрубить голову.» Тогда Чингисъ побѣдилъ *Татаръ*, дошелъ до рѣки *Улхуй*, въ урочищѣ *Шилугэлчжитъ*, и овладѣлъ всѣми *Аолу* 250) четырехъ родовъ. Въ началѣ сраженія, *Алтанъ*, и другіе 251), вопреки запрещенію, грабили вещи; Чингисъ приказалъ *Чжэбэ* и *Хубилаю* отнять у нихъ все награбленное.

Овладѣвъ четырмя родами *Татаръ*, Чингисъ тайно совѣщался со своими родичами и говорилъ: «*Татары* заслужили нашу месть, убивъ нашего отца; теперь предстоитъ удобный случай умертвить всѣхъ ихъ людей мужескаго пола, кто ростомъ будетъ не ниже колесной чеки 252); остальныхъ раздѣлимъ и сдѣлаемъ рабами.» Когда такъ рѣшено было на совѣщаніи, и *Бэлутай* вышелъ, одинъ изъ *Татаръ*, по имени *Ѣкэчжэрянь*, спросилъ его: «О чемъ вы сегодня совѣщались?» *Бэлутай* отвѣчалъ: «Рѣшили умертвить всѣхъ вашихъ мущинъ, ростомъ не ниже колесной чеки 253)». *Ѣкэчжэрянь* передалъ эту вѣсть *Татарамъ*, которые немедленно заняли горное укрѣпленіе. Чингисъ велѣлъ разбить ихъ укрѣпленіе; войску много было труда; когда же разбили укрѣпленіе, то умертвили всѣхъ мущинъ, ростомъ не ниже колесной чеки. Передъ тѣмъ, *Ѣкэчжэрянь*, узнавъ о замыслѣ, говорилъ *Татарамъ*: «Спрячемъ въ рукава по ножу и когда они станутъ убивать насъ, каждый изъ насъ пусть убьетъ одного изъ нихъ; постелемъ 254) и потомъ помремъ»

Татары дѣйствительно спрятали въ рукавахъ своихъ по ножу и умертвили много ратниковъ. Когда дѣло было кончено, Чингисъ сказалъ: «Благодаря *Бѣлгутаю*, который открылъ другимъ то, что мы порѣшили въ домашнемъ нашемъ совѣтѣ, у насъ убито весьма много ратниковъ. Съ сихъ поръ, въ случаѣ совѣщанія о важныхъ дѣлахъ, *Бѣлгутаю* воспрещается входить въ совѣтъ; пусть онъ будетъ внѣ и рѣшаетъ дѣла по спорамъ, дракамъ и воровству; позволяется же *Бѣлгутаю* и *Дааритою* 255) входить внутрь уже тогда, когда совѣщаніе будетъ кончено и совѣщавшіеся выпьютъ по чаркѣ вина».

Въ это время, Чингисъ взялъ себѣ въ жены дочь *Татара Ѣкэчжэряня*, по имени *Ѣсуганъ. Ѣсуганъ,* пріобрѣвшая особенную любовь Чингиса, сказала ему: «У меня есть старшая сестра, по имени *Ѣсуй,* тоже красавица; она достойна быть супругою царя. Она только что вышла замужъ и неизвѣстно гдѣ находится.» Чингисъ сказалъ: «Если она дѣйствительно красавица, то я прикажу отыскать ее; но когда отышутъ ее, захочешь ли ты уступить ей свое мѣсто 256)?» *Ѣсуганъ* отвѣчала: «Только увижу ее, тотчасъ же уступлю.» Тогда Чингисъ послалъ людей отыскать *Ѣсуй;* посланные встрѣтили ее въ лѣсу, куда скрылась она съ женихомъ, ища спасенія отъ смутъ; женихъ ея увидѣвъ, приближающихся людей, бѣжалъ, а посланные, нашедши *Ѣсуй,* возвратились къ Чингису. *Ѣсуганъ,* увидѣвъ *Ѣсуй,* уступила ей свое мѣсто, на которомъ та и сѣла 257).

Однажды Чингисъ сидѣлъ внѣ 258) съ *Ѣсуй* и *Ѣсуганъ,* и пилъ вино. Въ это время *Ѣсуй* глубоко вздохнула. Чингисъ возымѣлъ подозрѣніе; онъ приказалъ *Мухали* и другимъ приближеннымъ, всѣхъ бывшихъ въ собраніи людей размѣстить и поставить по своимъ улусамъ. Напослѣдокъ, остался одинъ молодой человѣкъ, не присоединившійся ни къ которому улусу; Чингисъ спросилъ его: «Ты что за человѣкъ?» Тотъ отвѣчалъ: «Я женихъ *Ѣсуй;* когда ее схватили, я бѣжалъ. Теперь же, какъ дѣло порѣшено, я вышелъ, надѣясь, что въ большой толпѣ народа меня не узнаютъ.» Чингисъ сказалъ: «Ты потомокъ моихъ враговъ и пришелъ сюда подсматривать; я умертвилъ ихъ всѣхъ; такъ и о тебѣ нечего раздумывать.» Съ сими словами, Чингисъ отрубилъ ему голову.

Въ тотъ годъ пса, когда Чингисъ воевалъ *Татаръ*, *Ванъ ханъ* ходилъ раззорять *Мэркитъ* и преслѣдовалъ *Тохтоа* до мѣста *Бархучжиньтокумъ* 259); онъ убилъ старшаго сына *Тохтоа,* по имени *Тогусьбѣки,* взялъ двухъ дочерей его и женъ, потомъ полонилъ двухъ сыновей 260) его и народъ. При этомъ, *Ванъ ханъ* не далъ Чингису изъ добычи ровно ничего.

Послѣ того, Чингисъ, вмѣстѣ съ *Ванъ ханемъ*, ходилъ войной на *Найманьскаго Гучугудуньбуируха. Буирухъ* въ то время находился въ странѣ, прилежащей къ Улухтахъ 261), у рѣки *Сяохохъ*. Когда Чингисъ съ *Ванъ ханемъ* пришли, *Буирухъ,* не въ силахъ будучи противостоять имъ, поднялся и перешелъ за гору *Алтай* 262); его преслѣдовали до страны 263) *Хумшингиръ,* до рѣки *Урунгу* 264). Одинъ бояринъ *Буируха,* по имени *Ѣдитублухъ,* выѣхавшій для дозора, встрѣтился съ дозорными Чингиса и преслѣдуемый ими, пустился на гору; въ ту пору, подпруга у сѣдла

его коня лопнула и онъ былъ пойманъ. Потомъ преслѣдовали *Буируха* до озера *Кишилбаши* [265]), гдѣ онъ и доведенъ былъ до крайности [266]).

Когда Чингисъ съ *Ванъ ханемъ* возвращались, одинъ изъ *Найманьцевъ,* по имени *Кэксъусабрахъ,* искусный воинъ, выстроилъ войско въ урочищѣ *Баидарахбѣлчиръ,* въ намѣреніи сразиться съ ними. Чингисъ и *Ванъ ханъ* тоже выстроили свои войка; но, за позднимъ временемъ, остались на ночь противъ непріятелей. Ночью *Ванъ ханъ* нарочно развелъ въ своемъ станѣ огни, а самъ поднялся и ушелъ вверхъ по рѣкѣ *Нахарасъулъ.*

Въ то время, *Чжамуха*, поднявшійся вмѣстѣ съ *Ванъ ханемъ,* говорилъ ему: «*Тѣмучжинъ аньда,* въ прежнее время, часто отправлялъ посланцевъ къ *Найманямъ;* сегодня онъ до сихъ поръ запоздалъ и не видать его; навѣрно, онъ поддался *Найманямъ.*» Потомъ, величая *Ванъ ханя* царемъ [267]), онъ говорилъ ему: «Царь! Я, что постоянно пребывающій жаворонокъ [268]), а *Тѣмучжинъ* перелетная птица, кричащая въ поднебесьи [269]).» Въ это время, человѣкъ изъ *Убчихтай*, по имени *Гуриньбаатуръ*, замѣтилъ *Чжамухѣ*: За чѣмъ ты льстишь и клевещешь на своего добраго брата?»

Чингисъ, переночевавши, съ разсвѣтомъ дня увидѣлъ, что на мѣстѣ, гдѣ стоялъ *Ванъ ханъ*, нѣтъ никого, и сказалъ: «Онъ покинулъ меня, какъ будто заваривъ пищу [270]).» За тѣмъ, пришедши *Ѣтѣрэалтайское* ущелье, онъ прямо пошелъ въ урочище *Сааарикэръ* и здѣсь остановился. Сообразивъ также намѣренія *Найманьцевъ*, онъ не счелъ/ ихъ важными.

Кэксъусабрахъ, преслѣдуя *Ванъ ханя*, захватилъ женъ и народъ *Санкуня* [271]); также отнялъ у *Ванъ ханя* половину народа и скотъ въ ущельѣ *Тѣлѣэту* [272]). Передъ тѣмъ, два сына *Меркитскаго Тохтоа*, *Хуту* и *Чилаунъ*, находились у *Ваньханя;* пользуясь геперешнимъ случаемъ, они, вмѣстѣ съ народомъ своимъ, отстали отъ *Ванъ ханя* и ушли внизъ по рѣкѣ *Сѣлянгэ*, чтобы соединиться съ отцемъ своимъ.

Когда *Найманьскій Кэксъусабрахъ* овладѣлъ женами и народомъ *Ванъ ханя*, послѣдній отправилъ посланца къ Чингису, съ такою просьбой: «Пришли ты ко мнѣ своихъ четырехъ витязей [273]), чтобы спасти меня.» Чингисъ тотчасъ отправилъ *Боорчу* и другихъ трехъ витязей [274]), съ войскомъ, помочь *Ванъ ханю.* Передъ самымъ прибытіемъ витязей, *Санкунъ* въ урочищѣ *Хулааньхутъ*, вступилъ въ битву съ *Найманьцами*; конь *Санкуня* былъ прострѣленъ въ ногу; *Санкуня* хотѣли уже схватить, какъ четыре витязя подоспѣли и спасли его; они освободили также и возвратили женъ и народъ. Тогда *Ванъ ханъ* сказалъ: Въ прежнее время, добрый отецъ его освободилъ и возвратилъ мнѣ проигранный мною народъ; теперь сынъ прислалъ четырехъ витязей, которые освободили и отдали мнѣ петерянный мною народъ. Клянусь покровительствомъ и помощію неба [275]), что я постараюсь отплатить за такія благодѣянія!»

Ванъ ханъ говорилъ еще: «*Ѣсугай аньда* однажды уже возвратилъ мнѣ потерянный мною народъ; нынѣ сынъ его, *Тѣмучжинъ*, тоже возвратилъ мнѣ потерянный народъ; для кого такъ трудились и отецъ и сынъ? Теперь я уже старъ; въ-

послѣдствіи, кому передамъ управленіе моимъ народомъ? Мои младшіе братья безъ достоинствъ; есть только сынъ *Санкунь*; но все равно, какъ бы и не было его [276]). Сдѣлаю *Тѣмучжиня* старшимъ братомъ *Санкуня,* такъ, что у меня будетъ два сына; тогда я буду спокоенъ.» Вслѣдствіе чего, онъ сошелся съ Чингисомъ у Чернаго-Лѣса *Туулы* и усыновилъ его себѣ. Прежде Чингисъ называлъ *Ванъ хана* отцемъ, ради дружбы его съ *Ѣсугаемъ*; въ этотъ разъ, они сами заключили союзъ отца съ сыномъ и такъ говорили между собой: «Въ войнѣ со врагами будемъ ратовать вмѣстѣ; въ облавахъ на звѣрей вмѣстѣ будемъ охотиться. Если люди будутъ ссорить насъ, не будемъ слушать и вѣрить имъ, и тогда только удостовѣримся, когда лично переговоримъ.» Такъ они порѣшили; тогда взаимная дружба ихъ была весьма полна.

Чингисъ, чтобъ еще болѣе скрѣпить дружбу съ *Ванъ ханемъ*, просилъ сестру *Санкуня*, *Чаурбѣки*, за сына своего *Чжочи*, и въ замѣнъ, предложилъ дочь свою, по имени Хочжинь, въ супруги сыну *Санкуня*, *Тусахѣ*. *Санкунь*, величаясь своимъ достоинствомъ, отвѣтилъ на то: «Дѣвица нашего дома, перешедши въ ихъ домъ, будетъ стоять только за дверьми, лицемъ къ сѣверу [277]); а ихъ дѣвица, у насъ, будетъ сидѣть лицемъ на югъ [278]).» Поэтому *Санкунь* презрѣлъ и отвергъ предложеніе брака. Сердце Чингиса оттого охладѣло [229]).

Объ этомъ охлажденіи сердца Чингиса провѣдалъ *Чжамуха*. Въ годъ свиньи [280]), весной, по совѣщаніи съ *Алтанемъ.* [281]), и другими, онъ поднялся и пришелъ къ *Санкуню*, въ урочище *Бѣркэлъ*, что на сѣверной сторонѣ горы *Чжэчжэръ унь дурв.* Клевеща *Санкуню* онъ говорилъ ему: «*Тѣмучжинь* постоянно пересылается посланцами и переговариваетъ съ *Найманьскимъ Таяномв* [282]); онъ устами толкуетъ о связи отца съ сыномъ, а на дѣлѣ вотъ какъ поступаетъ! Неужели довѣрять ему послѣ этого? Коли не погубить его заблаговременно, то онъ развѣ захочетъ подчиниться вамъ? Если же рѣшено будетъ уничтожить *Тѣмучжиня*, то я самъ нападу на него съ боку.» *Алтанъ* и *Хучаръ* молвили: «Мы убьемъ для тебя всѣхъ дѣтей матери Х*оэлунь.*» *Эбугечжиньхартаатъ* сказалъ: «Для тебя, я отниму у него руки и ноги.» *Тоорилъ* [283]) сказалъ: «Нѣтъ, лучше овладѣть его народомъ: тогда что ему останется дѣлать?» Х*ачиунь*б*ѣки* сказалъ: «*Санкунь*! Что бы ты ни захотѣлъ дѣлать, я пойду съ тобой на самый верхъ и до глубокаго дна [284]).»

Санкунь, внявши словамъ *Чжамухи* и его товарищей, послалъ *Саиханьтодѣэ* къ отцу своему сообщить ему объ этомъ. *Ванъ ханъ* сказалъ: «За чѣмъ ты думаешь такъ о сынѣ моемъ *Тѣмучжинѣ?* Мы теперь довѣрились ему; если будемъ питать къ нему дурныя мысли, то небо не возлюбитъ насъ и не будетъ покровительствовать намъ. Рѣчи *Чжамухи* лживы и не заслуживаютъ вѣры.» Такимъ образомъ, *Ванъ ханъ* не внялъ словамъ сына. *Санкунь* снова прислалъ человѣка съ такими словами: «Теперь имѣющіе ротъ и языкъ [285]) говорятъ такъ; почему же не вѣрить?» *Ванв ханъ* снова отвѣтилъ, что онъ не соглашается. Тогда *Санкунь* самъ пришелъ къ отцу и говорилъ ему: «Ты теперь еще живъ и онъ не считаетъ насъ ни за что; когда же ты скончаешься [286]), неужели онъ позволитъ мнѣ управлять народомъ, собраннымъ, съ большими трудами, моимъ дѣдомъ и отцемъ?» *Ванъ ханъ*-

отвѣчалъ: «Сынъ мой! Какъ мнѣ отречься отъ собственнаго своего [287])? Мы теперь довѣрились ему; слѣдовательно зло думать о немъ не слѣдуетъ; небо не возлюбитъ насъ и не будетъ покровительствовать намъ.» *Санкунь*, видя, что отецъ не соглашается, раздраженный хотѣлъ уйти: *Ванъ ханъ*, позвавъ его назадъ, сказалъ: «Вѣрно небо не возлюбило насъ. Какъ ты захочешь бросить сына моего, такъ ступай, дѣйствуй, а одолѣешь ли его. ты ужъ самъ вѣдай [288]).»

Тогда *Санкунь*, совѣщаясь съ собраніемъ, говорилъ: «*Тѣмучжинъ* сваталъ у насъ дѣвицу *Чаурбѣки*; назначимъ ему день и пригласимъ его на сговорный пиръ когда онъ пріѣдетъ къ намъ, мы здѣсь и схватимъ его.» Рѣшивши такимъ образомъ, онъ послалъ человѣка пригласить Чингиса. Чингисъ отправился съ десятью человѣками и на дорогѣ остановился переночевать въ жилищѣ старика *Мунлика*. *Мунликъ* говорилъ ему: «Когда мы [289]) сватали у нихъ дѣвицу, они, изъ гордости презрѣли и не хотѣли выдать ее; съ какой же стати теперь они нарочно сами просятъ тебя на сговорный пиръ? Сынъ *Тѣмучжинъ* и не смѣкнетъ. Лучше не ѣзди къ нимъ, и откажись подъ тѣмъ предлогомъ, что весной кони де тощи, и что теперь кони на корму.» Чингисъ послушался его словъ, и послалъ *Бухатая* и *Килатая* на пиръ, а самъ оттолѣ вернулся домой. *Санкунь* увидѣвъ пріѣхавшихъ *Бухатая* и *Килатая*, сказалъ: «Они догадались. Поѣдемъ пораньше, окружимъ и захватимъ *Тѣмучжиня*.»

Когда на совѣщаніи рѣшено было такимъ образомъ, младшій братъ *Алтаня*, *Ѣкэчэрянь*, прибывши домой, говорилъ: «Сегодня сообща порѣшили, чтобы завтра ѣхать и схватить *Тѣмучжиня*; если бы кто нибудь сегодня же извѣстилъ объ этомъ Т*ѣмучжиня*, не знаю, какъ бы онъ наградилъ того.» Жена его, *Алахаитъ*, молвила: «Не говори лишнихъ словъ; услышатъ домашніе, такъ, пожалуй, примутъ твои слова за правду [290]).» Въ это время, конскій пастухъ, Б*адай*, принесъ кобылье молоко и слышалъ то; воротясь онъ разсказалъ объ этомъ товарищу своему *Кишлиху*. *Кишлихъ* сказалъ: «Я еще пойду и послушаю.» Вошедши въ жилище, онъ увидѣлъ сына *Ѣкэчэряня*, *Наринькэяня*, который, натачивая стрѣлы, говорилъ: «Да, кому-бы изъ нашихъ домашнихъ отнять языкъ, загородить ротъ, чтобы онъ не говорилъ того, о чемъ мы только что толковали?» Потомъ, онъ сказалъ *Кишлиху*: «Поймай и привяжи бѣлую, да карію лошадь; завтра рано я ѣду.» *Кишлихъ* выслушавъ эти слова, ушелъ и сказалъ *Бадаю*: «Сейчасъ я развѣдалъ, твои слова справедливы. Поѣдемъ увѣдомить о томъ *Тѣмучжиня*.» Поймавъ и привязавъ двухъ лошадей, они вошли въ свою юрту, убили ягненка и сварили его на огнѣ, разведенномъ деревомъ *нарм*; потомъ сѣли на пойманныхъ ими коней и въ ту же ночь пріѣхали къ жилищу *Тѣмучжиня*, сзади. Они передали ему слова *Ѣкэчэряня* и его сына, и сказали: «Не сомнѣвайся! Тебя вправду хотятъ схватить». Чингисъ, узнавъ отъ Б*адая* и *Кишлиха* такую вѣсть, въ туже ночь сообщилъ ее ближайшимъ и довѣреннымъ сподвижникамъ своимъ, и покинувъ домашній скарбъ, бѣжалъ на сѣверную сторону горы *Маоуньдуръ* [291]); *Чжельмѣ* онъ велѣлъ итти назади, для наблюденія. На другой день, по полудни, онъ расположился, для отдыха, въ уро-

чищѣ *Халахалчжитэлътъ*. Во время отдыха, конскій пастухъ *Алчидая, Чигидай*, съ товарищами, пришелъ съ такимъ извѣстіемъ: «Отъ горы *Маоньудуръ* видна пыль, поднявшаяся въ урочищѣ *Хулааньбурахатъ*: враги пришли.» Чингисъ сѣлъ на коня и поѣхалъ.

Въ это время. *Ванъ ханъ*, прибывшій вмѣстѣ съ *Чжамухой*, спросилъ его, «Кто бойцы у *Тѣмучжиня?*» *Чжамуха* отвѣчалъ: «Два рода, *Уруутъ* и *Манхутъ*: у него добрые ратники; они не разстроиваются въ нестройномъ бою и съ малолѣтства навыкли къ копьямъ и мечамъ; знамена у нихъ или цвѣтныя или черныя: когда они появятся, то надобно остерегаться.» *Ванъ ханъ* сказалъ: «Въ такомъ случаѣ, пусть нападетъ на нихъ прежде нашъ *Чжиргинскій* храбрый *Хадахи*; за нимъ выступятъ храбрые *Ачихширунь* изъ рода *Тумянъ Тубѣгань*, и *Омань* и *Дунхаитъ*; имъ на подмогу *Хоришилѣмуньтайцзы*, во главѣ 1000 тѣлохранителей; подъ конецъ вступитъ въ дѣло наша ханская рать [292]).» *Ванъ ханъ* прибавилъ къ тому: «Братъ *Чжамуха!* Ты командуй моей ратью [293])» *Чжамуха*, получивъ порученіе, вышелъ и говорилъ своимъ товарищамъ: «Въ прежнее время, я никогда не могъ одолѣть [294]) *Тѣмучжиня*; а теперь *Ванъ ханъ* поручилъ мнѣ командовать его войскомъ; кажется, что онъ еще хуже меня; увѣдомимъ о томъ *Тѣмучжинъ аньду*» Вслѣдъ за тѣмъ *Чжамуха* тайно послалъ къ Чингису человѣка передать ему вышесказанное, прибавивъ: «При такомъ положеніи дѣла, тебя не одолѣютъ; не бойся, и будь остороженъ.»

Чингисъ, узнавъ о семъ, сказалъ: «Дядя [295]) *Чжурчэдай!* Я хочу поручить тебѣ быть передовымъ; что ты объ этомъ думаешь?» Только что *Чжурчэдай* хотѣлъ отвѣчать, *Хуилдаръ* сказалъ: «Я буду передовымъ, а ты послѣ позаботься о моихъ сиротахъ.»—*Чжурчэдай* сказалъ: «Мои *Уруутъ* и *Манхутъ* будутъ драться передъ царемъ впереди.» Съ сими словами, онъ выстроилъ оба рода передъ Чингисомъ. Только что они выстроились, какъ со стороны *Ванъ ханя* напалъ передовой отрядъ его, *Джиргинъ; Уруутъ* и *Манхутъ* выступили противъ нихъ и разбили ихъ; когда они преслѣдовали этотъ отрядъ, напалъ на нихъ Ванъ ханевъ вспомогательный отрядъ, подъ предводительствомъ *Ачихшилуня*, рода *Тумянъ Тубѣгань*, который прокололъ нашего *Хуилдара*, и свергнулъ его съ лошади; *Манхутскій* отрядъ обратился назадъ и сталъ на томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ *Хуилдаръ*. *Чжурчэдай*, во главѣ *Уруутъ*, напалъ на вспомогательный отрядъ и разбилъ его; преслѣдуя его, онъ встрѣтилъ *Омань* и *Дунхаитъ* и тоже одолѣлъ ихъ; потомъ напалъ на него *Шилѣмыньтайцзы*, съ 1000 тѣлохранителей, но былъ также разбитъ *Джурчэдаемъ*. Тогда сынъ *Ванъ ханя*, *Санкунь*, безъ вѣдома отца своего, тоже бросился въ битву, но будучи раненъ въ щеку стрѣлой *Джурчэдая*, упалъ. Рать *Кэрѣитъ*, увидѣвъ, что *Санкунь* раненъ и упалъ, обратилась и стала около него [296]). Чингисъ, одержавъ побѣду [297]) надъ *Ванъ ханемъ*, и видя, что уже поздно, собралъ войско и велѣлъ отнести раненаго *Хуилдара*. Въ ту ночь, онъ поднялся и остановился на ночлегъ, вдали отъ мѣста побоища.

На другой день, съ разсвѣтомъ, Чингисъ осмотрѣлъ и счелъ своихъ ратниковъ;

не оказалось троихъ: *Окотая* [298]), *Борохула*, и *Бöрчу* Чингисъ сказалъ: «*Окотай*, съ самыми вѣрными *Борохуломъ* и *Бöрчу* вмѣстѣ жили, вмѣстѣ и умерли, не желая разлучаться.»—Въ ту ночь, Чингисъ, опасаясь нападенія отъ непріятелей, держалъ свое войско готовымъ къ битвѣ. Съ разсвѣтомъ увидѣли одного человѣка, который приближался къ лагерю сзади [299]): то былъ *Бöрчу*; Чингисъ, ударяя себя въ грудь, воскликнулъ къ небу: «О!» [300]) *Бöрчу* говорилъ: «Конь мой, прострѣленный непріятелями, палъ; идя пѣшкомъ, я видѣлъ, какъ *Кэрэитъ* вернулись и стали около *Санкуня*; пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я подмѣтилъ одну ихъ вьючную лошадь, на которой вьюкъ покривился, и отрѣзавъ вьюкъ, сѣлъ на нее и по слѣдамъ пріѣхалъ сюда.»

Спустя немного времени, появился еще всадникъ; съ приближеніемъ его, увидѣли подъ нимъ еще двѣ висящія ноги; когда они подъѣхали, то узнали *Окотая* и *Борохула*, ѣхавшихъ на одной лошади; у *Борохула* ротъ былъ замаранъ кровью, потому что онъ высосалъ ссѣвшуюся кровь изъ раны отъ стрѣлы на шеѣ *Окотая*. Увидѣвъ это, Чингисъ заплакалъ и сердце его стѣснилось; онъ тотчасъ прижегъ рану огнемъ и далъ *Окотаю* съѣсть снадобья, утоляющаго жажду. *Борохулъ* сказалъ: «У непріятелей высоко поднялась пыль; кажется, что они пошли къ горѣ *Маоуньдуръ* [301]) въ урочище *Хулаанъбурхатъ*». Чингисъ, выстроивъ войско, пошелъ вверхъ по рѣкѣ *Улхуйшилугэлчжитъ* [302]), и ушелъ въ урочище *Даланьнэмургэсы*.

Впослѣдствіи нѣкто *Хадааньдалдурхань* [303]), разлучившійся съ женою [304]), пришелъ къ Чингису и разсказалъ ему: «Когда *Санкунь* былъ раненъ стрѣлою, *Ванъ хань* сказалъ: «Мы начали драться съ человѣкомъ, котораго не слѣдовало задирать; за то жаль смотрѣть [305]) какъ вколотили гвоздь въ щеку моему сыну; остался сынъ мой живымъ, пусть-ка еще ринется [306])». *Ачихшилунь* сказалъ: «Царь, царь! перестань. Когда у тебя еще не было сына, ты молился о дарованіи тебѣ наслѣдника; вотъ у тебя и есть сынъ, *Санкунь*; позаботься же о немъ. У насъ еще болѣе половины нашихъ *Дада*; а ушедшій [307]) вмѣстѣ съ *Тэмучжинемъ* народъ, куда уйдетъ? У каждаго изъ нихъ по одной верховой лошади; ночь они непремѣнно проводятъ подъ деревьями; если они не придутъ къ намъ, то мы пойдемъ и подберемъ ихъ, какъ конскій пометъ.» *Ванъ хань* послушался и сказалъ: «Не трясите же моего сына и хорошенько позаботьтесь [308]) о немъ.»—Оттолѣ онъ вернулся.»

Чингисъ, поднявшись съ урочища *Даланьнэмургэсы*, пошелъ внизъ по рѣкѣ *Халха*. Передъ отправленіемъ, онъ осмотрѣлъ свое войско; оказалось всего 2600 человѣкъ; взявъ изъ нихъ 1300, онъ пошелъ по западному берегу рѣки, а *Уруутъ* и *Манхутъ* съ другими 1300 пошли по восточному ея берегу; по пути занимались облавой и тѣмъ добывали себѣ продовольствіе. Во время облавы, Чингисъ удерживалъ *Хуилдара*, у котораго рана еще не зажила; но тотъ не послушался. Когда онъ на конѣ гнался за звѣрьми, рана его снова открылась и онъ померъ. Прахъ его погребли на крутомъ полугорьѣ горы *Орнэу*, что у рѣки *Халха*.

При впаденіи рѣки *Халха* въ озеро *Буюйръ*, жили *Тэргэ* [309]) и другіе *Унгира*. Чингисъ отправилъ къ нимъ *Чжурчэдая*, во главѣ *Уруутъ* и *Манхутъ*, объявить

народу *Унгира*: «Вспомните наше старинное родство и покоритесь мнѣ. Если же не хотите покориться, такъ бейтесь[310]).» Послѣ сого объявленія, всѣ *Унгира* поддались. Чингисъ, за добровольное ихъ подданство, не тронулъ ихъ никоимъ образомъ.

Овладѣвши *Унгира*, Чингисъ перекочевалъ на восточный берегъ рѣчки *Тунгэли*. Отселѣ онъ отправилъ къ *Вань ханю* двухъ человѣкъ: *Архайхасара* и *Сюегэгай-чжэуня*, передать[311]) ему слѣдующую рѣчь:

«Мы остановились на восточномъ берегу рѣчки *Тунгэли*; трава здѣсь тучная и кони въ тѣлѣ.»

«Отецъ! За что ты прогнѣвался на меня и навелъ на меня страхъ? Коли корить[312]) меня, то корить бы спокойно, а не губить моего достоянія[313]). Вѣрно были люди раздѣлившіе насъ съ тобою. Вѣдь мы съ тобой, у *Шорхэлкуньской* горы, *Хулаганэу*[314]), условились, что если люди станутъ наговаривать намъ другъ на друга, то не вѣрить имъ, пока лично не объяснимся; а теперь, отецъ, развѣ мы объяснились съ тобой лично? Хоть я и малъ, но стою многихъ; хоть я дуренъ, но стою хорошихъ. Притомъ, мы съ тобой, что двѣ оглобли у кибитки; когда поломится одна, быку не свезти кибитки; мы съ тобой, что два колеса у кибитки; сломайся одно, ей не двинуться; развѣ мнѣ нельзя сравнить себя съ оглоблей и колесомъ?»

«Въ прежнее время, у отца твоего царя *Хурчахусы буируха* было сорокъ сыновей; изъ нихъ ты былъ самымъ старшимъ. поэтому и поставили тебя царемъ. Послѣ, ты убилъ двухъ братьевъ *Тайтьмура* и *Бухуатьмура*; хотѣлъ также убить брата своего *Эркэхару*, но онъ бѣжалъ къ *Найманямъ*. Дядя твой, *Гурхань*, мстя тебѣ за убіеніе братьевъ, пошелъ на тебя войною, и ты только съ сотнею человѣкъ бѣжалъ въ тѣснины горы *Харагнь*. Въ то время, ты представилъ дочь свою *Хучжааръ учжинь* Мѣркитскому *Тохтоа*[315]), и отъ него пришелъ къ отцу моему, съ просьбою о помощи. Отецъ мой, съ войскомъ своимъ, прогналъ твоего дядю въ страну *Хашинь* и возвратилъ тебѣ твой народъ. На берегу рѣки *Туулы*, въ Черномъ-Лѣсѣ, вы побратались съ отцемъ моимъ и сдѣлались *аньда*. Движимый чувствомъ благодарности, ты сказалъ: За такое благодѣяніе твое, я отплачу твоимъ дѣтямъ и внукамъ, клянусь въ томъ небомъ!»

«Послѣ того, братъ твой *Эркэхора*, занявъ у *Найманей* войско, снова пошелъ на тебя войной; ты бѣжалъ въ страну *Хойхой*, владѣніе *Гурхана*, рода *Кита*[316]). Меньше, чѣмъ черезъ годъ, ты возмутился и ушелъ оттуда; проходя странами *Уйу* и *Хэси*, былъ ты доведенъ до такой крайности, что питался молокомъ пяти овецъ и пилъ кровь, выпущенную изъ верблюда, и пріѣхалъ ко мнѣ на слѣпой каурой лошади; изъ за дружбы твоей къ отцу моему, я выслалъ на встрѣчу тебѣ людей, принялъ и привелъ тебя въ свое становище; кромѣ того собравъ у моего народа, что могъ[317]), продовольствовалъ тебя. Потомъ, когда ты, овладѣлъ народомъ *Мэрки*, скотъ и имущества его я уступилъ тебѣ.»

«Послѣ того, когда мы съ тобой преслѣдовали *Буируха* и бились съ *Кэксэусабрахомъ* въ урочищѣ *Байдарахбэлчирэ*, ты ночью, разведя нарочно огни, отсту-

пилъ и ушелъ. *Кэксъусабрахъ*, преслѣдуя тебя, полонилъ женъ и народъ *Санкуня*, овладѣлъ также половиною твоего народа, жившаго въ *Тѣлыэту*. Ты опять просилъ у меня помощи и я послалъ четырехъ витязей, которые избавили и возвратили твоихъ и Санкуневыхъ женъ, народъ и скотъ. Ты тогда тоже благодарилъ меня. За что же, теперь, ты коришь меня?[318])»

Когда посланные пересказали эти слова *Ванъ ханю*, *Ванъ ханъ*, вздохнувъ, сказалъ: «Я не долженъ былъ бы расходиться съ сыномъ моимъ *Тѣмучжинемъ*, а разошелся съ нимъ.»—Тогда, возскорбѣвъ сердцемъ, онъ порѣзалъ ножемъ мизинецъ на своей рукѣ, текшею изъ него кровью наполнилъ маленькій берестовый бурачекъ и сказалъ: «Коли я буду лиходѣить сыну моему *Тѣмучжиню*, то пусть буду такъ исколотъ!» Съ сими словами, онъ отдалъ эту кровь посланцамъ, которые и принесли ее къ Чингису.

Чингисъ велѣлъ передать *Чжамухѣ* такія слова: «Изъ зависти и ненависти, ты развелъ меня съ царемъ отцемъ моимъ. Въ прежнее время, каждый день, бывало кто раньше вставалъ, тотъ пилъ изъ черной чаши[319]) кобылье молоко у отца; я всегда вставалъ рано; за то ты и возненавидѣлъ меня[320]). Теперь пей полной чорной чашей царя отца немного будетъ убыли[320]).»

Потомъ Чингисъ велѣлъ сказать *Алтаню* и *Хучару*: «Не знаю, какъ вы рѣшились покинуть меня! *Хучаръ*! Тебя, какъ сына *Някуньтайцзы* [322]), сначала у насъ хотѣли сдѣлать царемъ; но ты самъ не захотѣлъ. *Алтанъ!* Твой отецъ, царь *Хутула* нѣкогда правилъ народами *Дада*, и потому хотѣли сдѣлать тебя царемъ[323]); но ты тоже не захотѣлъ. Изъ высшихъ[324]) были сыновья *Бартаня, Сача и Тайчу*[325]), оба они также отказались. Вы, цѣлымъ обществомъ, сдѣлали царемъ меня, противъ моей воли. Теперь, какъ отстали отъ меня, усердно помогайте *Ванъ ханю* и не начинайте того, чего не можете кончить, чтобы не навлечь на себя людской хулы. Довѣрьтесь вполнѣ *Тѣмучжиню;* безъ *Тѣмучжиня* нельзя обойтись. Охраняйте тщательно вершины трехъ рѣкъ, не позволяя другимъ становиться тамъ.»

Чингисъ велѣлъ еще передать брату *Тоориль*[326]): »Что я называю тебя братомъ, причина тому та: въ прежнее время, у *Тунбиная* и *Чарахайлинху* былъ рабъ изъ плѣнныхъ, по имени *Охда;* у *Охды* былъ сынъ *Субѣгай;* у *Субѣгая* сынъ *Кокочукирсаанъ*; у сего сынъ *Ѣгайхуантохаръ;* сынъ же *Ѣгайхуантохара*—ты. Изъ за чьего народа ты льстишь *Ванъ ханю?* Управлять моимъ народомъ *Алтанъ* и *Хучаръ* никогда не позволятъ другимъ. Ты мой рабъ по наслѣдству отъ моихъ предковъ. Вотъ обстоятельство, почему я называлъ тебя братомъ[327]).»

Чингисъ велѣлъ передать *Санкуню:* «Я сынъ твоему отцу, родившійся въ одеждѣ, а ты сынъ ему, родившійся нагимъ. Отецъ нашъ нѣкогда лелѣялъ насъ обоихъ равно. Тебѣ запало подозрѣніе, и ты опасаясь, чтобъ я не опередилъ тебя; возненавидѣлъ и прогналъ меня. Теперь перестань причинять отцу скорбь и страданіе; постоянно навѣщай его и разсѣй его печаль и скуку. Если же ты не изгонишь изъ своего сердца старую зависть, то, вѣрно, тебѣ хочется еще при жизни своего отца сдѣлаться царемъ, когда заставляешь его страдать. Если пошлешь ко

мнѣ людей, то посылай двухъ [328])».

Когда *Архайхасаръ* и *Сугэайчжэунь*, по приказанію Чингиса, передали эти слова *Санкуню*, *Санкунь* отвѣчалъ: «Когда онъ называлъ отца моего царемъ отцемъ? Онъ называлъ его старымъ убійцей [329]), и меня когда онъ называлъ *Аньдой?* Онъ называлъ меня только *Тохтоашиунъ* [330]), которому бы плести бараньи вихры и хвосты [331]). Тайный смыслъ рѣчей его я разгадалъ; битва—это самое первое слово. Вы, *Билгэбьки* и *Тодоянь*! [323]) Поднимите большое знамя и откормите мереновъ на пастбищѣ. Нечего болѣе сомнѣваться [333]).»

Тогда *Архайхасаръ* возвратился отъ *Ванъ хана*, а *Сугэайчжэунъ* остался тамъ, потому что жена его находилась у *Тооринь*. *Архайхайсаръ* передалъ Чингису полученные имъ отвѣты.

Вслѣдъ за тѣмъ, Чингисъ перекочевалъ къ озеру *Балчжуна*. Здѣсь онъ встрѣтилъ *Соосычахана* и другихъ, изъ рода *Хорулосы*, которые безъ боя покорились ему Пришелъ также сюда *Хойхой Асань* [334]), отъ *Алахушидигитхури*, рода *Вангутв* [335]); у него было 1000 кладеныхъ барановъ, да одинъ бѣлый верблюдъ; онъ переходилъ внизъ по рѣкѣ *Эргунь*, для вымѣна соболей и бѣлокъ и, подошедши къ озеру *Балчжуна* поить овецъ, встрѣтился здѣсь съ Чингисомъ [336]).

Когда Чингисъ стоялъ у озера *Балчжуна*, братъ его *Хасаръ*, бросивъ свою жену и трехъ сыновей: *Єгу*, *Єсунгэ* и *Туху* у *Ванъ хана*, самъ безо всего, съ нѣсколькими товарищами, бѣжалъ оттуда и искалъ Чингиса; онъ достигъ до горы *Хараунь*, но нигдѣ по хребту не видѣлъ его; провіантъ у него вышелъ и онъ питался сырой коровьей кожей и жилами; такъ прибылъ онъ къ озеру *Балчжуна*, гдѣ и свидѣлся съ своимъ братомъ, Чингисомъ, который обрадовался ему. Посовѣтовавшись между собою, они послали *Халиутара*, изъ рода *Чжаорьдай*, и *Чаурханя*, изъ рода *Урянхадай*, отъ имени *Хасара*, къ *Ванъ ханю*, съ такими словами: «Я нигдѣ не видѣлъ тѣни моего брата; исходилъ дороги и не нашелъ его; звалъ его, но онъ не слышалъ меня. Ночью я сплю, смотря на звѣзды и головой на землѣ. Моя жена и дѣти теперь у тебя, отецъ царь! Если ты пришлешь ко мнѣ довѣреннаго человѣка, то я приду къ тебѣ.» Чингисъ потомъ сказалъ посланцамъ: «Вы ступайте, а мы тотчасъ поднимемся съ мѣста; когда воротитесь, то пріѣзжайте на рѣку *Кэрулянь*, въ урочище *Архалгоуги*.» Условившись такимъ образомъ, Чингисъ велѣлъ *Чжурчэдаю* и *Архаю* быть передовыми и перекочевалъ съ *Хасаромъ* въ урочище *Архалгоуги*, что у рѣки *Кэрулянь* [337]).

Халиутаръ и *Чахурханъ*, прибывъ къ *Ванъ ханю*, передали ему вышесказанныя слова. *Ванъ ханъ* въ это время только что поставилъ золотой шатеръ [338]) и устроилъ пиршество. Выслушавъ *Халиутара*, онъ сказалъ: «Если дѣйствительно такъ, то пусть *Хасаръ* пріѣдетъ.» И затѣмъ послалъ съ *Халиутаромъ* и его товарищемъ одного изъ вѣрнѣйшихъ людей своихъ, *Итургяня*. Приближаясь къ условленному мѣсту, *Итургянь* издали замѣтилъ весьма много признаковъ [339]) становищъ, поворотилъ назадъ и поскакалъ; *Халиушаръ*, у котораго конь былъ бойче обогналъ его, но не смѣя схватить, загородилъ ему спереди дорогу; а *Чахурханъ*, сидѣвшій

на тяжелой лошади, прицѣлившись сзади, съ того мѣста, откуда могла долетѣть стрѣла, вонзилъ стрѣлу въ крестецъ лошади *Итургяня*; лошадь осѣла; тогда они схватили *Итургяня* и привели его къ Чингису, а Чингисъ отправилъ его къ *Хасару*, приказавъ убить *Итургяня*.

Халиутаръ и *Чахурханъ* донесли Чингису: «*Ванъ ханъ* не принимаетъ мѣръ осторожности; теперь онъ поставилъ золотой шатеръ и устроилъ званый пиръ; поѣдемъ день и ночь и нападемъ на него въ расплохъ.»—Чингисъ сказалъ: «Хорошо!» и тотчасъ велѣлъ *Чжурчэдаю* и *Архаю* быть передовыми. Войско шло день и ночь и прибывши къ ущелью въ урочище *Чжэрхабучихай*, что у горы *Чжэчжээрвундуръ*, окружило *Ванъ ханя*. Бились трое сутокъ; на третій день, не могши долѣе противиться, *Кэрѣи* покорились; *Ванъ ханъ* и сынъ его бѣжали неизвѣстно какимъ путемъ. Бывшій въ этой битвѣ, нѣкто изъ *Кэрѣитъ*, по имени *Хадахъ Баатуръ*, сказалъ Чингису: «Мнѣ тяжело было дозволить Вамъ схватить и убить моего законнаго господина; поэтому я бился три дня, чтобы дать *Ванъ ханю* время уйти дальше. Теперь, велишь мнѣ умереть, умру; а если даруешъ мнѣ жизнь, то поусердствую тебѣ.»—Чингисъ сказалъ: «Кто не захотѣлъ покинуть своего господина, и чтобы дать ему время убѣжать дальше, одинъ сражался со мной, тотъ молодецъ. Будь моимъ товарищемъ [340].» И такъ Чингисъ не убилъ его, а сдѣлавъ сотникомъ, отдалъ вдовѣ *Хуилдара*, на вѣчныя времена, въ рабы и прислужники. Такъ какъ прежде *Хуилдаръ* первый сказалъ, что онъ хочетъ биться, то потомкамъ его навсегда дано право просить наградъ, слѣдующихъ сиротамъ и вдовамъ.

Сокрушивъ народъ *Кэрѣитъ*, Чингисъ роздалъ его своимъ сподвижникамъ. *Тахайбаатуру*, рода *Сулдудай*, который оказалъ Чингису услугу, Чингисъ далъ сто домовъ *Чжиргинъ*. У брата *Ванъ ханя*, *Чжахаганьбу*, были двѣ дочери; старшая называлась *Ибаха*; Чингисъ взялъ ее себѣ; а младшую, по имени *Сорхахтани*, отдалъ *Толую* [341]); по этой причинѣ, онъ не позволилъ другимъ овладѣть народомъ *Чжахаганьбу*. *Бадаю* и *Кишлиху* Чингисъ отдалъ Ванъ ханевъ золотой шатеръ, съ разставленными въ немъ золотыми сосудами, равно и людей, завѣдывавшихъ сосудами; отдалъ имъ фамилію *Ванъхочжинъ* [342]), рода *Кэрѣитъ*, чтобы быть тѣлохранителями [343]), приказалъ имъ носить лукъ и стрѣлы и во время питья вина [344]) и имъ выпивать по чаркѣ; сдѣлалъ такъ, чтобъ ихъ дѣти и внуки благоденствовали, давъ имъ право добытую ими въ бояхъ добычу и въ облавахъ пойманныхъ звѣрей не отдавать въ раздѣлъ, а все брать себѣ [345]). Чингисъ сказалъ при этомъ: «Во-первыхъ, эти два человѣка спасли мнѣ жизнь; а потомъ покровительствомъ и помощію Вѣчнаго Неба [346]), я сокрушилъ родъ *Кэрѣитъ* и достигъ великаго сана [347]), да вѣдаютъ всѣ мои потомки всегда мѣру такой услуги [348]).» Затѣмъ, онъ роздалъ всѣ дома *Кэрѣитъ* своимъ сподвижникамъ. Ту зиму онъ и провелъ въ урочищѣ *Абучжиакодыэръ*

Ванъ ханъ и *Санкунъ*, бѣжавшіе безо всего, достигли урочища *Дидиксахалъ* къ рѣкѣ *Нѣкунъ* [349]); *Ванъ ханъ*, томимый отъ дороги жаждою, подошелъ къ рѣкѣ

и сталъ пить воду; въ это время дозорный со стороны *Найманей*, по имени *Хорисубѣчи*, схватилъ его и хотя *Ванъ ханъ* назвалъ себя, но тотъ не повѣривъ, убилъ его; *Санкунъ* же, бывшій въ это время поодаль, и не подходилъ, а уѣхалъ послѣ того въ *Чуалъ* [350]). Здѣсь, когда онъ, со спутникомъ своимъ *Кокочу* и женой его, искали воды напиться, *Санкунъ* завидѣлъ дикую лошадь кусаемую мухами; онъ сошелъ съ коня и отдавъ его *Кокочу*, самъ сталъ подкрадываться къ лошади, намѣреваясь застрѣлить ее. Тѣмъ временемъ *Кокочу* съ лошадью хотѣлъ уѣхать; жена его сказала: «Онъ одѣвалъ тебя въ хорошее платье и кормилъ хорошею пищею; за что же ты такъ покидаешь своего законнаго господина?» Съ этими словами она стала и не хотѣла ѣхать. *Кокочу* сказалъ ей: «Ты не ѣдешь: ужъ не хочешь ли выйти за *Санкуня*?»—Жена его отвѣчала: «Пусть говорятъ, что у женщинъ на лицѣ собачья кожа [351]); но [352]) ты оставь хоть эту золотую чашку, чтобы *Санкуню* было изъ чего напиться воды.»—*Кокочу* бросилъ золотую чашку и, вмѣстѣ съ женой, прибылъ къ Чингису. Когда онъ расказалъ Чингису о томъ, какъ онъ покинулъ *Санкуня*, Чингисъ сказалъ: «Какъ можно принимать въ товарищи такихъ людей?» Жену *Кокочу* онъ наградилъ [353]), а *Кокочу* вывелъ и убилъ [354]).

Гурбѣсу мать Найманьскаго царя *Таяна*, сказала: «*Ванъ ханъ* былъ маститый царь; принесите мнѣ его голову, я посмотрю; если то его голова, то принесемъ ей жертву,» Она послала людей къ *Хорисубѣчи*, которые, отрѣзавъ голову *Ванъ ханя*, принесли ее къ ней. Когда удостовѣрились, что это Ванъ ханева голова, то начали играть музыку [355]) и принесли головѣ жертву. Во время жертвоприношенія, голова *Ванъ ханя* улыбнулась; *Таянъ* замѣтивъ эту улыбку и считая ее дурнымъ предзнаменованіемъ, растопталъ голову въ куски. Въ это время нѣкто, по имени *Кэксѣусабрахъ*, сказалъ *Таяну*: «Вы отрѣзали голову мертваго человѣка и потомъ растоптали ее. Вотъ и вой собакъ предвѣщаетъ недоброе. Прежде, отецъ твой, царь *Инанъчабильгэ*, говаривалъ: «Я состарѣлъ; жена моя молода; сынъ *Таянъ* тоже слабъ; онъ родился мнѣ по молитвамъ моимъ къ духамъ; боюсь, что въ-послѣдствіи, онъ не сохранитъ моего многочисленнаго народа.» Такъ онъ говорилъ. Теперь и вой собакъ предвѣщаетъ пораженіе. Правила у *Гурбѣсу* весьма строги [356]), а нашъ царь *Таянъ* слабъ; кромѣ, какъ на соколиную охоту, да на облавы, у него нѣтъ другихъ талантовъ». Такъ говорилъ *Кэксѣусабрахъ*.

Впослѣдствіи *Таянъ* сказалъ: «Въ этой восточной сторонѣ есть нѣсколько *Дада* [357]); они напугали и выгнали стараго *Ванъ ханя* колчанами и стрѣлами [358]), и довели его до смерти. Ужъ не возмечталъ ли онъ сдѣлаться царемъ? На небѣ одно только солнце [359]): какъ же на землѣ быть двумъ господамъ [360])? Пойду и захвачу этихъ *Дада*.» Мать его *Гурбѣсу* сказала: «Отъ этихъ *Дада* воняетъ [361]); платье у нихъ черное, къ чему ихъ ловить и приводить сюда? Пусть будутъ подальше отъ насъ. Если же есть у нихъ красивыя жены и дочери, такъ пусть онѣ напередъ омоются, а потомъ доятъ коровъ и овецъ; на это онѣ годны.» *Таянъ* сказалъ: «Это не трудно. Мы пойдемъ и отнимемъ у нихъ луки и стрѣлы.»

Кэксѣусабрахъ услышавъ слова *Таяна*, вздохнулъ и молвилъ: «Не говори

надмѣнныхъ рѣчей; подобныхъ словъ вдругорядъ не произноси». *Таянъ* не послушалъ его и, вслѣдъ за тѣмъ, отправилъ *Торбиташи* посломъ къ *Алахушидигитхури*, рода *Вэнгутъ*, съ такими словами: «На восточной сторонѣ есть сколько-то *Дада;* ты будь правою рукою, а я двинусь отселѣ; отнимемъ у нихъ луки и стрѣлы». *Алахутидигитхури* въ отвѣтъ сказалъ: «Не могу быть твоею правою рукою». Вмѣсто того, онъ послалъ человѣка къ Чингису сказать; «Найманьскій *Таянъ* собирается отнять у тебя луки и стрѣлы; онъ хотѣлъ, чтобъ я былъ его правою рукою, но я не согласился. Теперь я предостерегаю тебя; если не примешь мѣръ, то *Найманы*, пожалуй, отнимутъ у тебя луки и стрѣлы». Въ это самое время, Чингисъ занимался облавой въ урочищѣ *Тьмьяньгэрэ*. Получивъ это извѣстіе, онъ на мѣстѣ же облавы совѣщался со своими; многіе говорили: «Кони тощи: что дѣлать?» *Отчигинь* [362]) сказалъ на это: «За чѣмъ вы отзываетесь тѣмъ что кони-де тощи? За то у меня кони въ тѣлѣ. Какъ можно оставаться спокойнымъ, слыша подобныя рѣчи?» *Бельгутай* тоже сказалъ: «Коли у насъ живыхъ отнимутъ луки и стрѣлы, что будетъ пользы? Молодцы умираютъ вмѣстѣ съ лукомъ и стрѣлами; развѣ такъ не славно? *Найманы* осмѣлились говорить надмѣнныя рѣчи, надѣясь на обширность царства и многочисленность жителей; намъ не трудно, пользуясь настоящимъ временемъ, отнять у нихъ самихъ луки и стрѣлы; если мы пойдемъ на нихъ, они спокойно покинутъ многочисленные свои табуны коней; жилища опустѣютъ и весь народъ убѣжитъ въ горы и лѣса. И такъ на коней!»

Чингисъ одобрилъ мнѣніе *Бельгутая;* возвращаясь съ облавы, онъ прошелъ чрезъ урочище *Абчихакотьрэ*, къ рѣкѣ *Халхъ*, и остановился въ *Кэльтыгайхада*, близъ *Орнау*. Пересчитавъ свое войско, онъ поставилъ тысячниковъ, сотниковъ, и десятниковъ [363]); учредилъ шесть *Чжэрби* [364]) и всѣмъ распредѣлилъ должности. Потомъ опредѣлилъ 80 человѣкъ для ночной стражи [365]) и 70 члеовѣкъ *Саньбань* [366]). Для охранной стражи [367]) избраны молодые люди, ловкіе и статные, изъ домовъ тысячниковъ и сотниковъ, равно люди свободнаго состоянія [368]). Онъ приказалъ *Алхайхасару* набрать 1000 человѣкъ храбрыхъ и начальствовать надъ ними; въ битвахъ этотъ отрядъ долженствовалъ быть впереди; въ спокойное же время составлять охранную стражу. Надъ 70 *Саньбань* поставлены начальниками вмѣстѣ *Оэльчэрби* и *Хубусыхалчань*.

Чингисъ говорилъ еще: «Стрѣльцы [369]) *Саньбань*, тѣлохранители, кравчіе [370]) и дверники, днемъ должны быть на мѣстѣ своей службы, а съ захожденіемъ солнца, завѣдываемыя ими дѣла и вещи они должны отдавать ночной стражѣ и ночевать внѣ; завѣдывающіе конями пусть берегутъ коней; ночная стража должна стоять кругомъ юрты [371]); дверники [372]) по очереди, стоять у дверей. На другой день, когда принесутъ горячую воду [373]), пусть всѣ входятъ внутрь и исполняютъ свои обязанности. Очередь смѣняется черезъ каждые три дня.» Распредѣлены были также должности тысячникамъ, сотникамъ, *Чжэрби* и другимъ.

Въ годъ мыши [374]), четвертой луны 16-го числа, Чингисъ принесъ жертву

знамени [375]) и пошелъ войной на *Наймансй*, слѣдуя вверхъ по рѣкѣ *Кэрулянъ*; онъ отправилъ *Чжэбъ* и *Хубилая* передовыми. Достигши урочища *Саарикэръ*, наши передовые встрѣтились съ Наймаьскими дозорными, которые стерегли съ горы *Канхэрха*; во время взаимныхъ стычекъ, *Наймани* поймали одного изъ нашихъ всадниковъ, который сидѣлъ на бѣлой лошади съ потертой спиной и говорили: «Такъ у *Дада* кони тощи». Когда войско Чингиса прибыло въ урочище *Саарикэръ* и здѣсь остановилось, *Додайчэрби* сказалъ Чингису; «У насъ людей немного и пришли мы издалека, откормимъ здѣсь нашихъ коней, а чтобы обмануть непріятелей, разставимъ ратниковъ [376]) по всему протяженію урочища *Саарикэръ*; ночью же велимъ разводить каждому по пяти огней; хоть непріятелей и много, но государь ихъ слабъ и никогда не бывалъ внѣ; онъ навѣрно испугается и усумнится [377]); такимъ образомъ, мы откормимъ лошадей и потомъ, преслѣдуя ихъ дозорныхъ, нападемъ въ-расплохъ на главный лагерь и несомнѣнно одержимъ побѣду». Чингисъ послѣдовалъ совѣту *Додая*. Дѣйствительно, Найманскіе дозорные, смотря съ вершины горы, говорили: «Слышно было, что *Дада* не много; откуда же у нихъ огней столько, какъ звѣздъ?» Они тотчасъ проводили плѣннаго съ лошадью къ *Таяну* и донесли ему: «Рать *Дада* запрудила все *Саракэръ*; должно быть, что съ каждымъ днемъ она прибываетъ; по крайней мѣрѣ, ночью у нихъ огней столько какъ звѣздъ».

Таянъ находился въ то время на берегу рѣки *Хачиръ*, что въ *Канхай* [378]). Услышавъ такое извѣстіе, онъ послалъ человѣка къ сыну своему *Гучулуху*, съ такими словами: «У *Дада* кони тощи; но огней у нихъ столько, какъ звѣздъ, навѣрно, рать ихъ весьма велика; я слышалъ прежде, что *Дада* такъ тверды, что коли имъ въ глазъ, они не мигнутъ; въ щеку, они не посторонятся поэтому, если теперь же вступить съ ними въ битву, то послѣ трудно будетъ справиться; теперь увѣдомляютъ что у *Дада* кони тощи; мы поднимемъ народъ, перейдемъ за Золотыя-Горы [379]) и выстроивъ тамъ войско, заманимъ ихъ туда; когда они прибудутъ къ Золотымъ-Горамъ, тощіе кони ихъ будутъ утомлены, а наши, па ту пору, въ тѣлѣ; мы вернемся, вступимъ съ ними въ бой и побѣдимъ». *Гучулукъ*, выслушавъ это, сказалъ: «Эта баба [380]) *Таянъ!* опять испугался. *Дада* много! Откуда они пришли? Бо́льшая часть ихъ, вмѣстѣ съ *Чжамухой*, находятся здѣсь у насъ. Отецъ мой, *Таянъ*, не хаживалъ и на столько, сколько беременная женщина проходитъ до удобнаго мѣста [381]), или теленокъ до корыта съ кормомъ; оттого онъ теперь и испугался». Эти слова велѣлъ онъ передать *Таяну*. *Таянъ*, услышавъ, что сынъ сравнилъ его съ женщиной [380]), воскликнулъ: «О сильный и храбрый *Гучулукъ!* Смотри, чтобы въ бою такая храбрость твоя не похирѣла!» Одинъ изъ его сановниковъ, *Хорисубѣчи*, сказалъ ему: «Отецъ твой, *Инаньчабилэ*, когда, бывало, ратовалъ съ равными врагами, никогда не показывалъ имъ своей молодецкой спины и зада лошади. Теперь, для чего ты заранѣе испугался? Если бы прежде знать такой нравъ твой, то пусть бы управляла войскомъ мать твоя, *Гурбѣсу*; хоть она и женщина, но было бы лучше. Жаль, что *Кэксэусабрахъ* состарѣлся [383]) и дисциплина нашихъ войскъ чрезвычайно ослабѣла. Вѣрно, настала счастливая судьба [384]) для *Дада*.»

Кончивъ вздохи, онъ, сидя на конѣ, ударилъ по колчану [385]) и уѣхалъ особь [386]).

Таянъ слыша такія рѣчи, со гнѣвомъ сказалъ: «Жизнь мертваго человѣка и тѣло обреченное страданіямъ—одно и тоже. Будь по вашему; встрѣтимъ враговъ и будемъ биться,» Вслѣдъ за тѣмъ. онъ отправился внизъ по рѣкѣ *Тамиръ* [387]) и переправившись черезъ рѣку *Орхо* [388]), прибылъ къ восточному склону горы *Наху* въ урочище *Чакирмаутъ*. Когда дозорные Чингиса завидѣли Найманьское войско, Чингисъ выстроилъ свою рать; самъ онъ взялся быть передовымъ; брату своему *Хасару* поручилъ начальство надъ среднимъ полкомъ, а *Отчигиню* команду надъ заводными конями [389]). Тогда Найманьскія войска [390]) отступили къ яру горы *Наху* и расположились по горѣ [391]). Чингисовы дозорные преслѣдовали Найманьскихъ дозорныхъ до самой горы.

Въ то время *Чжамуха* былъ, тоже у *Найманей. Таянъ* спросилъ его: «Кто эти, преслѣдующіе нашихъ, какъ волки, когда они гонятся за стадомъ овецъ до самой овчарни?» *Чжамуха* отвѣчалъ: «Это четыре пса моего *Тѣмучжиня*, вскормленные человѣчьимъ мясомъ; онъ привязалъ ихъ на желѣзную цѣпь; у этихъ псовъ мѣдные лбы, высѣченные зубы, шилообразные языки, желѣзныя сердца· Вмѣсто конской плетки, у нихъ кривыя сабли. Они пьютъ росу, ѣздятъ по вѣтру; въ бояхъ, пожираютъ человѣческое мясо. Теперь они спущены съ цѣпи; у нихъ текутъ слюны; они радуются. Эти четыре пса: *Чжэбѣ*, *Хубилай, Чжэлмѣ* и *Субѣэтай.*» *Таянъ* сказалъ: «Коли такъ, то подальше отъ этихъ презрѣнныхъ [392]) людей.» Онъ отступилъ и поднявшись по горѣ, остановился. Потомъ, онъ опять спросилъ: «Кто эти, слѣдующіе за тѣмъ отряды, похожіе на жеребятъ, когда они, насосавшись молока, рѣзвятся и бѣгаютъ кругомъ своей матки?» *Чжамуха* отвѣчалъ: «Это два рода: *Уруутъ* и *Манхутъ*, которые убиваютъ всѣхъ мущинъ съ копьемъ и мечемъ [393]) и, снимаютъ съ нихъ платье.» *Таянъ* сказалъ: «Такъ удалимся еще подальше отъ этихъ презрѣнныхъ людей»; и онъ приказалъ еще подняться на гору и, остановившись, опять спросилъ *Чжамуху*: «Кто это позади, какъ голодный коршунъ, порывающійся впередъ.» *Чжамуха* отвѣчалъ: «Это мой *Тѣмучжинъ* аньда, одѣтый съ ногъ до головы въ желѣзную броню; онъ прилетѣлъ сюда словно голодный коршунъ Видишь ли его? Вы говорили прежде, что только *Дада* появится, такъ отъ него, какъ отъ барашка, не останется и копытъ съ кожей. Посмотри же теперь». *Таянъ* только проговорилъ: «Страшно!» и приказалъ еще подняться на гору. Онъ опять спросилъ: «Кто это позади, со множествомъ ратниковъ?» *Чжамуха* отвѣчалъ: «Это сынъ матери-*Хоэлунь*, воспитанный человѣчьимъ мясомъ. Тѣло его въ три человѣческихъ роста; онъ съѣдаетъ заразъ трехгодовалаго барана; одѣтъ въ три желѣзныя брони и пріѣхалъ на трехъ сильныхъ быкахъ. Онъ проглотитъ цѣлаго человѣка, съ лукомъ и стрѣлами, такъ, что не засядетъ у него въ горлѣ; съѣстъ цѣлаго человѣка, да еще не сытъ. Когда онъ разгнѣвается, то стрѣлою *Анхуа* [394]), черезъ гору, пронзитъ десять, или двадцать человѣкъ; когда съ нимъ станутъ драться, онъ мечетъ стрѣлу *Кои́буръ* и хоть черезъ широкую степь пронижетъ человѣка вмѣстѣ съ латами. Изъ большаго лука онъ попадаетъ за 900 шаговъ, изъ малаго лука [395])

за 500 шаговъ. Онъ не похожъ на обыкновенныхъ людей, словно большой удавъ. Называется онъ *Чжочихасаръ*». *Таянъ* сказалъ: «Если такъ, то вмѣстѣ поднимемся на высокую гору» Потомъ опять спросилъ: «Кто тотъ, что позади всѣхъ?» *Чжамуха* отвѣчалъ: «Это самый младшій сынъ *Хоэлунь,* по имени *Отчигинь.* Онъ лѣнивъ; любитъ рано ложиться и поздно вставать; но въ дружинѣ ратниковъ онъ никогда не опаздывалъ.» Тогда *Таянъ* поднялся на вершину горы.

Чжамуха, отставши отъ *Найманей,* велѣлъ передать Чингису [396]) то, что онъ говорилъ *Таяну*, прибавивъ: «*Таянъ,* наслушавшись моихъ словъ, уже отуманенъ страхомъ. Всѣ наперерывъ спѣшатъ подняться на вершину горы; ни у кого нѣтъ духа сражаться. Я самъ уже отсталъ отъ нихъ. *Аньда!* будь остороженъ»

Въ тотъ день, Чингисъ, замѣтивъ, что уже поздно, остановился на ночлегъ, окруживъ гору *Наху*. Ночью, *Найманы* рѣшились бѣжать; люди и лошади падали съ горнаго утеса; убитыхъ отъ давки было множество. На другой день схватили *Таяна;* сынъ его, *Гучулукъ,* не будучи вмѣстѣ съ нимъ, успѣлъ спастись бѣгствомъ, съ нѣсколькими всадниками; видя, что преслѣдовавшіе его настигали, онъ, ставя лагерь у рѣки *Тамиръ,* не поставилъ его, опять бѣжалъ и былъ преслѣдуемъ до горы *Алтай,* гдѣ и доведенъ былъ до крайности[397]); послѣ чего весь народъ его былъ полоненъ. Въ тоже время, бывшіе вмѣстѣ съ *Чжамухой, Дада*, именно роды *Чжадаланъ, Хатагинъ*, и другіе, поддались Чингису. Чингисъ приказалъ привести къ себѣ мать *Таяна, Гурбѣсу*, и сказалъ ей: «Ты говорила, что *Дада* вонючи; какъ же ты пришла сюда?» Затѣмъ, онъ оставилъ ее у себя[398]).

Въ тотъ годъ мыши, осенью, Чингисъ вступилъ, въ битву съ Мѣркитскимъ *Тохтоа*, въ урочищѣ *Харадалхучжаура;* разбивъ *Тохтоа*, онъ преслѣдовалъ его до *Саарикээръ* и овладѣлъ его народомъ. *Тохтоа* бѣжалъ, вмѣстѣ съ двумя сыновьями своими, *Худу* и *Чилаунемъ*, и нѣсколькими спутниками.

Въ началѣ покоренія *Мѣркитовъ*, нѣкто изъ рода *Хоасымѣрки*, по имени *Даиръусунъ*, представилъ Чингису дочь свою, *Хуланъ*. Когда онъ везъ ее къ Чингису, дорога была непроѣздною отъ безпорядковъ воеинцивы; встрѣтивъ одного благороднаго изъ рода *Бааринъ*, по имени *Ная*, онъ сказалъ ему: «Эту дѣвицу я хочу представить Чингису» *Ная* сказалъ: «Мы вмѣстѣ поѣдемъ и доставимъ эту дѣвицу; если ты поѣдешь напередъ, то возмутившіеся воины тебя убьютъ, а дѣвицу обезпокоятъ [399])». Поэтому, онъ оставилъ *Даиръусуня* прожить у него три дня и потомъ, вмѣстѣ съ нимъ, доставилъ *Хуланъ* къ Чингису. Чингисъ, узнавъ, что *Ная* оставлялъ эту дѣвицу у себя три дня, съ гнѣвомъ сказалъ: «Строго допросивъ [400]) его, казнить [401])». Когда его пытали, *Хуланъ* сказала: «*Ная* говорилъ намъ, что онъ вельможа царскій, и что онъ вмѣстѣ доставитъ меня. Какъ на пути были возмутившіеся ратники, то онъ и оставилъ насъ у себя. Если бы мы не встрѣтили *Ная*, и онъ не оставилъ насъ у себя, то не знаю, что сдѣлалось бы съ нами. Не пытай его; а, если будетъ твоя царская милость ко мнѣ, лучше освидѣтельствуй мою невинность [402]).» *Ная* говорилъ также: «Я искренно служу своему господину и считаю долгомъ представлять ему добытыхъ въ чужихъ земляхъ прекрас-

ныхъ дѣвъ и добрыхъ коней [403]); кромѣ же сего, если есть у меня другія какія либо мысли, то пусть умру.» Чингисъ сказалъ: «*Хуланъ* говоритъ дѣло.» Въ тотъ же день, освидѣтельствовавъ *Хуланъ*, онъ удостовѣрился, что она дѣйствительно не обезчещена. За то Чингисъ еще болѣе полюбилъ ее; *Наю* же отпустилъ, сказавъ: «Это человѣкъ не притворный; послѣ можно поручать ему важныя дѣла [404]).»

По покореніи *Мэрки*, жена *Худу*, сына *Тохтоа*, отдана была *Оэтаю*. Половина народа *Мэрки*, возмутившись, отошла и заняла горное укрѣпленіе *Тайхалъ*. Чингисъ велѣлъ Чиньбо, сыну *Сорханьширы*, съ ратью правой руки, идти и аттаковать ихъ, а самъ отправился преслѣдовать *Тохтоа*; прибывши къ Золотымъ-Горамъ, онъ провелъ тутъ зиму.

Въ слѣдующемъ году, весной, онъ перешелъ хребетъ *Арай*; въ то самое время, Найманьскій *Гучулукъ* соединился съ *Тохтоа*; они выстроили войско въ урочищѣ *Эрдишибухдурма*, у самыхъ истоковъ [406]). Чингисъ, прибывши туда, вступилъ съ ними въ бой. *Тохтоа* палъ подъ стрѣлами; дѣти его не могши взять трупа отца, отрѣзали только голову и увезли ее съ собой. Пораженные ратники бѣжали; болѣе половины ихъ потонули при переправѣ чрезъ *Эрдиши*; остальные также всѣ разбѣжались и пропали. Найманьскій *Гучулукъ* бѣжалъ черезъ родъ *Вэйухарлу* [407]), въ страну *Хойхой*, къ рѣкѣ *Чуй*, и соединился тамъ съ *Гурханомъ*, рода *Харакита* [408]). Мэркитскій *Худу* и *Чилаунь* бѣжали черезъ *Канли* и *Киньча* [409]). Чингисъ также вернулся въ свое старое становище [410]). Въ это время, *Чиньбо* разбилъ Тайхалское укрѣпленіе и убилъ или полонилъ Мэркитскій народъ. Прежде поддавшіеся *Мэрки* также возмутились было, въ старомъ становищѣ [411]); но были одолѣны находившимися въ становищѣ прислужниками [412]). Чингисъ сказалъ: «Если позволить имъ жить въ одномъ мѣстѣ, то они опять возмутятся.» Поэтому, онъ раздѣлилъ ихъ всѣхъ до одного.

Въ тотъ годъ тельца [413]) Чингисъ устроилъ желѣзную кибитку для *Субэтая* и отправилъ его преслѣдовать дѣтей *Тохтоа*: *Худу* и другихъ; онъ говорилъ ему: «Они, потерпѣвъ пораженіе въ битвѣ съ нами, вырвались у насъ какъ дикія лошади, съ укрюками на шеѣ, или какъ подстрѣленные олени. Коли они на крыльяхъ улетятъ на небо, ты будь соколомъ и поймай ихъ; коли они, какъ мыши, зароются въ землю, ты будь желѣзной мотыкой и откопай ихъ; коли они, какъ рыбы, скроются въ море, ты будь сѣтью и вытащи ихъ.» Потомъ еще говорилъ: «Для перехода черезъ высокія горы, и переправы черезъ широкія рѣки, пользуйся тѣмъ временемъ, когда кони у ратниковъ еще не отощали. Если провіантъ еще не вышелъ, то прежде всего жалѣй (воиновъ). По дорогѣ, не занимайся облавой, безъ нужды; когда же нужно будетъ добыть продовольствіе охотой, то дѣйствуй тоже осмотрительно и по обстоятельствамъ. Не позволяй ратникамъ надѣвать на коней подхвостныхъ шлей и взнуздывать удила; отъ этого всадники не посмѣютъ пускать коней своихъ вирыть. Кто ослушается приказовъ, того если онъ извѣстенъ мнѣ, приведи сюда, если же нѣтъ, то казни на мѣстѣ. Будь остороженъ. Если покровительствомъ и помощію неба, поймаешь дѣтей *Тохтоа*, то тамъ же и убей ихъ.»

Потомъ говорилъ еще: «Когда я былъ молодъ, три рода *Мэркитъ* ловили меня и три раза объѣхали гору *Бурханъ.* Этотъ вражескій народъ теперь ушелъ, говоря громкія рѣчи 414); поручая тебѣ преслѣдовать его до крайнихъ предѣловъ, я сдѣлалъ для тебя желѣзную кибитку; хоть ты и далеко будешь отъ меня, но тоже, что близь меня. Въ пути, небо конечно сохранитъ тебя и поможетъ тебѣ.»

Когда *Наймани* и *Мэркиты* были взяты и полонены Чингисомъ, *Чжамуха*, находившійся у *Найманей*, и лишившійся своего народа, остался только съ пятью товарищами, съ которыми и составилъ шайку разбойниковъ. Разъ, отправившись въ гору *Танлу* 415), они убили одного большерогаго барана 416), и зажаривъ его, ѣли; во время ѣды, *Чжамуха* сказалъ: «Чей сынъ сегодня, убивъ большерогаго барана, изжарилъ и ѣстъ его»? 417) Когда онъ сказалъ это, пять товарищей схватили и препроводили его къ Чингису 418). *Чжамуха* поручилъ человѣку передать Чингису: «Черныя галки съумѣли поймать селезня; рабы осмѣлились схватить своего господина; царь *аньда!* ты знаешь что дѣлать 419)». Чингисъ сказалъ: «Возможно ли оставить людей, схватившихъ собственнаго своего господина? Предать ихъ, съ дѣтьми и внуками, смерти!» Тогда онъ приказалъ казнить ихъ въ присутствіи *Чжамухи.* Потомъ, онъ послалъ человѣка къ *Чжамухѣ*, съ такими словами: «Прежде я сдѣлалъ тебя одной изъ оглоблей кибитки; но ты отсталъ отъ меня; теперь ты опять соединился со мной; будь же моимъ товарищемъ; что забудемъ, то будемъ напоминать другъ другу; когда заспимся, будемъ будить другъ друга. Хотя ты шелъ одиночкой, но все таки былъ моимъ счастливымъ и благовѣщимъ *аньда.* Когда случалось намъ на самомъ дѣлѣ биться, ты въ сердцѣ своемъ скорбѣлъ о томъ. Когда я ратовалъ съ *Ванъ ханемъ*, ты передалъ мнѣ его слова; это первая твоя услуга. Потомъ, когда я сражался съ *Найманями*, ты настращалъ ихъ; это еще услуга мнѣ». Когда эти слова переданы были *Чжамухѣ*, онъ отвѣчалъ: «Съ тѣхъ раннихъ поръ, какъ мы съ тобой сдѣлались *аньда*, мы вмѣстѣ наѣдались пищи неудобосваримой, наговаривали другъ другу рѣчей незабвенныхъ; но люди поссорили насъ и мы разошлись. Припоминая прежнія рѣчи, я краснѣю и не смѣю видѣться съ *аньдой.* Ты хочешь, чтобъ я былъ тебѣ товарищемъ; но называясь товарищемъ, я не буду имъ на самомъ дѣлѣ. Теперь ты собралъ народы и престолъ свой утвердилъ; нѣтъ возможности сдѣлаться тебѣ товарищемъ. Если ты не умертвишь меня, то я буду для тебя, какъ вошь на воротникѣ, или какъ колючка на внутреннемъ воротѣ. Изъ за меня, днемъ ты будешь неспокоенъ, ночью будешь спать тревожно. Мать твоя разумна; ты самъ герой; братья твои съ талантами; товарищи у тебя славные витязи; есть у тебѣ также 73 мерена 420), а я съ малолѣтства лишился родителей и не имѣю братьевъ; жена моя болтунья 421); товарищи люди невѣрные. Потому-то *аньда*, надъ которымъ воля Неба, превзошелъ меня. Теперь даруй мнѣ поскорѣе умереть, что бы сердце *аньды* было спокойно; если, притомъ, позволишь мнѣ умеретъ безъ крови 422), то я, по смерти, на вѣчныя времена, буду покровителемъ и помощникомъ твоихъ потомковъ» 423). Чингисъ, выслушавъ эти слова, сказалъ: «Хоть *Чжамуха аньда*

шелъ особо, но никогда не говорилъ рѣчей, которыя причинили бы мнѣ дѣйствительный вредъ. Это человѣкъ, который могъ бы еще исправиться [421]); но онъ не хочетъ жить; чтобы заставить его умереть, гадалъ я, но не выходитъ [425]); притомъ онъ человѣкъ именитый и безъ причины нельзя погубить его Но вотъ причина [426]). Ты [427]) скажи ему: «По поводу взаимной кражи въ конскихъ табунахъ *Сочжидармала* и *Тайчара*, ты съ намѣреніемъ возсталъ [428]) на меня и бился со мной въ урочищѣ *Балчжуна*; загнавъ меня въ тѣснины *Чжерань*, ты тогда жестоко напугалъ меня. Нынѣ я хотѣлъ сдѣлать тебя моимъ товарищемъ, но ты не хочешь того: хоть я и жалѣю твою жизнь, но не могу сохранить ее. Пусть будетъ по твоему желанію: умри, не пуская крови». Онъ велѣлъ *Чжамухъ* умереть не выпуская крови и похоронилъ его съ большою почестію [429]).

Когда Чингисъ собралъ подъ свою власть народы разныхъ улусовъ, то въ годъ тигра [430]), на вершинѣ рѣки *Онань*, онъ водрузилъ знамя съ девятью бѣлыми хвостами [431]), и возсѣлъ царемъ [432]). Доблестнаго витязя *Мухали* онъ пожаловалъ княземъ [433]); *Чжэбь* онъ повелѣлъ преслѣдовать *Гучулука*; управилъ [434]) народами *Дада*; кромѣ царскихъ зятьевя, пожаловалъ тысячниками девяносто пять человѣкъ, трудившихся вмѣстѣ съ нимъ въ созиданіи царства [435]).

Чингисъ сказалъ: «Раздавъ должности царскимъ зятьямъ и 95 тысячникамъ, я награжу еще тѣхъ изъ нихъ, которые отличились особенными заслугами.» Онъ велѣлъ *Шигихутуху* позвать *Бöорчу*, *Мухали* и другихъ. *Шигихутуху* сказалъ: «Заслуги *Бöорчу* и *Мухали* больше чьихъ, что еще хочешь наградить ихъ? Я, съ малолѣтства принятый къ тебѣ въ домъ, до полнаго возраста, не отлучался отъ тебя; мои заслуги меньше чьихъ заслугъ? Теперь чѣмъ ты наградишь меня?» Чингисъ сказалъ ему: «Ты сдѣлался моимъ шестымъ братомъ и имѣешь право на удѣлъ, равный удѣламъ братьевъ. Избавляю тебя отъ наказанія за девять преступленій [436]). Теперь, когда я только что утвердилъ за собою всѣ народы, ты будь моими ушами и очами [437]). Никто да не противится тому, что ты скажешь [438]). Тебѣ поручаю судить и карать по дѣламъ воровства и обмановъ [439]); кто заслужитъ смерть, того казни смертію; кто заслужитъ наказаніе, съ того взыскивай; дѣла по раздѣлу имѣнія у народа ты рѣшай [440]). Рѣшенныя дѣла записывай на черныя дщицы [441]), дабы послѣ другіе не измѣняли». *Шигихутуху* сказалъ: «Я самый младшій изъ братьевъ; какъ же осмѣлюсь имѣть одинакій съ ними удѣлъ? Если будетъ твоя милость ко мнѣ, то дай мнѣ народъ, обитающій внутри земляного вала [442]) Чингисъ сказалъ: «Будь по твоему собственному выбору.» *Шигихутуху*, получивъ награду, позвалъ *Бöорчу, Мухали, Мунлика*, и другихъ для полученія наградъ.

Чингисъ сказалъ *Мунлику*: «Ты былъ моимъ товарищемъ съ малолѣтства моего досселѣ, и много было случаевъ, когда ты охранялъ меня и помогалъ мнѣ; въ особенности же тогда, когда *Ванъ ханъ* съ сыномъ заманили меня къ себѣ и я ѣхалъ къ нимъ; если бы ты тогда не остановилъ меня, то я попалъ бы въ глубокую воду и большой огонь [443]). Вспоминая теперь эту услугу твою, я не позволю,

чтобы и мои потомки забыли се. Отселѣ впредъ ты будѣшь сидѣть на краю [444]), и какъ я присужу награждать тебя, погодно, или помѣсячно, такъ будетъ непрерывно и твоимъ потомкамъ.»

Чингисъ сказалъ *Бöрчу*: «Въ малолѣтствѣ моемъ, однажды воры украли у меня восемь сивыхъ мереновъ; гонясь за ними трое сутокъ, я встрѣтился съ тобой; ты тогда сдѣлался моимъ товарищемъ, вмѣстѣ со мной ѣздилъ трое сутокъ и со мной воротилъ коней. Почему отецъ твой, *Нахубоянь*, человѣкъ богатый и имѣвшій только одного сына, тебя, рѣшился отдать тебя мнѣ въ товарищи? Потому, что въ тебѣ замѣтны были черты высокой справедливости [445]). Послѣ того, когда я позвалъ тебя въ товарищи, ты не отказался. Когда три рода *Мэркитъ* загнали меня въ гору *Бурханъ*, ты не отсталъ отъ меня и вмѣстѣ съ мной раздѣлилъ бѣдствіе. Когда я ночевалъ противъ рядовъ *Татаръ* въ урочищѣ *Таланьнэмурэсы*, и пошелъ проливной дождь, ты, чтобы дать мнѣ отдохнуть, растянувъ войлочный плащъ, стоялъ надо мной и не позволилъ дождевой водѣ литься на меня; такъ ты простоялъ до разсвѣта. однажды только переступивъ съ ноги на ногу [446]);вотъ примѣръ твоего доблестнаго поведенія. Другихъ твоихъ дѣлъ нельзя исчислить. Кромѣ того, ты съ *Мухали* помогалъ мнѣ и заставлялъ дѣлать, то, что слѣдовало дѣлать, порицалъ меня и останавливалъ въ томъ, чего не слѣдовало дѣлать; черезъ то я и достигъ этого великаго сана. Теперь, ты въ ряду другихъ, садись выше всѣхъ. Избавляю тебя отъ наказанія за девять преступленій. Будь темникомъ, и управляй [447]) этой западной страной до Золотыхъ-Горъ.»

Чингисъ сказалъ *Мухали:* «Когда мы были въ урочищѣ *Хорхоначжубуръ* подъ густымъ развѣсистымъ деревомъ, подъ которымъ царь *Хутула* веселился и плясалъ, Небо объявило тебѣ слова; онѣ объяснились; памятуя, съ тѣхъ поръ, слова, сказанныя тебѣ отцемъ твоимъ, *Гуунъхуа* [448]), я теперь за то дѣлаю тебя княземъ. Въ обществѣ садись выше другихъ. Будь темникомъ лѣвой руки и управляй восточной стороной, до горъ *Хараунъ;* твои потомки будутъ наслѣдственны въ этомъ достоинствѣ.»

Чингисъ сказалъ *Хорчи:* «Въ юности моей, ты произнесъ о мнѣ пророческія рѣчи, дѣлилъ со мной труды и былъ мнѣ товарищемъ. Въ то время, ты сказалъ: коли сбудутся мои пророческія слова, то дай мнѣ 30 женъ. Теперь онѣ сбылись. Даю тебѣ волю выбрать 30 прекрасныхъ женъ и дѣвицъ въ покорившихся народахъ. Кромѣ того, соединивъ 3,000 рода *Баали,* съ родами *Адарки* и другими, управляемыми *Тагаемъ* и *Ашихомъ,* и составивъ изъ нихъ 10,000, будь ихъ темникомъ и управляй ими. Ставь свое становище, по твоему выбору, среди лѣсныхъ народовъ [449]), по рѣкѣ *Эрдиши* и охраняй [450]) тамошнюю страну; всѣ дѣла тамошнихъ народовъ пусть будутъ въ твоемъ вѣдѣніи; противящихся наказывай.»

Чингисъ сказалъ *Чжурчэдаю:* «Самая важная услуга твоя мнѣ оказана тобою во время битвы съ *Ванъ ханомъ,* въ урочищѣ *Халахалчжиэлътъ:* хотя въ минуту нашего раздумья, *Хуилдаръ* первый сказалъ, что онъ желаетъ биться,

но успѣхъ дѣла принадлежитъ тебѣ: ты разбилъ и отбросилъ самый сильный непріятельскій отрядъ изъ *Чжиргинь* и другихъ; вторгнувшись въ строй и ряды Ханскаго корпуса [451]), ты ранилъ стрѣлою *Санкуня* въ щеку. Если бы ты въ то время не попалъ въ щеку *Санкуня,* то неизвѣстно еще, что было бы. Это твоя важнѣйшая заслуга. Потомъ, когда мы шли внизъ по рѣкѣ *Халхъ,* я надѣялся на тебя, какъ на защиту высокой горы. По прибытіи къ озеру *Балчжуна,* въ войнѣ съ *Ванъ ханемъ,* ты былъ передовымъ; съ помощію неба, мы покорили важнѣйшее царство *Кэрьитъ,* и потому роды *Найманъ* и *Мэркитъ* не могли съ нами ратовать и разсѣялись [452]). Когда *Найманъ* и *Мэрки* разсѣялись, *Чжахаганьбу* представилъ мнѣ двухъ дочерей своихъ и чрезъ то сохранилъ народъ свой; но потомъ онъ снова возмутился и отложился отъ насъ; тогда ты придумавъ планъ, схватилъ его и народъ его полонилъ [453]). Это вторая твоя заслуга.—»Съ этими словами, Чингисъ пожаловалъ *Чжурчэдаю* супругу свою, *Ибаху* [454]). Чингисъ сказалъ *Ибахѣ:* «Я не то, что не возлюбилъ тебя за дурной нравъ, или недостатокъ красоты, и не говорилъ, что ты тѣломъ нечиста, когда помѣстилъ тебя въ число супругъ своихъ. Я дарю тебя *Чжурчэдаю* за то, что онъ оказалъ доблестныя заслуги, въ битвахъ рисковалъ жизнію и умѣлъ собрать отдѣлившіеся народы. Завѣщаю моимъ потомкамъ, которые будутъ возсѣдать на моемъ престолѣ, въ память этихъ заслугъ, не прерывать сана *Ибахи* [455]). Потомъ онъ сказалъ *Ибахѣ:* «Отецъ твой, *Чжахаганьбу,* отдалъ за тобой повара *Ашитьмура,* съ 200 человѣкъ; теперь, уходя отъ меня, оставь мнѣ на память, *Ашихтьмура,* съ сотнею человѣкъ.» Чингисъ сказалъ еще *Чжурчэдаю:* «Тебѣ поручаю управлять 4000-ми рода *Уруутъ.*»

Чингисъ сказалъ *Хубилаю*: «Ты усмирялъ крутыхъ и непокорныхъ; ты, да *Чжэлмъ*, *Чжэбэ* и *Субэтай*, словно четыре свирѣпыхъ пса у меня; куда бы я ни посылалъ васъ, вы крѣпкіе камни разбивали въ куски, скалы низпровергали; глубокую воду останавливали; потому-то въ битвахъ я велѣлъ вамъ быть впереди; четыремъ витязямъ: *Бōорчу*, *Мухали*, *Бōроулу* и *Чилауню* [456]), быть за мной; а *Чжурчэдаю* и *Хуилдару* стоять передомной, для того, чтобы сердце мое было спокойно [457]). Теперь, ты, *Хубилай*, во всѣхъ ратныхъ дѣлахъ и распоряженіяхъ будь старшимъ.» Потомъ прибавилъ: «Выговаривай *Бэдууню* за его непокорство; я не дѣлаю его особымъ тысячникомъ и счелъ за лучшее присоединить его къ тебѣ; дѣйствуйте по взаимному соглашенію; посмотри, что будетъ дальше.»

Чингисъ сказалъ *Бōорчу*, *Мухали* и другимъ: «Этотъ *Хунанъ*, ночью у меня, словно дерзкій волкъ; днемъ, что черный воронъ. онъ присталъ ко мнѣ и никогда не хотѣлъ слѣдовать за людьми дурными. Во всякомъ дѣлѣ, совѣтуйтесь съ *Хунанемъ* да съ *Кокососы*. *Чжочи* мой старшій сынъ; пусть *Хунанъ* управляетъ *Гэнигэсы* и, подъ вѣдѣніемъ *Чжочи*, будетъ темникомъ.»—Еще сказалъ: *Хунанъ*, *Кокососы*, *Дэгай* и *Усуньэбуганъ*, что ни слышали и ни видѣли, никогда не таили отъ меня и все мнѣ сказывали.»

Чингисъ сказалъ *Чжэлмэ*: «Когда я родился у рѣки *Онанъ*, въ урочищѣ

Дъмиунъболда, отецъ твой, старикъ Ч*жарчиудай,* пришелъ отъ горы *Бурханъ*, съ кузнечнымъ мѣхомъ за плечами. и далъ для меня соболью пеленку. Въ это время, Ч*жэлмъ* былъ еще въ пеленкахъ; съ тѣхъ поръ онъ уступилъ его мнѣ въ неотлучные рабы. Онъ вмѣстѣ со мною взросъ, былъ мнѣ товарищемъ до сихъ поръ и много оказалъ заслугъ; это мой счастливый товарищъ Избавляю его отъ наказанія за девять преступленій.»

Чингисъ сказалъ *Тулуню*: «За что тебѣ и отцу твоему дано управлять тысячами? За то, что ты помогалъ своему отцу собирать народъ, я далъ тебѣ санъ Ч*эрби*. Теперь будь тысячникомъ у собраннаго тобою самимъ народа и дѣйствуй по совѣщанію съ *Тулуханемъ*.»

Чингисъ сказалъ кравчему *Ванiуру*, сыну *Муниэтукияня:* «Въ прежнее время, ты, вмѣстѣ съ тремя домами *Тохураутъ*, пятью домами *Тархутъ* и съ двумя родами: Ч*аншикитъ* [458]) и *Баяу*, составилъ со мной одно становище. Во мракѣ и туманѣ, ты не заблуждался; въ безпорядкахъ и разбросѣ ты со мной не разлучался; холодъ и сырость ты терпѣлъ вмѣстѣ со мной. Теперь ты какой награды хочешь?» *Ванiуръ* отвѣчалъ: «Если ты, по милости своей, мнѣ самому велишь выбирать, то я хотѣлъ бы собрать воедино братьевъ рода *Баяутъ*. разсѣянныхъ теперь по разнымъ улусамъ.»—Чингисъ согласился и сказалъ: «Собравъ ихъ, будь тысячникомъ и управляй ими.»—Еще сказалъ: «*Ванiуръ* и Б*ороулъ!* Оба вы, распоряжаясь по правую и лѣвую сторону, раздавали явства и питье всѣмъ поровну, и угодили моему сердцу. Съ сихъ поръ, въ большихъ собраніяхъ раздавайте явства и питье сидя на коняхъ [459]); во время же сидѣнья, сидите по лѣвую и правую сторону винницы [460]) вмѣстѣ съ *Толунемъ* и другими лицемъ на сѣверъ и распоряжайтесь явствами и питьемъ.»

Чингисъ сказалъ *Бороулу*: «Мать моя, взявъ тебя, да *Шиiихутуху*, *Гучу* и *Кокочу*, въ оставленныхъ станахъ, сдѣлала васъ дѣтьми своими, питала, лелѣяла и готовила васъ въ люди и въ товарищи намъ, ея дѣтямъ. Вы уже не мало отплатили за это благодѣянія воспитанія моей матери. *Бороулъ*, будучи моимъ товарищемъ, въ мѣстахъ самыхъ опасныхъ битвъ, хотя бы въ дождливыя ночи, во время стоянія противъ враговъ, никогда не позволялъ мнѣ чувствовать недостатокъ въ питьѣ и пищѣ и провести ночь голоднымъ. Потомъ, когда мы истребили *Татаръ*, одинъ изъ нихъ, *Хариилшила*, спасшійся бѣгствомъ, не имѣя пропитанія, вернулся и пришелъ въ юрту моей матери; онъ сказалъ, что проситъ одежи и пищи; на это мать моя сказала: «Коли ищешь одежи и пищи, то сядь вотъ тамъ.» Онъ и сѣлъ на западѣ, за дверью. Въ это время, вошелъ въ юрту пятилѣтній *Толуй* и потомъ опять вышелъ; при выходѣ, *Хариилъ* схватилъ его и стиснувъ подъ мышками, вышелъ [461]) и вытащилъ ножъ. Мать завопила: «Погубитъ онъ дитя!» Въ то время, жена *Бороула*, *Алтани,* сидѣвшая на восточной сторонѣ, тотчасъ выбѣжала, схватила того человѣка за волосы и руку съ ножемъ дернула такъ, что она вмѣстѣ съ ножемъ опала; въ тоже время *Чжэдай* и *Чжэлмъ*, убившіе корову у сѣверной стороны юрты, услышавъ крикъ *Алтани*, прибѣжали съ ножемъ и топо-

ромъ. и убили того человѣка. Послѣ того, *Алтани* и *Чжэдай* съ *Чжэлмъ* спорили о томъ, кто въ этомъ дѣлѣ болѣе оказалъ заслуги. *Чжэдай* и *Чжэлмъ* говорили: «Если бы мы не подбѣжали скоро, то ты, женщина и одна, не справилась бы съ нимъ. и онъ погубилъ бы *Толуя.*» *Алтани* же говорила: «Не закричи я, вы не пришли бы, и если бы я не схватила его за волосы и не вырвала у него ножа, то когда вы бы пришли, *Толуй* уже погибъ бы.» Въ этомъ спорѣ, *Алтани* одержала верхъ. Чингисъ сказалъ еще: «Во время битвы съ *Ванъ ханемъ*, въ урочищѣ *Халхалчжитъ*, *Огэдай* былъ раненъ стрѣлою въ шею; *Бӧроулъ* высосалъ изъ раны запекшуюся кровь и спасъ *Огэдаю* жизнь. Такимъ образомъ, въ отплату за благодѣяніе воспитанія матери моей, онъ спасъ жизнь двумъ сыновьямъ моимъ Въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. онъ никогда не былъ лѣнивъ. Отселѣ впредь, избавляю его отъ наказанія за девять преступленій.»

Чингисъ еще сказалъ: «я награжу и женщинъ» 462).

Чингисъ сказалъ старику *Усуню*:« *Усунъ*, *Хунанъ, Кокососы* и *Дѣгай*, что слышали и видѣли. и что приходило имъ на сердце никогда не таили отъ меня и все мнѣ сказывали. Нынѣ, по постановленіямъ *Дада* 463), *Бѣки* 464) есть чинъ важный; *Усунъ*! ты старшій потомокъ *Баалиня*: тебѣ слѣдуетъ быть *Бѣки* 465); будучи *Бѣки*, ѣзди на бѣлой лошади 466), одѣвайся въ бѣлое платье 467) и въ обществѣ садись на высшее мѣсто; выбирай добрый годъ и луну 468), и по разсужденіи 469), да чтутъ и уважаютъ» 470)

Чингисъ сказалъ еще: «*Хуилдаръ аньда*, передъ битвой, первый открылъ уста и сказалъ, что онъ желаетъ биться; за эту его доблесть, пусть потомки его пользуются милостями, оказываемыми вдовамъ и сиротамъ.»

Чингисъ сказалъ *Налиньтаолиню*, сыну *Чаханьхоа*: «Отецъ твой усердно служилъ мнѣ; онъ погибъ отъ *Чжамухи*, въ битвѣ на урочищѣ *Таланьбалчжутъ*. Теперь проси милости, слѣдующей сиротамъ.» *Тоолинь* сказалъ: Братья мои. *Нѣгусы*, разсѣяны по разнымъ улусамъ; мнѣ хотѣлось бы пособрать ихъ.» Чингисъ позволилъ ему собрать ихъ и повелѣлъ ему и его потомкамъ наслѣдственно править ими.

Чингисъ сказалъ *Сорханьширъ*: «Въ малолѣтствѣ моемъ, когда *Тархутай кирилтухъ*, съ братьями рода *Дайичиу*, изловили меня, ты, съ сыномъ своимъ, скрылъ меня у себя, велѣлъ дочери своей, *Хадаанъ*, прислуживать мнѣ и отпустилъ меня; эту услугу вашу я день и ночь помнилъ; а вы поздно пришли ко мнѣ отъ *Дайичиу* и я теперь только могу наградить васъ. Какой награды вы хотите?» *Сорханьшира* и сынъ его отвѣчали: «Намъ хотѣлось бы, по волѣ ставить становища въ Мѣркитской странѣ *Сѣлянгэ*; а еще чѣмъ наградить насъ, то самъ, царь, придумай.» Чингисъ сказалъ: «Будь по вашему; ставьте, по волѣ, становища въ той странѣ; кромѣ того, пусть потомки ваши носятъ луки со стрѣлами, пьютъ по чашкѣ вина и прощены будутъ за девять преступленій.» Потомъ сказалъ его дѣтямъ, Чилауню и *Чиньбо*: «Какъ мнѣ забыть нѣкогда произнесенныя вами слова. Когда будетъ чего либо не доставать душѣ вашей, то приходите ко мнѣ сами и просите.»—Еще

говорилъ: «*Сорханьшира*, Бадай и *Кишлихъ*! Будьте свободны. Добытую. въ походахъ добычу и пойманныхъ въ облавахъ звѣрей, берите себѣ однимъ. *Сорханьшира* былъ прежде домашнимъ у *Тодъгань*, рода *Дайчичу*; *Бадай* и *Кишлихъ* были конскими пастухами у *Ѣкэчэрянь*. Теперь, вы у меня живите, благоденствуя.»

Чингисъ сказалъ *Наъ*: «Когда ты, съ отцемъ своимъ, схватилъ *Тархутай Кирилтуха*, то сказалъ: «Какъ намъ, презрѣвъ собственнаго своего господина, схватить его? Вы тотчасъ отпустили его на волю, а сами пришли ко мнѣ въ подданство. За то я тогда сказалъ: «Эти люди понимаютъ высокій долгъ; послѣ я поручу имъ что нибудь. Теперь *Бöорчу* сдѣланъ темникомъ правой руки, князь *Мухали* темникомъ лѣвой руки; ты будь темникомъ средней рати [471]).»

Чингисъ сказалъ еще *Чжэбъ* и *Субъэтаю* [472]): «Собранными вами народами вы и управляйте въ качествѣ тысячниковъ.»

Потомъ Чингисъ велѣлъ пастуху овецъ, *Дъгаю*, собрать бездомный народъ и быть его тысячникомъ.

По распредѣленіи управленія народами, народа управлямаго плотникомъ *Гучугуромъ* оказалось мало. Для пополненія его, Чингисъ приказалъ отдѣлить изъ народа каждаго правителя, по нѣскольку человѣкъ и сдѣлалъ *Гучугура*, вмѣстѣ съ *Мулхалху*, рода *Чжадара*, его тысячниками.

Когда люди, трудившіеся въ созиданіи царства, сдѣланы темниками, тысячниками и сотниками и получили награды, Чингисъ сказалъ: «Прежде у меня было только восемьдесятъ человѣкъ ночной стражи и семьдесятъ охранной стражи, *Саньбань*. Нынѣ, когда небо повелѣло мнѣ править всѣми народами, для моей охранной стражи, *Саньбань*, и другихъ, пусть наберутъ десятъ тысячь человѣкъ изъ темъ, тысячь и сотенъ. Этихъ людей, которые будутъ находиться при моей особѣ, должно избрать изъ дѣтей чиновныхъ и свободнаго состоянія лицъ, и избрать ловкихъ, статныхъ и крѣпкихъ. Сынъ тысячника приведетъ съ собой одного брата [473]), да десять человѣкъ товарищей; сынъ сотника возьметъ съ собой одного брата, да пятерыхъ товарищей; дѣти десятниковъ и людей свободныъ, возьмутъ по одному брату, да по три товарища. Кони для десятерыхъ товарищей сына тысячника будутъ собраны въ его тысячѣ и сотняхъ, вмѣстѣ съ конскою сбруею; при семъ должно снабжать ихъ, по вновь утвержденному постановленію [474]), кромѣ имущества отдѣленнаго отцемъ, равно имущества и людей, самими пріобрѣтенныхъ [475]). Для пяти товарищей сына сотника и трехъ товарищей сына десятника и сына свободныхъ людей кони снаряжаемы будутъ все по прежнему постановленію [476]). Кто изъ тысячниковъ, сотниковъ, десятниковъ и людей свободныхъ воспротивится, тотъ какъ виновный подвергнется наказанію. Если избранный уклонится и не явится на ночную стражу, то на мѣсто его избрать другаго, а его сослать въ отдаленное мѣсто. Кто пожелаетъ вступить въ гвардію, тому никто не долженъ препятствовать.»

Тысячники и сотники, согласно волѣ Чингиса, произвели наборъ и увеличили прежнее число 80 ночной стражи до 800 человѣкъ. Чингисъ велѣлъ увеличить до

тысячи, и поставилъ надъ ними *Ѣкэнъуриня* первымъ тысячникомъ. Начальство надъ прежними 400 стрѣлками [477]) поручено было *Чжэлмъ* и *Ѣсунътъэ*, вмѣстѣ съ *Бугидаемъ*. *Саньбань* со стрѣлками, вступая въ должность, раздѣлены были на четыре очереди; старшиной первой очереди сдѣланъ былъ *Ѣсунътъэ*; старшиною второй очереди *Бугидай*; третьей очереди *Хорхуда*; четвертой *Лаблаха*; [478]); теперь, въ этомъ отрядѣ, увеличенномъ до 1000, старшиной назначенъ *Ѣсунътъэ*.

Охранной стражей, *Саньбань*, управлялъ прежде ближній [479]) *Бѡорчіевъ*, *Оэлмъчэрби*; этимъ отрядомъ, увеличеннымъ теперь до 1000, повелѣно начальствовать ему же; второю тысячею повелѣно управлять ближнему *Мухаліеву*, *Бухъ*; третьей тысячей ближнему *Илугаеву*, *Алчидаю*; четвертою тысячею *Додайчерби*; пятою тысячею *Дохолху*; шестою тысячею ближнему *Чжурчэдаеву*, *Чанаю*; седьмою тысячею ближнему *Алчи*, *Ахутаю*; осьмою тысячею отборныхъ храбрыхъ *Архайхасару*; въ спокойное время, эти [480]) были *Саньбань*, а въ походахъ передовыми храбрыми.

Изъ тысячь набрано 8000 человѣкъ для ночной стражи [481]); съ 2000 стрѣлковъ [482]), полное число охранной стражи было 10, 000 человѣкъ Чингисъ сказалъ: «Всѣ эти охранные отряды мои, на будущее время, будутъ составлять большой средній корпусъ [483]).»

Чингисъ говорилъ еще: «Охранная стража будетъ раздѣлена на четыре очереди; одной будетъ управлять *Буха*; другой *Алчидай*; третьей *Додайчэрби*, четвертою *Дохолху*.»—Назначивъ четыре старшины, онъ опредѣлилъ порядокъ очередей и говорилъ: «Вступивъ въ дежурство, очередной старшина долженъ стоять на ночной стражѣ, начальствуя надъ тѣлохранителями *Саньбань*. Очередь смѣняется черезъ три ночи. Кто долженъ быть на очереди и неявится, тому 30 палокъ; за вторичную неявку, 70 палокъ; если онъ въ третій разъ, безъ причины, не явится, то дать ему 37 палокъ и сослать его въ отдаленное мѣсто. Начальствующіе надъ охранной стражей, при смѣнѣ очереди, должны напоминать о томъ; кто не объявитъ о томъ, тотъ подвергается наказанію; послѣ же объявленія, нарушившій приказъ, будетъ наказанъ по вышеизложенному постановленію. Начальствующіе надъ охранной стражей, не получивъ отъ меня словеснаго разрѣшенія, не должны самовольно наказывать своихъ подчиненныхъ. Въ случаѣ преступленія кого либо изъ нихъ, непремѣнно должны докладывать мнѣ, и тогда, кому слѣдуетъ отрубить голову, тому отрубятъ; кого слѣдуетъ бить, тотъ будетъ битъ. Кто же, вопреки моему повелѣнію, будетъ самовольно наказывать своихъ подчиненныхъ прутьями, того самого наказать прутьями; кто будетъ бить кулаками, того тоже кулаками.»

Чингисъ говорилъ еще: «Тѣлохранитель моей охранной стражи *Саньбань* выше внѣшнихъ [484]) тысячниковъ; домашніе ихъ выше внѣшнихъ сотниковъ и десятниковъ. Если внѣшній тысячникъ, считая себя равнымъ *Саньбаню* охранной стражи, заспоритъ и будетъ драться съ нимъ, то подвергается наказанію.»

Чингисъ говорилъ еще начальникамъ очередей: «*Саньбань* изъ стрѣлковъ и повара, вступая на дежурство, днемъ занимаются своимъ дѣломъ, а съ захожденіемъ солнца, выходятъ и ночуютъ внѣ, отдавъ ночной стражѣ, стрѣлки—свои луки

и стрѣлы, повара—свою посуду. На другой день, когда подадутъ теплую воду, всѣ входятъ и по-прежнему занимаются своимъ. Когда смеркнется, ночная стража должна брать подъ арестъ людей, которые въ это время будутъ ходить кругомъ ставки, или взадъ и впередъ, и допрашивать ихъ на слѣдующій день. При смѣнѣ ночной стражи, новый караулъ предъявляетъ марки и потомъ уже допускается. Ночная стража, ночью обходитъ ставку, и стоитъ у дверей. Если кто либо ночью войдетъ, тому должны разбить голову и рубить плечо. Кто придетъ по спѣшному дѣлу, тотъ долженъ напередъ видѣться съ ночной стражей, съ ней вмѣстѣ войти въ ставку и потомъ говорить. Не позволяется никому ни ходить, ни сидѣть передъ ночной стражей и между нею. Никто также не долженъ спрашивать о числѣ и днѣ стражи; кто станетъ спрашивать, у того взять осѣдланную лошадь и платье. Передъ симъ, одинъ изъ вѣрныхъ людей, *Элжигидай*, вошелъ въ среду ночной стражи и былъ ею взятъ подъ арестъ.»

Чингисъ сказалъ: «Вы, тѣлохранители ночной стражи [485]), для спокойствія моего тѣла и души, оберегали кругомъ мою ставку, въ ночи дождливыя и снѣжныя, равно какъ и въ ясныя ночи тревогъ и битвъ со врагами. Ни въ какомъ важномъ случаѣ вы не были лѣнивы и небрежны. Черезъ то, я и достигъ великаго сана. Теперь, я назову эту благовѣщую и вѣрную ночную стражу, старою ночною стражею; семьдесятъ *Саньбань*, вступавшихъ въ очередь подъ начальствомъ *Огэлъчэрби*, назову великими *Саньбань*; храбрыхъ *Архайхасара* назову старыми храбрыми; стрѣлковъ *Ѣсуньтъэ* и другихъ, великими стрѣлками. Выбранные изъ 95 тысячь составляютъ мою ближайщую охранную стражу. Завѣщаю моимъ потомкамъ смотрѣть на этихъ тѣлохранителей, какъ на памятникъ обо мнѣ, тщательно заботиться о нихъ, не возбуждать въ нихъ неудовольствія и считать ихъ благодѣтельными духами [486]).»

Чингисъ сказалъ еще: «Внутренніе [487]) *Чжэрби* и пастухи должны быть въ вѣдѣніи ночныхъ тѣлохранителей; они также должны завѣдывать внутренними юртами, кибитками, знаменами,, съѣстными припасами готовой пищей и посудой. Въ случаѣ недостатка чего либо, пусть обращаются къ ночнымъ тѣлохранителямъ; безъ разрѣшенія ихъ, не должно выдавать ни одежды, ни пищи; при выдачѣ же должно начинать съ нихъ. Тѣлохранители должны строго смотрѣть за входящими въ ставку и выходящими изъ нея. Дверники должны находиться безотлучно близъ дверей. Внутри дверей, двое должны завѣдывать винницей. Завѣдывающіе становищемъ должны быть избираемы изъ ночныхъ тѣлохранителей. Во время облавы, они вмѣстѣ облавятъ; половина ихъ оставляется у охотничьихъ кибитокъ».

Чингисъ сказалъ еще: «Когда я не отправляюсь въ походъ то и ночные тѣлохранители должны оставаться: въ случаѣ нарушенія, главы, поднявшія войско, подвергаются наказанію. Не позволяю же я имъ выступать въ походъ потому, что они постоянно оберегаютъ меня; во время облавъ слѣдуютъ за мной; въ обычное время завѣдываютъ уборкою кибитокъ и другими дѣлами; подобныя занятія не легки; поэтому, опасаясь слишкомъ утруждать ихъ, я не позволяю имъ ходить на войну [488]).»

Чингисъ говорилъ еще: «Пусть одинъ изъ тѣлохранителей. вмѣстѣ съ *Шигихутуху*, рѣшаютъ дѣла. Они должны убирать и раздавать платье, латы, луки; стрѣлы и военное оружіе. Изъ завѣдывающихъ меренами, пусть одинъ завѣдываетъ вьючными сѣтями и веревками. Тѣлохранители, вмѣстѣ съ *Чжерби*. должны выдавать ткани. Во время устроенія становища, *Саньбань* изъ стрѣлковъ, вмѣстѣ съ стрѣлками *Ѣсуньтѣэ,* должны быть по правую сторону ставки; *Саньбань Бухи* и другихъ, по лѣвую сторону ставки; храбрые *Архая* впереди ставки; ночные тѣлохранители, завѣдывающіе ставкою и кибитками, должны быть близь ставки, по обѣ ея стороны; всѣ *Саньбань* охранной стражи и внутренніе домашніе, подъ управленіемъ *Додайчжэрби*. должны находиться постоянно при ставкѣ».

Чингисъ повелѣлъ *Хубилаю* воевать на родъ *Харлуутъ* [489]). Владѣтель его, *Арсыланъ*. покорился и самъ явился къ Чингису. Чингисъ пожаловалъ ему дочь въ замужество [490]).

Чингисъ повелѣлъ также *Субѣэтаю* преслѣдовать дѣтей *Тохтао: Хуту* и *Чилауня*. *Субѣэтай* преслѣдовалъ ихъ до рѣки *Чуй*, настигъ ихъ здѣсь, истребилъ и вернулся [491]).

По прежнему повелѣнію Чингиса, *Чжэбѣ* преслѣдовалъ *Гучулука* до страны *Салихкунъ* и погубивши его, возвратился [492]).

Владѣтель рода *Уйу*, *Идуутъ*, прислалъ пословъ. *Атгилаха* и другихъ, къ Чингису, съ такими словами: «Слыша о славѣ твоей царь! мы возрадовались, какъ бы узрѣли солнце, по разсѣяніи облаковъ, или воду, послѣ растаянія льда. Если я удостоюсь твоей милости, то желаю быть твоимъ пятымъ сыномъ, и усердно служить тебѣ.» Чингисъ отвѣчалъ: «приходи, и дочь дамъ тебѣ, и сдѣлаю тебя пятымъ сыномъ своимъ.» Тогда *Идуутъ*, взявъ съ собой золота, серебра, жемчуга и тканей пришелъ поклониться Чингису. Чингисъ отдалъ за него дочь, по имени *Алчалтунъ* [493]).

Въ годъ зайца [494]), Чингисъ приказалъ *Чжочи*, съ ратью правой руки, идти войной на народъ, что̀ въ лѣсахъ [495]), а *Бухѣ* прокладывать дорогу. *Худухабѣки*, рода *Оира*, поддался прежде *Вань Оира* [496]), и повелъ *Чжочи* противъ *Вань Оира*. Когда *Чжочи* дошелъ до мѣста *Шихшитъ*, то *Оира*, *Тубасы*, и всѣ другіе роды [497]), покорились ему. По прибытіи къ мѣстопребыванію родовъ *Вань-Кэргисы* [498]), правитель ихъ, *Ѣдиналъ*, съ другими, тоже покорился и явился къ *Чжочи* съ бѣлымъ соколомъ, бѣлымъ мереномъ и черными соболями.—*Чжочи* овладѣлъ всѣми народами, обитающими въ лѣсахъ [499]), отъ рода *Шибиръ* на югъ [500]), потомъ, взявъ съ собой Кэргизскихъ темниковъ и тысячниковъ, равно князьковъ лѣсныхъ народовъ, также сокола, мерена и соболей, возвратился и представился Чингису. Такъ какъ *Худухабѣки*, рода *Оира*, покорился прежде другихъ, то Чингисъ отдалъ дочь свою *Чэчэигянь*, за его сына, *Иналчи*; дочь *Чжочи*, *Холуйханъ*, выдалъ за старшаго брата *Иналчи*; а дочь свою, по имени *Алаха*, отдалъ въ родъ *Ванту* [501]); потомъ сказалъ *Чжочи*: «Изъ дѣтей моихъ, ты самый старшій; теперь ты, въ первый разъ, ходилъ на войну и, не утруждая войска, покорилъ всѣ народы, живущіе въ

лѣсахъ; эти народы я дарю тебѣ.»

За тѣмъ. Чингисъ послалъ ***Бороула*** воевать народъ ***Холитуматъ*** [502]); князекъ его, ***Дайдутулъ***, умеръ прежде; народомъ управляла жена его, ***Бѣтохуйтархунъ. Бороулъ***, прибывъ туда, отправился впереди войска, съ тремя человѣками. Къ вечеру, когда они шли густымъ лѣсомъ по тропѣ, непріятельскіе дозорные скрытно обошли ***Бороула***, перерѣзали ему путь и убили его. Чингисъ, извѣстившись объ этомъ, сильно разгнѣвался и хотѣлъ самъ идти воевать, но по совѣту ***Бѣорчу*** и ***Мухали***, остановился и отправилъ туда ***Дорбодохшиня***. Приведя войско въ строгій порядокъ, ***Дорбодохшинъ*** сдѣлалъ ложное движеніе на то мѣсто, гдѣ, передъ тѣмъ, отрѣзали ***Бороулу*** дорогу, а самъ пошелъ чрезъ ***Хулаанъбуха***, по тропинкѣ, протоптанной звѣрями, опасаясь же, что ратники, изъ боязни, не пойдутъ по такому пути, онъ велѣлъ каждому изъ нихъ нести по десяти прутьевъ, которыми онъ велѣлъ бить тѣхъ, кто не шелъ. Ратники запаслись также топорами, пилами и долотами, которыми срубали лѣсъ, заграждавшій дорогу. Достигши вершины горы, ратники смотрѣли внизъ, на народъ ***Туматъ***, словно чрезъ верхнее отверстіе юрты. Рать двинулась и напавъ на ***Туматъ*** въ расплохъ, когда они пировали овладѣли ими.

Передъ тѣмъ, благородный ***Хорчи*** и ***Худухабѣки***, были схвачены ***Туматами*** и находились въ плѣну у ***Ботохуйтархунъ***, Попались же они въ плѣнъ по слѣдующему случаю: ***Хорчи***, пользуясь позволеніемъ Чингиса избрать для себя 30 женъ, и узнавъ, что у ***Туматовъ*** дѣвицы прекрасны, хотѣлъ взять изъ нихъ себѣ тридцать; возмущенные тѣмъ ***Туматы*** схватили его. Узнавъ объ этомъ, Чингисъ отправилъ къ ***Туматамъ Худухабѣки***, какъ хорошо знавшаго лѣсной народъ; но и онъ былъ схваченъ. По покореніи ***Туматовъ***, Чингисъ далъ ***Бороулу*** [503]) сто Туматскихъ домовъ; ***Хорчи*** тридцать Туматскихъ дѣвицъ, а ***Худухабѣки*** отдалъ ***Бѣтохуйтархунъ***.

Чингисъ удѣлилъ изъ покоренныхъ народовъ часть матери, братьямъ и дѣтямъ своимъ, и говорилъ: «Моя мать, вмѣстѣ со мной, воздвигала царство; изъ дѣтей моихъ старшій есть ***Чжочи***; изъ братьевъ, младшій ***Отчигинъ***» — Матери своей, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ, ***Отчигинемъ*** онъ далъ десять тысячь домовъ [504]); мать его осталась недовольна такимъ числомъ и не сказала ни слова. Сыну своему ***Чжочи***, Чингисъ далъ 9,000 домовъ; ***Чаадаю*** 8,000; ***Огэдаю*** 5,000 [505]); ***Толую*** 5,000 [506]); брату своему, ***Хасару***, 4,000 [507]); ***Алчидаю*** 2,000 [508]); ***Бѣлгутаю*** 1.500 [509]).— Былъ у него дядя, ***Даартай***; Чингисъ хотѣлъ погубить его за то, что онъ прежде слѣдовалъ за ***Ванъ ханемъ***; но ***Бѣорчу*** и другіе двое говорили ему: «Губить своихъ родныхъ тоже, что гасить свой огонь; у тебя, въ память объ отцѣ твоемъ, только и остался этотъ дядя, неужели ты рѣшишься погубить его? Правда, онъ не разуменъ; но ты, въ память объ отцѣ твоемъ, не губи его.» Чингисъ былъ глубоко тронутъ и согласился съ ними; съ тѣмъ вмѣстѣ гнѣвъ его стихъ.

Чингисъ, давъ матери своей ***Хоэлунъ***, съ братомъ ***Отчигинемъ***, 10,000 домовъ, приписалъ [510]) къ ней четырехъ благородныхъ: ***Гучу***, и другихъ; ***Чжочи*** онъ приписалъ трехъ благородныхъ: ***Хунаня***, и другихъ; ***Чаадаю*** трехъ благородныхъ

Харачара, и другихъ; причемъ сказалъ: «***Чаадай*** нрава крутаго»; поэтому, подробно наставилъ ***Кокососы***, почаще говорить ему.—***Огэдаю*** приписалъ ***Илу*** и еще другаго; ***Толую—Чжэдая*** и еще другаго; ***Хасару—Чжэбкэ***; ***Алчидаю—Чауръхая***.

У ***Мунлика***, рода ***Хуанхотадай***, было семеро сыновей; четвертый изъ нихъ, ***Кокочу***, былъ волхвъ [511]), и прозывался ***Тэбтэнгэри*** [512]); эти семеро братьевъ были одинъ другаго злѣе и однажды прибили брата Чингисова, ***Хасара***. ***Хасаръ*** пожаловался Чингису; но Чингисъ, разгнѣвавшись на него самаго за этотъ случай, сказалъ ему: «Въ другое время, ты хвалился, что никто не можетъ состязаться съ тобой; какъ же ты позволилъ имъ прибить себя?» ***Хасаръ***, проливая слезы, поднялся и ушелъ, и три дня не видѣлся съ Чингисомъ. ***Тэбтэнгэри***, пришедши къ Чингису, сказалъ ему: «Духъ [513]), объявилъ мнѣ святое велѣніе Вѣчнаго Неба: сначала ***Тэмучжиню*** царствовать надъ народами, потомъ ***Хасару*** [514]). Если ты не устранишь ***Хасара***, то дѣло еще сомнительно [515]).» Чингисъ, выслушавъ эти слова, въ туже ночь отправился къ ***Хасару***, что бы схватить его. ***Гучу*** и другіе, немедленно извѣстили о томъ мать Чингиса. Х***оэлунь***; Х***оэлунь***, запрягши бѣлаго верблюда въ кибитку, въ ночь отправилась и при восходѣ солнца, прибыла къ Х***асару***, въ то самое время, какъ Чингисъ, связавъ, рукава Х***асару***, и снявъ съ него шапку и поясъ, допрашивалъ его; увидѣвъ свою мать, Чингисъ чрезвычайно изумился и испугался. Мать, гнѣвная, сошла съ кибитки, развязала Х***асара*** и отдала ему шапку съ поясомъ; потомъ, съ усилившимся гнѣвомъ, сѣла, поджавъ ноги, выложила груди на колѣна и спросила: «Видите ли? это груди, которыя вы сосали Какое преступленіе совершилъ Х***асаръ***, что ты губишь родную плоть [516])? Когда ты былъ младенцемъ, то ссасывалъ вотъ эту грудь; ***Хачиунъ*** и ***Отчигинъ***, оба не могли сосать вотъ этой груди; только Х***асаръ*** высасывалъ обѣ груди мои и облегчалъ мнѣ грудь. Потому-то въ душѣ ***Тэмучжиня*** таланты, а у Х***асара*** сила и искуство стрѣлянія. Всякій разъ, когда народы возмущались, онъ усмирялъ ихъ своимъ лукомъ и стрѣлами; теперь враги истреблены въ конецъ и Х***асаръ*** уже не нуженъ!» Чингисъ замѣтивъ, что гнѣвъ матери его стихъ, сказалъ:—«И испугался я, и стыдно мнѣ!» [517]) Съ сими словами, онъ ушелъ. Послѣ Чингисъ, тайно отъ матери, отнялъ у ***Хасара*** его народъ, оставивъ ему только 1400 домовъ. ***Хоэлунь***, узнавъ о томъ, сильно скорбѣла и оттого скоро скончалась [518]). Приставленный къ ***Хасару***, ***Чжэбкэ***, ушелъ въ страну ***Бархучжинь***.

Впослѣдствіи, у ***Тэбтэнгэри*** собралось людей девяти нарѣчій [519]) столь же много, какъ у самаго Чингиса [520]). Изъ народа ***Отчигиня*** тоже были передавшіеся ему. ***Отчигинъ*** послалъ за ними ***Сохора***; но ***Тэбтэнгэри*** прибилъ его и надѣвъ на него конское сѣдло, отослалъ назадъ. На другой день, ***Отчигинъ*** самъ прибылъ къ ***Тэбтэнгэри***; семеро братьевъ, обступивъ его, говорили: «Какъ ты смѣлъ посылать людей брать у насъ народъ?» и хотѣли бить его. ***Отчигинъ***, въ испугѣ, сказалъ: «Мнѣ не слѣдовало посылать къ вамъ людей.»—Они сказали: «Такъ какъ ты виноватъ, то проси прощенія»; и заставили его назади стать на колѣна [521]). На другой день, рано утромъ, когда Чингисъ не всталъ еще съ постели, ***Отчигинъ*** во-

шелъ къ нему, и ставъ на колѣна, разсказалъ, какъ съ нимъ поступили. и разсказавъ, заплакалъ. Чингисъ не молвилъ еще ни слова, какъ, *Бортѣучжинъ*, привставъ съ постели и прикрывши груди одѣяломъ. проливая слезы, сказала: «Что это такое? *Хуанхотанъ*, передъ этимъ, прибили *Хасара*, а теперь заставили *Отчигиня* стать на колѣна. Что это за порядокъ? Если они, еще при жизни твоей, губятъ твоихъ братьевъ, величественныхъ, какъ кедры, то когда ты скончаешься, народъ похожій на взволнованную траву 592), или на стадо птицъ, подавно не захочетъ подчиниться твоимъ дѣтямъ, малымъ и дурнымъ» 593). Сказавъ это, она заплакала. Чингисъ сказалъ *Отчигиню*: «Когда *Тѣбтэнгэри* сегодня придетъ сюда, дѣлай съ нимъ, что хочешь 524).» *Отчигинъ*, поднявшись, вышелъ и подговорилъ трехъ силачей.

Спустя немного времени, пришелъ и *Мунликъ* съ семью сыновьями своими; только что *Тѣбтэнгэри* сѣлъ на западную сторону винницы, какъ *Отчигинъ* схвативъ его за воротъ, сказалъ: «Вчера ты заставилъ меня просить прощенія; сегодня я попытаю свою силу съ тобой.» Пока *Отчигинъ* тащилъ его вонъ, шапка упала съ головы *Тѣбтэнгэри* и легла близь жаровни; отецъ его поднялъ шапку и обнюхавъ ее 525), положилъ за пазуху. Чингисъ сказалъ: «Вы ступайте, боритесь внѣ.»—Когда *Отчигинъ* и *Тѣбтэнгэри*, схватившись, вышли, поставленные за порогомъ двери три силача, подхватили *Тѣбтэнгэри*, переломили ему спинную кость и бросили его въ сторону, на лѣво, къ кибиткѣ 526). *Отчигинъ*, воротившись, говорилъ: *Тѣбтэнгэри* вчера заставилъ меня просить прощенія; сегодня, только что я хотѣлъ извѣдать силу съ нимъ, какъ онъ легъ, отказывается и не хочетъ вставать. Видно, что это товарищъ изъ обыкновенныхъ 527).» Отецъ его, *Мунликъ*, понялъ и проливая слезы, сказалъ: «Царь! я сдѣлался тебѣ сподвижникомъ прежде, чѣмъ ты началъ возвышаться, и пребылъ имъ до сего дня.»—Пока онъ говорилъ, шестеро сыновей его загородили 528) дверь и ставъ кругомъ жаровни 529), стали засучивать рукава. Чингисъ, въ испугѣ, всталъ и кликнулъ: „Прочь! я выду.»—Сказавъ это, онъ вышелъ и тотчасъ окруженъ былъ *Саньбанями* изъ стрѣлковъ. Увидѣвъ, что *Тѣбтэнгэри* уже мертвъ, Чингисъ приказалъ поставить надъ трупомъ его юрту, а самъ поднялся и перекочевалъ.

Въ юртѣ, поставленной надъ трупомъ *Тѣбтэнгэри*, дверь и верхнее отверстіе съ самаго начала были закрыты; при юртѣ поставлена была стража. Въ третій день, на разсвѣтѣ, верхнее отверстіе открылось и трупъ ушелъ чрезъ него. Когда освидѣтельствовали, то убѣдились, что въ самомъ дѣлѣ было такъ. Чингисъ сказалъ: «*Тѣбтэнгэри* билъ моихъ братьевъ и неправедно клеветалъ на нихъ; за то небо не возлюбило его и отняло вмѣстѣ и жизнь и тѣло его» 530). Потомъ, выговаривая *Мунлику*, говорилъ: «Ты не могъ научить собственныхъ сыновей своихъ; онъ хотѣлъ быть равнымъ мнѣ 531); за то я и погубилъ его 532). Еслибъ я заранѣе зналъ такія качества ваши, то давно бы погубилъ васъ, какъ *Чжамуху Алтаня* и *Хучара*.»—Потомъ сказалъ: «Но если, давши слово утромъ, къ вечеру измѣнять ему; или вечеромъ давши, утромъ измѣнять ему, то стыдно будетъ людскаго суда; я уже прежде обѣщалъ избавить тебя отъ смерти 533). Кончимъ.» Послѣ

сихъ словъ, гнѣвъ его стихъ. По смерти ***Тѣбтэнгэри*** самонадѣянность 534) ***Мунлика*** и дѣтей его уменьшилась.

Впослѣдствіи, въ годъ овна 535), Чингисъ пошелъ войной на Гиньское царство 536). Взявъ *Фучжоу* 537), онъ перешелъ *Ѣхулинв* 538); потомъ овладѣлъ *Сюаньдэфу* 539). Онъ отправилъ ***Чжэбѣ*** и ***Гуигунька*** передовыми 540); ***Чжэбѣ***, по прибытіи къ ***Цзюйюнгуань*** 541), замѣтивъ, что гарнизонъ хорошо укрѣпился въ крѣпости, сказалъ: «Надобно выманить ихъ». Съ этою цѣлію, онъ притворно повелъ свое войско назадъ. ***Гиньцы,*** увидѣвъ его отступленіе, дѣйствительно вывели изъ крѣпости свои войска и преслѣдовали ***Чжэбѣ***; ***Чжэбѣ***, заманилъ ихъ къ ***Сюаньдэфу*** въ горную распадину 542), и повернувшись, напалъ и разбилъ подходившія постепенно Гиньскія войска; вслѣдъ за тѣмъ, прибыла средняя рать Чингиса и одержала побѣду надъ самыми сильными полками *Гиньцевъ*, состоявшими изъ ***Киданъ*** и ***Нюйчжинъ*** 543). Когда Чингисъ дошелъ до *Цзюйюна*, дороги завалены были грудами труповъ убитыхъ, какъ гнилыми деревьями. *Чжэбѣ* овладѣлъ ***Цзюйюнъ гуанемъ*** и Чингисъ, пройдя ущелье, остановился лагеремъ на *Лунъхутай* 544). Отсюда онъ отправилъ войска, для овладѣнія *Бэйпиномъ* 545) и другими областями, а ***Чжэбѣ*** приказалъ взять *Дунъчанъ* 546), ***Чжэбѣ,*** не могши взять этого города, вернулся и переночевавъ шесть ночей 547), опять отправился; онъ велѣлъ своимъ ратникамъ взять съ собой по одной заводной лошади 548), ѣхалъ днемъ и ночью, и явившись у ***Дунъчана***, когда ***Гиньцы*** не ждали, овладѣлъ имъ. Овладѣвши *Дунъчаномъ*, ***Чжэбѣ*** вернулся и соединился съ Чингисомъ.

Въ то время, какъ осаждали *Бэйпинъ* Гиньскій министръ, ***Ванъ гинъ***, сказалъ Гиньскому государю; «По опредѣленію Неба 549), кажется, наступило время передать престолъ другимъ. *Дада* чрезвычайно усилились; они истребили наши самыя храбрыя войска и овладѣли самою надежною крѣпостію, *Цзюйюнъ гуанъ*. Если мы снова вступимъ съ ними въ битву и потеряемъ сраженіе, то войска могутъ разбѣжаться. Лучше покориться царю *Дада*; пусть онъ уведетъ свое войско, когда онъ уведетъ его, тогда мы снова подумаемъ. Притомъ, слышно что въ войскахъ *Дада*, по непривычкѣ ихъ къ здѣшнему климату, открылась заразительная болѣзнь. Теперь, отдай царю *Дада* свою дочь, золота, серебра и тканей, и посмотри, согласится ли онъ, или нѣтъ?» Гиньскій государь сказалъ: «*Ванъ гинъ* говоритъ правду». Поэтому, онъ покорился Чингису и отправилъ къ нему съ ***Ванъ гиномъ*** царевну, да золота, серебра и, тканей. Вслѣдъ за тѣмъ, осаждавшія городъ войска, отступили. ***Ванъ гинъ*** лично проводилъ Чингиса до горной губы, что между *Мочжоу* и ***Фучжоу***, и простившись съ нимъ, оттолѣ вернулся. Ратники увязали золото, серебро и другія вещи въ крѣпкія ткани и съ усиліемъ навьючивши ихъ, уѣхали.

Оттолѣ, Чингисъ пошелъ войной на владѣніе *Хашинъ* 550). Владѣтель его, ***Бурханъ,*** покорился и представивъ Чингису дочь свою, по имени *Чахади*, говорилъ: «Слыша о славѣ твоей, царь, мы еще прежде убоялись. Теперь, мы будемъ тебѣ правою рукою и поусердствуемъ. Мы, собственно, народъ осѣдлый, живущій въ городахъ; потому, въ случаѣ немедленнаго похода, мы не можемъ прибыть скоро. Если

же будетъ твоя милость къ намъ, то мы будемъ постоянно представлять тебѣ въ дань произведенія нашей страны: верблюдовъ, шерстяныя ткани и кречетовъ». Вслѣдъ за тѣмъ, собравъ у своего народа верблюдовъ столько, что нельзя было гнать ихъ прямо, онъ доставилъ ихъ къ Чингису.

Въ этотъ походъ, Чингисъ, покоривъ Гиньскаго государя, добылъ множество кусковъ тканей; а по покореніи владѣтеля *Хашинъ* пріобрѣлъ множество верблюдовъ. Потомъ, онъ возвратился до *Саарикэръ* и тамъ остановился лагеремъ.

Послѣ того, Чингисъ отправилъ *Чжубханя* съ товарищами, посломъ къ *Сунамъ*, для заключенія съ ними дружбы; но *Гиньцы* воспрепятствовали тому [551]. Тогда Чингисъ, въ годъ пса [552], снова пошелъ войной на Гиньское царство. Чингисъ самъ рѣшился взять *Тунъ-гуань*, а *Чжэбъ* велѣлъ напасть на *Цзюйюнъ гуань*. Гиньскій государь, узнавъ о томъ, приказалъ *Иръ* и другимъ двумъ военачальникамъ, занять крѣпость [553], а отряду *Хулааньдъгэлъ* [554] быть авангардомъ и охранять ее [555]. Чингисъ, по прибытіи къ крѣпости, увидѣвъ, что все войско *Гинцевъ* пришло, вступилъ съ ними въ бой; Гиньскія войска нѣсколько отступили; тогда *Тулуй* и *Чугу*, съ фланговъ вторглись въ ряды непріятелей; Гинскій полкъ *Хулааньдъгэлъ* и войско *Иръ* были совершенно разбиты; трупы убитыхъ покрыли все поле. Гиньскій государь, получивъ о томъ извѣстіе, перенесъ столицу въ *Бяньлянъ*. Остальные ратники *Гиньцевъ* въ крѣпости, томимые голодомъ, ѣли другъ друга. Чингисъ возвратился [556] и наградилъ *Толуя* и *Чугу* за ихъ доблести.

Когда Чингисъ прибылъ въ Бэйтинское мѣсто *Шилакээръ* [557], *Чжэбъ* уже взялъ *Цзюйюнъ гуань* и привелъ сюда свои войска и соединился.

Гиньскій государь, перенося столицу, оставилъ въ *Яньцзинъ* намѣстникомъ вельможу своего, *Хада*. Чингисъ отправилъ *Вангура* и другихъ двухъ въ эту столицу, чтобы отобрать кладовыя и сосчитать хранившіяся въ нихъ золото и ткани. Гиньскій *Хада* поднесъ имъ золота и тканей; *Шигихутуху* сказалъ: «Въ прежнее время, золото и ткани средней столицы принадлежали Гиньскому государю; а теперь онѣ принадлежатъ Чингису; какъ же можно самовольно брать ихъ.»— Поэтому онъ отвергъ подарокъ; но *Вангуръ* и *Архай Хасаръ* приняли. Когда они, окончивъ дѣло, возвратились, Чингисъ спросилъ ихъ: «Приняли ли вы поднесенное вамъ?» *Шигихутуху* разсказалъ то, что онъ говорилъ. Чингисъ сдѣлалъ выговоръ [558] *Вангуру* и *Архайхасару*, а *Шигихутуху* наградилъ и сказалъ ему: «Будь у меня очами и ушами»

Гиньскій государь, прибывши въ *Бяньлянъ*, покорно подчинился Чингису и Чингисъ принялъ сына его *Тэнгэри*, съ сотней человѣкъ, къ себѣ на службу.

Чингисъ отъ *Бэйпина* отправился обратно чрезъ *Цзюйюнъгуань* а *Хасару* приказалъ, съ ратью правой руки, идти по поморью, чрезъ *Данинъ*, и пройти черезъ *Нюйчжинъ* [559]. Если они покорятся, то онъ долженъ былъ слѣдовать черезъ находящіяся у нихъ пограничныя области перейти, рѣки *Ула* и *Нау* [560], и вверхъ по рѣкѣ *Таоуръ* [561]) воротиться въ станъ. Если же *Нюйчжинъ* не покорятся, то пустить войска и опустошить. *Хасаръ*, вмѣстѣ съ *Чжурчэдаемъ* и

Толунемъ, дошли до *Данина*; этотъ городъ сдался; когда пришли къ *Нюйчжинь*, владѣтель 562) ихъ покорился; всѣ другіе города тоже сдались; поэтому *Хасаръ*, слѣдуя вверхъ по рѣкѣ *Таоурь*, возвратился въ главный станъ 563).

Послѣ того, Чингисъ предпринялъ войну противъ *Хойхой* за то, что они убили посла его *Ухуна* и другихъ, всего сто человѣкъ. Передъ отправленіемъ въ походъ, супруга его, *Ѣсуй*, сказала ему: Царь! ты идешь за горы и рѣки, въ далекія страны, на битвы; если случится тебѣ оставить по себѣ не произносимое имя 564), то которому изъ четырехъ сыновей своихъ повелишь быть господиномъ? Объяви о томъ напередъ всѣмъ». Чингисъ сказалъ: «*Ѣсуй* говоритъ дѣло. Объ этомъ не напомнили мнѣ ни братья, ни дѣти, ни *Бöорчу*, никто другой; я тоже забылъ». Тогда онъ спросилъ *Чжочи*: «Ты старшій изъ моихъ сыновей; что скажешь»? *Чжочи* еще не отвѣчалъ, какъ *Чаадай* сказалъ: «Отецъ! Ты спрашиваешь *Чжочи*; не ему ли ты хочешь передать наслѣдство? Но онъ принесенъ отъ рода *Мэрки* 565); не ужели мы позволимъ ему управлять нами»? Только что онъ кончилъ, какъ *Чжочи*, вставъ съ мѣста, схватилъ *Чаадая* за воротъ и сказалъ: «Отецъ еще не избралъ меня; а ты осмѣлился говорить такія рѣчи; у тебя кромѣ крутаго нрава, какіе есть таланты? Я еще поспорю съ тобой въ томъ, кто дальше стрѣляетъ, и если ты побѣдишь меня въ этомъ, то дамъ тебѣ мой большой палецъ на отсѣченіе 566): я поборюсь съ тобой, и коли ты одолѣешь меня, то тамъ, гдѣ упаду, лягу и не встану». Послѣ сихъ словъ, братья схватили другъ друга за вороты. *Бöорчу* и *Мухали* старались разнять и уговорить ихъ; а Чингисъ сидѣлъ и молчалъ. Въ это время, *Кокососы* 567), сказалъ: *Чаадай*! Къ чему ты такъ торопишься? Царь теперь надѣется на тебя 568). Когда вы еще не родились, вселенная наполнена была смутами; люди бились и грабили другъ друга и никому нельзя было жить спокойно; поэтому твоя мудрая и свѣтлая мать, къ несчастію, была похищена. Когда ты такъ говоришь, развѣ не поражаешь сердца матери? Отецъ твой, созидая царство, дѣлилъ труды вмѣстѣ съ твоей матерью. Они воспитали васъ, дѣтей, и возрастили, надѣясь, что вы будете людьми. Твоя мать свѣтла, какъ солнце, глубока 569), какъ море; какъ же ты рѣшился, при такихъ ея качествахъ, говорить о ней подобнымъ образомъ»? Чингисъ сказалъ: «Какъ можно говорить о *Чжочи* такія рѣчи? Изъ моихъ дѣтей, онъ самый старшій; впередъ не говорить этого» *Чаадай*, слегка улыбнувшись, сказалъ: «Не нужно оспаривать у *Чжочи* его силы и талантовъ. Изъ сыновей твоихъ, мы съ нимъ старшіе; позволь намъ обоимъ вмѣстѣ показать свое усердіе къ тебѣ; коли кто изъ насъ будетъ уклоняться, убей того. *Огэдай* человѣкъ великодушный 570), пусть онъ приметъ твои наставленія» 571). Чингисъ опять спросилъ *Чжочи*, что онъ скажетъ? *Чжочи* отвѣчалъ: «*Чаадай* уже сказалъ; мы оба вмѣстѣ будемъ подвизаться, а *Огэдай* пусть наслѣдуетъ тебѣ». Чингисъ сказалъ: «Вы оба вмѣстѣ не ходите; вселенная велика; пусть каждый изъ васъ займетъ особое государство. Исполните же ваше слово и не дайте людямъ посмѣяться надъ вами, подобно *Алтаню Хучару*, которые не исполнили даннаго ими обѣщанія; что съ ними послѣ случи-

лось? Дѣти и внуки ихъ здѣсь; пусть они пойдутъ съ вами, чтобы быть для васъ урокомъ 572)». Потомъ Чингисъ спросилъ *Огэдая*, что онъ скажетъ?—*Огэдай* отвѣчалъ: «Отецъ! ты благоволилъ приказать мнѣ говорить; мнѣ нельзя сказать, что не могу наслѣдовать тебѣ; буду дѣйствовать усердно и благоразумно; только боюсь, что мои дѣти и внуки будутъ люди безъ достоинствъ и не могутъ наслѣдовать престола. Вотъ, что я могу сказать!» Чингисъ сказалъ: «Такія рѣчи *Огэдая* справедливы 573)». Потомъ, онъ спросилъ *Толуя*, что онъ скажетъ? *Толуй* отвѣчалъ: «Отецъ! ты мнѣ самому говорилъ, чтобы я забытое братомъ моимъ напоминалъ ему; когда онъ заспится, будилъ бы его; когда пошлетъ на битву, шелъ бы». Чингисъ сказалъ: «Хорошо!» Потомъ сказалъ: «Въ фамиліяхъ братьевъ моихъ: *Хасара*, *Алчидая*, *Отчигиня* и *Бѣлгутая* потомки ихъ пусть будутъ наслѣдовать санъ отцевъ своихъ по одному человѣку 574); мой санъ пусть одинъ сынъ наслѣдуетъ 575). Слова мои неизмѣнны; не позволяю нарушать ихъ. Если всѣ дѣти и внуки *Огэдая* будутъ люди неспособные, то неужели изъ моихъ потомковъ не найдется ни одного порядочнаго 576)?»

Чингисъ отправилъ человѣка къ владѣтелю *Тангу*, *Бурханю*, съ такими словами: «Ты обѣщался быть у меня правою рукою. Теперь народъ *Хойхой* убилъ моихъ пословъ и я иду требовать у него удовлетворенія; ты будь моей правой рукой 577).» *Бурханъ* еще не отвѣчалъ, какъ сановникъ его *Ашаганьбу* сказалъ: «Если силы у тебя не достаетъ, такъ не будь и царемъ». Такимъ образомъ, ему отказано было въ войскѣ. Чингисъ, услышавъ это, сказалъ: «Какъ смѣлъ *Ашаганьбу* говорить такъ? Развѣ мнѣ трудно двинуть мою рать прямо на нихъ? Но, согласно моему плану, не стану воевать на нихъ; а если небо поможетъ мнѣ и сохранитъ меня, то пойду на нихъ, по возвращеніи отъ *Хойхой*».

Въ годъ зайца 578), Чингисъ пошелъ войною на *Хойхой* 579), повелѣвъ брату своему, *Отчигиню*, быть намѣстникомъ, и взявъ съ собой супругу свою *Хуланъ*. *Чжэбэ* онъ велѣлъ быть въ авангардѣ, *Субэятаю* назади, для вспоможенія *Чжэбэ*, а *Тохучару* идти за *Субэятаемъ*, для его вспоможенія. Онъ приказалъ имъ обходить города, населенные *Хойхой*, и не трогать тамошняго народа, пока самъ онъ не прибудетъ туда; тогда напасть на *Хойхой* съ двухъ сторонъ. *Чжэбэ*, согласно приказанію Чингиса, прошелъ мимо города князя *Мѣликъ* 580), и не трогалъ его народа; но съ третьей партіей, *Тохучаръ*, проходя той страной, снялъ хлѣбъ на колосьяхъ. Князь *Мѣликъ* бѣжалъ и соединился съ владѣтелемъ *Хойхой*, *Чжалалдиномъ*; они повели войска противъ Чингиса и встрѣтивъ его вступили съ нимъ въ бой. Чингисъ велѣлъ *Шигихутуху* командовать передовымъ отрядомъ; *Шигитуху*, вступивши въ бой съ *Чжалалдиномъ*, потерпѣлъ пораженіе и былъ преслѣдуемъ до самаго мѣстопребыванія Чингиса *Чжэбэ*, *Субэятая* и *Тохучаръ* подоспѣли, напали на *Чжалалдина* съ тыла и разбили его; онъ хотѣлъ было вступить въ городъ *Бухаръ*, но не могъ, и былъ, преслѣдуемъ до рѣки *Шинь* 581), въ которой почти все войско его потонуло; *Чжалалдинъ* и *Мѣликъ* успѣли спастись и бѣжали вверхъ по рѣкѣ *Шинь*. Чингисъ, слѣдуя вверхъ по рѣкѣ *Шинь*, взялъ

городъ *Баткэсь* и прибывши къ рѣкѣ Ц*зыму* 482), остановился лагеремъ въ урочищѣ *Баруаньэръ*. Онъ отправилъ *Балу* преслѣдовать Ч*жалалдина* и *Мѣлика*; Ч*жэбѣ* и *Субѣэтая* наградилъ за храбрость, а *Тохучара*, за нарушеніе его приказа, хотѣлъ казнить смертію, но не казнилъ, а только выговорилъ ему, наказалъ его и отставилъ отъ начальства надъ войскомъ.

Чингисъ, возвращаясь 583) отъ Хойхой, приказалъ Ч*жочи*, Ч*аадаю* и *Огэдаю*, съ ратью правой руки, перейти рѣку *Амуй* 584) и достигши города *Урунгэчи* 585), осадить его, а То*лую* осадить городъ *Илу* 586) и другіе. Ч*жочи* и его братья, прибывши къ городу У*рунгэчи*, стали тамъ лагеремъ. и оттуда прислали спросить Чингиса «Кому изъ насъ троихъ повелишь быть главнымъ начальникомъ?» Чингисъ приказалъ слушаться распоряженій *Огэдая*.

Когда Чингисъ взялъ У*дуларъ* 587), и другіе города, то провелъ лѣто въ горномъ хребтѣ *Алтаньхорхуань*, гдѣ обыкновенно проводилъ лѣто государь Хойхой, и здѣсь ожидалъ Б*алу*. Онъ послалъ человѣка къ *Толую* сказать: «Время теперь жаркое; приди ко мнѣ сюда.» Въ то время *Толуй* уже взялъ *Илу* и другіе города и осаждалъ городъ Х*ухчэлянь*; когда городъ былъ взятъ, онъ возвратился и соединился съ Чингисомъ.

Ч*жочи*, Ч*аадай* и *Огэдай*, взявши городъ У*рунгэчи*, раздѣлили его жителей между собою и не оставили части Чингису; за то, когда они возвратились, Чингисъ три дня не хотѣлъ видѣть ихъ. *Мухали* 588) и другіе приближенные говорили ему: «Непокорные Хойхой уже усмирены и покорены; раздѣленные города и раздѣлившія оные дѣти,—все это твое царь. Помощію и покровительствомъ Неба, мы сокрушили Хойхой, и всѣ мы радуемся; за чѣмъ же ты, царь, такъ гнѣваешься? Дѣти твои, сознавая свою вину, уже набрались страху; прикажи имъ быть впредь осторожнѣе, и позови ихъ къ себѣ.» Гнѣвъ Чингиса оттого нѣсколько утихъ; онъ велѣлъ Ч*жочи* съ братьями явиться къ себѣ. Когда они явились, онъ, по прежнему, сталъ упрекать ихъ; трое сыновей его испугались до того, что на нихъ выступилъ потъ; тогда стрѣлки; Х*уанхай*, Х*уантахоръ* и Сормаханъ, выступивъ впередъ, говорили: «Три сына твои, что соколиные птенцы, въ первый разъ пріучаемые, впервые вышли въ походъ. Такіе строгіе выговоры могутъ произвести то, что сердце ихъ послѣ къ наученію облѣнится. Теперь, отъ восхода солнца до запада, всюду враги намъ. Пошли насъ, какъ лютыхъ псовъ 589), если Небо поможетъ намъ и мы побѣдимъ враговъ, то золото, серебро, ткани, все принесемъ тебѣ»—Еще говорили: «Тамъ, на западѣ, есть Х*алибо* 590), государь народа *Бахтатъ* 591); прикажи идти на него войной.» Чингисъ молвилъ: «Хорошо!» Вмѣстѣ съ тѣмъ, гнѣвъ его стихъ. Онъ оставилъ Х*уаньхая* и Х*уантахара*, а С*ормаханю* приказалъ итти на Х*алибо*.

Кромѣ того, между двумя народами, Х*иньбусъ* 592) и Ба*хтатъ*, есть народъ 593) *Алу* и другіе; на нихъ Чингисъ отправилъ *Дорбодохшиня*.

Потомъ, приказалъ храброму *Субѣэтаю* итти войной на сѣверъ, противъ *Канлинь* и другихъ улусовъ, въ числѣ одиннадцати 594), переплыть двѣ рѣки,

Идилъ [595]) и *Чжаяхъ* [596]), и прямо идти на города *Кивамянь* [597]) и *Кэрмянь* [598]).

Чингисъ, овладѣвъ еще городами *Хойхой*, поставилъ въ нихъ людей, для храненія. Къ нему явился изъ *Урунгэчи* одинъ *Хойхой*, по фамиліи *Хурумши*, по имени *Ялавачи*, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ; такъ какъ они хорошо знали состояніе городовъ, то онъ приказалъ сыну его, *Масхуту*, управлять, вмѣстѣ съ воеводами, городомъ *Бухаръ* и другими, а *Ялавачи* поручилъ управленіе *Бэйпиномъ*

Чингисъ ратовалъ съ *Хойхой* семь лѣтъ. *Бала*, отправленный Чингисомъ въ погоню за Хойхойскимъ государемъ, *Чжалалдиномъ*, и за *Мѣликомъ*, преслѣдуя ихъ, переплылъ рѣку *Шинь* и доходилъ до страны *Хиньдусъ*; но, потерявъ слѣды ихъ, захватилъ верблюдовъ и овецъ у пограничныхъ городовъ *Хиньдусъ* и вернулся назадъ. Послѣ того, Чингисъ возвратился на *Эрдиши* и тамъ провелъ лѣто. На седьмой годъ, въ годъ курицы [599]), осенью, онъ возвратился въ главный станъ свой, въ Черномъ-Лѣсѣ, при рѣкѣ *Тула* [600]).

Проведши зиму, Чингисъ рѣшился итти войной на *Тангу* и вновь сдѣлалъ смотръ и счетъ своему войску. Въ годъ пса [601]), осенью, онъ двинулся на *Тангу* [602]), взявъ съ собой супругу *Ѣсуй*. Зимой, когда, въ урочищѣ *Арбуха* [603]), онъ занимался облавой, красно-песчаная лошадь, на которой онъ сидѣлъ, испугавшись дикой лошади, сбросила его съ себя; Чингисъ упалъ и споткнувшись ушибся; тотчасъ остановились въ урочищѣ *Соорхатъ*. На другой день, супруга его, *Ѣсуй*, говорила великимъ князьямъ и боярамъ: «Сегоднешнюю ночь царь былъ въ сильной горячкѣ; вы посовѣтуйтесь.»—Великіе князья и бояре собрались; одинъ изъ нихъ, *Толунь*, сказалъ: «*Тангу* народъ осѣдлый, живущій въ городахъ; онъ не можетъ переходить [604]); мы теперь воротимся и когда царь выздоровѣетъ, снова придамъ сюда.»—Всѣ бояре согласились и доложили о томъ Чингису. Чингисъ сказалъ: «Когда мы уйдемъ, *Тангуты* непремѣнно подумаютъ, что я убоялся ихъ. Я здѣсь буду лечиться; напередъ пошлемъ къ нимъ человѣка; посмотримъ что они скажутъ.»—Онъ отправилъ человѣка къ владѣтелю *Тангутовъ*, *Бурханю*, съ такими словами: «Ты прежде обѣщался быть у насъ правою рукою, а когда я шелъ на *Хойхой*, ты не послѣдовалъ за мной; кромѣ того, еще поносилъ меня. Теперь, покоривъ *Хойхой*, я требую отъ тебя удовлетворенія за прежнія слова твои.» *Бурханъ* отвѣчалъ: «Я не говорилъ поносительныхъ о тебѣ словъ; это *Ашаганб* сказалъ, будто я произнесъ итъ. Если ты хочешь биться со мной, то приходи въ *Холаньшань* [605]), для боя; если же желаешь золота, серебра и тканей, то приходи за ними въ *Силянъ* [606])» Когда посланный вернулся и передалъ эти слова Чингису, Чингисъ сказалъ: «Слыша такія надменныя рѣчи, возможно ли намъ уйти отсюда? Умру, но потребую у него отчета; клянусь въ томъ Вѣчнымъ Небомъ!» Онъ отправился въ *Холаньшань* и разбилъ *Ашаганьбу*, который бѣжалъ въ горное укрѣпленіе. Наши войска убили всѣхъ его способныхъ ратниковъ и всѣ вьюки захватили, а остальной народъ раздѣлили и взяли, сколько кому хотѣлось.

Чингисъ, проводя лѣто [607]) въ Снѣжныхъ-Горахъ [608]), отправилъ войско, ко-

которое полонило ***Ашаганбу*** и весь народъ, удалившійся на гору. Чингисъ пожаловалъ ***Бöорчу*** и ***Мухали*** сокровищъ, позволивъ имъ взять столько, сколько они смогли; потомъ сказалъ имъ: «Я еще не удѣлялъ вамъ Гиньскаго народа теперь вы двое раздѣлите по-ровну родовое поколѣніе [609]) Гиньскаго владѣтеля; пусть добрые юноши его будутъ у васъ сокольниками, а красивыя дѣвицы прислужницами вашихъ женъ. Прежніе Гиньскіе государи довѣряли имъ и сдѣлали ихъ своими ближайшими; они губили нашихъ предковъ ***Дада***; вы оба мои ближайшіе: такъ пусть они будутъ служить вамъ.»

Чингисъ, поднявшись отъ Снѣжныхъ-Горъ, прошелъ чрезъ городъ ***Урахай*** [610]). и потомъ осадилъ городъ *Линъчжоу* [161]). Тогда Тангутскій государь, ***Бурханъ***, явился къ Чингису и поднесъ ему золотые кумиры, золотые и серебряные сосуды, мальчиковъ, дѣвочекъ, лошадей и верблюдовъ, всего по девяти девятинъ [612]). Чингисъ позволилъ ему сдѣлать поклоненіе только за дверьми. Во время поклоненія, Чингися охватило [613]). На третій день, онъ переименовалъ ***Бурханя*** въ ***Шидурху*** [614]) и приказалъ ***Толуню*** убить его. Онъ говорилъ ***Толуню***: «Когда, въ началѣ войны съ ***Тангутами***, я, на облавѣ, упалъ съ лошади, ты, заботясь о моемъ здоровьѣ, напомнилъ о возвращеніи; но за грубыя рѣчи враговъ, я воевалъ на нихъ и, съ помощію Неба, овладѣлъ ими. Возьми себѣ принесенный ***Бурханемъ*** походный дворецъ, вмѣстѣ съ сосудами.»

Чингисъ, овладѣвъ народомъ *Тангутъ*, убивъ государя его, ***Бурханя,*** и истребивъ его родителей, дѣтей и внуковъ [615]), приказалъ, чтобы всякій разъ, какъ будутъ подавать ему пищу, напоминали ему, говоря: «*Тангу* истребленъ.» Такимъ образомъ, воевавъ на ***Тангу*** два раза, за неисполненіе ими даннаго ему обѣщанія, онъ возвратился [616]). Въ годъ свиньи [617]), по смерти Чингиса, большая часть народа ***Тангу*** отдѣлена была супругѣ Чингиса, ***Ѣсуй*** [618]).

Когда Чингисъ скончался [619]), то въ годъ мыши [620]), великіе князья правой руки [621]), ***Чаадай*** и ***Бату*** [622]), великій князь лѣвой руки, ***Отчигинъ,*** вмѣстѣ со внутренними[623]), ***Толуемъ*** и другими князьями и зятьями, равно темники и тысячники, устроили на рѣкѣ ***Кэрулянъ,*** въ урочищѣ ***Кодьуаралъ,*** великое собраніе. Согласно завѣщанію Чингиса, они провозгласили царемъ ***Огэдая*** и объявили о томъ Чингисовой десятитысячной гвардіи и всѣмъ народамъ.

Огэдай, вступивши на престолъ, такъ совѣщался съ братомъ своимъ, Ч***аадаемъ:*** «Отецъ нашъ, царь Чингисъ, оставилъ народы еще не завоеванные [624]); есть Бахтатскаго рода государь Х***алибо;*** противъ него уже отправленъ былъ Ч***ормаханъ;*** теперь, я отправлю туда же, на помощь Ч***ормаханю, Охотура*** съ ***Мунгэту.*** Есть также одиннадцать осѣдлыхъ [625]) народовъ: ***Канли***, ***Кибча*** и другіе [626]); противъ нихъ отправленъ былъ ***Субэтай***; но такъ какъ тамошніе города трудно аттаковать и брать, то теперь я прикажу старшимъ сыновьямъ княжескимъ, Б***ату*** Б***ури*** [627]) ***Гуюйку*** и ***Мунгэ***, идти туда, на подмогу ***Субэтаю***; изъ этихъ князьевъ старшимъ пусть будетъ Б***ату***, а изъ внутреннихъ, отправившихся, ***Гуюйкъ*** [682]). Съ ними пусть отправятся на войну старшіе сыновья князей, зятьевъ, темниковъ

и тысячниковъ; повелѣваю же я отправиться на войну старшимъ сыновьямъ ихъ потому, что мой братъ ***Чаадай*** говорилъ: коли-де пойдутъ на войну старшіе сыновья, то ратниковъ будетъ много и сила грозная. Слышно, что тамъ непріятели чрезвычайно круты. Такъ какъ мой братъ благоразуменъ и остороженъ, то я приказалъ старшимъ сыновьямъ отправиться туда на войну [629]).»

Царь *Огэдай*, совѣщаясь съ братомъ своимъ *Чаадаемъ*, говорилъ еще: «Теперь, когда я возсѣлъ на готовый престолъ царя отца моего, какія есть у меня доблести? Нынѣ, Гиньское царство еще не покорено; я хочу самъ итти на него; какъ ты думаешь? Ч*аадай* сказалъ: «Хорошо! Только ты поручи старый лагерь [630]) хорошему человѣку; я отселѣ [613]) помогу тебѣ войскомъ.» Рѣшившись такимъ образмоъ, *Огэдай* поручилъ управленіе главнымъ станомъ стрѣлку *Олдахару*.

Въ годъ зайца [332]), царь *Огэдай* пошелъ войной на Гиньское царство, приказавъ ***Чжэбѣ*** быть передовымъ. Онъ [633]) разбилъ Гиньское войско и прошелъ *Цзюйюнъ гуанъ*; *Огэдай* сталъ лагеремъ на *Лунхутаѣ* и отсюда разослалъ военачальниковъ брать города. Вдругъ *Огэдай* занемогъ, впалъ въ забытье и лишился голоса [634]). Повелѣно было волхву погадать; волхвъ объявилъ, что эта болѣзнь есть навожденіе духовъ, горъ и рѣкъ Гиньскаго царства [635]), за полоненіе жителей его и разрушеніе городовъ отъ войскъ; волхвъ обѣщалъ духамъ людей и сокровищъ [636]), но по гаданію выходило безуспѣшно: болѣзнь усилилась пуще прежняго; только когда волхвъ предложилъ одного изъ родственниковъ *Огэдая*, духи умилостивились и болѣзнь *Огэдая* нѣсколько утихла. *Огэдай* открылъ глаза, потребовалъ воды напиться, и спросилъ: «Что со мной?» Волхвъ отвѣчалъ: «Это навожденіе духовъ горъ и рѣкъ Гиньскаго царства; обѣщаны были имъ, для умилостивленія, разныя вещи; но они не принимаютъ и требуютъ, чтобы тебя замѣнилъ одинъ изъ твоихъ радныхъ *Огэдай* спросилъ: «Теперь кто со мной?» Въ это время случился тутъ великій князь *Толуй*; онъ сказалъ: «Блаженный отецъ нашъ избралъ насъ, двухъ братьевъ; тебѣ повелѣлъ царствовать, а мнѣ быть при тебѣ; забытое тобою напоминать тебѣ; отъ сна будить тебя; если же я лишусь царя-брата, то кому буду напоминать, кого пробуждать? Кто будетъ управлять многими народами *Дада?* Этому обрадуется сердце *Гиньцевъ*. Теперь, я замѣню тебя; принимаю на себя всѣ грѣхи твои; притомъ, я красивъ и могу быть жертвой духамъ [637]). Волхвъ! произнеси молитву.» Волхвъ, взявъ воды, наговорилъ надъ нею, а *Толуй* выпилъ ее; посидѣвъ немного онъ почувствовалъ опьяненіе и сказалъ: «Когда я очнусь [638]). призри моихъ сиротъ и вдовъ, возрасти и устрой ихъ; тебѣ завѣщаю это, царьбратъ.» Сказавъ это, онъ ушелъ и вскорѣ померъ.—Такъ было это дѣло [639]).

Огэдай, сокрушивъ Гиньское царство до конца, назвалъ государя его служкой [640]), захватилъ золото, ткани, скотъ и людей, и возвратился. Для охраненія ***Бяньляна*** и ***Бэйпина,*** поставилъ въ нихъ ***таньмачи*** [641]), и потомъ, перейдя за хребетъ [642]) на сѣверъ, сталъ лагеремъ.

Чормахань воевалъ на родъ ***Бахтатъ;*** этотъ родъ покорился. Такъ какъ страна та добра и богата хорошими произведеніями, то ***Огэдай*** оставилъ тамъ ***Чорма-***

ханя и другихъ, въ качествѣ *таньмачи,* для храненія, съ тѣмъ чтобы онъ ежегодно доставлялъ къ нему дань золотомъ, тканями, верблюдами и конями.

Также отправившійся по слѣдамъ *Субэтая,* великій князь *Бату,* съ другими князьями, покорилъ роды *Канъли, Кибча* и еще третій [643]). разбилъ города рода *Орусы*,[644]) и людей ихъ всѣхъ или убилъ или плѣнилъ; только народы *Асутъ* и другихъ городовъ [645]), частію полонены, частію сами поддались. Поставивъ тамъ *дарухачинъ* [646]) и *таньмачи,* для храненія, онъ возвратился.

Противъ *Нюйчжинъ Гаоли,* отправленъ былъ прежде *Чжалаиртай;* теперь, на подмогу ему, *Огэдай* послалъ *Ѣсудъра,* который, завоевавъ тамошнюю страну, сдѣланъ былъ въ ней *таньмачи.*

Бату, изъ *Кибча,* прислалъ къ *Огэдаю* посла съ такимъ донесеніемъ: «Силою Вѣчнаго Неба и счастіемъ [647]) царя-дяди народы всѣхъ одиннадцати государствъ покорены. При возвращеніи войскъ, на разставаньѣ устроенъ былъ пиръ, на который съѣхались всѣ князья; я, будучи между ними постарше, прежде другихъ выпилъ одну или двѣ чары вина; *Бури* и *Гуюйкъ* за то прогнѣвались, оставили пиръ и сѣвъ на коней, уѣхали. *Бури* сказалъ: «*Бату* равенъ мнѣ; за чѣмъ онъ пьетъ прежде меня? Онъ не больше какъ баба съ бородой, и я пятой толкнувъ, свалю его и растопчу.» *Гуюйкъ* сказалъ: «Онъ баба со стрѣлами и съ лукомъ; я велю полѣномъ бить его по груди.»—Сынъ *Элчжигитая, Хархасунъ* сказалъ: «Вотъ я придѣлаю ему сзади деревянный хвостъ.»—Такія рѣчи произнесли *Бури* и *Гуюйкъ,* когда мы, послѣ войны съ различными народами, разсуждали о томъ, что̀ полезно, и что̀ не нужно [648]) и, не совѣщавшись, разъѣхались. О чемъ и доношу тебѣ, царь-дядя.»

Когда посланный *Бату* доложилъ все это *Огэдаю, Огэдай* сильно разгнѣвался и не позволилъ *Гуюйку* видѣться съ собой, говоря: «По внушенію какого низкаго человѣка онъ осмѣлился ругать своего старшаго брата? Брошу тебя, какъ птичье яйцо. Пусть онъ отправится на отдаленныя границы, въ качествѣ *таньмачи,* беретъ крѣпкіе города и переноситъ тяжкіе труды.» Еще говорилъ: «У кого *Хархасунъ* научился поносить такъ нашего родственника? За такое преступленіе его слѣдовало бы казнить смертью; но если я казню его, то люди непремѣнно укорятъ меня въ пристрастіи. Пусть онъ идетъ вмѣстѣ съ *Гуюйкомъ. Бури* сынъ моего брата, *Чаадая;* пусть *Бату* переговоритъ съ *Чаадаемъ*».

Великій князь *Мангай* и бояринъ *Алчидай* представили: «Отъ Чингиса есть святое повеленіе; дѣла запольныя рѣшать за полемъ, дѣла семейныя рѣшать дома. Дѣло *Гуюйка* есть дѣло запольное; лучше предоставить самому *Бату* вѣдаться съ нимъ». Тогда гнѣвъ *Огэдая* укротился; онъ позвалъ *Гуюйка* къ себѣ и такъ выговаривалъ ему и поучалъ его: «Когда ты отправился въ походъ, то, на дорогѣ, перебилъ всѣхъ ратниковъ и охладилъ ихъ рвеніе. Не думаешь ли ты, что народъ *Орусы*, устрашившись одного тебя, покорился, и потому ты осмѣлился оскорбить своего старшаго брата, какъ врагъ? Нашъ Чингисъ царь говаривалъ: когда людей много, такъ люди боятся; когда вода глубока, люди тонутъ. *Субэтай*, напереди,

защищалъ и заслонялъ тебя. и ты, съ большой ратью, взялъ эти нѣсколько родовъ *Орусы*; самъ же по себѣ ты не показалъ доблестей ни на копытце козленка. Хорошъ молодецъ! Въ первый разъ изъ дверей, и уже заводитъ раздоръ. Но ***Мангай*** и ***Алчидай*** упросили меня; довольно. Это дѣло запольное; ты вмѣстѣ съ ***Хархасунемъ*** ступай къ *Бату*; пусть онъ рѣшитъ; а о *Бури* пусть онъ убѣдомитъ ***Чаадая***.»

Огэдай царь снова объявилъ прежнія постановленія Чингиса относительно обязанностей тѣлохранителей и *Саньбаней* въ прежнемъ видѣ.

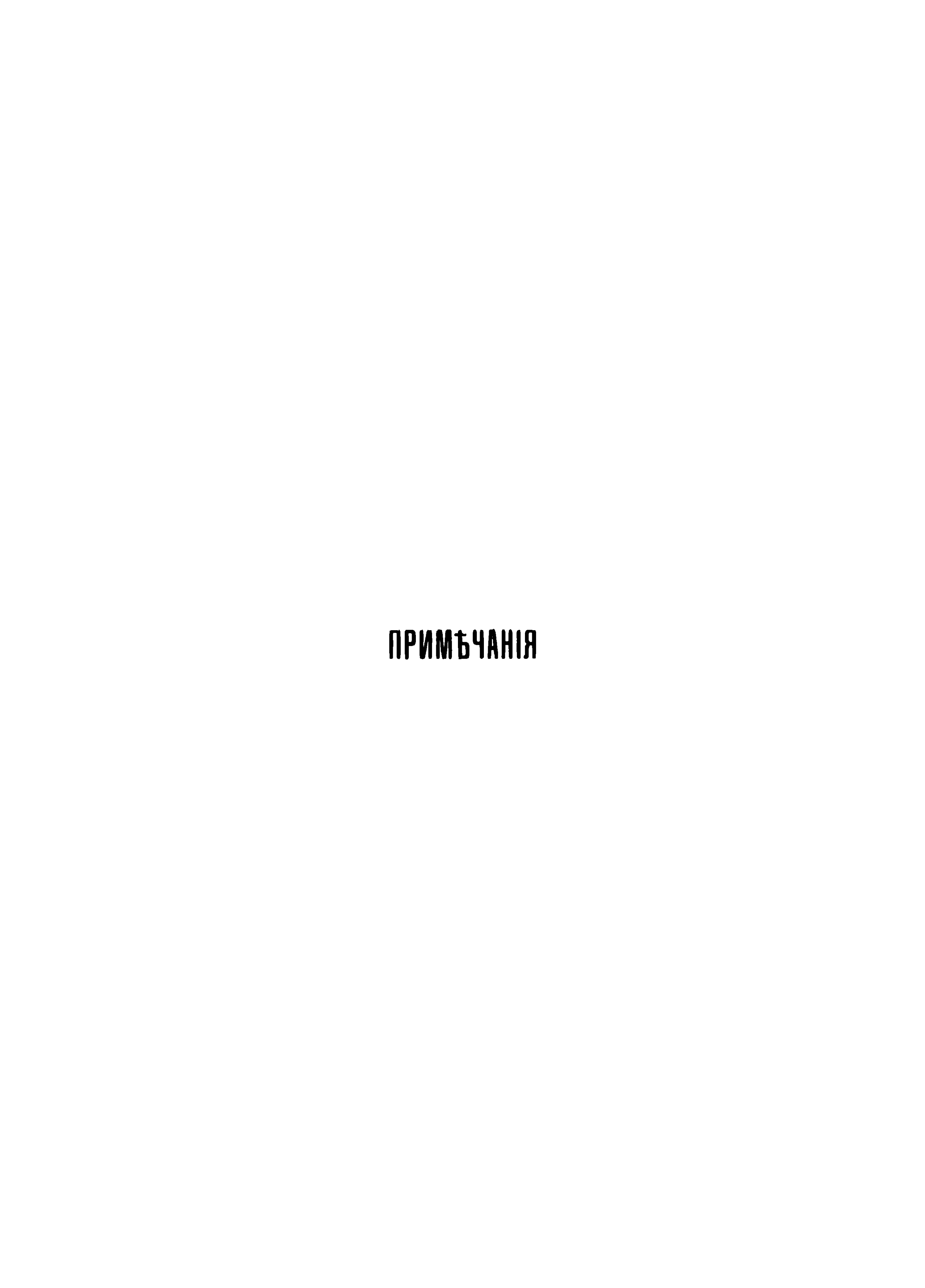
Огэдай царь говорилъ: «Нашъ царь Чингисъ, съ большими трудами, созидалъ царскій домъ. Теперь пора доставить народамъ миръ и довольство и не отягощать ихъ». Посему онъ совѣщался съ братомъ своимъ, ***Чаадаемъ***, о полезныхъ предпріятіяхъ: «1) Со стадъ народа [649]), каждый годъ брать только по одному двухгодовалому кладеному барану и обваривать его [650]); въ каждомъ улусѣ, съ сотни барановъ, брать по одному барану, для вспоможенія бѣднымъ того улуса; 2) Князья и затья, во время собранія [651]), обыкновенно сбираютъ съ народа провіантъ; это неудобно; пусть изъ каждой тысячи ежегодно отдѣляютъ кобылу и приставляютъ къ ней человѣка для пастьбы ея и доенья; эта лошадь и человѣкъ будутъ навсегда смѣнными 3) Въ званіе смотрителей наградныхъ: золота, матерій, орудій, оружія, кладовыхъ и магазиновъ, пусть присылаютъ людей изъ разныхъ мѣстъ; 4) Для отведенія народу участковъ земель на кочевья, пусть командируютъ людей, выбранныхъ изъ каждой тысячи; 5) Въ странѣ ***Чуалъ*** [652]), по неимѣнію воды, поселѣ водились только дикіе звѣри и не было жилищъ человѣческихъ. Теперь надобно разселить тамъ народъ; пусть ***Чанай*** и ***Уйуртай*** объѣздятъ и освидѣтетьствуютъ тѣ мѣста, гдѣ удобно ставить становища, и тамъ выкопаютъ колодцы; 6) Посланцы проѣзжаютъ взадъ и впередъ чрезъ кочевья; оттого и дѣла замедляются, и народъ терпитъ. Теперь пусть каждая тысяча снарядитъ людей и коней и учредитъ ***чжаньчи*** [653]). Если дѣло не крайней важности, то посланцы должны ѣхать на станціонныхъ коняхъ, отнюдь не проѣзжая по жилымъ кочевьямъ [654]). Объ этихъ мѣрахъ напомнилъ мнѣ ***Чанай болхадаръ***; я тоже нашелъ ихъ удобными. Сообщаю ихъ тебѣ, братъ ***Чаадай***». ***Чаадай***, выслушавъ эти слова, на все отвѣчалъ: «Хорошо! надобно такъ и поступить». Потомъ прибавилъ: «Что касается до почтовыхъ станцій, то я отсюда [655]) начну учреждать ихъ, такъ чтобы онѣ встрѣтились съ учрежденными тобой; а *Бату* пусть отъ себя [656]) начнетъ и соединитъ свои съ моими».

Когда царь *Огэдай* объявилъ объ этихъ статьяхъ князьямъ, затьямъ и боярамъ, всѣ сказали: «Полезно! Чрезвычайно хорошо». Потомъ отправили людей въ разныя мѣста, собрать, по вышесказанному постановленію, барановъ и лошадей, равно избрали людей для храненія кладовыхъ и магазиновъ, и для станцій. Устройство учреждаемыхъ станцій возложено было на *Арацяня* и *Тохучара*. На каждой станціи поставили по двадцати вершниковъ. Постановлены были правила относително числа лошадей на внутреннихъ ямахъ [657]), равно овецъ для прокорма и лошадей для посланцевъ, и числа телѣгъ и быковъ; если окажется неполное число, то у виновныхъ отбирать въ казну половину имущества.

Царь *Огэдай* говорилъ: «Со времени возшествія моего на престолъ отца моего, я совершилъ четыре новыхъ дѣла: 1) Покорилъ Гиньское царство: 2) Учредилъ почтовыя станціи; 3) На мѣстахъ безводныхъ велѣлъ выкопать колодцы; 4) Во всѣхъ городахъ, для храненія ихъ поставилъ *таньмачи*. Проступился я въ четырехъ вещахъ: 1) Наслѣдовавъ престолъ, преданъ былъ вину; 2) Слушался рѣчей женщинъ и взялъ себѣ дѣвицъ изъ народа дяди моего *Отчигиня* [658]; 3) Изъ личной мести, тайно умертвилъ вѣрнаго *Дохолху*; 4) Построилъ стѣну, чтобы Небомъ даруемые намъ дикіе звѣри не перебѣгали во владѣнія моихъ братьевъ; чѣмъ и возбудилъ противъ себя ропотъ и неудовольствіе».

Сія книга, въ большомъ собраніи [659], въ годъ мыши [660], въ седьмой лунѣ, во время пребыванія на рѣкѣ, *Кэрулянъ,* въ урочищѣ *Кодьэаралъ*, писаніемъ кончена.

ПРИМѢЧАНІЯ

СОКРАЩЕНІЯ

Бдз.—***Бэнь цзи***, описаніе царствованій въ ***Юань ши***.

Бчж.—***Бэнь чжуань***, біографіи знаменитыхъ мужей въ ***Юань ши***.

Вгд.—***Ванъ гуань дай***, сократитель ***Юань чао ми ши***.

Сс—***Сюй сунъ***.

Цчл.—***Цинь чжэнъ лу***, старинная Китайская біографія Чингисхана.

Юш.—***Юань ши***, исторія Монгольской династіи въ Китаѣ.

Дтбц.—***Дэнъ тань би цзю***, сочиненіе военаннаго содержанія, временъ династіи ***Минъ***; въ немъ есть каталогъ нѣкоторыхъ Монгольскихъ выраженій, и названій, съ переводомъ на Китайскій языкъ.

Цдс.—***Цянь да синь***: извѣстный писатель, авторъ ***Нянь эрръ као и*** (критическихъ замѣчаній на Китайскую исторію) и другихъ сочиненій.

ПРИМѢЧАНІЯ

---

1. ***Юань чао ди жень цзу***: предками людей династіи ***Юань***; это по моему мнѣнію, перифразъ переводчиковъ; далѣе названіе ***Юань*** болѣе не повторяется.

2. ***Тянь шенъ***: небомъ рожденный; самъ собою явившійся; неизвѣстнаго происхожденія. Таковъ Китайскій смыслъ фразы.

3. ***Цанъ сэ ди***: темноголубаго цвѣта, какъ глубина неба; ***Цань бо сэ ди***: угрюмо-бѣлаго цвѣта.

4. ***Тэнгисы шуй***: ***шуй***, вода, названіе, прилагаемое преимущественно къ рѣкамъ. Но ***тэнгисъ*** собственно значитъ озеро.

5 ***У*** горы, ***Шань цянь***: собственно передъ горой; по смыслу-же Китайскаго выраженія, передъ южной ея стороной.

6. ***Бурханъ:*** по опредѣленію СС.. въ хребтѣ ***Гэнтэй***, гора ***Тэлэрги***, изъ которой вытекаетъ рѣка ***Ононъ***,

7. ***Батачиханъ***. Вся эта статья, въ сокращенномъ видѣ, выписана Клапротомъ изъ Китайскихъ источниковъ и помѣщена въ его *Mem.* rèl. à l' Asie, t. l; но, за незнаніемъ старинно-простонароднаго языка Китайскаго, не вполнѣ понята имъ. Отъ Б*атачиханя* до Чингисхана считается 25 поколѣній; слѣдовательно V-й вѣкъ по Р. Х. есть крайній пунктъ преданій Монголовъ по Ючмш. По этнографическому сродству Монголовъ съ другими племенами сѣверовосточной Азіи, и по географическому сближенію, естественно отнести переселеніе Монгольскихъ предковъ къ истокамъ Онона съ востока. Вода *Тэнгисы* можетъ быть озеро *Кулонъ*, иначе называемое *Далай; Эргэнэкумъ* Магометанскихъ сказаній можно видѣть въ *Эргунъ*, какъ Монголы называютъ рѣку *Аргунь*, и въ *Токумъ*, словѣ, которое, по сличеніи указаній, означало тѣснину. Это тождество *Эргэнэкума* съ *Аргунью* уже указано въ путешествіи въ Китай Е. П. Ковалевскаго. *Батачи* должно означать: изъ *Вата* или принадлежащій *Бата*. Не было ли это названіе особаго племени, отъ котораго отдѣлились предки Чингисхана? *Бата*, у Сананъ Сэцэна, *Беде*, по Шмидту, а въ Китайскомъ переводѣ—***Бита***.

8. *Тамача* Отселѣ начинается подробная родословная Чингисхана и его племени. Въ Юш. есть также генеалогическая таблица, но весьма краткая и сбивчивая.

9. Х*оу шенъ*: собственно, послѣ родившійся; Китайское названіе мальчиковъ.

10. *Таиръ*, *Боро*: должно быть масти лошадей. Вѣроятно, эти кони играли какую нибудь роль въ народныхъ преданіяхъ Монголовъ.

11. ***Одинъ только глазъ:*** по Сан. Сэц., промежъ бровей; отчего и названъ ***Дувасохоръ***.

12. *Тунгэли:* по Цдс. *Тунгэликъ холохань (голхонъ,* рѣчка). СС. полагаетъ, что эта рѣчка впадала въ р. *Оршунь.*

13. *Напереди ея:* т. е. чтобы погонять воловъ.

14. *Цзя жень'а:* это *'а,* есть раздѣлительная частица, исключительно употребляемая въ Монголо-Китайскомъ нарѣчіи.

15. Урочище, *ди мянь:* это неопредѣленное слово означаетъ и будетъ означать: мѣсто, урочище, страну.

16. *Гуань жень:* бояринъ, благородный; такъ въ Китайскомъ текстѣ переведено Монгольское названіе *ноинъ.*

17. *Було:* часто употребляемое Китайскими писателями общее названіе частныхъ народовъ и ордъ. По Дтбц. оно соотвѣтствуетъ (старинному) Монгольскому *улусъ.*

18. *Цзы хо ли:* собственно, своимъ огневищемъ.

19. Фраза оканчивается словомъ *шанъ тоу,* означающимъ причину. *Шанъ тоу* собственно значитъ: *вверху;* въ смыслѣ причины оно употребляется только въ памятникахъ Монголо-Китайской словесности. Авторъ сончиненія *Тунъ су бянь* несправедливо полагаетъ, что оно означало: *во время.*

20 *Владѣтелю горы.* Значитъ, что въ тѣ времена, по преданію, были въ Монголіи частные владѣльцы земель, и что предки Чингисхана не владѣли землями, смежными съ ихъ кочевьями.

21. *Четыре сына:* они поименованы у Сан. Сэц.

22. *Дорбянь* У Сан. Сэц. перечисляются четыре фамиліи *Уйратъ* Вгд. неправильно перефразируетъ: «вошли въ родъ *Дорбянь*».

23. *Урянха:* названіе будетъ упоминаться и далѣе. *Урянха,* по сличеніи указаній, не было какимъ либо особымъ родомъ, или племенемъ; *Урянха* были въ юговосточной Монголіи, въ Алтайскихъ (Китайскихъ) горахъ, и въ верховьяхъ Амура (*Урянха Бурятъ*—лѣсные люди). Это имя, какъ кажется, означало лѣсныхъ жителей вообще, безъ различія племенъ.

24. *Братьевъ мужа:* указывается на обычай Монголовъ брать за себя вдовъ своихъ братьевъ.

25. Фраза оканчивается словами: *Мо дао;* они замѣняютъ наши вносные знаки « » и употребляются исключительно въ Монголо-Китайской письменности въ ханскихъ ярлыкахъ этотъ монголизмъ выражается словами: *тако моляя;* на; Монгольскомъ языкѣ, по свидѣтельству о. Архим. Аввакума, *эинъ кэмэнъ.*

26. *Ла янъ:* особый способъ приготовленія въ прокъ бараньей туши замораживаньемъ.

27. Тоже расказывается о Тугухуньскомъ владѣтелѣ, *Ачаь,* который, этимъ сравненіемъ, наставилъ своихъ 20 сыновей.

28. *Гдѣ свѣтитъ:* гдѣ просвѣчиваетъ, черезъ скважины верхняго отверстія и дверей юрты.

29. *Уходя: ши цзѣ,* во время (ухожденія); это тоже особенность выраженія.

30. *Жи юе ди гуань*: по свѣту солнца и луны; *жи юе*, какъ плеоназмъ Китайскій, часто показываетъ одно свѣтило; но здѣсь можно подразумѣвать день и ночь.

31. *Ди ванъ*: разумѣется, вѣроятно, и о потомкахъ; будутъ царями: говорится о старшей линіи; князьями: т. е. братьями царей.

32. *Чжидао ъ чжэ*: *ъ чжэ*, ставимое на концѣ фразы, даетъ ей особенную силу. Авторъ, разсказывая эту басню, искусно слагаетъ съ себя отвѣтственность за нее, влагая ее въ уста самой *Аланьхоа*. Сс. несправедливо открываетъ преданіе объ этомъ событіи въ непристойныхъ кумирахъ *Махагала*, чествуемыхъ Монгольскими ламами; эти изображенія имѣютъ свое особое значеніе въ теургіи Тибетскаго Буддизма.

33. *У горныхъ утесовъ*: этотъ способъ охоты въ Монголіи упоминается и въ другихъ сказаніяхъ.

34. *Гдѣ оно и гнило*; «такъ было много дичи». Сс.

35. У Сан. Сэц. этотъ простой разсказъ измѣнился въ чудесный. «Когда онъ приходитъ сюда; то всякій разъ идетъ дождь. Только что они сказали это, какъ вдругъ, при совершенно безоблачномъ небѣ, пошелъ проливень». Кит. переводъ.

36. *Чжарчиутъ*: вѣроятно, особая фамилія, или домъ; *Аданханьурянхачжинь*—родъ или племя.

37. Скотъ *тоу коу*: числительное существительное для означенія домашняго, въ особенности, рогатаго скота.

38. *Чжамуха*, современникъ и другъ Чингисхана. Трудно согласить неравенство въ числѣ поколѣній той и другой линіи.

39. *Борчжигинь*, самая извѣстная отрасль Монгольскаго племени; Чингисханъ прозывался также *Борчжигинемъ*. Нѣкоторые изъ нынѣшнихъ Монгольскихъ домовъ сохранили за собой эту фамилію.

40. Т. е. въ фамильныхъ, или домашнихъ, жертвоприношеніяхъ душамъ предковъ; эти жертвоприношенія и чествованіе тѣней предковъ, составляютъ существенный элементъ древняго шаманства восточной Азіи. Оказывается, что только дѣти законныя, или отъ главной жены, имѣли участіе въ сихъ обрядахъ.

41. Фраза оканчивается словами: *юлай*: было, было такъ; т. е. было, что приходилъ. Это особенность выраженія.

42. *Большой.... Малый....* у Цдс.: *Ѣкэ* и *Учуганъ*.

43. *Адардай*: варіантъ *Адакидай*. Бгд.

44. ***Хабтурхаху:*** варіантъ *Хэтурхэсы*. Вгд.

45. Объ этомъ будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ.

46. *Таларханъ*: свободными изъ рабовъ. О нихъ еще будетъ сказано.

47. *Дада* повтореніе одного знака который имѣетъ одно чтеніе: *да*. Въ памятникахъ до-Монгольскихъ временъ это названіе писалось разными знаками, которые читались большею частію *Дада*, иногда *Даданъ*. См. старинные Китайскіе сло-

вари: *Юйпянь* (674 г.) и *Лунъ кань шоу цзянь* (997 г.); грамоту *Юань хао* къ Сунскому двору; древнюю карту Тангутскаго владѣнія *Сися*; исторію династіи *Ляо* (*Ляо ши*); каталогъ библіотеки *Юнъ лэ дадянь*; манифестъ одного изъ монгольскихъ государей, въ *Юанъ ши*; примѣчанія къ *Тунъ Цзянъ Сымагуана* и друг. Это названіе, до Монголовъ, несомнѣнно было общимъ для кочевыхъ племенъ Монгольскихъ степей и нѣкоторыхъ другихъ народовъ, о которыхъ Китайцы не могли имѣть точныхъ свѣденій. *Дада* обитали и въ сѣверныхъ областяхъ нынѣшней губерніи *Шаньси*, внутри Великой Стѣны (см. старую *Ву дай ши*), и въ *Иньшаньскихъ*, нынѣ Кукухотонскихъ, горахъ (ib.), и по всей сѣверной границѣ *Сися* (см. древнюю карту Тангутскаго владѣнія), и по сѣверную сторону степи *Шамо*, въ нынѣшней сѣверной Монголіи (см. *Ляо ши*). Писатели династіи *Сунъ* знали или, лучше сказать, слышали преимущественно объ Иньшанскихъ *Дада*. *Сунъ бо*, авторъ X вѣка, говоритъ (выдержка изъ его сочиненія приведена въ примѣчаніи къ тексту *Тунъ цзянъ Сымагуана*), что они суть варвары сѣверовосточныхъ странъ, особый родъ племени *Мохэ*; тѣснимые отъ *Хикиданей*, одни разсѣялись; одни поддались Киданямъ, другіе основались въ *Бохаѣ*; постепенно переходя, они (которые?) дошли до *Иньшанъ*; нарѣчіе или языкъ ихъ, былъ извращенный ('э; грубый и странный), поэтому ихъ назвали *Дада*. Слѣд. слова *Дада* по *Сунъ бо* есть не болѣе, какъ прозвище. Въ подтвержденіе словъ *Сунъ бо*, можно привести одно указаніе, которое доказываетъ, что обычай давать подобныя наименованія, былъ не въ одной восточной Азіи. Ренанъ (Hist. gènèr. des langues Sèmitiques. p. 291) замѣчаетъ, что арабское слово طمطم est employé généralement pour designer un parler barbare et inintelligible. *Оуянъ сю*, авторъ XI вѣка,, составитель новой *Вудай ши*, говоритъ, что *Мохэ*, обитавшіе на С. В. отъ *Хикиданей*, будучи притѣсняемы отъ Киданей, раздѣлялись; обитавшіе въ *Иньшани* сами назвали себя *Дада*. Извѣстный писатель *Сымагуанъ*, жившій въ томъ же вѣкѣ, но послѣ *Оуянъ сю*, говоритъ только, что *Дада*, собственно, есть особый родъ *Мохэ*, обитавшій въ *Инь шань*. Таковы главныя сказанія, послужившія основаніемъ для послѣдующихъ писателей Китайскихъ. Иногда *Дада* сопоставляются вмѣстѣ съ *Кита*, или Кидань; такъ Уйгурскій владѣтель, во времена Киданей, хвалился Сунскому посланнику, что нѣкогда Кидани пасли у Уйгуровъ коней, а *Дада* коровъ (см. *Ляо ши и ши*). Съ приближеніемъ къ Монгольскому періоду, свѣденія о *Дада* дѣлаются болѣе опредѣленными. *Мынъ хунъ*, въ запискахъ своихъ *Мынъ да бэй лань*, говоритъ о трехъ родахъ *Дада*: Бѣлыхъ, Черныхъ и Дикихъ. Придавая этнографическое значеніе этому распредѣленію, можно понимать его такъ: Бѣлые *Дада*, *Ванъ гу*, или *Онготы*, суть племя Тюркское изъ *Шато ту кю е*. т. е. степныхъ Тюрковъ, переселившееся къ Иньшаньскимъ горамъ, во времена династіи *Танъ* (*Вэнь сянь тунь као*, въ главѣ о *Шато тукюе*); названы они бѣлыми, какъ кажется, въ такомъ же смыслѣ въ какомъ авторъ *Чэгэнъ лу* называетъ ихъ окитаившимися; такихъ племенъ, обитавшихъ по сѣверной границѣ Китая, онъ насчитываетъ восемь, включая въ то число и Корею. Черные *Дада*, сохранившіе кочевой бытъ, суть племя Монгольское. *Дада* дикіе

суть племена охотничьи, лѣсные и рыболовные какъ *Урянха. Шуй дада* (рѣчныя) и *Хэшуй дада* (Амурскіе); эти племена можно назвать Тунгузскими, если предположить подобную племенную классификацію во времена Мынъ хуна. Очевидно, что *Дада* есть названіе неопредѣленное и общее, утвердившееся главнымъ образомъ въ Китаѣ. Трудно сказать, откуда оно произошло и образовалось, если не прининять во вниманіе показанія *Сунъ бо*. Можно допустить одно предположеніе, что племя *Татаръ*, которое въ Ючши. вовсе не то что *Дада* обитавшее въ восточной части Монголіи, было сильно и обширно, и что Китайцы привыкли подъ ихъ именемъ разумѣть и другія не столь извѣстныя племена; Кидани; переселившіеся въ Туркестанъ могли сообщить это названіе и западу, гдѣ оно восприняло свою настоящую форму *Татаръ*, а не *Дада*. Какъ бы то ни было, Монголы оставили за собой названіе *Дада*, и не тольке за собой, но и за сродственными имъ племенами *Кэрьитъ* и *Мэркитъ*, какъ оказывается изъ Ючши. Но здѣсь надобно сдѣлать оговорку. Въ оффиціальныхъ документахъ и актахъ династіи *Юань*, на Монголо-китайскомъ нарѣчіи. Монголы и слившіеся съ ними, какъ съ династійнымъ племенемъ, *Кэрьиты*, *Мэркиты* и Татары, въ Китаѣ называются Монголами, а обитавшіе въ Монголіи—*Дада*; вѣроятно это отличие имѣло основаніемъ то, что въ Монголіи было болѣе раздѣленія между помянутыми выше племенами, и притомъ тамъ были племена не входившія въ Китай и носившія общее наименованіе *Дада*; въ Китаѣ же долженствовала быть одна господствующая нація, Монголы. Послѣ изгнанія Монголовъ изъ Китая, названіе *Дада* было равносильно слову Монголъ, или, какъ говоритъ Атбц., то, что называлось по китайски *Дада*, на Монгольскомъ языкѣ писалось и говорилось *Монгол*. Когда отъ Монголовъ отдѣлились *Ойраты*. Китайцы оставили названіе *Дада*, или Монголъ, за прежними Монголами, а *Ойратовъ* назвали особымъ, собственнымъ ихъ именемъ, *Ола*, изъ котораго, современемъ, образовалось неправильное *Вала* и нынѣшнее *Элютъ*. Таково историческое значеніе названія *Дада*, изъ котораго Пекинская Коммиссія прошедшаго вѣка сдѣлала двѣ небывалыя націи: *Татань* и *Далда*. Историческое сочиненіе *Сань чао бэй мынъ хой бянь*, или о сношеніяхъ Суновъ съ Гиньцами, сообщаетъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній о племени собственно Монгольскомъ. Въ 1122 году, по словамъ Гиньскихъ посланцевъ, *Шамо* (вообще Монгольская степь) раздѣлена была между *Дада* и *Мынгуцзы*; главы того и другаго владѣнія признали надъ собою власть Гиньцевъ (цз. 9). Въ то время учреждено было Гиньцами, для сѣвера *Шамо*, особое военное коммиссарство, съ цѣлію удержанія въ повиновеніи, или страхѣ, владѣній *Дада*, *Мынгу* и *Дэли* (цз. 21). Начиная съ 1150 года, Монголы возстали противъ Гиньскаго владычества; Гиньскій дворъ отправилъ противъ нихъ извѣстнаго полководца *Вучжу*; было особое описаніе этого похода, составленное *Лидаляномъ* (цз. 137). Къ 1160 году, военная дорога отъ Пекина на сѣверъ, до *Мынъ го сы*, была снабжена войсками, на случай ихъ вторженія (цз. 230); великій князь *Лунъ ху* квартировалъ на этомъ пути съ 50-тысячнымъ корпусомъ (цз. 243). Въ 1161 году, новый Гиньскій государь, намѣреваясь идти войной на Суновъ, гласно объявилъ, что онъ идетъ на

Мынгу дада; манифестъ его, имѣвшій цѣлію отклонить вниманіе Сунскаго двора, между прочимъ говоритъ: «*Мынгу дада*, при моемъ предшественникѣ, нѣсколько разъ нападали на наши границы; когда же я вступилъ на престолъ, то границы успокоились. Нынѣ доносятъ, что они снова провинились (*цзого*) и собрались еще въ большемъ, чѣмъ прежде, числѣ, до нѣсколькихъ сотъ тысячь; говорятъ, что они вступили въ связь съ *Сися*, возобладали *Тукюе*, *Хи* и *Кидань*, которые не могли бороться съ ними и потерпѣли пораженіе. Это тѣмъ болѣе важно что могилы всѣхъ нашихъ предковъ находятся на сѣверозападъ отъ Пекина, близко къ ихъ границамъ». Очевидно, что содержаніе манифеста, главнымъ образомъ, выдумка. Одно вѣрно, что Монголы, съ перваго появленія своего въ исторіи, представляются враждебными Гиньцамъ. Въ арміи Гиньской были всѣ извѣстныя сѣверныя племена, перечисляемыя въ *Бэй мынъ хой бянь*; но между ними нѣтъ имени Монголовъ.

48. Цдс., безъ основанія полагаетъ, что съ сихъ поръ начинаются у Монголовъ *ханы* Хабулъ былъ потомокъ *Бодуаньчара* въ прямой линіи. Царь, въ Монголо-Китайскомъ текстѣ *Хахань* или *Кэхань* (*ѣ кэ-ханъ*); Монгольское *ханъ* взято вѣроятно съ Китайскаго *хуанъ*: царь.

49. Своему троюродному брату.

50. *Буюйръ* и *Колянь*: нынѣ *Буюръ Кулонъ*, озера въ низовьѣ Керулуна; въ Китайскихъ географическихъ сочиненіяхъ онѣ называются общимъ именемъ *Хулунъ бэйръ*.

51. *Уршиунь*: по Сс. нынѣшняя рѣка *Оршунь*.

52. *Таарь и чжунъ жень*: здѣсь *и чжунъ* не въ смыслѣ особаго народа. или племени; можно перевести: особые люди.

53. Это обстоятельство показываетъ, что въ то время Монголы были въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Гиньцамъ. На основаніи указаній *Бэй мынъ хой бянь*, можно считать вѣроятнымъ, что разсказываемое происходило въ половинѣ XII вѣка.

54. *Хадаань тайцзы Аньбахай*, глава рода *Дайичиу*, имѣлъ двухъ сыновей, которые далѣе упоминаются: ни тотъ, ни другой не назывался *Хадаань*; это былъ шестой сынъ *Хабула*. По объясненію Сс., *Аньбахай* называетъ своихъ племянниковъ дѣтьми, по родству и тѣсной дружбѣ съ домомъ *Хабала*; дѣйствительно, есть примѣры, которые доказываютъ, что таковъ былъ общій обычай у Монголовъ сближать родство и свойство. Подобные сыновья называются въ Юш. *цунь цзы*, дѣти совмѣстные.

55. Подразумѣваются: отъ стрѣлянія изъ луковъ.

56 *Олхунэ*. Сан. Сэц. говоритъ: изъ страны *Олхонодъ*, изъ рода *Татаръ*. Сравн разсказъ его о похищеніи *Хоэлуни*.

57. *Хаошенъ*: письменно-простонародное выраженіе, для означенія понятія чрезвычайно.

58. У Сан. Сэц., какъ въ преданіи, это событіе разсказано съ другими особенностями.

59. *Шань гань*: невысокій хребетъ; рядъ холмовъ.

60. Вѣроятно, сидя верхомъ на лошади, по Монгольскому способу.

61. Т. е. до сихъ поръ я заботилась о тебѣ.

62. *Хорхона чуанъ. Чуанъ*, значитъ и рѣка и долина; это мѣсто тоже самое, которое послѣ называется *Хорхона чжубуръ*. Урочище было въ низовьѣ Онона, но гдѣ именно, трудно опредѣлить.

63. *Дайичиу* возвратили этимъ управленіе старшей линіи *Борчжигинь*.

64. Народы *Дада*: т. е. Монголы, не одни *Дайичиу*.

65. *Дѣлиунь болтахъ*. По изысканію покойнаго Банзарова, Чингисханъ родился на р. Ононѣ, немного выше крѣпости Чиндантъ, на правомъ берегу, противъ селенія *Ыхэ аралъ*, въ урочищѣ *Дылюнъ болдокъ*, около 50° с. ш. и 132° в. д. *Дылюнъ болдокъ* (урочище или улусъ), значитъ: кочковатая мѣстность, а *Ыхэ аралъ*: большой островъ (Сѣв. Пчела 1854, № 258. Письмо изъ Нерч. И. Абрамова). Если полагать, что рожденіе Чингисхана было тамъ же, гдѣ былъ избранъ *Хутула*, то мнѣніе Банзарова весьма вѣроятно. Одно можно замѣтить, что *Дылюнъ-болдокъ* есть наименованіе общее, которое могли носить и другія урочища, притомъ, названія мѣстъ въ Монголіи нынѣ совершенно измѣнились.

66. По Юш. и Цчл. Чингисханъ родился въ 1161 году; но Сс., неизвѣстно на какомъ основаніи, говоритъ, что онъ родился въ 1154 году.

67. *Пи ши*: собственно, желудочный, или пузырный камень, находимый во внутренностяхъ животныхъ; это должно быть *Чжада*, описываемое въ *Бэньцао ганъ му* и отличаемое отъ безоара, *нюхуанъ*. Въ Бцз. онъ названъ *чиши*, краснымъ камнемъ *Чжада*, по описанію, бѣлаго цвѣта, въ текстѣ говорится не о цвѣтѣ а о фигурѣ и величинѣ камня.

68. По обычаю Монголовъ брать женъ въ родъ, или семейство, изъ одного и того же рода.

69. По біографіи *Дэсьчаня*, *Хунгира* обитали въ мѣстахъ называемыхъ *Кулъръундургинь* и *Дѣлемуръ* у рѣки *Ѣлигуна*. *Дэсьчань* называется въ Бчж. *Тэсьчань*, по фамиліи *Досыхуръ;* собственное имя его было *Тэинь*, но за отличіе въ походахъ (?), дано ему названіе *Сьчань*.

70. *Разгадалъ мой сонъ*: потому что первый попался на встрѣчу.

71. *Киянь*: происхожденіе этого названія не объясняется. У Сан. Сэц. *Кіотъ*.

72. *Хоу фэй*: императрицами и второстепенными супругами; выраженіе по Китайскому обычаю; у Сан. Сэц. просто: *хатунъ*.

73. У Китайцевъ есть такая же поговорка.

74. *Бортъ*: у Сан. Сэц: *Бурдэ* и *Буртэ*.

75. Эту поговорку трудно передать буквально; она выражена такъ: неужели послѣ многихъ просьбъ дать, значитъ важно, послѣ немногихъ просьбъ дать, значитъ не важно?

76. Эта поговорка есть и у Китайцевъ.

77. *Ни чжи чжэ!* Ты знай, форма завѣщанія. *Ѣсугай* завѣщаетъ *Мунлику* передать роднымъ о смерти его отъ отравы.

78. *Мунликъ* умолчалъ объ отравѣ *Ѣсугая*, вѣроятно, чтобы не разгласить о томъ, прежде увѣдомленія родныхъ *Ѣсугая*.

79. *Въ тотъ годъ*: говорится неопредѣленно и не означаетъ года смерти *Ѣсугая*.

80. *Приносили жертву*: по праву старшинства. Неизвѣстно, почему не говорится о *Хутула хаханѣ*; кажется, что въ это время его уже не было въ живыхъ.

81. *Цзо жоу*: мясо, освященное вкушеніемъ отъ душъ предковъ. Значитъ, былъ общій раздѣлъ жертвенныхъ яствъ въ фамиліи; жертвоприношенія предкамъ были узы соединявшія членовъ семейства и рода.

82. Выраженіе двусмысленно; оно можетъ значить также: «мои дѣти еще не подросли де»; *чжанъ бу да мо дао*.

83. Если не удѣлили части жертвъ общимъ предкамъ, то, значитъ, отлучили отъ своего родственнаго общества.

84. *Лунь лай 'а*: потолковать, такъ лучше...

85. Именуются два сына *Аньбахая*.

86. *Минъ*: свѣтлый, въ смыслѣ знатнаго, виднаго.

87. Вгд. прибавляетъ: «къ чему жъ быть соединеннымъ?»

88. *Шоуди*: пріобрѣтенные, покоренные; *янь... ди*: свои, родовые.

89. *Инъ циянъ*: древки съ кистями, употреблявшіяся, кажется, для распознаванія, какъ значки. По указанію Юш. (цз. 139, 2), въ арміи Чингисхана, темники, тысячники и сотники, носили при себѣ древки, или копья, съ извѣстнымъ числомъ кистей, для показанія ихъ степени.

90. *Остановила* Вгд. прибавляетъ: и *возвратила*; но изъ текста этого не видно.

91. *Бѣктъръ* и *Бѣлгутай*: дѣти *Ѣсугая*, прижитые съ другой женой. Мать ихъ жила при *Хоэлуни*, какъ ниже окажется.

92. *Цза мэй*: особенность Монголо Китайскаго выраженія: нынѣ употребляется *цзи мынь*: мы, т. е. мы съ вами, или съ тобою.

93. Пословица понятная; у Сан. Сэц. и въ *Алтанъ тобчи* смыслъ ея потерянъ и дѣлается непонятенъ.

94. *Аланъ*: это *Аланъхоа*, жена *Добэнъ мэргана*.

95. *Занавѣску*: замѣняющую дверь у юрты; кромѣ того бываютъ еще дверцы.

96. *Львы*: Монголы получили понятіе объ этомъ звѣрѣ, вѣроятно, изъ Китая.

97. *Манъ шэ*: самый большой змѣй.

98. *Бѣшеные верблюды*: они бываютъ бѣшеными зимой.

99. *Юаньянъ*: порода небольшихъ утокъ у Китайцевъ служащая символомъ супружеской вѣрности и вообще супружества.

100. *Чайланъ*: по Монгольски *дзубери-чино*. Перевожу шакаломъ, по догадкѣ.

101. *4-ой луны 16-го числа*: на другой день средняго полнолунія, въ первый день ветхаго мѣсяца; это было празднество у Монголовъ.

102. Однакожъ ночь, какъ выше сказано, была свѣтлая.

103. *Съ колодкой*: которая надѣвалась на шею, какъ нынѣ въ Китаѣ.

104. Приготовленіе кумыса, или вина, было, можетъ быть, повинностью дома Сорханьширы.

105. *Лундоръ*: должно быть хищная птица, ястребъ или коршунъ.

106. *Канъ*: Китайское названіе подмостокъ, устроиваемыхъ въ юртѣ для сидѣнья и лежанья. По Дтбц., по-монгольски *исэчи*.

107. *Дуанъ сунъ*: прекратить и отправить; Китайское выраженіе, означающее погубить, умертвить.

108. Степное выраженіе означающее погибель дома.

109. Вгд. выражается: «далъ ему добрую лошадь».

110. Можетъ быть, для того, чтобъ онъ дорогой не разводилъ огня и тѣмъ не далъ знать о себѣ врагамъ.

111. Сс. полагаетъ, что это рѣчка *Цимуркэ*, впадающая въ рѣку Ононъ, при ея истокѣ.

112. *Сангуръ*: по предположенію Сс. р. *Сэнкуръ*.

113. Ниже оно названо будетъ *Кукуноръ*. Сс. замѣчаетъ: «Не озеро ли *Кукучэръ*? только оно довольно далеко».

114. ***Тубошу***: мышь, поднимающая землю; кротъ; ***ъ ту***: дикая мышь; вѣроятно, что ***Хуанъ шу***: сусликъ.

115. ***Воры***: по Сан. Сэц. ***Дайичиу***; по Юш. (біограф. ***Борчжу***) ***Яргинъ***, т. е. ***Чжурки*** текста Ючмш., также родичи Чингисхана.

116. ***Нанъ цзы***: собственно, значитъ мущина; въ разсказахъ употребляется въ смыслѣ молодца.

117. По Бчж. рода ***Арла***, или ***Арула***, сосѣдственнаго съ кочевьемъ Чингисхана. У Сан. Сэц. рода ***Арлатъ***, или ***Аруладъ***.

118. ***Бöорчу***: по Бчж. ему было тогда 13 лѣтъ.

119. ***Цюаньцзы***: кругъ; круговое становище.

120. ***Шо ми чжу ляо***: говоря, остановился; ***шо***, говорить, въ теченіи рѣчи употребляется иногда, какъ здѣсь, безъ всякаго значенія.

121. ***Бортъ вучжинъ***: ***учжинъ*** взято съ Китайскаго ***фужинъ***: супруга. Въ исторіи она извѣстна также подъ именемъ ханьши большой, или первой орды; этихъ ордъ, впослѣдствіи, было у Чингисхана четыре, всѣ онѣ были не переносимы; о положеніи этихъ ордъ въ Монголіи нѣтъ ясныхъ указаній и изслѣдованій.

122. ***Урахчуэлъ***: должно быть, какая нибудь особенная мѣстность, или кряжъ горъ, близь Кэрулуна.

123. Сс. поясняетъ: «По обычаю Монголовъ, во время выдачи дочери въ замужество, всѣ родственники провожаютъ ее до дома жениха; но отецъ не провожаетъ ея.»

124. ***Бурги***: берегъ?

125. Говорится какъ о неизбѣжномъ обрядѣ или обычаѣ.

126. ***Царь Ѣсугай***: Тѣмучжинь называетъ отца своего ***хаханемъ***, изъ уваженія Ѣсугай не былъ владѣтелемъ, или княземъ рода.

127. ***Ванъ ханъ***: собственное имя его было ***Тооридъ***, какъ онъ послѣ называется; здѣсь авторъ назвалъ его титуломъ Вана, полученнымъ имъ послѣ. У Сан. Сэц. ***Унъ ханъ*** и ***Онъ ханъ***

128. ***Кэрьитъ***: вар. ***Кэрьи*** и ***Кьръ***. У Сан. Сэц. ***Кэруитъ, Кэриьтъ*** и ***Кэрайтъ***.

129. ***Туула***: нынѣшняя ***Тола***, рѣка, по которой кочевали ***Кэрьи***.

130. ***Въ Черномъ Лѣсъ: Хэлинь цзы***; прибавленіе слова ***цзы*** къ ***Хэлинь***, показываетъ, что ***Хэлинь*** есть Китайское названіе; правильнѣе сказать: въ Синемъ-Бору; потому что горы, сопровождающія ***Толу***, преимущественно покрыты сосновыми лѣсами.

131. Чингисханъ, очевидно, хотѣлъ имѣть опору въ ***Ванъ ханѣ***. Въ одномъ мѣстѣ Ючмш. есть намекъ на то, что онъ, въ дѣтствѣ, жилъ у ***Ванъ ханя***, вмѣстѣ съ ***Чжамухою***.

132. ***Фынъ ся***: вѣтряный ящикъ; разумѣется мѣхъ, состоящій изъ квадратнаго ящика, съ клапанами; стержень, которымъ производится раздуваніе, движется съ боку, взадъ и впередъ; таковъ Китайскій ***фынъ ся***.

133. Ниже она называется ***Хоахчинь***.

134. ***Матери Хоэлунь***: въ продолженіе разсказа, ***Хоэлунь*** часто носитъ названіе матери безотносительно и по преимуществу.

135. ***Тьмугэ отчигинь***: или просто ***Тьмугэ***; братья Чингисхана имѣли особыя придаточныя наименованія.

136. ***Цунъ ма***: думаю что надобно понимать: одну на-готовѣ.

137. ***Ихо цзюнь***; ратники огневища; община; компанія.

138. Т. е. въ свой домъ, а не къ ***Тьмучжиню***, которому она принадлежала.

139. Изъ этого видно, что гора стоитъ особнякомъ.

140. ***Чуй сюнъ***: ударяя въ грудь. Этотъ пріемъ, для выраженія сильныхъ чувствъ, упоминается въ разсказѣ не однажды; очевидно, онъ замѣнялъ воздѣяніе рукъ, которое приписываютъ Чингисхану другія сказанія.

141. ***Сяо синъ минъ***: малую, ничтожную жизнь.

142. Замѣчательно, что обратился къ солнцу а не къ горѣ

143. Повѣсилъ шапку на руку, вѣроятно, за подвязку.

144. ***Манайцзы изю***: собственно вино изъ кобыльяго молока. Разсказъ указываетъ на древній религіозный обрядъ и пріемъ Монголовъ, равно на чествованіе свѣтилъ и обожаніе вообще природы—второй элементъ древней религіи восточной Азіи. Поясъ и шапка были принадлежностями личной свободы у Монголовъ. Ниже будетъ разсказано, что Чингисханъ, арестуя ***Хасара***, снялъ съ него шапку и поясъ; по замѣчанію автора ***Цаому цзы***, Монголы въ Китаѣ приняли Китайскій костюмъ, но сохранили свою шапку и поясъ, или кушакъ. Слѣдовательно снятіе шапки и пояса показывало въ Чингисханѣ преданность волѣ неба, благодарность своей свободой за спасеніе. Онъ обратился къ солнцу, которое чествуемо было Монголами, какъ высокое божество, и преклонилъ колѣна девять разъ, по священному во всей Азіи числу, какимъ оно считалось и въ глубокой древности, по Китайскимъ сказаніямъ

(уваженіе къ девятеричному числу, по моему мнѣнію, имѣетъ основаніе въ астрономическихъ понятіяхъ древности); сдѣлалъ возліяніе виномъ, непремѣнно броженымъ, также по обычаю древности. Сс. при этомъ дѣлаетъ выписку изъ сочиненія *Дао юань лэй гао*: «*Тайцзу* (Чингисханъ), въ молодости, застигнутъ былъ однажды, съ семью спутниками, бурною ночью; достигши одной скалы, онъ снялъ съ себя поясъ и повѣсивъ его, по обряду, на шею, такъ молился: «Если воля неба на мнѣ, то явятся люди для моего избавленія». Немедленно показались 19 человѣкъ, которые шли къ нему и помогли». Сс. не совсѣмъ правдопобно полагаетъ, что этотъ разсказъ, или преданіе, относится къ настоящему событію; еще менѣе достовѣрно его предположеніе, что изъ этого же сложилась, какъ онъ называетъ, басня Юш. о томъ, какъ Чингисханъ пилъ мутную воду съ 19 сподвижниками, о чемъ Ючмш. вовсе не упоминаетъ.

145. *Брата Чжамуху*: называетъ братомъ, какъ дружественнаго сосѣда а не какъ родича *Чжамуха* былъ родичь Чингисхана и происходилъ также отъ *Бодуаньчара*, но въ побочной линіи; онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Чингисханомъ, и, какъ видно, съ *Ванъ ханемъ* у котораго онъ въ дѣтствѣ жилъ, вмѣстѣ съ Чингисханомъ,

146. Двѣ тьмы, *эрръ вань*: двадцать тысячъ.

147. *Правой рукой*: правымъ флангомъ; въ Ючмш., слово *правый* означаетъ западную сторону, какъ *лѣвый*—восточную; также точно и у Китайцевъ; но здѣсь нельзя положительно допустить этого распредѣленія.

148. *Аньда*: другъ; ниже, въ текстѣ, будетъ объяснено значеніе этого названія,

149. *Буула кээръ: кээръ* можно читать и *кээлъ;* оно часто прибавляется къ Монгольскимъ названіямъ; кажется, тоже, что нынѣ *Голъ*, горная рѣка; означаетъ и долину, по которой протекаетъ рѣка, какъ Китайское *чуанъ*. *Кээръ* несомнѣнно тоже, что *Кигаръ* магометанскихъ писателей о Монголахъ, означающее, по Д' оссону, долину.

150. *Орхуанъ* (въ другомъ мѣстѣ *Орханъ* и *Сэлянгэ*: *Орхонъ* и *Селенга*, рѣки, при которыхъ обитали *Мэркиты*.

151. *Свиная щетина*: нынѣ, на Монгольскомъ языкѣ, свиная щетина, въ буквальномъ переводѣ—*гахай ширгкэкъ*; этимъ именемъ означается растеніе, употребляющееся для чистки раковинъ; хвощъ; но то ли растеніе, разумѣется въ текстѣ Ючмш., неизвѣстно.

152. *Ванъ хань гэгэ*: *гэгэ* есть Китайское простонародное названіе старшаго брата, употребляемое и въ дружеской рѣчи; *Чжамуха* такъ называетъ *Ванъ ханя* по его старшинству.

153. Монголы свободно переходили отъ одного владѣтеля къ другому, какъ видно и изъ другихъ указаній.

154. У *насъ Дада Чжамуха* разумѣетъ здѣсь и *Ванъ ханя*.

155 *Соединенныя войска*: ихъ было 40,000; у Чингисхана, по-видимому, было мало войска, или вовсе не было Столько воинской силы, для освобожденія Монгольской Елены!

156 *Бархучжинъ* страна, о которой будетъ не разъ упомянуто въ разсказѣ вѣроятно, она была при впаденіи Селенги въ Байкалъ.

157. *Цы лао*: по описанію *Бэнь цао ганъ му*, драхва, птица, уважавшаяся Монголами, въ-особенности при Монгольскомъ дворѣ въ Китаѣ; частнымъ лицамъ; не позволено было употреблять ее въ пищу и ловить. См. старинную *Шунь тянъ фу чжи*.

158. *Тянь ди*: небо и земля; выраженіе чисто Китайское.

159. *Шуй дяо шу*: вѣроятно, *шуй та*: выдра.

160. *Жень ши*: дѣло человѣческое; подарокъ.

161. *Мэркитъ-дада:* это выраженіе рѣшаетъ общее значеніе слова *Дада*, которое прилагалось не къ однимъ Монголамъ. Несомнѣнно, что въ Монгольскомъ текстѣ стоитъ также *Дада*.

162. Упоминаемыя въ Ючмш. мѣста Монголіи трудно опредѣлить географически. Бóльшая часть урочищъ нынѣ носятъ другія, новыя названія.

163. Обмѣнъ подарковъ былъ необходимъ, для заключенія союза *аньда*. Ср. Цчл. Послѣ того, заключившіе дружбу хранили ее на жизнь и на смерть.

164. *Цинь ай цза:* полюбимъ еще крѣпче. Слово *цза*, которое значитъ мы, ставимое на концѣ, какъ частица, даетъ выраженію смыслъ будущаго времени; наприм. *цзо:* сижу, *цзо-цза*: посижу; *цзоу*: хожу, *цзоу цза:* похожу. Въ семъ смыслѣ слово *цза* нынѣ весьма рѣдко употребляется, и попадается иногда только въ драматическихъ сочиненіяхъ.

165. *Пао цзы*: на Монгольскомъ языкѣ, по Дтбц. *чжунь-эрръ* (*Цзэренъ?*), По *Бэнь цао ганъ му, пао цзы* есть дѣтенышъ особаго, малаго рода оленей, безъ роговъ, съ выходящими изо рта клыками.

166 *Бо му:* дерево *бо*; названіе прилагается къ Китайскому роду кипариса, котораго, сколько извѣстно, нѣтъ въ сѣверной Монголіи.

167. *Съ чолками*; по Китайски: съ рогами.

168. Эти загадочныя слова трудно понять По Вгд. *Чжамуха* задалъ Чингисхану загадку. Онъ такъ перифразируетъ слова Чжамухи: «Если подлѣ горы пасти коней, то есть юрты и хижины, въ которыхъ можно пріютиться; если пасти овецъ подлѣ горнаго потока, то можно доставать ягнятъ и сливокъ. Понимаешь ли, другъ?» Но текстъ не допускаетъ такого перифраза. Чингисханъ также не понялъ словъ *Чжамухи*.

169. Вгд., безъ основанія, прибавляетъ: на другой годъ.

170. *Изъ рода*, или точнѣе: люди рода.. Вгд. измѣняетъ въ слово: отъ рода, т. е. со стороны рода.

171. *Тохураунъ*: въ Ючмш. еще будетъ упомянуто о трехъ фамиліяхъ *Тохураутъ*; вѣроятно, это есть фамильное прозваніе особаго рода племени *Чжалаиръ*.

172. *Огэлянъ*, *Братъ Бöорчу*: выше было сказано, что у него не было братьевъ; надобно разумѣть родичи.

173. *Имѣющій быть*, или *бывшій* (равно переводимо) *зятемъ*: т. е. зятемъ

Чингисхана. По Юш. (цз. 118, 7) «*Боту* былъ отличный конный стрѣлокъ, преданный Чингисхану. Чингисханъ выдалъ за него сестру свою, *Тѣмулунь*; по смерти *Тѣмулуни*, онъ отдалъ за *Боту* дочь свою, *Хочинь бѣки*».

174. *Чжачжирадай*, предокъ, *Чжамухи*, и *Бааридай* предокъ *Хорчи*; оба, рождены одною изъ женъ *Бодуаньчара*.

175. *Шень минъ*: общее названіе небесныхъ духовъ, у Китайцевъ.

176. *Ся данъ*: нижніе колья; къ которымъ, вѣроятно, прикрѣплялись юрты.

177. *Тянь ди*: небо и земля; думаю, что это Китайскій плеоназмъ.

178. *Шанъ лянъ чжо*: *шанъ лянъ*, толковать, совѣтоваться, судить.

179. *Куай хо*: жить въ наслажденіи.

180. *Ваньху*: десять тысячъ домовъ, т. е. владѣтель, или правитель ихъ; темникъ; учрежденіе, вѣроятно, заимствованное отъ Киданей и Гинцевъ.

181. Т. е. исполняй все, о чемъ я ни попросилъ бы тебя.

182. *Сачабѣки*, вар. *Сѣчжэбеки*. Названія лицъ въ Ючмш. не вездѣ одинаковы.

183. *Ли ни цзо хуанъ ди* поставить тебя царемъ, т. е. нашимъ. Вѣрно, послѣ *Хутулы*, еще не было избрано ему преемника.

184. *Хао Чингисы*: *хао*, нарекли, наименовали, какъ въ Китаѣ даютъ особое наименованіе царствованію каждаго государя. Этотъ обычай, думаю, заимствованъ изъ Китая. Государи не называются собственнымъ именемъ потому, что оно есть имя семейное, не выступающее изъ круга фамиліи; таково общее обыкновеніе въ Китаѣ, гдѣ и частныя лица извѣстны въ обществѣ не столько подъ собственными ихъ именами, сколько подъ особыми, принятыми для того, наименованіями. Что касается до значенія названія *Чингисъ*, покойный Банзаровъ, какъ я помню, измѣнилъ свое мнѣніе, выраженное въ статьѣ *о Черной Вѣрѣ* и склонялся къ той мысли, что *Чингисъ* есть выраженіе слова *шаньюй*, ханскаго титула у древнихъ *Хюнну*. Для того, кто знаетъ, какъ неправильно Китайскіе историки перелагали иностранныя названія на свой языкъ, не будетъ удивительно сродство словъ *Шаньюй* и *Чингисъ*. Замѣчу также, что *Хубилай* наименовалъ (въ храмѣ царей) Гиньскаго *Тайцзу—Чингисомъ*, а сына его, *Тайцзуна—Бкэноннемъ* (симъ именемъ назывался отецъ *Хубилая*, *Толуй*); объ этомъ упоминаетъ авторъ сокращенія *Юаньши* (*Юаньши лэй бянь*); но я не знаю; откуда онъ заимствовалъ этотъ фактъ. Чингисъ провозглашенъ былъ ханомъ собственно Монгольскаго рода, родовымъ владѣльцемъ, какимъ былъ *Ванъ ханъ* у *Кэрѣитовъ*, и другіе. Въ-послѣдствіи онъ сдѣлается монархомъ степной имперіи.

185. Выше, онъ названъ былъ *Оэлянь*.

186. *Дуй лao гунъ цзянь*: носить лукъ и стрѣлы, несомнѣнно при особѣ Чингисхана; по Юш. (цз. 119, 25) эти луконосцы назывались *хорчи*; они носили колчаны и постоянно пребывали подлѣ особы хана. Вгд. неправильно перифразируетъ: «завѣдывать луками и стрѣлами».

187. *Чэ лянъ*: телѣги въ которыхъ ѣздили женщины, съ дѣтьми и съ домашнимъ скарбомъ.

188. *И чу дай дао*: въ одномъ мѣстѣ носить мечи; т. е. при Чингисханѣ.

189. *Юйма*: управлять конями; думаю, что значитъ: завѣдывать выправкой, обученьемъ и присмотромъ за верховыми конями Чингиса. По біографіи *Бѣлгутая* въ Юш. (цз. 107, 1), ему поручено было управлять заводными лошадьми (*цунъ ма*: слѣдовавшими. т. е. за Чингисомъ); въ случаѣ пораженія (при отступленіи), онъ велъ (для Чингисхана) заводныхъ лошадей.

190. *Юань цзянь, цзань цзянь*: какъ дальнія и ближнія стрѣлы; на исполненіе порученій и приказаній; на посылкахъ; какъ вѣстовыя стрѣлы, бывшія въ обыкновеніи у Гиньцевъ Вгд. ошибочно поясняетъ «завѣдывать дальнимъ и близкимъ».

191. *Шоу ши*: прибирать и убирать, т. е. для Чингисхана.

192. *Чжанъ чжо*: можно перевести также: старѣйшинствуйте.

193. *Цзи цинъ ди*: благовѣщими и счастливыми, т. е. которые принесли съ собою счастье для Чингисхана.

194. *Шо ляо, дуй вэй фу ляо*: сказавъ, поручилъ всѣмъ, т. е. исправлять должности, о коихъ выше было сказано; здѣсь только повтореніе.

195. *Вы, Дада*: разумѣетъ Монголовъ.

196. Здѣсь открывается новая причина раздѣленія между Чингисханомъ и *Чжамухою*, а не одна поговорка *Чжамухи*.

197. Вгд. прибавляетъ: (коней) принадлежавшихъ Чингисхану.

198. Въ Юш., въ біографіи *Боту* (цз. 118, 7), между прочимъ, разсказывается: «*Чжачжирадай*, *Чжамуха* и *Тоъ* (?), съ 30,000 воиновъ, наступали (на Чингисхана); *Боту*, узнавъ это, послалъ *Болуаньдая* и *Молитуту* извѣстить о томъ Чингисхана, а самъ напалъ на *Тоъ*, и другихъ, захватилъ ихъ обозъ и покорилъ ихъ народъ». По Ючмш., Боту, кажется, находился съ Чингисомъ.

199. По Вгд. *Чинасы* князей. *Великихъ князей* т. е., по объясненію Сс., родичей Чингисхана, считавшихся братьями. *Чинасы*, по-видимому, было названіемъ многихъ мѣстъ; въ одномъ была *Ду ордо*, большая орда, какъ видно изъ примѣчанія къ стихотворенію одного Юаньскаго поэта, гдѣ говорится также, что *Чинасы* была гора. Ср. ошибочный разсказъ Цчл., которомъ *Чинасы* принято за волковъ (*чино*, волкъ).

200. ***Ма вэй шанъ:*** собств. на хвостѣ лошади; не привязавъ ли къ хвосту?

201. ***Чжурчжэдай*** и ***Хуюлдаръ***: правильнѣе, главы родовъ ***Уруутъ*** и ***Манху***.

202. ***Съ семью сыновьями:*** у Сан. Сэц. они называются ***Долонъ хонхотанъ***.

203. Вгд. говоритъ, напротивъ. что Чингисханъ забылъ послать имъ молока.

204. Вгд.: «прибили палками управлявшаго яствами». Срав. Цчл.

205. ***Нѣкуньтайцзы***: братъ ***Ѣсугая***; можетъ быть, онъ славился чѣмъ нибудь въ народѣ.

206. ***Цзай вай на ма: на,*** значитъ ловить, поймать и водить, но преимущественно употребляется въ первомъ значеніи; понятно было бы, если бы говорилось о стойлѣ, или мѣстѣ, гдѣ, привязывали коней. Цчл. также не уясняетъ этой статьи.

207. По Вгд., онъ былъ связанъ.

208. Въ біографіи ***Бѣлутая*** (цз 107, 1) говорится: «Его (***Бѣлутая***) злоумышленно (?) ранили и онъ отговорилъ Чингисхана казнить виновнаго».

209. Вѣроятно, между Чингисханомъ и ***Чжурки.*** Срав. Цчл.

210. ***Да гинь***: великіе Гинь; Чингисханъ называетъ ихъ великими, или признавая ихъ власть, или по привычкѣ.

211. ***Ванъ гинъ чэнъ сянъ***. По Сс., это не согласно съ показаніями Китайской исторіи, по которой отправленъ былъ ***Ванъ янъ сянъ. Чэнъ сянъ***: министръ почетный титулъ.

212. Разумѣются четыре орды ***Татаръ***, о которыхъ ниже упомянуто.

213. ***Бу цунъ та минъ***: не повиновались, какъ прежде сами Монголы. Военныя мѣры Гиньцевъ и устроеніе вала за Великой Стѣной, въ концѣ XII вѣка, должны быть объясняемы этимъ востаніемъ Татаръ. Срав. изслѣдованія ***Шеньяо*** о валѣ въ Монголіи.

214. ***Съ двухъ сторонъ:*** Чингисханъ съ одной, Гиньцы съ другой. По Вгд.: «Я (Чингисханъ) нападу на нихъ изнутри. Гиньцы совнѣ».

215. ***Помоги ратовать***: вѣрно не могъ, и вмѣстѣ съ Гинь-цами, ратовать; это доказываетъ силу ***Татаръ***.

216. ***Чжаухури***: по нынѣшнимъ объясненіямъ, ***чжао тао ши***; это былъ полномочный военный коммиссаръ Гиньцевъ на границѣ; Чингисханъ получилъ только наименованіе, но не власть.

217. ***Ванъ***: князь, какъ титулъ, ***хао***, а не ***цзіо***, или въ смыслѣ князя Гиньской имперіи.

218. ***Чжао тао гуань***: но ***чжао тао гуань*** было тоже, что ***чжаухури***. Это мѣсто требуетъ поясненія. Можетъ быть, что ***чжаухури*** имѣло другое значеніе. Срав. разсказъ Цчл.

219. ***Гэнь цзяо***: собств. ноги; корень; происхожденіе.

220. Когда возвели Чингисхана во владѣтели.

221. Т. е. увелъ съ собой.

222. Выше онъ былъ названъ ***Окиньбархахъ.***

223. ***Синъ минъ сунъ ляо***: проводилъ жизнь; умертвилъ.

224. ***Барха***: должно быть ***Окиньбархахъ*** или ***Олбарха.***

225. Намекаетъ на тождественное воздаяніе за отступленіе отъ своихъ ближайшихъ родителей.

226. ***Цзи эрръ нянь***: въ годъ курицы, 1201 года. Отселѣ въ Ючмш. начинается счетъ годовъ по циклическимъ животнымъ. Монголы или заимствовали этотъ способъ счисленія отъ Китайцевъ, къ которымъ онъ, однакожъ, перешелъ изъ другихъ странъ, или слѣдовали ему по давнему обычаю въ Монгольскихъ странахъ. Счисленіе по животнымъ было въ употребленіи у Хагасовъ.

227. ***Въ числѣ одиннадцати.*** Въ переводномъ текстѣ улусы, или роды, не перечисляются; Вгд. выписываетъ ихъ изъ Монголо-Китайскаго текста въ такомъ

порядкѣ: ***Хатагинь, Сачжиу, Дробянь-Татаръ, Таталунь, Икиль сунь, Унгила, Холола, Найма, Мырки, Онла*** и ***Дайчиу*** Вгд. не соблюдаетъ полной транскрипціи. Изъ этихъ родовъ, только ***Хатагинь Сачжиу*** (Салчжиутъ) и ***Дайчиу*** были Монгольскаго племени; другіе восемь были народы, обитавшіе въ то время въ Монголіи, или вообще народы кочевые; изъ нихъ неизвѣстны ***Таталунь*** и ***Холола*** (Харлу?); трудно допустить, чтобы всѣ они принимали участіе въ заговорѣ; надобно разумѣть нѣкоторые роды ихъ, привлеченные ***Чжамухою***. ***Дорбянь-та-таръ***—это четыре орды ***Татаръ***, о которыхъ не однажды упоминается въ Юлчмш; въ другихъ источникахъ, гдѣ упоминается о ***Дорбянь Татаръ***, ***Дорбянь*** ставится отдѣльно какъ названі особаго рода; но, во-первыхъ, здѣсь было бы, въ такомъ случаѣ, не 11, а 12 родовъ, или народовъ; потомъ ***Хатагинь*** и ***Салчжиу*** также принадлежали къ роду ***Дорбянь***: слѣдовательно натуральнѣе было бы слово ***Дорбянь*** отнести къ предшествующему названію ***Салчжиутъ***, чѣмъ ставить его отдѣльно.

228. Главою *цзюнь* ниже сказано: ***хуанъ ди***, церемъ. Союзники хотѣли поставить ***Чжамуху***, вмѣсто Чингисхана, надъ его родовымъ владѣніемъ.

229. *Эргунь*: рѣка *Аргунь*, составляющая низовье Кэрулуна.

230. ***Кань мурянь***: Сс. замѣчаетъ: «Это должна быть нынѣшняя рѣка ***Иму***, которая течетъ на сѣверъ и впадаетъ въ р. Аргунь; устье ея называется ***Чжоу*** (островъ), какъ урочище.» По Юш. (цз. 123, 2), заговоръ происходилъ на рѣкѣ ***Гянь*** въ урочищѣ ***Хуланьъри*** (красный яръ?), Срав. варіантъ и разсказъ Цчл.

231. Вгд дополняетъ: *Хучара* и ***Даришая.***

232. ***Санкуня: Санкунь*** было имя сына ***Ванъ ханева.***

233. ***Чэксалъ:*** въ рукописномъ экземплярѣ ***Сюйсуна: Чэкчэлъ.***

234. *Укитъя: Уткия,* въ рукописномъ экземплярѣ.

235. По пріятельски; можетъ быть по обычаю дозорныхъ.

236. ***Ю ло и тунъ: ло***, по описанію ***Бэнь цао ганъ му,*** походитъ болѣе на творогъ, или сметану.

237. ***Чу ци ли***: собственно выкажу силу духа; выраженіе, часто повторяющееся въ Юлчмш.

238. Можетъ быть, Монгольская поговорка.

239. ***Тархутай-Кирилту*** кажется придумалъ эту услугу, чтобы устрашить взявшихъ его.

240. ***Чжахаганьбу,*** братъ ***Ванъ ханя,*** удалившійся отъ него по несогласіямъ, которыя часто возникали между его родичами.

241. У Вгд. полнѣе и нѣсколько иначе: «Тоже (поддались) многіе ***Кэрьи Тумянь тубъгань, Олуань*** и ***Дунъха***». Эти роды принадлежали ***Ванъ ханю.***

242 ***Гурханъ:*** не собственное имя, а титулъ. Это названіе будетъ встрѣчаться и послѣ, въ смыслѣ владѣтельнаго лица. Извѣстно, что ***Тамерланъ*** величалъ себя ***Гурханомъ,*** а въ Китайской исторіи (династіи ***Минъ,*** въ отдѣленіи ***Сыи***) сообщается, на основаніи слуховъ, что ***Тамерланъ*** считалъ себя ***фума,*** зятемъ, или свойственникомъ Китайскаго двора. Основываясь на этомъ Клапротъ

заключилъ, что *Гурханъ* есть не что иное, какъ *фума*. Дѣйствительно въ тоническомъ текстѣ Ючмш., какъ видно по выпискѣ Вгд., которая будетъ приведена въ своемъ мѣстѣ, зятья Чингисханова дома называются общимъ именемъ ***Гулъгянь*** (***Гуръгянь***) что довольно близко къ слову ***Гурханъ;*** это могутъ рѣшить Монголисты. *Гурханы* Уйгурскій и Харакитайскій могли носить это названіе, имѣя родственныя связи съ Китайскимъ дворомъ. Надобно замѣтить, что въ Китаѣ родство съ царствующимъ домомъ двоякое: *фума*, зять, и *го цзю*, тотъ, изъ дома котораго берутъ, дѣвицъ въ замужество для государя (тесть). Въ Монголіи такого различія, въ строгомъ смыслѣ, не было; родъ ***Хунира*** доставлялъ дѣвицъ въ домъ Чингисхана и бралъ изъ него къ себѣ женъ. Былъ ли дядя ***Ванъ ханя***—*фумою* Китайскаго двора, на это нѣтъ указаній.

243. ***Хашинь:*** названіе передѣланное Монголами изъ *Хэ си*. ***Хэ си*** называемое иначе *Си ся*, было Тангутское владѣніе, въ сѣверо-западной части Китая *Хэ си* значитъ *западъ рѣки*; такъ называлось *Си ся* потому, что лежало на западъ отъ поворота Желтой Рѣки на сѣверъ. *Си ся*, западное *ся*, иначе ***Да ся***, или великое *ся*, было названіемъ, болѣе употребительнымъ въ Китаѣ; владѣтели этой страны назвали свое владѣніе *Ся*, въ воспоминаніе древняго государя ***Юй***, который, о преданію, много трудился въ этой странѣ, надъ проведеніемъ Желтой Рѣки и основалъ династію *Ся*. Владѣтели ***Сися*** были изъ племени ***Данъ хянъ*** изъ этого слова, вѣроятно, и образовалось племенное названіе *Тангу*, во множественномъ числѣ *Тангутъ*. Страна заселена была преимущественно Китайцами, и частію Уйгурами и родами ***Фанъ***, которыхъ надобно отличать отъ ***Данъ хянв***, господствовавшаго народа. *Данъ хянъ*, ***Фанъ*** и Тибетцы (*Туботъ*) были одного общаго племени; но каждые изъ нихъ жили своеобразно; послѣдніе, т. е. ***Фанъ*** и Тибетцы, питали вражду къ владѣтельному дому *Сися*. *Сисяшуши*, или историческія записки о ***Сися*** (сочиненіе появившееся недавно), упоминаютъ о бѣгствѣ ***Гурханя*** отъ *Ѣсугая*, и помѣчаютъ это событіе подъ годомъ 1171; впрочемъ, хронологическія указанія *Сисяшуши* требуютъ повѣрки. Владѣтели ***Сися***, вѣроятно, имѣли частыя сношенія съ народами, обитавшими въ Монголіи; *Гурханъ* былъ принятъ въ ***Сися*** милостиво; ему отведено мѣсто для жительства.

244. *Харакита*: владѣнія ихъ простирались на востокъ до *Хотана*. О переселеніи Киданей въ Туркестанъ изъ Китая, кромѣ разсказа въ *Цзиньши*, есть нѣсколько новыхъ указаній въ описаніи путешествія *Чанв чуня* на Западъ, въ примѣчаніяхъ къ стихотвореніямъ *Ѣлюйчуцая* и въ *Бэй мынъ хоу бянь*. По Китайскимъ указаніямъ, резиденціею Харакитайскихъ *Гурхановъ* былъ городъ *Самаркандъ*; но по дальнѣйшему разсказу Ючмш., ***Ванъ хань*** бѣжалъ къ Харакитайскому ***Гурхану***, на рѣку ***Чуй***. По указанію ***Си юй ту чжи***, отъ ***Тузкюла***, или ***Тэмуртунора***, на с. з. 200 ли до ***Салэкиту***; далѣе на с. з. 500 слишкомъ ли до страны вообще называемой ***Чуй;*** страна богата водой и травой и весьма удобна для пастбищъ. Сс.—*Сисяшуши* упоминаетъ о бѣгствѣ ***Ванъ ханя*** и полагаетъ его подъ годомъ 1173.

245. *Уйу Тангу:* владѣніями *Уйгуръ* и *Сися; Ванъ ханъ* обходилъ владѣнія *Найманъ* съ юга. *Сисяшуши* помѣчаетъ и это событіе, подъ годомъ 1174.

246. Въ текстѣ: *гули,* по *Бэнь цао ганъ му,* кажется коза; по Дтбц., по Монгольски *ухуна;* но ниже, вмѣсто *гули* стоитъ *янъ,* овца, по Монгольски *хони.*

247. *Чжунъ дуй:* толочь крупу, или другое зерно.

248. *Хойхой*: вообще Туркестанцы; по Дтбц., по Монгольски они называются *Сартолъ;* слово это, вѣроятно, составлено изъ *Сартъ,* названія кореннаго народа въ Туркестанѣ, и *аулъ,* въ смыслѣ страны, особаго владѣнія.

249. *Туу*: несомнѣнно ошибка, вмѣсто *Уйу* Срав. разсказъ Цчл.

250. *Сы чжунъ ао лу*: *аолу,* переложенное въ Дтбц. въ *аинъ эрръ,* по Китайски *чжайцзы,* укрѣпленіе; это *аулъ;* вѣроятно, что Татары, будучи постоянно въ войнахъ, жили большею частію въ укрѣпленіяхъ, или, что слово *аулъ* надобно принимать въ болѣе обширномъ смыслѣ, въ значеніи орды, или отдѣльнаго улуса. По водвореніи Монголовъ въ Китаѣ, *аолу* назывались лагери въ разныхъ мѣстахъ Китая, гдѣ помѣщались семейства солдатъ, отправляющихся на войну. См. введеніе въ *Цзинъ шидадянь.* Сраженіе происходило въ *Даланъ нємургэсы;* это мѣсто, по Сс., должно находиться у истоковъ р. *Халха*, впадающей въ озеро *Буюйръ*.

251. По Вгд. *Алтанъ, Хучаръ* и *Даритай.*

252. *Чэся*: по колесную чеку. Въ 1140 году, Гиньскій полководецъ, осаждая *Шуньчанъ*, приказалъ, въ случаѣ взятія города, убивать всѣхъ жителей его, которые будутъ выше телѣжной оси; по другому извѣстію, онъ объявилъ, что предастъ смерти всѣхъ жителей мужскаго пола, свыше трехъ лѣтъ (см. *Бэймынъ хойбянь*). Такъ, думаю, надобно понимать и слова Чингисхана.

253. *Бѣлгутай* разсказалъ, вѣрно, по дружбѣ, или чтобы похвастать.

254. *Цзи бэй*: постлать подъ спину.

255. *Даритай*: дядя Чингисхана, державшійся, впослѣдствіи, стороны *Ванъ ханя.*

256. Какъ старшей сестрѣ, а самой занять низшее мѣсто.

257. Въ Юш. *Ѣсуй* называется ханьшею третьей орды; *Ѣсуганъ* ханьшею четвертой, или послѣдней орды.

258. *Вай мянь*: внѣ, т. е. внѣ своей ставки.

259. *Бархучжинъ токумъ*: *токумъ*, вѣроятно, тѣснина другихъ сказаній (см. Цчл.); можетъ быть здѣсь говорится о широкомъ ущельи въ низовьѣ Селенги.

260. По Вгд., двухъ малолѣтнихъ дѣтей.

261. *Улухтахъ*: вѣроятно, отрогъ Алтая; называется онъ *димянь*, т. е. мѣстомъ или урочищемъ.

262. *Алтай*: разумѣется Китайскій или восточный Алтай.

263. *Димянь*: страна, мѣсто, или урочище.

264. *Урунгу*: не старинное ли названіе рѣки *Урумци*?

265. *Кишилъ баши*: одно изъ озеръ нынѣшней Чжунгаріи.

266. Т. е. погибъ.

267. Прежде онъ называлъ его братомъ.

268. *Байлинъ цяо*: жаворонки водятся на Монгольскихъ степяхъ во множествѣ; они вьютъ гнѣзда въ травѣ и весь годъ не улетаютъ въ другія мѣста.

269. *Сань гуйди гао тянь цяо эрръ*: разсѣянно возвращающаяся (къ зимѣ на югъ), кричащая на небо пташка; это ласточка. *Чжамуха* хочетъ сказать, что Чингисъ непостояненъ, а онъ, *Чжамуха*, крѣпко привязанъ къ *Ванъ ханю*. Срав. сбивчивый и превратный разсказъ Цчл.

270. *Шао фань*: жарить кашу; указываетъ на огни. ночью разведенные *Ванъ ханемъ*. *Шао фань* былъ у Киданей, какъ и у Монголовъ, обрядъ жарить, или варить, мясо на дворѣ, въ ямѣ, въ жертву предкамъ. См. Юш. въ статьѣ о древнихъ обрядахъ.

271. *Санкуня*, сына *Ванъ ханева*; по обычаю въ Монголіи какъ видно дѣти и братья хановъ имѣли собственные свои удѣлы.

272. На границѣ *Кэрэитовъ* и *Найманей*.

273. *Сы цзэ*: четыре героя, витязя Въ рукописномъ экземплярѣ Ючмш.. Сс. замѣтилъ, что въ Монгольскомъ текстѣ четыре героя названы *Дорбянь кюй лууди*.

274. Т. е. *Мухали*, *Бороула* и *Чилаоунъ*.

275. *Ху цзу чжи ль чжэ*: да вѣдаетъ покровительство и помощь; *да вѣдаетъ*: монголизмъ, въ смыслѣ: *клянусь*.

276. *Санкунъ* представляется Монгольскимъ авторомъ съ невыгодной стороны; по преданію-же Юш., *Санкунъ* былъ мудрый и храбрый; другіе роды боялись его (цз. 120, 9).

277. *Лицемъ къ сѣверу*: т. е. въ положеніи прислуги.

278. *Лицемъ на югъ*: въ положеніи госпожи. *Санкунъ* хотѣлъ сказать, что Чингисханъ рода низкаго, и что ему далеко до Ванъ ханя. Срав. разсказъ Марко-Поло (ch. 63, p. 62): *Ванъ ханъ* отвѣчаетъ посланнымъ Чингисхана: «Comant a grant vergoingne Cinghiscan de demander ma File à Feme?» Посланные, вернувшись, пересказали Чингисхану «tout por ordre».

279. *Ло хоу ляо*: собственно, отстало назади.

280. Въ годъ 1202.

281. *Алтанъ* и другіе родичи Чингисхана, какъ видно, отстали отъ него.

282. «Опасность у боку» поясняетъ Вгд. *Таянъ*, Найманьскій владѣтель, заступилъ мѣсто отца своего *Буируха*.

283. *Тоорилъ* не *Ванъ ханъ*; онъ перешелъ отъ Чингисхана.

284. *Чанъ ди шао тоу*, *шень ди шуй ди*: въ длину на самую вершину, въ глубину до самаго дна. Это поговорка; въ соотвѣтствіе ей есть другая: «длинное имѣетъ верхъ, глубокое—дно».

285. *Ю коу ю шэ ди*: т. е. всѣ имѣющіе ротъ и языкъ; всѣмъ вѣдомо. Эта поговорка есть и въ Китайскомъ языкѣ.

286. *Лао ляо*: состарѣешься; такъ выражаются иногда Китайцы, когда говорятъ о смерти старшихъ; чаще же употребляютъ выраженіе: *бо нянь хоу*: послѣ ста лѣтъ.

287. *Собственнаго своего*: роднаго, по усыновленію.

288. Вгд. неправильно перифразируетъ: «*Ванъ ханъ* отвѣчалъ: «Если можешь побѣдить его, то почему не дѣйствовать?»

289. *Цза*: мы; *Мунликъ* присоединяетъ себя къ дому Чингисхана. какъ домочадецъ Въ Юш. (біографія *Бопара*) также разсказывается, что когда *Ванъ ханъ* хитростію хотѣлъ заманить Чингисхана къ себѣ, обѣщаясь дать дочь свою въ замужество брату его, *Хасару*, и Чингисханъ уже хотѣлъ ѣхать. *Минъ ли ъ чи гэ* (*Минъли*—Мунликъ, *ъ чи гэ*—старикъ), подозрѣвая измѣну, отсовѣтовалъ Чингисхану ѣхать.

290. Изъ рѣчи не видно, что именно могутъ принятъ за правду: то ли, что завтра отправятся на Чингисхана. или. что онъ наградитъ вѣстника.

291. Вгд. неправильно объясняетъ: «предварилъ занятіемъ горы *Маоуньдуръ* и ожидалъ.» По Сс. эта гора должна находиться на югъ отъ Хинганскаго хребта, въ хребтѣ *Якэлинг*. Въ Юш. (біографія *Халахасуня*) тоже говорится: «Когда Чингисханъ пріобрѣлъ народъ, то *Ванъ ханъ*, опасаясь его замышлялъ убить его. *Кисили* (*Кишлилг*) тайно передалъ эту вѣсть Чингисхану; Чингисханъ. въ одинъ вечеръ, бѣжалъ съ 20-ю слишкомъ человѣками. Когда роды услышали о томъ, то большая часть ихъ поддалась Чингисхану.» Срав. во всемъ Цчл.

292 *Да чжунъ цзюнь*: большое среднее войско, ханское, которое находилось въ срединѣ арміи, какъ у Китайцевъ.

293. *Во чжэ цзюнь ма*: этой моею ратью; разумѣетъ всю армію; Вгд. неопредѣленно выражается: большой ратью.

294. *Не могг одолѣть*; Вгд. не точно выражается: боялся...

295. Дядя, *бофу*: названіе по родству племенному и изъ уваженія къ старшинству.

296. Вгд. прибавляетъ: «*Ванъ ханъ* утёкъ.» Эта битва, по Сан. Сэц., происходила въ низовьѣ Онона (?), въ *Хулуньбэйрѣ*. О дѣйствіяхъ *Чжурчжэдан* и *Хуилдара*, въ Юш. есть два показанія. Вотъ они, для образца: «*Кэлъи*, *Халахачжинь* и *Шато* (?), во главѣ другихъ, напали и разбили (войско Чингисхана); ближній Чингисхана, *Хуиньтаръ* (*Хуилдарг*), тотчасъ увѣдомилъ его, сказавъ: «дѣло не терпитъ отлагательства; въ войскѣ *Чжучитай* (*Чжурчжэдай*) есть самый храбрый и вѣрный; скорѣе пошли его»... *Чжучитай* одинъ бросился (на враговъ), застрѣлилъ *Сянкуня*, покорилъ вождя *Шилъмынь* и другихъ». Такъ въ біографіи *Чжучитая* (цз. 120, 9) Но вотъ отрывокъ изъ біографіи *Уитара* (*Хуиньтара*, *Хуилдара*): «Въ битвѣ съ *Ванъ ханемг* въ *Халачжинь*, повелѣно было войску *Улу* (*Уруутг*) двинуться впередъ; но вождь его, *Чжучэтай* (*Чжурчжэдай*), положивъ плетку поперегъ гривы лошади, не отвѣчалъ. *Уитарг* вызвался, поручивъ Чингисхану трехъ желтоголовыхъ (*хуанг-тоу*: такъ называются малютки); разбилъ; получилъ въ голову раны отъ стрѣлъ и черезъ мѣсяцъ слишкомъ померъ.»

297. Это была побѣда случайная, не рѣшительная.

298. *Окотай*; вар. *Огэдай*; третій сынъ Чингисхана.

299. Т. е. съ мѣста побоища.

300. *Ба*! восклицаніе; собственно значитъ: *Кончено*!

301. Къ горѣ, отъ которой пришли; слѣд. отступали.

302. *Улхуйшилугэлчжитъ*: по Сс. *Ярноръ*, или *Нуминъ*.

303. Это имя одного изъ завѣдывавшихъ столомъ Чингисхана. Вѣроятно, онъ былъ въ плѣну у *Ванъ ханя*.

304. *Ли ляо та ци цзы*: можно перевести также: оставивъ жену. т. е. оставивъ ее у *Кэрѣитовъ*.

305. *Жаль смотрѣть*: *Ванъ ханъ* говоритъ съ насмѣшкой.

306. Въ смыслѣ: попытайся ко еще!

307. *Фань чуди*: отошедшій, т. е. отъ *Ванъ ханя*.

308. *Тай цзюй*: собств. значитъ: нести, поддерживать.

309. Вгд. говоритъ о *Тѣргѣ*, *Амѣ*, и другихъ родахъ племени *Хунгира*.

310. Сс. говоритъ: «*Унгира* были родственны Чингисхану по его супругѣ; могъ ли онъ воевать на нихъ? Но они прежде пристали къ Чжамухѣ и сражались противъ Чингисхана; за то онъ и заставилъ ихъ покориться.»

311. *Передать* на словахъ; какъ было въ обычаѣ у Монголовъ, не знавшихъ письменности. Китайскіе писатели удивляются точности, съ какою Монголы передавали рѣчи другихъ «по пальцамъ».

312. *Шень гуай*: съ гнѣвомъ попрекать.

313. *Цзя ѣ*: т. е. людей, имущество и скотъ.

314. Это было на р. *Толѣ*, гдѣ должна находиться и гора *Хулашнэу*.

315. *Представилъ дочь свою*: чтобы дойти. чрезъ владѣнія *Мѣркитъ*, до *Ѣсугая*. Вгд. неправильно понимаетъ: «просилъ *Тохтоа* передать твою просьбу.»

316. Т. е. черныхъ *Кита*; Харакита.

317. Въ то время Чингисъ не былъ богатъ.

318. Срав. разсказъ Цчл. о рѣчи посланцевъ Чингисхана.

319. *Цинъ чжунъ*: *цинъ* собств. значитъ зеленый и темный цвѣтъ.

320. Это указаніе намекаетъ на то что, Чингисханъ, въ молодости своей жилъ у *Ванъ ханя*.

321. *Фэй дэ шао*: много будетъ убыли; въ смыслѣ вопросительномъ. Вѣроятно, эти слова Чингисхана къ *Чжамухѣ* иносказательны; не предоставляетъ ли онъ *Чжамухѣ* одному пользоваться расположеніемъ *Ванъ ханя*?

322. *Нѣкунъ тайцзы* былъ старшій братъ *Ѣсугая*; слѣд. сынъ его, *Хучаръ* имѣлъ болѣе правъ, чѣмъ Чингисханъ.

323. *Алтанъ* былъ двоюроднымъ дядей Чингисхана; но линія Чингисхана была старшею; поэтому *Алтанъ*, собственно, не имѣлъ фамильнаго преимущества передъ Чингисханомъ.

324. *Цзай шанъ бэй*: изъ старшихъ изъ линіи, которая была старше линіи Чингисхана. Слѣдовательно у Монголовъ ханы избираемы были по наслѣдству и по старшинству фамильному; однакожъ ханство было и въ младшей линіи, *Дайчицу*.

325. *Сача* и *Тайчу*: троюродные братья Чингисхана; *Сача*, въ другихъ мѣстахъ, *Сачабѣки*. Всѣ отказались: пугались ли безпорядковъ, или боялись Чингисхана.

326. Выше онъ названъ *Тоориль*

327. Называлъ братомъ, какъ освоившагося домочадца.

328. Вѣроятно, для большей вѣрности въ передачѣ словъ.

329. *Хао ша жень ди лао цзы:* старикомъ, охотникомъ убивать людей.

330. Что такое *шиунъ*, неизвѣстно; выраженіе указываетъ на связь съ *Мэркитами*.

331. Должно быть, пословица. Съ натяжкой можно перевести такъ: «ставилъ меня наравнѣ съ бараньими вихрями и хвостами». Шерсть вихрей и хвостовъ была негодною и ни на что не употреблялась. Въ запискахъ о приключеніяхъ государя изъ дома *Сунъ*, попавшагося въ руки Гиньцевъ, для выраженія крайней степени его униженія, разсказывается, что добрые люди, изъ состраданія, сдѣлали ему тулупъ изъ бараньихъ хвостовъ. Срав. Цчл.

332. Имена вождей *Санкуня*.

333. *Ву ю и ху*: нѣтъ сомнѣнія или, нѣтъ колебанія.

334. Туркестанецъ, *Хассанъ*.

335. Жилъ во владѣніи *Вангутъ* (*Онготъ*) временно, для торговли; такъ, думаю, надобно понимать. Народъ, которымъ владѣлъ *Алахушидигитхури* были *Шата тукюс*, переселившіеся сюда съ запада. Одинъ изъ князей ихъ, во времена династіи *Танъ*, за услуги въ усмиреніи мятежей въ Китаѣ, пожалованъ отъ царствовавшаго дома, его фамиліею, *Ли*, какъ и Тангутскій владѣтель, и по праву такого сродства, послѣ паденія дома *Танъ*, возвелъ себя на степень императора и продолжилъ, въ сѣверномъ Китаѣ, династію *Танъ*, подъ именемъ *Хоу танъ*, т. е. послѣдующій *Танъ*; впрочемъ царствованія *Хоу танъ* было кратковременно (см. *Вудайши* и *Танъ шу*). *Алахушидигитхури* производилъ свой родъ отъ царствующей линіи *Хоу танъ*. Юш. говоритъ (Цз. 118, 10), что онъ съ войскомъ своимъ, сторожилъ самые важные пункты сѣверной границы Гиньцевъ. Юш. замѣчаетъ также, что одинъ изъ *Юнъ гу* (*Ванъ гу*), по имени *Дагунъ*, былъ у Гиньцевъ смотрителемъ табуновъ, съ которыми и поддался Чингисхану (цз. 121, 9).

336. По исторіи, онъ остался на службѣ у Чингисхана.

337. Такимъ образомъ, замѣчаетъ Сс., Чингисханъ не пилъ, съ своими сподвижниками, мутной воды *Балчжуна*. Сс. называетъ этотъ разсказъ исторіи ложнымъ и старается опровергнуть его. Исторія говоритъ, что съ Чингисханомъ пили воду девятнадцать человѣкъ; Сс. отыскалъ имена четырнадцати изъ нихъ, упоминаемыя въ сказаніяхъ. Онъ допускаетъ только, впрочемъ не безъ оговорокъ, разсказъ въ біографіи *Чжабаръ-Хочжэ* (Цз. 120, 6 и 7): «Чингисъ бѣжалъ отъ *Ванъ ханя*, по прибытіи къ рѣки *Баньчжани*, провіантъ у него вышелъ; случилось, что съ сѣвера прибѣжала дикая лошадь; *Хасаръ* подстрѣлилъ ее; изъ кожи ея сдѣлали котелъ, камнемъ достали огня, изъ рѣки воды, сварили мясо лошади и ѣли его Чингисханъ, поднявъ руку къ небу, такъ поклялся: «Если я кончу великое дѣло,

то буду раздѣлять съ ними (сподвижниками) сладкое и горькое: если нарушу слова свои, то пусть буду, какъ вода рѣки.» Вожди были тронуты и плакали. Сс. замѣчаетъ справедливо, что Чингисханъ, одержавъ верхъ надъ *Ванъ ханмъ*, не былъ доведенъ до послѣдней крайности. Впрочемъ, это обстоятельство, какъ и многія, другія, принадлежатъ къ особому источнику преданій, разнящемуся отъ Ючмш. «Питье мутной воды», служитъ похвальнымъ титломъ въ жизнеописаніяхъ сподвижниковъ Чингисхана; о немъ упоминаетъ *Хубилай* (см. Бцз.); Сс. приводитъ стихи одного поэта, сочиненные на сей случай: «Нѣкогда были подвижники, воздвигавшіе престолъ; съ великимъ трудомъ пролагали они путь сквозь тернія; клянясь, пили изъ грязной рѣки (воду).» *Балчжуна*, по Сс., есть Кэрулунъ, какъ говорится въ біографіи *Сюсбутая* (цз. 122, 10); тамъ Чингисханъ учредилъ резиденцію, т. е. орду (тамъ-же). Сс. полагаетъ, что она была на сѣверномъ берегу Кэрулуна, отъ *Горциньноръ* на востокъ, въ Чэчэньхановомъ кладѣніи, въ урочищѣ *Чжалакноръ гинь чжабу*; тамъ и нынѣ есть валъ называемый *Баласыкутулмяо* (*мяо*: слово Китайское, означаетъ кумирню). Восточную орду Чингисхана, по моему мнѣнію, надобно искать въ низовьѣ Кэрулуна, на южной сторонѣ его, тамъ гдѣ пребывалъ намѣстникъ Чингисхана, во время его похода на западъ, братъ его *Отчигинъ* (см. путешествіе ***Чанъ чуня***).

338. ***Сачжанъ са*** разсѣевать, сѣять; ***чжанъ*** шатеръ; по старинному обычаю Китайцевъ, это были шатры свадебные; въ нихъ впервые видѣлись женихъ и невѣста; гости бросали на нихъ цвѣты и плоды; отчего эти шатры такъ и названы; впослѣдствіи, этотъ обычай замѣнился разсыпаніемъ хлѣбныхъ зеренъ въ залѣ, что нынѣ также вывелось; *сачжанъ* осталось названіемъ шатровъ праздничныхъ, устроиваемыхъ для пиршествъ; у Монгольскихъ государей устроивались великолѣпные ***сачжанъ*** въ резиденціи ***Шанъду***; въ нихъ помѣщалось нѣсколько тысячъ пирующихъ (см. ***Юанъ ши сю анъ***, гдѣ есть стихи на пиръ въ ***Шира ордо***, съ поясненіемъ).

339. ***Синъ инъ***: фигуры и тѣни; признаки.

340. Этотъ анекдотъ разсказывается и о другихъ лицахъ, нѣсколько иначе (см. Юш. цз. 130 и ***Шунь тянь фу чжи***, въ біографическомъ отдѣлѣ).

341. ***Сорхахтани:*** мать ***Хубилая***; по указаніямъ Юш., она была христіанка

342. ***Винъ хо чжинъ*** :родъ ***Ванъ ханя***, состоявшій изъ ближайшихъ его родичей; т. е. домъ ***Ван ханя*** составилъ особый родъ.

343 При особѣ Чингисхана; т. е. ***Батаю*** и *Кишлиху*. Вгд. неправильно объясняетъ: «сдѣлалъ ихъ главами двухъ родовъ: *Кэрэи* и *Ванъ хо чжинъ*, и постоянными тѣлохранителями.»

344. Т. е. въ собраніяхъ и на пирахъ.

345. Это было однимъ изъ правъ званія ***талаханъ***, пожалованнаго ***Батаю*** и *Кишлиху*.

346. ***Чанъ*** *шень тянь*: вѣчно живущаго, безсмертнаго Неба.

347. Да *вэй цзы*: великаго мѣста, т. е. трона Монгольской имперіи.

348. Сс. выписываетъ, при семъ, слова изъ одного памятника: «*Талахань* значить старѣйшину въ цѣломъ государствѣ. Государь (Чингисханъ) сказалъ приближеннымъ: «Тѣ (враги), не вѣдая воли неба, хотѣли погубить меня; этотъ человѣкъ (*Кишлихъ*), извѣстившій меня, почти тоже, что посланецъ самого неба; я обѣщался даровать ему свободу и *талахань*. По сему пожаловалъ ему царскій шатеръ, посуду и музыку при угощеніи, какъ фамильному князю.»

349. Это граница *Найманей*; должно быть рѣка служила межею.

350. Ч*уалъ*: объ этомъ будетъ упомянуто послѣ: онъ долженъ быть на пути отъ *Кэрьитовъ*, или *Найманей* къ *Сися*. Срав. Цчл.

351. Это выраженіе означаетъ безстыдство.

352. Т. е. «Но я все таки прошу тебя.»

353. Вгд.: «Отдалъ ее одному изъ офицеровъ.»

354. О дальнѣйшей судьбѣ *Санъ куня* есть разныя сказанія. Срав. Цчл. и *Сися шуши*, цз. 38, 6; тамъ неправильно отнесено это событіе къ 1178 г. Есть сказаніе, что *Сань кунь* былъ принятъ въ *Сися*, и что за то Чингисханъ и воевалъ на это владѣніе. *Сися*, какъ видно, служило убѣжищемъ для *Дада*, во время невзгоды.

355. Чтобы привлечь и утѣшить душу *Ванъ ханя*; таково религіозное значеніе музыки у восточныхъ язычниковъ.

356. Это похвала *Гурбьсу*. Т*аянъ* ставится ниже женщины.

357. Говоритъ съ презрѣніемъ. Онъ отдѣляетъ себя отъ Да*да*.

358. *Тунъ цзянь*: полагаю, что здѣсь ошибочно переставлены слова; надобно бы *цзянь тунъ*: колчанъ; мысль будетъ такая: напугали и прогнали *Ванъ ханя*, показавъ свои колчаны и не испытавъ боя.

359. *Жи юе* солнце и луна; плеонасмъ.

360. У Китайцевъ есть подобное выраженіе.

Тянь ву эрръ жи,
Минъ ву эрръ ванъ.

«На небѣ нѣтъ двухъ солнцевъ; у народа нѣтъ двухъ владыкъ.»

361. *Дай ци сы*: дурное дыханіе и запахъ.

362. *Отчигинь Тьмугэ*, братъ Чингисхана.

363. *Пайцзы тоу*: слово перешедшее отъ Китайцевъ и, кажется, такъ и оставшееся на Монгольскомъ языкѣ *пайцзы*: жеребеекъ, или дощечка; *тоу* голова, старшина; названіе десятниковъ.

364. Ч*жэрби*: значеніе не объясняется; повидимому, они управляли хозяйствомъ въ ордѣ, или служителями и домашними.

365. *Су вэй ди*: ночные тѣлохранители, охранявшіе ставку ночью.

366. *Сань бань*: названіе Китайское, которое трудно передать кратко; *Сань*: разсѣянно, для разныхъ вазначеній; *бань*: компанія, отдѣлъ, очередь. Это были тоже тѣлохранители, занимавшіеся разными дѣлами въ ордѣ.

367. Х*увэй*: охранные; общее наименованіе гвардіи, какъ *Сувэй*, такъ и С*аньбань*.

368. *Бай шень*: бѣлотѣлые; по смыслу Китайскаго выраженія люди не занимающіе никакихъ должностей, не изъ благородныхъ; здѣсь не должно понимать въ смыслѣ фразы Монгольской, по которой слово бѣлый имѣло бы значеніе благородныхъ, какъ напримѣръ названіе *бѣлокостныхъ* присвоено дворянамъ, въ противоположность *чернокостнымъ*, не дворянамъ.

369. *Дайгунъ цзянь ди*: носящіе луки и стрѣлы; вѣроятно, особый отъ стражи, или гвардіи, отрядъ.

370. *Чу цзы*: повара; распоряжавшіеся угощеніемъ хозяевъ и гостей внутри ставки.

371. *Фанъ цзы*: помѣщеніе, жилье, комната; такъ, въ текстѣ, принято называть вообще юрты.

372. Выше, дневные дверники названы *Бамынъди;* они вѣроятно отворяли дверь юрты Чингисхана; здѣсь дверники названы *Шоу мынъ ди:* хранящіе дверь.

373. *Тай танъ ши*: выраженіе, указывающее на Китайскій обычай утромъ отирать лице теплой и горячей водой; это значитъ: когда Чингисханъ встанетъ съ постели.

374. Въ годъ 1204.

375. *Цзи ляо ци ду:* жертвоприношеніе знамени; обычай, общій съ Китайцами; есть особая молитва на сей случай, которую обязанъ читать главнокомандующій.

376. *Ибинъ*: войска сомнѣнія; стратагема состоитъ въ томъ, чтобы показывать присутствіе войскъ тамъ, гдѣ, на самомъ дѣлѣ, ихъ нѣтъ, или показывать въ большемъ числѣ, чѣмъ сколько ихъ есть.

377. По Вгд. «не выйдетъ», т. е. изъ своего стана на сраженіе.

378. *Канхай:* названіе извѣстнаго хребта горъ въ западной части Монголіи.

379. *Цзинь шань;* Алтай, гдѣ пребывали *Найманы.*

380. *На фу жень:* та женщина! Китайская фраза.

381. *Бэнъ и чу:* мѣсто перемѣны платья; такъ изъ приличія Китайцы называютъ отхожее мѣсто.

382. Сравненіе съ женщиной болѣе оскорбило *Таяна,* чѣмъ сравненіе съ теленкомъ.

383. *Кэси... лао цзы:* жаль старика...

384. *Ци юнь:* Китайская фраза; собственно значитъ движеніе эѳира; судьба.

385. *Ударилъ по колчану:* воинскій пріемъ.

386. *Уѣхалъ особь:* покинулъ службу *Таяну.*

387. *Тамиръ,* рѣка соединяющаяся, съ запада, съ *Орхономъ.*

388. *Орхо: Орхонъ,* рѣка, впадающая въ Селенгу.

389. *Цунъ ма*: можетъ быть, аріергардъ; *ма,* кони; въ военномъ смыслѣ, означаетъ войско.

390. «Убоявшись», прибавляетъ Вгд.

391. *По горѣ*: вар. Вгд.: у горы.

392. *Ся дэнъ*: низшаго разряда; низкихъ, подлыхъ; **Таянъ** этимъ, какъ будто оправдываетъ свое отступленіе на гору.

393. Всѣхъ имѣющихъ, или носящихъ, копья и мечи; ратниковъ.

394 **Анхуа,** какъ ниже *Коибуръ,* неизвѣстно, что за баснословныя стрѣлы.

395. **Да гунъ;** *сяо* **гунъ**: большой и малый лукъ; сила луковъ измѣряется по упругости ихъ.

396. Вгд. ошибается, полагая, что **Чжамуха** пришелъ къ Чингисхану.

397. **Ши юй** *цюнъ цзу*: сила его доведена была до крайности. Не говорится, куда онъ скрылся. Юш. (цз. 121, 21), говоритъ, что у **Кучлука** былъ сынъ, по имени **Чанъ унъ,** который бѣжалъ къ (Хара) Киданямъ и тамъ померъ; жена его, изъ рода **Канъ ли,** вмѣстѣ съ сыномъ своимъ *Чао сы,* поддалась Чингисхану.

398. **Суй на ляо**: принялъ; поялъ, включивъ въ свой гаремъ. Весь разсказъ о войнѣ съ **Найманями** имѣетъ видъ народнаго преданія и изукрашенъ кистію автора,

399. **Луанъ ляо:** возмутятъ; обезчестятъ.

400. **Вэнъ ляо**: спрашивать; пытать.

401. **Хао минъ та**: приказъ ему! Означаетъ судить короткимъ, военнымъ судомъ; казнить.

402. Въ подлинникѣ: Coeli voluntate a parentibus nata epiderma tota conservata est; interroga potius epidermam.

403. **Мэй нюй,** *хао* **ма**: красавицъ и добрыхъ коней; жизнеописатель не скрываетъ этой слабости Чингисхана, впрочемъ общей въ Монголіи. Между тѣмъ ему же историки приписываютъ такую поговорку: «Красоту и знатныхъ коней всѣ любятъ; но коль скоро сердце будетъ привязано къ нимъ, то легко погубить имя, и потерять достоинства. Юш. цз. 31, 5.

404. **Хуланъ** была ханьшею второй орды.

405. По имени **Долъгэнъ.** Цдс.

406. У **самыхъ истоковъ** *Эрдыши-бухдурма*: можетъ быть у истоковъ нынѣшней р. **Бухтармы;** не считалась ли она также верховьемъ Иртыша? Далѣе говорится объ одномъ Иртышѣ.

407. **Вэйу харлу,** или **Уйу-харлу**: поставлено за одно имя; можетъ быть племя **Харлу** имѣло сродство съ Уйгурами.

408. Значитъ, харакитайскій **Гурханъ** дѣйствительно имѣлъ резиденцію на р. **Чуй. Гучулукъ** по этому разсказу, соединился съ нимъ, а не овладѣлъ его престоломъ.

409. Объ этихъ владѣніяхъ еще будетъ упомянуто.

410. **Лао инъ**: старый, или главный лагерь, становище; послѣ говорится, что онъ возвращался въ становище на берегу р. **Толы,** можетъ быть тамъ, гдѣ кочевалъ **Ванъ ханъ.**

411. Въ отсутствіи Чингисхана.

412. **Цзя жень**: домашними людьми.

413. Въ годъ 1205.

414. *Фаянъ юй*: съ рѣчами; презорливо.

415. *Танъ лу*: у Вгд. *шанъ танъ лу;* можетъ быть, нынѣшнія горы *Танъ ну*.

416. *Юань янъ*: особый родъ дикихъ барановъ, со вьющимися рогами; вѣсомъ бываютъ до семи пудовъ. См. *Хоу чу сайлу.* стр. 15.

417. *Чжамуха* выражаетъ печаль о томъ, что онъ, бывшій главою рода, доведенъ до крайности.

418. Почему они воспользовались этимъ случаемъ, неизвѣстно. Вгд. разсказываетъ иначе: «Однажды пять человѣкъ сварили его (т. е. *Чжамухи)* большерогаго барана; *Чжамуха* заспорилъ; тогда они, связавъ его, выдали Чингисхану». Но текстъ не допускаетъ такого смысла.

419. *Би бу цо ляо*: непремѣнно не ошибешься.

420. Не разумѣетъ ли *Чжамуха* вождей Чингисхана?

421. *Шо чанъ хуа:* говоритъ длинныя рѣчи.

422. *Бу чу сюе:* не выпуская крови, въ которой заключается душа.

423. Т. е. тогда душа сохранитъ свою цѣлость и будетъ геніемъ хранителемъ твоихъ потомковъ.

424. *Кэ сіо ди жень:* человѣкъ, который способенъ научиться.

425. *Чжань бу, бу жу: чжань бу,* гадать, прилагается къ гаданіямъ посредствомъ накалыванія спины черепахи (въ древности) у китайцевъ, и жженіемъ, или нажженіемъ кости у Монголовъ. *Бу жу*: не выходитъ; гаданіе не удается, не позволяетъ задуманнаго предпріятія,

426. Чингисханъ, наконецъ, нашелъ предлогъ. Вѣрно эти понятія справедливости были священны у Монголовъ.

427. *Ты*: посланный, который ходилъ къ Чжамухѣ.

428. *Тэди моу фань*: возсталъ, возмутился; говорится только о возмутившихся подданныхъ.

429. Вгд. прибавляетъ: «и взялъ себѣ родъ *Чжадаминь* (*Чжамухи*) *Алтань* и *Хучаръ* тоже убиты».

430. Въ годъ 1206.

431. *Цзю цзяо бо маоду*: девятиножное бѣлое висящее знамя; *Цзяо*, нога, какъ числительное существительное, можетъ быть прилагаемо только къ древкамъ; но въ *Бэй мынъ хой бянь* есть примѣръ употребленія этого слова въ смыслѣ колѣнца на знамени, по Китайскому обычаю; *Мао*: кисть висящая на знамени или хвость лошади и яка. Вгд. также перелагаеть: *цзю цзъ*, о девяти колѣнцахъ, равносильно *цзю лю*, о девяти кистяхъ, или хвостахъ, висящихъ, одинъ за другимъ, сверху внизъ. Юш. разсказываетъ, что Чингисханъ пожаловалъ *Мухуали* императорское большое знамя о девяти *лю,* и приказалъ вождямъ повиноваться *Мухуали*, какъ самому Императору, когда онъ поднимаетъ пожалованное знамя (цз. 119, 4). Бѣлый цвѣтъ, какъ извѣстно, уважаемъ былъ Монголами. Девятичное число было знакомъ высшаго достоинства. Это знамя напоминаетъ *я*, которое становилось въ ордахъ хановъ *Хюнну* и *Тукюе*.

432. *Цзо Хуанъ ди*; собственно, сдѣлалъ себя царемъ. Не видно, чтобы при этомъ происходили особенныя церемоніи. Въ первый разъ, Чингисханъ провозглашенъ былъ родовымъ главою; теперь самъ показалъ себя главою всей степной Монархіи.

433. *Го ванъ*: названіе Китайское; какъ должно быть въ Монгольскомъ текстѣ, неизвѣстно. *Го ванъ* есть владѣтельный князь; вѣроятно, имѣлось въ виду вассальное владѣніе Китаемъ.

434. *Чжэнъ чжи*: управилъ, привелъ въ порядокъ; въ такстѣ эта фраза не отдѣляется отъ предыдущей, такъ, что она имѣетъ отношеніе къ *Чжэби* думаю, что это ошибка.

435. Статья о награжденіяхъ, или повышеніяхъ воинскихъ, сокращена противъ Монголо-китайскаго текста, въ которомъ прописаны всѣ имена награжденныхъ Вгд. сдѣлалъ выписку этихъ именъ, но, кажется также не полную. Изъ этой выписки оказывается, что подъ именемъ тысячниковъ разумѣются также двухтысячники, трехтысячники и пятитысячники. Не приводя здѣсь всей выписки, упомяну только о свойственникахъ, или сватахъ Чингисхана. Пожалованъ двухтысячникомъ рода *Икильсы*, *Буту гулыгянь*; трехтысячниками (кромѣ другихъ, не зятьевъ), рода *Унгира*: *Бухэгулъ гянь*, *Хулинъ аши гулыгянь, Хэдай гулыгянь, Чигу гулыгянь* и *Ачи гулыгянь*; пятитысячникомъ, рода *Ванъ гу*, *Алахушидигитхури гулыгянь*. *Гулыгянь* должно означать, или зятя (*фума*), или свата (*гоцзю*, правильнѣе *гоцю*, такъ назывались *Унгира*); это слово довольно близко къ слову *Гурханъ*. Вангутскій владѣтель рано названъ зятемъ; онъ породнился съ Чингисханомъ, по Юшмш., позже.

436. *Цзю цы фань цзуй*: не взыскивать, не наказывать за девятикратное преступленіе. У Вгд. *мянь цзю сы*: избавить отъ девяти смертей, т. е. девять разъ отъ смертной казни. По Юш. разумѣется также прощеніе потомкамъ девяти смертныхъ наказаній (цз. 138, [15]).

437. *Цзо эрръ му*: ушами и очами; по смыслу Китайской фразы, это названіе прилагается совѣтникамъ государя, въ особенности государственнымъ цензорамъ и прокурорамъ.

438. Вѣроятно, въ смыслѣ: какъ ты присудишь.

439. *Дао*, *цзэ*, *чжа*, *вэй*. принятая въ судебномъ кодексѣ фраза: воровство и грабительство, обманы и подлоги.

440. Всѣ эти обязанности, въ-послѣдствіи лежали на Великомъ Судьѣ, *Ѣкэ чжархучи*.

441. *Цинъ цэ*: темныя дщицы; вообще записи, какъ на прим. *ху коу цинъ цэ*, записи о жителяхъ; иногда жалованныя государемъ грамоты. Впрочемъ, у Монголовъ дѣйствительно ведутся и нынѣ деревянныя таблицы, или записныя книжки; онѣ состоятъ изъ дощечекъ, пропитанныхъ коровьимъ масломъ и натертыхъ золою аргала; сшиты, или скрѣплены ремнемъ; на дощечкахъ пишутъ тростинкой, или желѣзнымъ грифелемъ; буквы выходятъ черныя и долго сохраняются; эти книжки называются *самбаръ*. Можетъ быть на подобныя книжки указываетъ выраженіе од-

нихъ старинныхъ стиховъ: «Монголы разсѣкая дщицы, писали (на нихъ) исторію».

442. *Ту чэнъ*: земляной валъ, или валы; что былъ за народъ, жившій въ окопахъ и вѣроятно осѣдло, и гдѣ, неизвѣстно. Всѣ родные братья Чингисхана получили удѣлы на востокѣ Монголіи; пріемные братья его не имѣли удѣловъ; *Шигихутуху* отказался отъ удѣла; онъ могъ жительствовать, или гдѣ либо на С. В., можетъ быть въ Нерчинскомъ краю, гдѣ, какъ разсказываютъ, и нынѣ существуютъ земляные валы; или въ странѣ *Мѣркитовъ*, объ осѣдлости которыхъ есть указаніе въ другихъ сказаніяхъ (ср. Цчл.).

443. Вѣроятно, поговорка.

444. *Цзай цзю шанъ цзо*: на углу, на краю; можетъ быть въ началѣ одного изъ рядовъ сидящихъ въ обществѣ; съ него начинался особый рядъ.

445. *Ю и ци*: духъ справедливости; разумѣется вѣрность и преданность законному господину или государю.

446. Въ Юш. это разсказывается о двухъ лицахъ: *Бöорчу* и *Мухали*. «Чингисханъ однажды проигралъ сраженіе; случился большой снѣгъ; потеряли дорогу къ ставкѣ и ночевали на травянистомъ болотѣ; *Мухали и Борчжу*, растянувъ войлокъ, стояли въ снѣгу и прикрывали Чингисхана; до самаго разсвѣта, они оставались неподвижно на одномъ мѣстѣ (цз. 119, 1).

447. *Цзо вань ху гуань чжо*: «въ качествѣ темника, управляй». Несомнѣнно, что темникъ управлялъ, а не владѣлъ.

448. Это одно изъ трудныхъ мѣстъ текста Ючмш.; Вгд. упростилъ переводъ такъ: «Небо объявило тебѣ слова; нынѣ, воспоминая слова, сказанныя отцемъ твоимъ *Гуунь хуа»*, и проч.; но это изложеніе не точно. Общій смыслъ долженъ быть тотъ, что Небо объявило *Мухали* о возвышеніи Чингисхана, что теперь и сбылось; въ то время, отецъ *Мухали*, вѣроятно, говорилъ своему сыну, что и онъ долженъ сдѣлаться княземъ; или припоминаются слова *Гууньхуа*, когда онъ представлялъ своего сына Чингисхану. Юш. разсказываетъ, что отецъ *Мухали* оказалъ важныя услуги Чингисхану, и что Чингисханъ, въ 1217 (?) году, въ 8-й лунѣ, пожаловалъ *Мухали* санъ *Тайши гована* и сдѣлалъ его намѣстникомъ своимъ для покоренія Китая; далъ ему клятвенную грамоту и золотую печать, сказавъ: пусть потомки его непрерывно наслѣдуютъ это званіе *гованъ* (цз. 119).

449. *Линь му нэй бо синъ*: народъ въ лѣсахъ; это общее наименованіе лѣсныхъ жителей, которые назывались *Урянха*.

450. *Чжэнь шоу*: принятое въ исторіи выраженіе: хранить внѣшнюю страну, или владѣніе.

451. *Тянь мынь юй мынь ху: тянь мынь*—небесныя ворота, лагерный входъ къ ставкѣ Хана; *Мынь ху*—двери, входы въ другіе отряды.

452. Вгд. «*Найманъ* и *Мѣрки* покорившись, снова возмутились; ты опять усмирилъ ихъ».

453. Объ этомъ обстоятельствѣ есть сбивчивое указаніе въ Юш. (біографія *Чжучитая*): «*Найманъ Мѣркитай,* соединивъ войска, напали; другіе роды тай-

но присоединились къ нимъ. Чингисханъ внезапно напалъ на нихъ и разбилъ. *Чжучитай* полонилъ главу (?) ихъ, *Чжахаганьбу*, и двухъ дочерей его; съ нимъ заключили союзъ и отпустили его. Вскорѣ, *Наймани* (?) опять возстали; *Чжучитай* хитростію заманилъ *Чжаханьбу* и убилъ его; послѣ чего, владѣніе сіе усмирено».

454. *Ибаха* дочь *Чжахаганьбу*. По объясненію Сс., Чжингисханъ удалилъ ее отъ себя, за возмущеніе отца ея.

455. Т. е., по обычаю монгольскому, каждый государь изъ главной линіи дома Чингисханова долженъ былъ имѣть супругу изъ фамиліи *Ибахи* или *Кэрѣитъ*. Вгд. несправедливо объясняетъ слова Чингисхана такъ: «Смотрѣть на ея потомковъ, какъ на моихъ». Впрочемъ, по вступленіи Монголовъ въ Китай, правило родства съ извѣстными фамиліями не строго соблюдалось.

456. ***Четыре витязя:*** они извѣстны въ исторіи подъ именемъ четырехъ ***Кюй люй***. Потомки ихъ, въ Китаѣ, управляли по очереди дворцовою стражею и назывались ***Кѣсь;*** каждый дежурилъ по три дня; званіе это было такъ важно, что многіе акты и повелѣнія монгольскихъ государей, кромѣ года, мѣсяца и дня носили также имя череднаго ***Кѣсь***. Фамиліи ихъ составляли сильную аристократію въ Пекинѣ.

457 Такимъ образомъ, было десять, или, за исключеніемъ умершаго ***Хуилдара***, девять главныхъ вождей у Чингисхана. Срав. Исторію Сибири Миллера, стр. 4, гдѣ перечисляются ***девять знатнѣйшихъ служителей Чингисхана***.

458. Вар. Вгд.: ***Чанъ ши у***.

459. Подразумѣвается: на пирахъ въ открытомъ полѣ.

460. ***Да цзю цзюй***: она, кажется, была подлѣ дверей. Срав. Руисбрука.

461. ***Вышелъ***: не было ли двухъ дверей въ юртѣ? или, быть можетъ, ***Харгилъ*** сидѣлъ за половинкою двери, внутри юрты.

462. ***Нюй цзы мэй ханъ шанъ цза: шанъ цза:*** понагражу. Вѣроятно, въ тоническомъ текстѣ Ючмш. эти награды исчисляются, а здѣсь опущены. Вгд. перифразируетъ: потомъ повелѣлъ женщинамъ, оказавшимъ услуги, получить награды.

463. ***Да да ти ли***: можетъ быть, ***яса*** или ***чжаса***: повелѣнія распоряженія. См. примѣч. 576.

464. ***Бѣки гуанъ***: чинъ, или санъ ***бѣки***. Это почетное званіе было извѣстно задолго до Чингисхана и не у однихъ Монголовъ. *Бэй мынъ хой бянь* доставляетъ нѣсколько свѣдѣній по сему предмету. Авторъ его приводитъ сказаніе записокъ *Шенъ ли цзи*, что правнукъ родоначальника Чжурчжитскаго племени и одинъ изъ предковъ *Угуды (Агуды)*, по имени *Суйко*, былъ знаменитымъ преобразователемъ своего народа и потому назвался *Бэкинь* (цз. 18). *Бэкинь* значило у нихъ *гуань жэнь*, т. е. благородный, дворянинь (цз. 20). Оно прилагалось ко многимъ лицамъ, которые упоминаются въ разсказѣ *Бэй мынъ хой бянь*, какъ у Монголовъ *бѣки*. Въ XII вѣкѣ является, кромѣ *бэкинь*, названіе *бэгилнь*, которое означало *да гуань жэнь*: великаго благороднаго, и, кажется усвоено было только членамъ царствующаго дома, тогда какъ *бэкинь* осталось титуломъ простыхъ благородныхъ. Проис-

хожденіе слова *бэкинъ* и *бэки*, думаю, надобно искать въ Китаѣ, именно, въ словѣ *бо*, одномъ изъ наслѣдственныхъ почетныхъ титуловъ; нѣкогда, оно было важнѣе чѣмъ нынѣ и означало вообще, старѣйшину, или главу въ обществахъ; такъ глава сейма въ удѣльныя времена Китая, носилъ названіе *бо*, Видоизмѣненіе формы сего слова въ другихъ націяхъ зависѣло конечно отъ свойства языка каждой изъ нихъ; можетъ быть и значеніе его, въ приложеніи къ лицамъ, нѣсколько было измѣнено, сообразно народнымъ обычаямъ, но значеніе старѣйшинства оставалось неизмѣннымъ. Въ Юш. пишется неточно, *бѣги*; *бѣги* по Ючмш. прилагается только къ именамъ царевенъ.

465. Старшій въ родѣ имѣлъ право на званіе *бѣки*; не въ этомъ ли смыслѣ образовалось слово *Бѣк-аулъ?*

466. ***На бѣлой лошади***: бѣлый цвѣтъ, вообще, былъ уважаемъ Монголами, какъ и другими сѣверными племенами. Бѣлая лошадь приносима была въ жертву Небу. Молоко отъ бѣлой кобылицы имѣли право употреблять только члены ханскаго дома.

467. ***Бѣлое платье***: въ-послѣдствіи, придворные шаманы, во время дѣйствій своихъ, также носили бѣлое платье, какъ было и при Киданяхъ. Надобно думать, что парадное, или праздничное платье Монголовъ, жалуемое отъ государей и называвшееся ***чжи сунь*** (въ переводѣ ***и сэ***: одноцвѣтное, и ***сучи***: простое, безъ узоровъ), было также бѣлаго цвѣта. Оно было иногда горностаевое. См. въ Юш., въ отдѣленіи народныхъ обычаевъ; въ ***Юаншьи сюань,*** въ примѣчаніяхъ. Постановленіе ***Огэдая*** объ этомъ платьѣ для женщинъ, неправильно переведено въ «Исторіи четырехъ хановъ».

468. ***Хао нянь юе***: вообще доброе, и счастливое время, вѣроятно для предпріятій и начинаній.

469. ***И лунь ляо***: т. е. по твоемъ разсужденіи; какъ ты присудишь и порѣшишь, относительно начинаній.

470. Т. е. твое рѣшеніе. Такъ я понимаю всю эту, довольно неопредѣленную фразу. Можно, съ натяжкой, перевести ее и такъ: «выбери счастливое время, и, по (общемъ) совѣщаніи я заставлю чтить и уважать тебя».

471. ***Чжунъ изюнь вань ху***: вѣроятно управленіе среднею ратью было не такъ важно, какъ другими; иначе награда слишкомъ превышала бы заслуги ***Ная***.

472. Но обоихъ, въ это премя, не было при Чингисханѣ; можетъ быть, они произведены въ тысячники предъ отправленіемъ ихъ въ походъ, или надобно предположить, что разсказываемое здѣсь было далеко послѣ 1206 года.

473. ***Ди***: младшаго брата, или вообще родича.

474. ***Юань динъ ли***: собственно постановленія начинающіяся, а не прежнія, давнія, какъ можетъ также означать слово ***юань***. Это фраза употребляется въ актахъ.

475. Фраза неопредѣленная; разумѣніе ея зависитъ отъ значенія, которое надобно давать исключающему выраженію *чу... вай*; оно значитъ, и **кромѣ** или **сверхъ**

и *не принимая въ счетъ*. Въ первомъ случаѣ, будетъ значить: снабжать не только собственнымъ имуществомъ и имуществомъ пріобрѣтеннымъ, но (въ случаѣ недостатка?) также по установляемому правилу (неизвѣстнаго значенія). Въ другомъ случаѣ, значитъ: снабжать, не принимая въ счетъ того и другаго имущества; какимъ же имуществомъ, неизвѣстно.

476. ***Чжи и цянь ли***: только по прежнему постановленію; новая двусмысленность; слово *прежній* означаетъ и предшествующее по тексту, т. е. постановленное для тысячниковъ, и прежнее, или старинное; впрочемъ, въ семъ-послѣднемъ случаѣ, должно бы быть употреблено слово *цзю*, старый. Соображая сущность дѣла, темно изложеннаго въ Китайскомъ переводѣ, можно думать, что постановленія эти касаются тысячниковъ, сотниковъ и десятниковъ, поставлявшихъ людей на службу, въ томъ что освобождаютъ ихъ отъ снаряженія рекрутовъ, которое должно лежать на подчиненныхъ имъ.

477. *400*: число, составившееся послѣ покоренія ***Кэрьитовъ***.

478. Говорится о прежнемъ распредѣленіи.

479. ***Цинь жень***: ближній; собственно родственникъ по женской линіи; сватъ.

480. Т. е. 1000 храбрыхъ Архайхасара.

481. ***Су вэй***: ночная стража. Должно бы сказать: ***ху вэй***, вообще, охранная стража; гвардія.

482. 1000 стрѣлковъ и 1000 ночной стражи; можетъ быть и ночная стража состояла изъ стрѣлковъ.

483. ***Да чжунъ цзюнь***: ханскій корпусъ; въ сраженіяхъ, онъ рѣшалъ битву.

484. ***Внѣшнихъ***: не гвардейскихъ; принадлежавшихъ темникамъ и вѣроятно удѣльнымъ князьямъ.

485. Относится къ старой стражѣ.

486. ***фу шень***: духи, дарующіе счастье.

487. ***Внутренніе***: принадлежащіе дому Чингисхана.

488. Те. е. когда самъ Чингисханъ не идетъ на войну.

489. ***Воевать на родъ Харлуутъ***: за что, не говорится. Объ этомъ владѣніи, какъ и о другихъ, отдаленныхъ, отъ Монголіи, мало свѣдѣній, въ Китайскихъ источникахъ.

490. По выпискѣ Сс. изъ памятника одному магометанину въ Китаѣ, ***Арсланъ*** представлялся Чингисхану на р. ***Лунъ гюй*** (Кэрулунъ) въ 1211 году По Юш., когда Чингисханъ взялъ сѣверозападныя страны, ***Арсланъ***, со всѣми своими подданными, покорился; онъ пожалованъ былъ владѣтельнымъ княземъ (***цзюнь ванъ***) и ему поручено было управленіе его родомъ (см. ***Шунь изунъ цзи***). Въ цз. 133, 3, упоминается о ***Хятармили,*** рода ***Халалу***, который. съ 3000 ***Халалу,*** находившихся во владѣніи ***Осыгянь*** (***Узкендъ***), поддался Чингисхану и представилъ ему множество коровъ и овецъ. Это было, очевидно, во время похода Чингисхана въ Туркестанъ О сродствѣ Чингисханова дома съ домомъ ***Арсыланъ*** упоминается въ Юш., въ ***Гунъ чжу бяо***, или таблицѣ Монгольскихъ царевенъ. На рукописной картѣ

1331 года, ***Харлуутъ*** подъ именемъ ***Кэрлуъ*** показаны въ границахъ Джагатайскаго владѣнія, на сѣверовостокъ отъ города ***Алмалэкъ***, стоявшаго на рѣкѣ ***Или.***

491. Темное и сбивчивое сказаніе объ этомъ преслѣдованіи приводится въ Юш., въ двухъ біографіяхъ ***Субъэтая***: «Сильные ***Мъмиги*** (***Мъркиты***) не покорялись; Чингисханъ, въ 1216 (?) году, находясь въ Черномъ Лѣсѣ р ***Туула***, послалъ на нихъ ***Субутая***; напередъ отправился ***Амичу***, со ста человѣками, притворясь бѣгущимъ. Въ 1219 (?) году, армія (Монгольская) пришла къ рѣкѣ ***Чжань*** (Чуй?) и разбила ***Мъмиги***; два вождя ихъ полонены; глава ихъ, ***Ходу***, бѣжалъ въ ***Киньча*** (Кипчакъ). ***Субутай*** преслѣдовалъ и разбилъ ***Киньча*** въ ***Юйгу***.» Цз. 121, 1—4. Такъ говоритъ первая біографія; другая, какъ варіантъ, гласитъ: «Въ 1216 году ***Сюъбутай*** (все тотъ же ***Субъэтай***), разбилъ ***Мъмиги*** у рѣки ***Чжань*** и преслѣдовалъ главу ихъ ***Юйгу*** (?). Цз. 122, 10—11.

492. Юш. относитъ это событіе ко времени похода Чингисхана на западъ: «***Хэсымайли*** (***Измаилъ***), человѣкъ западныхъ странъ, изъ ***Гуцзэ ордо***, былъ приближеннымъ ***Корханя*** (***Гурхан***) ***Силяо*** (западныхъ Ляо, Харакитайцевъ) и управлялъ зависимыми отъ ***Гуцзэ ордо*** городами ***Кэсань*** и ***Басыха***. Когда Чингисханъ воевалъ на западѣ, ***Хэсымайли***, со старѣйшинами тѣхъ городовъ, вышелъ и поддался. ***Чжэбо*** донесъ о томъ Чингисхану, который велѣлъ быть ***Хэсымайли*** у ***Чжэбо*** въ авангардѣ. ***Хэсымайли*** воевалъ на ***Найманей*** и убилъ главу ихъ ***Кюйчулю*** ***Чжэбо*** послалъ его съ головой ***Кюйчулюй*** обойти владѣніе Найманей; тогда ***Кэшихаръ***, ***Яркянь*** и ***Одуань*** Хотань), одинъ за другимъ сдались.» Цз. 120, 10. Показанія Юш., вообще, трудно соглашать съ разсказомъ Ючмш.

493. Неопредѣленныя указанія о сношеніяхъ Уйгуровъ съ Чингисханомъ находятся въ Юш., цзз. 122, 124, 125, 130, 133 и 134.

494. Въ годъ 1207.

495. Сс. полагаетъ, что дѣло идетъ о народахъ, обитавшихъ по Иртышу, о которыхъ было уже упомянуто. Впрочемъ, названіе лѣсныхъ народовъ есть общее,

496. ***Вань Оира***: десятитысячные ***Оира***; чѣмъ они отличались отъ другихъ ***Оира***, неизвѣстно.

497. Вгд. выписываетъ всѣ: ***Оира***, ***Бумия*** (***Бурия***), ***Бархунь***, ***Урсу***, **Хаханасы**, ***Канхасы*** и ***Туба*** (***Тубасы***). У Сан. Сэц. есть ***Ойрадъ-бурядъ***. Эти племена должны быть упомянуты у Рашидъ-эддина.

498. ***Вань Кэргисы***: десятитысячные Киргизы. Сс., безъ основанія, полагаетъ слово ***Вань*** лишнимъ въ текстѣ. ***Вань*** напоминаетъ ***Онъ***, или ***Онъсомъ***, хана Ногайской породы, коему подвластны были Татары на Турѣ и Тоболѣ, равно Остяки и Вогуличи, и который имѣлъ городъ при устьѣ Ишима въ Иртышъ. См. сказаніе Ремезова, въ Ист. Сиб. Миллера; стр. 30-31. Срав. сказаніе, собранное Годуновымъ (тамъ же, стр. 33), если не относить его къ ***Харлуутъ***. Царевичь Киргисъ Кайсаковъ, по имени ***Тийбуга***, сынъ ***Мамыкъ-хана***, просилъ и получилъ отъ Чингисхана мѣста, лежащія по Иртышу, Тоболу, Ишиму и Турѣ. Въ ***Цзиниши да дянь*** (въ отдѣл объ учрежденіи станцій) упоминается, что отъ ***Оира*** до ***Кэргисы*** было

пять переѣздовъ; по Юш. ***Килигисы*** обитали по Енисею (цз. 128, 17): «Тутуха, двинувшись изъ ***Хэлиня*** (Каракорума), весной дошелъ до рѣки ***Кянь*** (Кемъ); по ней нѣсколько дней шелъ до ***Килигисы*** и овладѣлъ всѣми пятью родами ихъ.» Показанія неодинаковы.

499. ***Цжои*** овладѣлъ ими послѣ Киргизовъ; слѣд. эти народы обитали западнѣе, или на сѣверозападъ отъ Киргизовъ.

500. Вгд. перечисляетъ эти народы: ***Шибиръ, Кэсыдиинъ, Бачи, Тухэсы, Тяньлъ, Тоэлъсы Тасы*** и ***Бачжиги***. Срав. Цчл. Транскрипція Вгд. не можетъ быть вполнѣ точная. Вгд., по ошибкѣ, или согласно тоническому тексту, называетъ ***Шибиръ*** южною; это несомнѣнно Сибирь, положеніе которой, по тексту Ючмш., трудно уяснить; можно догадываться, что ***Шибиръ*** не есть родъ, или племя, а страна; можетъ быть такъ называлась сѣверная окраина Барабинской плоскости, между Обью и Иртышемъ. Въ Юш. (цз 132. 5) упоминается ***Ибиръ шибиръ***, до которой доходили войска Хубилая.

501. По Юш., за сына ***Алахушидигитхури***, именемъ ***Бояохэ***, который слѣдовалъ за Чингисханомъ въ походъ на западъ; выданная за него дочь Чингисхана, называлась ***Алахай бѣки***; она была мудрая и оставалась правительницею дѣлъ во время походовъ Чингисхана, всѣ дѣла ей докладывались (цз. 118, 10). Это подтверждаютъ также ***Мынъ хунъ***, въ ***Мынъ да бэй лань***, и другое указаніе Юш., гдѣ она называется управлявшею государствомъ (цз. 119, 6). Но намѣстникомъ Чингисхана и правителемъ дѣлъ былъ братъ его, ***Отчигинъ***. Она, вѣроятно, управляла дѣлами рода своего мужа, во время его отсутствія, и за смертію ***Алахушидигитхури***.

502. ***Хоритуматъ***: названіе это было разъ упомянуто; гдѣ находилось это владѣніе, неизвѣстно. Ниже будетъ замѣчено, что и оно также принадлежало къ лѣснымъ народамъ; слѣдовательно было смѣжно съ ***Оира***.

503 Надобно сказать: семейству ***Бороула***.

504. Удѣлы братьевъ Чингисхана были на востокѣ Монголіи; удѣлъ ***Отчигиня*** называвшагося ***Тѣмугэ***, былъ по Кэрулуну; озера ***Буюйръ*** и ***Кулунъ*** также принадлежали ему; см. изслѣдованія ***Шень яо,*** въ поясненіи путешествія *Чанъ чуня*.

505. Удѣлы ***Чжочи*** и ***Чаадая*** были на западѣ. Объ удѣлѣ ***Огэдая*** ничего неизвѣстно; вѣроятно, онъ какъ наслѣдникъ Чингисхана, не имѣлъ удѣла.

506. Удѣла у *Талуя*, какъ у князя внутренняго, не было.

507. *Шень яо* не находитъ указаній на удѣлъ Хасаровъ; но въ Юш. (цз. 118, 5—6), разсказывается, что Чингисханъ постановилъ *нунту*, т. е. границею владѣній, или кочевьевъ *Аньчиня* и *Хасара*, урочище *Кульръ ундургинъ*. *Анчинъ* былъ братъ *Бортѣ*, жены Чингисхана; родъ его, *Хунгира*, обиталъ въ нынѣшней области *Жо хэ*; удѣлъ *Хасара,* какъ смѣжный съ кочевьемъ *Хунгира*, былъ, вѣроятно, на С. В. отъ него.

508. Удѣлъ *Алчидая,* иначе *Хачиуня,* былъ, по изысканію *Шень яо*, въ низовьяхъ Онона и на *Хэлунъ цзянъ* (Амурѣ).

509. Удѣлъ *Бѣлгутая* былъ, по словамъ Юш., «въ странѣ *Онань* и *Кѣлу»*; т. е. Онона и Кэрулуна, между этими рѣками, на Ю. З. отъ удѣла *Алчидая*. Кромѣ этихъ удѣловъ, по завоеваніи Китая Монголами, князьямъ и ихъ потомкамъ удѣлены были области и города въ Китаѣ; эти удѣлы въ Китаѣ назывались неизвѣстно почему, *тоуся*—поддавшимися.

510. *Вэй фу ля* : прикомандировалъ; вѣроятно, для управленія улусомъ, или удѣломъ.

511. *Ву*: тотъ, кто имѣетъ сношенія съ духами. Въ древности, въ Китаѣ, такъ назывались дѣвицы-шаманки, чествовавшіе духовъ пляскою (см. ***Чжоу ли*** и ***Чуцы***); въ-послѣдствіи, это имя осталось за шаманами. У Монголовъ были *ву* обоихъ родовъ, мущины и женщины; по Дтбц. первые назывались *бо*, другія *идуань*. У Чжурчжитовъ, еще въ XII вѣкѣ по Р. Х., были шаманки, называвшіяся ***шаньмань*** (***шамань***), См. *Бэй мынь хой бянь*, цз. 3. Нынѣ, у Маньчжуровъ, шаманство называется, по-Китайски, ***тяо шень***, уплясываніемъ духовъ. Шаманство, какъ сношеніе съ духами и чествованіе ихъ пляскою, было третьимъ элементомъ древней религіи восточной Азіи.

512. ***Тѣбтэнгэри***: слово это, по видимому, значитъ: восходящій, или восходившій на небо. У магометанскихъ писателей ***Бютъ тэнгри***.

513. *Шень*: духъ, геній.

514. *И цы цзяо*: разъ царствовать ***Тѣмучжину***, разъ ***Хасару***.

515. Вгд. перелагаетъ: «Небо скоро повелитъ **Хасару** господствовать надъ народами, должно заранѣе погубить его, чтобы прекратить его надежды и замыслы». Несовсѣмъ точно.

516. *Гу жоу*: кости и плоть; кровное родство; это Китайское выраженіе.

517. Китайскій идіотизмъ: испугавшись, испугался; устыдившись, устыдился.

518. ***Цзао лао ляо***: рано состарѣлась; по Вгд: «съ печали померла».

519. ***Цзю дэнъ янь юй***: ***цзю дэнъ***, девять, есть выраженіе многаго и разнообразнаго.

520. Замѣчательное усиленіе человѣка, домъ котораго былъ въ услуженіи у Чингисхана.

521. Вгд: «***Отчигинъ*** сталъ на колѣна и такъ выползъ вонъ». Выраженіе ***юй оу мянь:*** назади, или назадъ, неопредѣленно.

522. *Луань ма* взволнованная и безъ порядка конопель; Китайская поговорка.

523. ***Сяо ди, дай ши***: ***Бортэ*** называетъ такъ своихъ дѣтей, изъ скромности.

524. Въ текстѣ поставлено: ***юни,*** отъ тебя; т. е. отъ тебя зависитъ.

525. ***Обнюхавъ;*** одно изъ двухъ: или, чтобы узнать, не затлѣлась ли шапка отъ жаровни, или изъ любви къ сыну; понюхать, у Монголовъ, какъ и у Китайцевъ, тоже, что поцѣловать.

526. ***На лѣво***: т. е. на востокъ отъ юрты, гдѣ стояли кибитки. Срав. Руйсбрука.

527. ***Пинъ дэнъ:*** обыкновенный, дюжинный.

528. *Сай чжо:* заградить, завалить.

529. Т. е. среди юрты, чтобы не дать Чингисхану выйти.

530. Все приписывается волѣ неба. Судьба и законъ воздаяній суть двѣ идеи, которыя часто проявляются въ религіозныхъ вѣрованіяхъ восточной Азіи.

531. *Равенъ мнѣ:* можетъ быть и было такое стремленіе, относительно вліянія въ народѣ.

532. *Цзянъ та, сунъ ляо:* взявъ его, проводилъ; *взявъ его:* Китайскій idiотизмъ по нашему сказать: взялъ да спровадилъ.

533. Выше не упомянуто объ этомъ обѣщаніи.

534. *Циши:* сила, напряженіе духа; дерзость.

535. Въ годъ 1211.

536. Юш. говоритъ: «Передавшіеся отъ Гиньцевъ говорили, что государь ихъ; убиваетъ своихъ родичей и безчинствуетъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Чингисханъ сказалъ: «У меня, такимъ образомъ, есть поводъ двинуть войско» (цз. 119, 2). Но Китайскія сказанія слишкомъ сомнительны. Причиной войны была месть за убіеніе предковъ Чингисхана, который не прощалъ ни одной обиды. Кромѣ того, ему желательно было поживиться въ богатой странѣ и сдѣлать ее своею данницею. Китайскіе документы объ этой войнѣ (Юш., въ біографіи Чингисхана и въ особомъ біографическомъ отдѣлѣ; *Цзинь ши,* Исторія Гиньцевъ, и Цчл.), не только не согласны съ разсказомъ Ючмш., но разнорѣчатъ и между собою. Ючмш. вообще сообщаетъ мало свѣдѣній о походахъ Чингисхана внѣ Монголіи, хотя имѣетъ свои особенности.

537. *Фучжоу:* нынѣ отъ него остался городской валъ, извѣстный подъ именемъ *Хара балгасуна,* въ Монголіи, близь Великой Стѣны.

538. *Ѣхулинъ:* пограничный, между Китаемъ и Монголіей, хребетъ, по которому проведена Великая Стѣна.

539. Нынѣ *Сюанъ хуа фу.*

540. *Передовыми:* авангардомъ

541. Ущелье, которое ведетъ на Пекинскую равнину.

542. Къ хребту Ѣхулину; *шанъ цзуй*: горныя губы; распадина.

543. *Ню̀й чжинъ:* въ монгольскомъ текстѣ *Чжурчжитъ;* т. е. племянныя, или династійныя войска. Кидани составляли цѣлые полки на службѣ у Гиньцевъ, и квартировали по границѣ Китая съ Монголіей (*Бэй мынъ хой бянъ*),

544. *Лунъ хутай:* возвышеніе дракона и тигра; оно находится вблизи южнаго устья ущелья.

545. *Бэй пинъ:* такъ переводчики Ючмш. назвали Пекинскую область.

546. *Дунъ чанъ* (городъ въ губерніи *Шаньдунъ*): несомнѣнно ошибка, вмѣсто *Дунъ цзинъ* т. е. восточная столица Гиньцевъ, бывшая въ Маньчжуріи, въ городѣ *Ляо янъ.*

547. *Шесть ночей* въ рукописномъ экземплярѣ сказано только: переночевавъ; т. е. проведши не шесть ночей, а одну.

548. *Взять по одной заводной лошади;* Вгд., вмѣсто *взять*, употребилъ слово *прибавить*.

549. *Тянь ди ци юнь:* по движенію эѳира неба земли.

550. *Хашинь:* это *Сися.* См. подробности въ *Сисяшуши,* которая описываетъ вторженія (вѣроятно, частныя) Монголовъ въ *Сися,* подъ годами 1205, 1206, 1207, 1208, 1209, и 1210; подъ другими годами также есть общія извѣстія о войнахъ Чингисхана.

551. Надобно думать, что объ этомъ посольствѣ Чингисхана къ Сунамъ сохранилось сказаніе въ *Цзянь янь и лай чао ѣ цза цзи*: «Въ 7 годъ правленія *Цзядинъ* (1214), въ 1-ую луну 9-го числа, ночью, въ 3-ю стражу, въ Бочжоускомъ *Чжунъ лисянъ,* на сѣверномъ берегу рѣки *Хуай,* въ мѣстечкѣ *Ву вэй пу* появились три всадника; они переправились черезъ рѣку съ границы Суновъ) и направлялись на югъ. Дозорный спросилъ ихъ: зачѣмъ они пріѣхали? Они вынули сумку съ письмомъ и рисованную на шелковой ткани карту, и сказали: «Даданьскій *Ванъ цзы* (князь, владѣтель) *Чингисы* послалъ насъ предложить (Сунамъ) земли и просить (вспомогательнаго) войска». На другой день, дозорный начальникъ, узнавъ о томъ, послалъ нѣсколько человѣкъ, съ такимъ отвѣтомъ, что начальникъ округа теперь при Дворѣ, и что онъ, не получивъ разрѣшенія отъ своего государя, не смѣетъ принять ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приказалъ отправить ихъ (обратно). На слѣдующій день, онъ встрѣтилъ ихъ на горѣ *Мяо ганъ,* и тотчасъ переправилъ ихъ черезъ рѣку, на плоту. Съ прекращеніемъ сообщеній (по времени года, или отъ внутреннихъ безпорядковъ), не имѣя возможности возвратиться (на сѣверъ), они скрывались на озерѣ *Болуху,* въ уѣздѣ *Хунъ сянь;* потомъ, на третій день, начальникъ уѣзда послалъ людей изловить ихъ и отправилъ ихъ въ *Сычжоу* (дальнѣйшихъ извѣстій о судьбѣ ихъ нѣтъ). Говорятъ, что одинъ изъ нихъ былъ Даданьскій переводчикъ, другой плѣнный Гинецъ, третій сѣверный Китаецъ. Когда *Дада* осаждали Пекинъ и не могли взять его, то послали особый отрядъ въ *Шаньдунъ;* достигши *Цзинань,* они командировали 37 всадниковъ, для сопровожденія трехъ человѣкъ; потомъ, еще послали 300 солдатъ; эти посланцы проѣхали *Вэй-чжоу,* гдѣ, захвативъ суда, переправились черезъ Желтую Рѣку, и потомъ поѣхали на западъ къ *Бочжоу,* гдѣ и получили отказъ. Строго приказано было (Сунскимъ Дворомъ), впредь не принимать посланцевъ; принявшіе ихъ, подвергались военному суду. Цз. 20, 4 и слѣд. Авторъ думаетъ, что Монголы желали получить помощь, для взятія Пекина.

552. Въ годъ 1214.

553. Т. е. крѣпость *Тунъ-гуань.*

554. Названіе особаго полка.

555. Охранять крѣпость извнѣ.

556. Къ Пекину; не могши взять *Тунъ-гуань.*

557. *Шилакэръ*: должно быть, *Шараголъ,* желтая рѣка; это *Хунъ хэ,* протекающая близь Пекина.

558. Цзэ жань: выговаривать съ крикомъ; бранить.

559. Т. е. для покоренія *Нюй чжинь*, или Чжурчжитовъ, обитавшихъ въ Маньчжуріи, родичей Гиньцевъ.

560. *Ула* и *Нау*: вѣроятно, Сунгари ула и Нонни ула; по направленію къ Хинганскому хребту.

561. *Таоуръ*: ето рѣка, называвшаяся, при Киданяхъ, *Далу*; нынѣ *Таоэрръ* или *Талу*, притокъ Нонни улы съ запада. По *И тунъ чжи*, она находится на западѣ отъ передняго знамени праваго крыла аймака *Корцинь*.

562. Владѣтель, по имени *Фухэна*. Вгд.

563. О походѣ Монголовъ въ Маньчжурію есть упоминаніе въ *Дунъ го ши мо* (исторія Кореи), цз. 4, 2. стр. 3 и слѣд. Монголы были на границѣ Кореи и имѣли сношенія съ Корейскимъ главнокомандующимъ.

564. *Ю хой*: говорится, изъ почтенія, о смерти императора.

565. Бортъ, мать ихъ, была въ плѣну у *Меркитовъ*.

566. Лишусь возможности стрѣлять изъ лука.

567. Приставленный къ *Чаадаю*.

568. *Чживанъ ни*: надѣется, вѣроятно, въ томъ смыслѣ, что онъ будетъ достойнымъ сыномъ, а не въ томъ, что могъ быть наслѣдникомъ.

569. Т. е. мудрость ея глубока, какъ море.

570. *Дунь хоу*: души великой, характера мягкаго.

571. Т. е. пусть наслѣдуетъ тебѣ.

572. *Цзянь цзь*: зеркаломъ и заповѣдью.

573. *Чжунъ ъ чжэ*: по нашему сказать: вотъ дѣло, такъ дѣло!

574. Основаніе удѣловъ, безъ старшинства сыновей въ наслѣдованіи и одинъ удѣлъ независимо отъ другаго.

575. Мысль, какъ будто, та что въ фамиліи Чингисхана удѣлы его дѣтей должны быть въ зависимости отъ главной линіи.

576. Предполагается возможность перемѣны царствующей линіи. «Чингисханъ оставилъ наставленіе, чтобы заблаговременно избирать и утверждать наслѣдника изъ законныхъ сыновей того, который достоинъ наслѣдовать и которому можно ввѣрить управленіе.» Это слова грамоты *Хубилая*, на утвержденіе сына его наслѣдникомъ престола (Юш. цз 115. 5). Кстати о наставленіяхъ Чингисхана, вообще. Несомнѣнно, что они собраны, а можетъ быть и составлены, самимъ Чингисханомъ Такъ въ Юш. разсказывается: «*Инъ цзунъ*, по возшествіи на престолъ (1321), когда всѣ князья собрались въ залу *Даминъ дянь*, повелѣлъ *Байчжу* прочесть во всеуслышаніе драгоцѣнныя наставленія *Тайцзу* (Чингисхана), хранившіяся въ золотомъ ящикѣ (*Тайцзу цзинь гуй бао сюнь*).» Цз. 136, 12. *Золотой ящикъ въ желѣзной комнатѣ:* это наименованіе дворцоваго архива. Въ примѣчаніи къ однимъ изъ стиховъ *Гунъ цы* (въ *Юань ши сюань*), говорится, что при дворѣ Монгольскихъ государей, въ Пекинѣ, при всякомъ пиршествѣ, предварительно читаемы были, завѣдывавшими дворцовымъ архивомъ, великіе *чжаса* прежнихъ государей, въ видѣ

наставленій. *Чжаса* тоже, что *яса*, повелѣнія; вѣроятно, *Сали* (обряды, или церемоніи *Са*) Чингисхана, упоминаемыя въ *Юань чао дянь чжанъ*, суть *чжаса* его.

577. *Правой рукой*: по географическому положенію, *Сися* нельзя было назвать правымъ при походѣ на западъ; можетъ быть, разумѣется о расположеніи арміи.

578. Въ годъ 1219.

579. Свѣдѣнія, сообщаемыя Ючмш. о войнѣ Чингисхана на Западѣ, кратки и недостаточны; ихъ трудно пополнить выписками изъ біографій, которыя разнорѣчатъ и наполнены ошибками. Впрочемъ Магометанскіе историки съ избыткомъ вознаграждаютъ скудость этихъ свѣдѣній, а Ючмш. имѣетъ свою особенность въ разсказѣ о Монгольскомъ героѣ.

580. *Мѣликъ ванъ чэнъ*: у Вгд. городъ *Мѣрванъ*.

581. *Рѣка Шинь*: *Синдъ*, или *Индъ*.

582. *Цзы му*: вѣроятно, *Сыръ-дарья*.

583. Возвращаясь въ обратный путь, въ Монголію.

584. *Амуй*: *Аму-дарья*.

585. *Урунгэчи*: *Ургэнчжъ*, въ Хоразмѣ. Китайскіе писатели, не имѣя понятія о географіи Запада, вздумали искать *Урунгэчи* въ незначительномъ мѣстечкѣ *Юрунхашъ*, не вдалекѣ отъ Хотана, на востокъ.

586. *Илу*: можетъ быть Гератъ, который какъ извѣстно, осаждаемъ былъ *Толуемъ*

587. *Удуларъ*: Отраръ.

588. *Мухали*: сказано заурядъ; онъ дѣйствовалъ, по Юш., въ то время, въ Китаѣ.

589. *Си фань гоу*: Тибетскія собаки; извѣстныя своею лютостію; выраженіе на Китайскомъ языкѣ обратилось въ поговорку.

590. *Халибо*: Халифъ; въ Монгольскомъ языкѣ нѣтъ звука *ф*; онъ замѣняется звукомъ *б*. в

591. *Бахтатъ:* очевидно, Багдадъ.

592. *Хиндусы*: Индія

593. *Алу*: Иранъ?

594. Вгд. перечисляетъ всѣ: *Канъ линь* (Канклы), *Кича* (Кипчакъ), *Убачжиги*, *Олусу* (Россія), *Мачжала* (Мачжаръ), *Асу* (Язы), *Сасу*, *Сѣркэсу*, *Кэшимиръ*, *Пуларъ* (Булгаръ) и *Лала*. Ниже, въ другомъ исчисленіи, вмѣсто *Лала*, поставлено *Кэлъ*. На картѣ 1331 года помѣчены, на сѣверозападѣ, слѣдующія владѣнія: *Булиаръ* (Булгаръ), *Саркэсы* (Черкесы), *Аланьасы* (Аланы Азы), *Киньча* (Кипчакъ), *Алосы* (Россія) и *Сагила*, самое западное. *Кэшимиръ* въ Ючмш. не Индѣйскій Кашмиръ; это должно быть другое владѣніе на сѣверозападѣ. О многихъ изъ этихъ странъ упоминается въ Юш. (въ біографіяхъ *Субутая*, *Хэсымайли*, *Ашабухуа* и другихъ), но весьма неопредѣленно; свѣдѣнія, доставляемыя ею, не заслуживаютъ вѣры, пока не очищены критикою. *Алосы* и *Асу* (Россія и Аланы) чаще другихъ упоминаются въ исторіи; о нихъ будетъ рѣчь въ статьѣ: «Новые слѣды христіанства въ Китаѣ». Кипчакъ также не неизвѣстенъ, по Юш.; Кипчаки, по этой исторіи,

первоначально обитали въ *Чжэлянъчуанъ* (?), въ горѣ *Таханъ*. Съ переселеніемъ *Кюйчу* (авторъ разумѣетъ, кажется Кучлука; анахронизмъ, обыкновенный въ Юш.) на С. З., къ горѣ *Юйли боли*, по ней фамилія *Кюйчу* и получила названіе, и владѣніе наименовано *Киньча* (Кипчакъ). Эта страна въ 30,000 слишкомъ ли отъ Срединной Имперіи; лѣтомъ, тамъ ночи бываютъ чрезвычайно коротки; солнце едва успѣетъ зайти, какъ уже снова восходитъ. *Кюйчу* родилъ *Сомона*, сей *Инасы*; оба наслѣдственно были государями *Киньча*. *Инасы* принялъ къ себѣ врага Чингисханова, Мѣркитскаго *Ходу;* на требованіе Чингисхана *Инасы* отвѣчалъ тѣми же самыми словами, какими дѣти *Сорханьтиры* заступились за *Тѣмучжиня*, когда онъ прибѣжалъ къ нимъ съ колодкой на шеѣ. Чингисханъ велѣлъ воевать на него; *Инасы* уже состарѣлся; въ государствѣ были волненія; сынъ *Инасы*, *Хулусуманъ*, послалъ людей къ Чингисхану, съ подданствомъ. *Мангу* получилъ повелѣніе вступить въ ихъ предѣлы. Сынъ *Хулусуманя*, *Баньдуча*, со всѣмъ родомъ, поддался ему; съ нимъ воевалъ *Мокъсы* (Мокша?). *Киньча* доставляли ко Двору (въ Пекинъ) кобылье молоко темнаго цвѣта но превкусное; оттого ихъ названіе *Халачи* (хара— черный). Цз. 128, [14]. Но если привести другія сказанія изъ той же Юш., то откроются несогласимые варіанты. *Канъ ли* (Канклы) не точно называются въ Юш. *Дада Канъ ли*. Они считаются потомками *Гаочэ* династіи Хань (цз. 130, [1]). Когда Чингисханъ сокрушилъ *Канъ ли*, вдова владѣтеля, происходившая изъ рода *Шаньмѣ гумали*, долго не могла. за разстройствомъ своихъ дѣлъ, покинуть *Канъ ли*, погруженное въ неустройства; наконецъ, на помощь къ ней чудесно являются верблюды съ дорогими вьюками; взявъ съ собой двухъ сыновей своихъ, *Кюйлюй* и *Яя*, она едва добралась до столицы (?) къ *Огэдаю*; черезъ два года, когда *Канъ ли* успокоилось, она вернулась домой, оставивъ у *Огэдая* обоихъ сыновей. Черезъ 13 лѣтъ, она снова отправилась въ Китай, гдѣ отыскала и узнала дѣтей своихъ (цз 136). Похожденія ея составили основу одного драматическаго сочиненія. Другихъ упоминаній о западныхъ племенахъ не привожу.

595. *Идилъ:* Волга.

596. *Чжаяхъ*, или *Яяхъ* (*Чж* и *Я* равносильны): Яикъ.

597. *Кивамянь*: можетъ быть, *Куява*, *Куя*, магометанскихъ писателей; Кіевъ.

598. *Кэрмянь*: неизвѣстное мѣсто (Коломна?), или городъ въ Россіи.

599. Въ годъ 1225.

600. По показанію *Сися шуши*, въ отсутствіе Чингисхана, въ Монголіи былъ заговоръ противъ него отъ Чернотелѣжныхъ *Дада*, которые предлагали и *Сися* принять въ томъ участіе. Заговоръ, по-видимому, не удался. Эти *Дада*, вѣроятно, *Мѣркиты*, называемые въ одномъ мѣстѣ Юш., *Коко*, синіе, или темные. Юш. разсказываетъ также, что во время войны Чингисхана на западѣ, государь *Сися* тайно замышлялъ противъ него и искалъ помощи внѣ, т. е. въ Монголіи. Вслѣдствіе чего. тайно повелѣно *Болу* сыну *Мухуали*, воевать на него. Цз. 119, 8. Юш. и *Сися шуши* дѣлаютъ частые хронологическіе промахи; легко можетъ быть, что эти факты случились въ разное время, и при другихъ обстоятельствахъ. Таково же ска-

заніе *Сися шуши*, будто въ то время, когда Чингисханъ грозилъ вторженіемъ Туркестану, Харакитайцы просили у *Сися* пропуска своей арміи, которую они хотѣли двинуть на Гиньцевъ, для овладѣнія Китаемъ.

601. Въ годъ 1226.

602. Объ этой экспедиціи разсказывается въ *Сися шуши*.

603. По дальнѣйшему тексту видно, что это мѣсто было близь *Сися*.

604. Т. е. онъ не уйдетъ отъ насъ.

605. Горный хребетъ, по западную сторону Желтой Рѣки, вблизи котораго была столица *Сися*.

606. *Си лянъ*: далѣе на западъ; вдали отъ столицы.

607. Лѣто 1227 года.

608. Эти снѣжныя горы должны быть въ Алтаѣ.

609. *Инь чжунъ*: родъ причинный; родичи, какъ нынѣ *цзунъ жень*, родственники императорскаго дома, которыхъ числомъ будетъ не менѣе 30,000 душъ.

610. *Урахай*: на сѣверной границѣ *Сися*; называется также, въ Юш., *Эгрихая* (сравн. Марко-Поло) и другими именами.

611. *Линъ чжоу*: нынѣ, на восточной сторонѣ Желтой Рѣки; но въ то время, по послѣднимъ изысканіямъ, этотъ городъ былъ гораздо западнѣе.

612. Т. е. 81; девять девятинъ, число священное.

613. *Э синь ляо*: въ просторѣчіи, значитъ: стошнило.

614. *Шидурху*: сова; зловѣщая птица.

615. *Фу му цзы сунь*: общая фраза, для означенія всей родни.

616. *Возвратился*: вѣроятно, по-прежнему, въ становище на рѣкѣ *Туула*.

617. Т. е. въ этотъ самый, 1227, годъ, въ который Чингисханъ померъ.

618. По Вгд. *Ѣсуй*. управляла Тангутскимъ народомъ.

619. Авторъ ничего не говоритъ о подробностяхъ кончины Чингисхана и даже прямо не упоминаетъ о его смерти. Смерть хановъ у Монголовъ считалась какою-то тайною. Погребеніе ихъ также совершалось тайно. «Когда ханъ умиралъ, то для гроба его употребляли два куска душистаго дерева (*сянъ нань му*) и выдолбивъ ихъ, по росту тѣла покойника, полагали его въ этотъ гробъ; покойника одѣвали въ мѣховое платье и мѣховую шапку; сапоги, чулки, поясъ и поясная чашка, при немъ, были дѣлаемы изъ выбѣленной кожи; съ нимъ клали также въ гробъ золотые сосуды: чайникъ, вазу, глубокую тарелку, чарку, мелкую тарелку, ложку и пару столовыхъ палочекъ. Когда все было кончено, гробъ сколачивался четырмя золотыми обручами. Катафалкъ состоялъ изъ бѣлыхъ войлоковъ и темныхъ и зеленыхъ *нашишъ* (парча или коверъ); гробъ накрывался также *нашишемъ*. На третій день по смерти, гробъ отправлялся на сѣверъ, къ мѣсту погребенія; впереди его ѣхала Монгольская шаманка верхомъ на конѣ, одѣтая въ новое платье, и вела за собой лошадь съ золотоубраннымъ сѣдломъ, съ уздой и поводьями изъ *нашиша*; каждый день три раза покойнику приносили въ жертву по барану. По прибытіи на мѣсто погребенія, гробъ глубоко зарывали въ землю; по-

томъ прогоняли по могильной насыпи нѣсколько тысячъ лошадей, или уносили лишнюю землю въ другое мѣсто. Когда всходила трава, все было кончено; могила представляла ровное мѣсто, гдѣ нельзя было ничего распознать. При кладбищѣ оставались трое чиновниковъ, въ пяти *ли* отъ могилы; каждый день совершали они однажды *шао фанъ*, т. е. сожигали жертвы въ ямѣ; это продолжалось три года.» Такъ разсказываютъ Юш., *Чэ гэнъ лу*, *Цао му цзы*, и другія сочиненія, о погребеніи Монгольскихъ государей, царствовавшихъ въ Китаѣ. Могила Чингисхана и его потомковъ въ Китаѣ находится, по преданію Монголовъ, у горы *Тасъ*, на сѣверъ отъ Долоннора, къ Кэрулуну; сюда, какъ разсказываютъ, они стекаются ежегодно, для поклоненія. 7 ой луны, 7-го числа, въ предполагаемый день смерти Чингисхана. Вѣроятно, объ этомъ мѣстѣ упоминается, между прочимъ, въ походныхъ запискахъ *Юнъ лэ*, государя династіи *Минъ*, въ началѣ XV вѣка, и въ одномъ изъ путевыхъ журналовъ Жербильона. По древнему Монгольскому обычаю, для душъ покойныхъ хановъ устраивали особые шатры (въ Китаѣ, по осѣдлости Монголовъ, устроялись для душъ палаты), въ которыхъ по временамъ совершалось служеніе шамановъ и приносимы были жертвы. При подобныхъ шатрахъ и палатахъ была особая стража, по нѣскольку сотъ человѣкъ; служили тѣнямъ, какъ бы живымъ (Юш. цз. 33, 15; 35, 2). Руисбрюкъ счелъ эти шатры въ ордѣ кладбищами. По Китайскому обычаю, въ столицѣ Китая есть особый храмъ, посвященный знаменитымъ государямъ прежнихъ временъ; въ этомъ храмѣ нынѣ чествуется также и Чингисханъ; въ честь его и *Хубилая* установлено приносить жертву, состоящую изъ одного барана и одной свиньи, на сѣверъ отъ Пекина, за рѣчкой *Цинъ хэ* (*Хой дянь*),

620. Въ 1228-й годъ.

621. Т. е. западные.

622. *Бату*: сынъ *Чжочи*, уже умершаго.

623. *Внутренніе князья*: бывшіе при особѣ государя и не имѣвшіе удѣловъ.

624. *Вэй вань ди*: собственно, недоконченные.

625. *Чэнъ чи бо синъ*: народы живущіе въ городахъ.

626. Вгд.: ***Канъ ли, Кича, Убачжиги, Олусу, Асу, Сьсу, Мачжаръ, Кэшимиръ, Сьргьсу, Буларъ*** и ***Кэлъ***.

627. *Бури*: сынъ *Чаадая*.

628. Какъ старшій сынъ *Огэдая*.

629. Вѣроятно, также, изъ опасенія крамолъ.

630. *Лао инъ*: т. е. главная орда.

631. *Отсель*: т. е. изъ своего удѣла въ Туркестанѣ.

632. Въ годъ 1231.

633. *Онъ*: т. е. Чжэбѣ.

634. Болѣзнь, часто встрѣчающаяся въ Китаѣ; по-просту называется *чоу фынъ*; это обмороки.

635. Духи горъ и рѣкъ, по Китайскому суевѣрію, весьма сильны; они произ-

водятъ наводненія, причиняютъ засухи и моровыя язвы (см. *Чунь цю*); новладеніемъ, *суй*, называется овладѣніе душою человѣка какимъ либо духомъ.

636. Какъ жертву, вмѣсто *Огэдая*.

637. Замѣчательны условія жертвы: замѣна другимъ лицемъ, принятіе на себя грѣховъ искупаемаго, и красота.

638. *Синъ ши*: когда отрезвлюсь; мнѣ въ первый разъ встрѣчается такое выраженіе для означенія смерти.

639 Біографія *Толуя*, въ Юш. (цз. 115, 3) разсказываетъ: «1232 года, онъ съ *Огэдаемъ* вернулся изъ похода, прошелъ Пекинъ, вышелъ изъ сѣвернаго устья (ущелья *Цзюй юнъ гуанъ*) и остановился, на лѣто, въ горѣ *Гуань шань*. Въ 5-ой лунѣ, *Огэдай* заболѣлъ; въ 6-ой болѣзнь усилилась. *Толуй* молился Небу и землѣ, желая собой замѣнить брата; онъ выпилъ также наговоренной волхвомъ очистительной воды. Чрезъ нѣсколько дней, *Огэдай* выздоровѣлъ *Толуй* возвратился съ нимъ ва сѣверъ и, достигши *Алаходисы*, заболѣлъ и умеръ.» Наговариваніе воды и нынѣ въ частомъ употребленіи въ Китаѣ у жрецовъ Даосской секты; оно имѣетъ цѣлію исцѣлять недуги и отгонять зловредныхъ духовъ.

640. *Сяо сы*: простонародное выраженіе въ слогѣ повѣстей; собственно значитъ: малый слуга.

641. Названіе учрежденія, заведеннаго *Огэдаемъ*; *таньмачи* были Монгольскіе воеводы, командовавшіе полками изъ иноплеменныхъ народовъ, на-примѣръ Киданей, Тюрковъ, и другихъ. Собственно, названіе воеводъ происходило отъ названія иностранныхъ полковъ, которые носили, должно быть, имя *таньма*. По Юш., *таньмачи* встрѣчаются ранѣе *Огэдая*, вѣроятно по анахронизму. Такъ (цз 123, 2) разсказывается, что у Чингисхана было войско *таньмачи*, которое онъ, двинувшись на Китай, раздѣлилъ на пять отрядовъ. Назначеніе полковъ *таньмачи* было замѣнять, въ войнахъ и сраженіяхъ, войска Монгольскія, и держать въ повиновеніи покоренные народы у насъ въ Россіи, *таньмачи* назывались *баскаками*

642. *Линъ бэй*: за пограничный Китайскій хребетъ.

643. Этотъ третій у Вгд. называется *Убачжиги*.

644. Вгд. называетъ эти города: *Эчжи* (,) *Чжая* (и) *Мыгъ*; не знаю, какъ распредѣлить эти звуки правильно.

645. По Вгд. городовъ: *Сьсу*, *Паларманъ*, *Кэрманъ* и *Кива*.

646. *Дарухачинъ:* въ текстѣ поставлено нераздѣльно съ словомъ *таньмачи*, за одно названіе; думаю, по ошибкѣ. *Дарухачи*: было учрежденіе Чингисхана. Китайскіе историки обыкновенно перелагаютъ это названіе Китайскимъ *чжанъ инь гуань*: завѣдывающій печатью чиновникъ, или сановникъ. По объясненію автора *Цао му цзы*, Дарухачи означаетъ снурокъ, которымъ замыкаются, или стягиваются, носимые на поясахъ мѣшечки; а въ переносномъ смыслѣ, употребляется какъ символъ власти, которая связываетъ и держитъ; но это объясненіе не заслуживаетъ вѣроятія. *Дарухачи*, въ Китаѣ, дѣйствительно имѣли печать прикладываніемъ которой они завѣряли всѣ акты и документы тамъ, гдѣ были поставлены. По

они не вступали въ подробности административныхъ занятій, которыя возложены были на особыхъ правителей областей и уѣздовъ большею частію изъ Китайцевъ, какъ знакомыхъ со страною. Въ 1268 году воспрещено было производить въ *дарухачи* Нюйчжи, Киданей и Китайцевъ; это право осталось за Магометанами, переселившимися съ запада, Уйгурами, Найманями и Тангутами (Юш. цз. 6, 15); но главнымъ образомъ, *дарухачи* были изъ Монголовъ. Кромѣ общаго надзора за ходомъ дѣлъ, по праву хранителя печати, *дарухачи* въ провинціи, имѣлъ еще другія обязянности или права, упоминаемыя въ Юш. (цз. 7, 16), а именно: 1) перепись жителей; 2) наборъ войска изъ туземцевъ; 3) устройство почтовыхъ сообщеній; 4) собираніе податей, и 5) доставленіе ко Двору дани (говорится о *дарухачи* въ Аннамѣ, какъ внѣшнемъ владѣніи.)

647. ***Фу инь***: покровеніемъ счастья.

648. Т. е. что полезно, или чего не нужно устроить, по случаю пріобрѣтенія сѣверозападныхъ владѣній.

649. Вѣроятно, съ каждаго дыма; или это фраза общая, имѣющая отношеніе къ слѣдующей фразѣ; иначе не видно цѣли сбора.

650. Т. е. заготовить въ прокъ.

651. Говорится о собраніяхъ, или съѣздахъ, повторявшихся ежегодно, пока ханы жили въ Монголіи.

652. *Чуалъ*: думаю, что въ семъ словѣ есть значеніе камня, *чоло*; не разумѣется ли подъ этимъ названіемъ каменистая полоса, которая проходитъ посреди Монголіи, съ востока на западъ.

653. *Чжанъ чи*: слово, введенное въ Китайскій языкъ Монголами; станція; *чжанъ*: ямъ. По водвореніи Монголовъ въ Китаѣ, они приложили стараніе объ устройствѣ сообщеній. Многіе акты, по сему предмету, временъ династіи *Юанъ* доселѣ сохранились въ рукописяхъ.

654. Значитъ, проѣзжать по жилымъ кочевьямъ дозволено было, для сокращенія пути; потому что почтовая дорога имѣла не много линій, т. е. лежала только на пункты, болѣе или менѣе важные, какъ и нынѣ.

655. *Отсюда*: т. е. отъ резиденціи *Чаадая*; можетъ быть, отъ *Алмалэка*.

656. Отъ Золотой Орды.

657. *На внутреннихъ ямахъ*: т. е. во владѣніяхъ Огэдая.

658. Слѣдовательно ханъ Монгольскій не имѣлъ властительныхъ правъ по отношенію къ удѣламъ своихъ родичей.

659. *Да цзюй хой чжо*: когда собрались во множествѣ; во время большщаго съѣзда князей и чиновъ.

660. Въ 1240 году. См. стр. 16 предисловія.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Дувасохоръ: у него четыре сына составили родъ *Дорбянь*.
- Бѣлгунэтай (р. *Бѣлгунэтъ*).
- Бугунэтай (р. *Бугунэутъ*).
- Бухухатаги (р. *Хатагинь*).
- Бухутусалчжи (р. *Салчжиутъ*).

Добэнь мѣргань . . Бодуаньчаръ (р. *Борчжигинь*).

- Чжачжирадай (р. *Чжадара*. . Тугуудай . . . . Бурибулчжиру . . Харахадаань .
- Баридай (р. *Бааринь*) . . . . Чидухулбоко (р. *Мѣняньбааринь)*.
- Бааринь шипрату хабичи . . Мѣнянь тудунь .
  - Хачикюйлукъ. . . . Хайду. . . .
  - Хачинь . . . . Наягидай (р. *Наяль*).
  - Хачиу. . . . . Барулатай (р. *Барула*
  - Хачула . . . . . .
    - Ѣкэбарула (р. того же
    - Учугань барула (р. id).
    - Эрдяньту барула (р. id
    - Тодоянь барула (р. id.
  - Хачиунь . . . . . . Адардай (р. *Адаргинь*).
  - Харацьдай . . . . Будааньтъ (р. id.).
  - Начинь баатуръ. .
    - Уруудай (р. *Уруут*
    - Манхутай (р. *Манх*
    - Шичжуудай.
    - Дохоладай.
- Чжаоурѣдай (р. *Чжаурѣитъ*).

Прим. Дувасохоръ и Добэнь мѣргань происходили отъ родоначальника Монгольскаго народа, Батачихана, въ такой линіи:

Батачиханъ.
|
Тамача.
|
Хоричаръ мѣргань.
|
Аучжань болоунь.
|
Салихэчау.
|
Ѣкэ нидунь.
|
Сюнь сочи.
|
Харчу.
|
Борчжигидай мѣргань.
|
Торохолчжинь боянь.
|
Дувасохоръ Добень мѣргань.

КЪ СКАЗАНІЮ О ЧИНГИСХАНѢ.

Чжамуха (р. *Чжадаланъ*).

Бошинь хордохшинь . . . Туньбинай сѣчань . . . Хабулъ хахань . . . .
- Окинь бархахъ . . . Хутухту-чжурки . . . . Сѣчэбѣки, Тайчу (р. *Чжурки*).
- Бартань баатуръ . . . . . .
  - Мангэту киянь.
  - Нѣкуньтай цзы . . . . Хучаръ.
  - Ѣсугай баатуръ . . . . Тѣмучжинъ. Хусаръ. Хачиунь. Тѣмуго. Бѣктѣръ. Бѣлгутай.
  - Даритай очигинь.
- Хутухтумунгуръ . . . . Бурибоко.
- Хутулахахань . . . . Чжочи. Гирмау. Алтань.
- Хуланъ . . . . Ѣкэчжорянь.
- Хадаань
- Тодоянь отчигинь.

Синьсѣчилѣ . . . . Бултѣчу баатуръ.

Аньбахай (р. *Дайчиутъ*); у него три сына.

Чарахай линху . . . Сянкунъ билгэ . . . . Бѣсутай (р. *Бѣсутъ*).

Чаочжинь ортѣгай . . . . . Оронаръ (р. того же имени); Хуанхотань (р. id.). Алулатъ (р. id.). Сюѣнитъ (р. id.). Хабтурхаху (р. id.). Гэнигэсы (р. id.).

...ни).

...).

СИ Ю ЦЗИ,

или

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ НА ЗАПАДЪ.

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ ДАОССКАГО МОНАХА ЧАНЪ ЧУНЯ НА ЗАПАДЪ.

Даосскій монахъ Чанъ чунь, жившій во времена усиленія Монголовъ, пользовался, въ свое время, большою славою въ сѣверномъ Китаѣ и почетомъ при дворахъ Сунскомъ и Гиньскомъ. Онъ принадлежалъ къ сѣверной Даосской школѣ, къ сектѣ Цзинь лянь, или Золотаго Ненюфара, послѣдователи которой носили названіе Цюань чжень, т. е. вполнѣ истинныхъ, святыхъ и были адептами внутренней, или духовной алхиміи; они искали въ психическомъ мірѣ вожделѣннаго Дань (философскаго камня), тайны безсмертія, долголѣтія и другихъ даровъ, нѣсколько вѣковъ безуспѣшно преслѣдуемыхъ матеріальною алхиміею. Чанъ чунь, во мнѣніи своихъ современниковъ, достигъ цѣли этой науки, проведя всю жизнь свою въ созерцаніи.

Чингисханъ, послѣ вторженія въ Китай, узналъ объ имени Чанъчуня, вѣроятно отъ передавшихся Китайцевъ и вызвалъ его въ свою орду, чтобы воспользоваться его секретами, по примѣру Китайскихъ государей, увлекавшихся тщетными надеждами на чудотворную силу Даосовъ. Чанъ чунь, не смотря на преклонныя лѣта свои, долженъ былъ отправиться въ далекое путешествіе; не заставъ Чингисхана въ Монголіи, онъ совершилъ путь въ Туркестанъ, къ границамъ Индіи, гдѣ и представлялся Чингисхану. Одинъ изъ спутниковъ-учениковъ его велъ путевой журналъ, въ которомъ изображена вся жизнь его. Это сочиненіе отпечатано и поступило въ общее собраніе даосскихъ книгъ.

Достовѣрность путешествія Чанъчуня къ Чингисхану подтверждается современными писателями. Сами враги его религіи, Буддисты, ратовавшіе съ Даосами при первыхъ Монгольскихъ ханахъ, не отвергаютъ этого факта, столь лестнаго для Даосизма. Указанія о Чанъ чунѣ и его путешествіи находятся въ біографическомъ отдѣлѣ Юань ши, въ Чэгэнъ лу, или запискахъ одного ученаго китайца позднѣйшихъ временъ династіи Юань и во многихъ даосскихъ историческихъ сочиненіяхъ. Впрочемъ, о лицѣ Чань чуня достаточно свѣдѣній въ предлагаемомъ путешествіи

Нельзя опустить безъ вниманія нѣкоторыхъ недостатковъ Си ю цзи, свойственныхъ запискамъ всѣхъ Китайскихъ монаховъ, путешествовавшихъ за границы Китая; эти недостатки сами собою выказываются и не требуютъ особыхъ замѣчаній. Можно также заподозрить достовѣрность нѣкоторыхъ письменныхъ актовъ, происшедшихъ вслѣдствіе сношеній Чанъ чуня съ Чингисханомъ; о чемъ указано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Си ю цзи хранилось въ сводѣ даосскихъ книгъ; издатели 28-томнаго сборника отборныхъ даосскихъ сочиненій, извѣстнаго подъ именемъ Дао цзанъ цзи яо, включили его въ свое изданіе. Наконецъ, Цянь дасинь указалъ на него Китайскимъ ученымъ, какъ на любопытный и важный памятникъ старины. Сюй сунъ обратилъ на него вниманіе и сдѣлалъ къ нему краткое географическое поясненіе; за нимъ послѣдовали другіе, въ особенности Шень цзы дунь, иначе называемый Шень яо, домашній учитель и другъ Сюй суна, который, на основаніи сего путешествія и записокъ другаго путешественника Чжанъ дэхоя, сдѣлалъ нѣсколько изслѣдованій о географіи древней Монголіи. Со всѣми этими прибавленіями, Си ю цзи поступило въ сборникъ Яна и отпечатано.

Экземпляръ Си ю цзи, изданный Яномъ, списанъ съ оригинала, находящагося въ Дао цзанѣ, и благодаря переписчикамъ, отличается многими, хотя незначительными варіантами, отъ экземпляра, вошедшаго въ составъ Дао цзанъ цзи яо. Неточности открываются въ томъ и другомъ, но такъ, что, по сличеніи обѣихъ редакцій, легко распознать настоящій текстъ. Удивительно, что ученые Китайскіе послѣднихъ временъ, столь усердно отыскивающіе старинныя сочиненія, не обратили вниманія на изданіе Дао цзанъ цзи яо; даосская и буддійская литературы въ Китаѣ доселѣ остаются неприкосновенными для конфуціанца; до такой степени не обобщилась еще Китайская ученость.

Переводъ Си ю цзи на русскій языкъ потребовалъ частыхъ поясненій; Чанъ чунь не только былъ путешественникъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, проникнутъ духомъ своей секты и въ добавокъ поэтъ, какъ большая часть ученыхъ Даосовъ, и вообще образованныхъ Китайцевъ. Все, что я могъ найти въ Китайской литературѣ, для уразумѣнія текста Си ю цзи и его особенностей, помѣщено въ примѣчаніяхъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КИТАЙСКАГО ИЗДАТЕЛЯ.

Чанъ чунь цзы [1]) былъ человѣкъ съ высокими совершенствами. Съ тѣхъ поръ, какъ я вступилъ въ среднія лѣта, я думалъ, что этотъ старецъ давно уже возлетѣлъ въ высь, пользуется даромъ превращенія [2]), и находится въ обществѣ облаковъ и въ высокомъ пространствѣ [3]); я сожалѣлъ, что не могъ видѣть его. Въ годъ Цзи мао [4]), зимой, пронесся слухъ, что учитель, проживавшій на морѣ, получилъ приглашеніе ѣхать [5]); на другой годъ, весною, дѣйствительно онъ прибылъ въ Пекинъ и остановился въ монастырѣ Юй сюй гуань. Тогда я лично познакомился съ нимъ. Онъ сидѣлъ какъ трупъ; стоялъ какъ дерево [6]); движеніе его было какъ громъ и ходилъ онъ какъ вѣтеръ; истинно, онъ былъ чудный человѣкъ. Изъ разговоровъ съ нимъ я узналъ, что онъ много видѣлъ, много слышалъ и не было книги, которой бы онъ не читалъ. Съ того времени, я съ каждымъ днемъ чувствовалъ къ нему болѣе уваженія. Тѣхъ, которые, будучи привлечены его славою, изъявили желаніе чествовать его въ качествѣ учениковъ [7]), было безчисленное множество, два или три сановника, оставившіе службу, за старостію, любили находиться вмѣстѣ съ нимъ; поэтому, можно заключить, сколько было другихъ. Черезъ нѣсколько времени онъ отправился въ Лунъ янъ [8]). Когда нарочный посланецъ прибылъ во второй разъ, то учитель отправился въ путь на Западъ. При разставаньи, когда братія спросила его о времени его возвращенія, онъ сказалъ, что возвратится черезъ три года; годъ же былъ въ то время Синь сы, луна Цзя чжунъ [9]). Въ годъ Цзя шень [10]), въ первую луну, учитель возвратился изъ западныхъ странъ, ровно черезъ столько времени, какъ сказалъ. Знавшіе это крайне дивились тому.

Въ этой лунѣ 7-го дня вступилъ въ Пекинъ и поселился въ кумирнѣ Да чанъ тянь гуань, вслѣдствіе просьбы другихъ.

Нынѣшніе люди, отправляясь въ путь по дѣламъ, выходятъ изъ воротъ дома неохотно, съ видомъ сожалѣнія. Что касается до путешествія учителя, онъ проѣхалъ трудными мѣстами нѣсколько десятковъ тысячъ ли, былъ въ мѣстахъ, неупоминаемыхъ на нашихъ картахъ и неорошаемыхъ ни дождемъ, ни росою [11]), и хотя его повсюду встрѣчали съ большимъ почетомъ, тѣмъ не менѣе путешествіе его было чрезвычайно трудно и тягостно. Вездѣ, куда онъ прибывалъ, онъ тотчасъ осматривалъ тамошнія мѣста и любилъ наслаждаться видами природы, сочинялъ стихи и весело бесѣдовалъ. На смерть и жизнь смотрѣлъ онъ, какъ на холодъ и тепло; мысль о нихъ нисколько ни зарождалась въ его сердцѣ. Могъ ли бы онъ быть такимъ, если бы не обладалъ дао?

Ученикъ его Личжичанъ, сопутствовавшій ему, составилъ записки о мѣстахъ, которыми они проходили. Всѣ горы и рѣки, трудности или удобства пути, особенности климата [12]) и состояніе воздуха, равно какъ одежды, пищи, плодовъ, растеній, деревъ, животныхъ и насѣкомыхъ—все это описано ясно въ запискахъ. Заглавіе имъ дано: Путешествіе на западъ, а мнѣ поручено написать къ нимъ предисловіе. Вселенная велика, творенія пространны; если они не будутъ познаны чувствами слуха и зрѣнія, то и великій умъ не можетъ всего вполнѣ знать; тѣмъ менѣе можетъ быть извѣстнымъ то, что находится за предѣлами четырехъ морей; о томъ можно навѣдаться только изъ записокъ. По моему мнѣнію, настоящее изданіе не только будетъ интересовать новостію предметовъ людей любопытныхъ, но также изъ него узнаютъ, что для мужей совершенныхъ, отправляться ли въ путь, или оставаться дома [13]), все равно; все по времени.—Написано во 2-й день осени года Вуцзы [14]), Сиційскимъ [15]) Цзюйши [16]), Суньси.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА ЗАПАДЪ МОНАХА ЧАНЪ ЧУНЯ; ОПИСАНО УЧЕНИКОМЪ ЕГО ЧЖЕНЬ ЧАНЪ ЦЗЫ[17]) ПО ИМЕНИ ЛИ ЧЖИ ЧАНЪ[18]).

Отецъ и учитель нашъ, святой Чанъ чунь цзы, изъ фамиліи Цю, по имени Чу цзи, по семейному имени Тунъ ми, родомъ изъ уѣзда Сися, въ округѣ Дэнъ чжоу [19]); не достигши еще 20 лѣтъ [20]), онъ поступилъ въ монашество и подвизался подъ руководствомъ Даосскаго монаха, Чунъ яна [21]). Потомъ жилъ 13 лѣтъ въ Лунъ мынѣ, что въ Пань цзи [22]). Отъ продолжительнаго и усерднаго самоусовершенія онъ вполнѣ изучилъ Дао. Къ концу дней своихъ онъ возвратился въ приморье [23]).

До года Вуинь [24]), когда учитель былъ въ Дэнъчжоу, изъ Хэнани [25]), нѣсколько разъ хотѣли отправить нарочнаго просить его туда [26]); но, вслѣдствіе его сомнѣній, дѣло не состоялось. На другой годъ онъ жилъ въ Лай чжоу [27]), въ кумирнѣ Хаотянь гуань; лѣтомъ 4-й луны прибылъ посланецъ изъ Хэнани отъ управляющаго границею, съ приглашеніемъ къ нему; но учитель отказался; посланецъ возвратился назадъ, взявши съ собой написанные учителемъ стихи. Послѣ того ѣхалъ къ нему посланецъ изъ Далянъ [28]), но услышавши, на дорогѣ, что Шаньдунской страной [29]) овладѣли Суны [30]), возвратился. Въ 8-й лунѣ этого года, Цзянъ наньскіе [31]), военачальники Лицюань и Пэнъ бинь [32]) приходили къ нему съ приглашеніемъ, но учитель не поѣхалъ къ нимъ. Послѣ того, изъ разныхъ мѣстъ часто приглашали его. Когда начальникъ города Лай чжоу стѣснялся этимъ, учитель сказалъ ему: «Мое хожденіе и прибываніе отъ неба—чего вы не можете знать; настанетъ время, когда вы станете оставлять меня и я уйду».

Спустя немного времени, Императоръ Чинъ ги сы [33]) отправилъ своего приближеннаго Лючжунъ лу [34]), съ тигроголовой золотой дощечкой [35]), на которой написано было: «Предоставляется полновластно распоряжаться, какъ бы я самъ путешествовалъ» [36]); съ нимъ было 20 человѣкъ Монголовъ; онъ объявилъ повелѣніе (Чингиса), съ усерднымъ приглашеніемъ учителя къ себѣ. Пока учитель раздумывалъ объ этомъ Чжунъ лу говорилъ ему: «Имя твое уважается въ четырехъ моряхъ [37]); Императоръ нарочно отправилъ меня пройти горы и моря и не положилъ срока года и луны, только чтобы дошелъ до тебя». Учитель сказалъ ему: «Со времени войны, и тамъ и здѣсь, всюду границы [38]); ты, путешествуя съ такими опасностями подлинно потрудился». Чжунъ лу отвѣчалъ: «Получивъ высочайшее повелѣніе, могъ ли я не употребить всего усердія моего. Я получилъ приказаніе отъ государя нынѣшнаго года въ 5-й лунѣ въ Улидо Найманскаго государства [39]). Въ 6-й лунѣ я прибылъ на сѣверъ отъ Бодэнъ въ Вэйнинъ [40]), гдѣ видѣлся съ Даосомъ, по имени Чанъ чжень. Въ 7-й лунѣ дошелъ до Дэсинъ [41]). Такъ какъ дорога черезъ Цзюйюнъ [42]) была опасна [43]), то изъ столицы [44]) высланъ былъ отрядъ солдатъ на встрѣчу мнѣ. Въ 8-й лунѣ я прибылъ въ столицу. Даосскіе монахи говорили, что нельзя сказать, живъ ли ты, или нѣтъ. Я поѣхалъ чрезъ Чжунъ шань и Чжень динъ [45]) и услышалъ, что ты нахо-

дишься въ Дунъ-лаѣ [46]); также видѣлся съ Идуфусскими [47]) чиновниками Ань фусы [48]), по имени Вуянь и Цзянъ юань, отъ которыхъ и получилъ вѣрное о тебѣ извѣстіе. Я хотѣлъ встрѣтить тебя съ 5,000 солдатъ, но тѣ чиновники говорили: «Жители страны, отъ столицы на востокъ, по полученіи извѣстія, что оба государства трактуютъ о мирѣ [49]), нѣсколько успокоились; теперь, если вдругъ явиться съ войскомъ, то всѣ тамошніе жители укрѣпятся въ неприступныхъ мѣстахъ, да и учитель можетъ уѣхать въ море. Если ты хочешь достигнуть своей цѣли, то не дѣлай такъ.»—Я послушался ихъ совѣта и, набравъ 20 человѣкъ охотниковъ вершниковъ, отправился. Приближаясь къ Иду, я послалъ впередъ Яня и Юаня извѣстить военачальника Чжанъ линя. Чжанъ линь встрѣтилъ меня за городомъ съ 10,000 латниковъ; я сказалъ ему, смѣясь: «Я проѣзжаю этими мѣстами, чтобы отыскать даосскаго монаха Чанъ чуня; къ чему у тебя латники?» Линь тотчасъ распустилъ солдатъ и мы рядомъ съ нимъ въѣхали въ городъ. Во всѣхъ проѣзжаемыхъ мною мѣстахъ я всегда говорилъ тоже самое и люди не боялись и не замышляли (противъ меня). Линь также далъ мнѣ почтовыхъ вершниковъ; я прибылъ въ Вэйчжоу [50]); взявъ съ собой Ингуна, я съ нимъ вмѣстѣ, въ 12-й лунѣ, доѣхалъ до Дунъ лая, для объявленія императорскаго повелѣнія. Учитель, зная, что нельзя отказаться, подумавъ, сказалъ Чжунъ лу: «Здѣсь трудно доставать продовольствіе; вы отправьтесь въ Иду и обождавъ, пока я кончу служеніе, по случаю Шанъ юаня [51]), пришлите за мной 15 вершниковъ, съ коими я и отправлюсь 18 го числа.» Вслѣдствіе того посланецъ отправился, со всей свитой, на западъ въ Иду. Учитель заблаговременно избралъ изъ своихъ учениковъ, 19 человѣкъ, и ожидалъ прибытія провожатыхъ. Въ назначенный срокъ вершники прибыли и онъ отправился съ ними въ путь. Слѣдуя по сѣверной сторонѣ рѣки Вэй, онъ прибылъ въ Цинъ шэ; но посланецъ уже отправился отсюда. Когда спросили о немъ Чжанъ линя, онъ разсказалъ, что 7-го числа 1-й луны появились въ Линь цзы [52]) 400 человѣкъ всадниковъ, напугавшихъ Цинскихъ [53]) жителей; поэтому посланецъ поѣхалъ на встрѣчу тому отряду и остановилъ его; гдѣ же онъ теперь, неизвѣстно. Вскорѣ учитель проѣхалъ Чанъ шань и Цзоу пинъ [54]) и въ началѣ второй луны прибылъ въ Цзи янъ [55]). Тамошніе дворяне и простой народъ встрѣтили его на югѣ отъ города, съ куреніями [56]), а Даосы открывали шествіе съ пѣніемъ; потомъ угостили его обѣдомъ въ скитѣ Янъ суань. При этомъ всѣ говорили: «Въ прошедшую луну 18-го числа, пролетѣли здѣсь, съ сѣверо-запада, болѣе десяти журавлей [57]), издавая крики въ облакахъ; всѣ они летѣли на юго-востк [58]) . На другой день, между Чэнь и Сы [59]) пролетѣло еще нѣсколько журавлей съ юго-запада; потомъ явилось ихъ сотни и тысячи; они летѣли то вверхъ, то внизъ; одинъ только покружившись надъ скитомъ [60]), улетѣлъ. Теперь объяснилось, что при появленіи журавлей учитель отправился въ путь.» Всѣ прилагали руки ко лбу [61]). Здѣсь учитель остановился на нѣсколько дней. Въ первой декадѣ 2-й луны прибылъ вершникъ отъ Чжунъ лу, съ извѣстіемъ, что онъ квартируетъ, съ отрядомъ, въ Цзянъ линѣ [62]), гдѣ, приготовивъ судно, ожидаетъ его. Поэтому учитель на другой день и отправился. 13-го числа посланецъ встрѣтилъ его съ отрядомъ. Учитель спросилъ его, почему онъ прибылъ такъ поздно? На что тотъ отвѣчалъ, что, вслѣдствіе затрудненій и опасностей по дорогѣ, онъ нарочно ѣздилъ въ Пекинъ, собралъ солдатъ и расположилъ ихъ на востокѣ въ Синь ань [63]), на западѣ въ Чанъ шанъ [64]), а самъ съ отрядомъ своимъ отправился на Шенъ чжоу, и остановился въ Вуи [65]), для прочищенія дороги; на рѣкѣ Хуто онъ устроилъ мостъ; въ Цзянъ линѣ пріискалъ судно; отъ этого онъ и промедлилъ.

Учитель сказалъ ему, что никто другой, кромѣ его, не могъ бы распорядиться такъ, Въ слѣдующій день переправились чрезъ р. Хуто и направились на сѣверъ; 22-го числа прибыли въ Лугоу [99]) Столичные чиновники, дворяне и народъ, монахи буддійскіе и даосскіе встрѣтили его въ предмѣстіи [67]); въ этотъ день онъ вступилъ въ столицу Лицзэмыньскими [68]) воротами. Даосы въ торжественной процессіи шли впереди его, съ пѣніемъ. Губернаторъ Шимогунъ [69]) помѣстилъ учителя въ кумирнѣ Юй сюй гуань. Съ того времени, каждый день ворота кумирни полны были толпами людей, желавшихъ имѣть отъ него стихи или принять наименованіе. Военные люди, пріѣзжавшіе къ нему принять его наставленія и наименоваться его учениками, получивъ отъ него наименованія, весьма часто спасались отъ меча; таково было спасительное вліяніе учителя на другихъ. Коммисаръ [70]) Ванъ цзюй чнуаь цзи поднесъ ему стихи; учитель написалъ въ отвѣтъ слѣдующіе:

«Знамена развиваются, кони ржутъ и шумятъ; слѣдуя на «сѣверъ, къ столицѣ Янь [71]), проѣхалъ я каменный мостъ [72]); хочу я странствовать за 10 тысячь ли, за песчаную степь [73]), «и вотъ 3-й восенній мѣсяцъ [74]), какъ я далеко отъ приморья «и горъ [75]); дружная компанія [76]) перейдетъ за границу вмѣстѣ «съ возвращающимися гусями; шапки ихъ поношены, покрыты «инеемъ и опушены соболемъ [77]). Съ тѣхъ поръ, какъ Сю-ань юань [78]) ходилъ на западъ [79]),—доселѣ не было еще подобнаго приглашенія изъ сѣверной столицы» [80]).

Узнавъ, что Чнигисъ переходитъ на западъ [81]) и опасаясь, что по преклонности лѣтъ [82]), ему трудно будетъ переносить непогоды [83]), онъ хотѣлъ обождать возвращенія Императора изъ похода и тогда явиться къ нему. Чжунълу хотѣлъ было взять съ собой набранныхъ имъ дѣвицъ [84]); но учитель воспротивился этому, говоря: «Когда изъ княжества Ци прислали въ княжество Лу [85]) музыкантовъ [86]), то Конфуцій оставилъ Лу [87]); хотя я и горный дикарь [88]), но какъ могу путешествовать вмѣстѣ съ дѣвицами». Тогда Чжунълу отправилъ Хэла [89]) съ донесеніемъ къ государю; учитель также отправилъ человѣка [90]) къ нему съ адресомъ [91]).

Однажды кто-то просилъ учителя приписать что нибудь къ картинѣ Янь ли бэна, изображающей Тай шана [92]), проходящаго заставу [93]); учитель написалъ:

«Въ то время, какъ онъ шелъ на западъ изъ Шу [94]), и въ заставѣ Хань гуань [95]) разставался съ востокомъ, толпы варваровъ поклонялись ему, и великому Дао положено вновь основаніе.»

Онъ еще написалъ двѣ строфы [96]) и показалъ своимъ спутникамъ. Одна гласила:

«Тревоги отъ утра, до вечера; безумства отъ древности до нынѣ; мысли о пустомъ движеніи и о пустомъ покоѣ [97]); чувство о сущемъ и не сущемъ» [98]).

Другая строфа была слѣдующая:

«Страсти, получивши толчекъ, разрываются и распаляются; не дѣлай, ошибкой, того, что противно Дао [99]); будь терпѣливъ и обуздывай обезьяну и коня [100]), и въ покоѣ проводи годы своей жизни.»

Въ 4-й лунѣ, въ первой декадѣ, собраніе просило его служить 15-го числа [101]) въ кумирнѣ Тянь чанъ гуань; учитель отговаривался дорожными хлопотами, но собраніе усильнѣе настаивало, говоря: «Теперь война еще не кончилась. Изъ оставшихся въ живыхъ, многіе, удостоившіеся видѣть тебя разъ, получили отъ тебя благодать; однѣ только тѣни умершихъ, погруженныя въ мракъ

длинной ночи [102]), не получили избавленія твоими молитвами; онѣ непремѣнно опечалятся.» Учитель согласился. Въ то самое время была засуха. 14-го числа когда началось служеніе, пошелъ сильный дождь; собраніе тревожилось тѣмъ, что неудобно совершать обряды; послѣ полудня учитель взошелъ на жертвенникъ [103]) и только началъ совершатъ служеніе, какъ вдругъ небо очистилось. Собраніе возрадовалось и удивлялось, говоря: «Чего онъ захочетъ, дождя или ясной погоды, то и будетъ; конечно, подобнаго нельзя творить, не имѣя высокой святости и обильныхъ совершенствъ».

На другой день учитель въ залѣ Бао сюань танъ преподавалъ заповѣди [104]). Въ это время пролетѣло нѣсколько журавлей съ сѣверо-запада; всѣ присутствующіе смотрѣли на нихъ; когда сожигали писанныя молитвы [105]), одинъ листъ поднялся на воздухъ и тамъ потухъ; въ то же время, пять журавлей рѣяли надъ нимъ. Всѣ присутствовшіе тутъ, ученые и чиновники, говорили, что учитель дошелъ до такой непорочности, что можетъ повелѣвать природой. Въ память этого событія, Нань танскій старецъ, Чжанъ тянь ду цзы чжень написалъ похвальные стихи; другіе тоже сочинили стихи на этотъ случай.

Когда кончилось служеніе, посланецъ Лю гунъ [106]) отправился съ учителемъ на сѣверъ. Дорога пролегала черезъ Цзюй юнъ; ночью, по сѣверную сторону его [107]), встрѣтили шайку воровъ, которые, поклонившись, удалились, говоря: «Не безпокойте учителя».

Въ 5-й лунѣ онъ прибылъ въ Дэсинъ [108]), въ кумирню Лунь янъ гуань и здѣсь провелъ лѣто. Онъ послалъ въ Пекинъ, къ дворянамъ и чиновникамъ, слѣдующіе стихи:

«Гдѣ найти чудесную ладью [109]), чтобы доплыть до истиннаго бытія? Повсюду, во всѣхъ странахъ свѣта, есть свои красоты; въ прозрачномъ воздухѣ облачные пики—красоты неба [110]); на широкихъ волнахъ есть миражи, виды, порожденные дождемъ [111]). Духъ обтекаетъ всѣ страны свѣта, хотя и далеко пустое пространство, путь къ Дао и тремъ чистотамъ [112]) неуклоненъ; хотя черезъ мертвую влагу [113]) проходятъ 300,000 ли, но, воспаривъ тѣломъ, въ мгновеніе можно достигнуть обители святыхъ».

Въ то время, въ столицѣ нашей вѣры, Суньчжоучуцинъ, Янъбяочжунъвэнь, Шисюйцайцинъ, Лишицзяньцзыцзинь, Лючжунъюнъчжи, Чэньшикэсюйюй, Вучжанъдэминъ, Чжаочжунъличженъцинъ, Ванъжуйвэйцинъ, Чжаофанъдэхуй, Суньситяньси [114]), всѣ эти особы, когда учитель жилъ въ Юйсюй, переписывались съ нимъ стихами. Ванъгоуфынъчэнь и Ваньчженьцзайцинъ фу также съ нимъ вмѣстѣ прогуливались. Монастырь находится на южной сторонѣ Чанъ фанъ шаньской горы [115]). Въ этой горѣ много пещеръ, гдѣ всегда привитаютъ подвижники, занимающіеся изученіемъ Дао и средствами для достиженія святости; учитель, посему, ходилъ туда въ компаніи. При входѣ въ ущелье онъ сочинилъ стихи

«Войдя въ ущелье, идешь въ тишинѣ, среди несравненныхъ красотъ; множество пиковъ и ряды скалъ поднимаютъ острыя, какъ зубы, верхи свои; еще не побывавши на обиталищѣ святыхъ, на Пынъ лаѣ [116]), я прежде видѣлъ пещеры [117]), жилище Даосовъ; тамъ висятъ сосновыя шишки; осенній дождь и роса; каменныя башни, освѣщенныя вкось вечернею зарею; вспомнилъ я давнее время и страну Чжунъ нань [118]); но съ пробужденіемъ, западныя горы изчезаютъ».

Мѣсто это сухо и возвышенно; оно открыто на юго-востокъ [119]) куда взоръ достигаетъ болѣе чѣмъ на 300 ли. Въ нѣсколькихъ ли, на востокъ отъ Гуань, на

ровномъ мѣстѣ, есть ключь чистой и холодной воды, чрезвычайно пріятный; сюда учитель, ходилъ часто и сочинилъ слѣдующіе стихи:

«Послѣ полудня прохаживаюсь я противъ вѣтра, спиной къ солнцу; устремляя «вдаль взоры, вижу горы, покрытыя въ безпорядкѣ облаками; крестьяне, съ «разгоряченными отъ дневнаго жара желудками, освѣжаютъ свои кости холодной «водою источника. Я бродилъ, на сѣверѣ, взадъ и впередъ, безпечно прогуливался «на восточной высотѣ, гдѣ не спорили со мной міряне (земледѣльцы и пастухи уступали ему мѣсто на насыпяхъ и въ тѣни). Подлѣ потока, омывшись, сажусь «въ рощѣ безъ шапки (съ распущенными волосами) и накинувъ рубаху, даю «волю святымъ размышленіямъ.»

Въ **Чжунъ юань** [120]) онъ служилъ въ кумирнѣ, гдѣ жилъ. Послѣ полудня была раздача **фу** [121]) и посвященіе въ монашество; всѣ старые и молодые сидѣли на открытомъ мѣстѣ и много терпѣли отъ жара; вдругъ надъ ними образовалось облако, въ видѣ круглаго покрова, не разсѣевавшееся цѣлы часъ; все собраніе было въ восторгѣ и восхваляло этотъ случай. Кромѣ того, въ той кумирнѣ былъ колодецъ воды, въ которомъ было достаточно для сотни человѣкъ; но такъ какъ въ это время собралось болѣе тысячи, то экономъ намѣревался достать воды изъ другихъ мѣстъ; но три дня до того и послѣ еще три дня, вода въ колодцѣ вдругъ прибыла, такъ, что сколько ни черпали, она не убавлялась; во всемъ этомъ видна была помощь неба, за добродѣтели. Послѣ служенія учитель сочинилъ стихи:

«Великое милосердіе **Тайшана** спасаетъ миріады душъ, существамъ «доставляется счастіе посредствомъ священныхъ книгъ. Храните въ трехъ поляхъ «сѣмя, духъ и эѳиръ [122]); они тоже, что изъ всѣхъ феноменовъ достойнѣйшія чество«ванія солнце, луна и звѣзды. Чувствую, что въ плотяномъ тѣлѣ скрывается «грѣховное начало [123]), и трудно, избѣжавъ осужденія [124]), вступить въ безформенное «бытіе. Въ такомъ случаѣ, посредствомъ служенія Сѣверной Медвѣдицѣ [125]), можно «постепенно подняться въ южныя палаты [126]), въ чертогъ самосожженія» [127]):

Въ началѣ 8-й луны, по просьбѣ **Сюань дэ чжоусскаго Юань шуая** [128]), **Илагуна** [129]), учитель поселился въ кумирнѣ **Чао юань гуань**. 8-й луны, 15-го [130]), онъ сочинилъ двѣ поздравительныя государю [131]) оды. Вотъ первая:

«Облака разорванныя скрылись въ пади, на безграничной пустотѣ лазореваго «цвѣта драгоцѣнное зеркало [132]) лишь вошло въ полный обликъ. Свѣтъ широко «распространяется; простирается за сыпучіе пески [133]) и проникаетъ до западнаго «неба. У смертныхъ иные спятъ, отуманенные виномъ; повсюду пѣсни, пляски и «роскошныя пиршества; но сословіе Даосовъ—это особый родъ людей; пользуясь «чистотой и мракомъ ночи, они прозрѣваютъ въ поле сердца.»

Другая ода слѣдующая:

«Во глубинѣ пещернаго неба [134]), почтенное собраніе добрыхъ друзей насла«ждается безграничнымъ весельемъ. Вознесся бы я въ красную зарю [135]) возлетѣлъ «бы въ пространныя, холодныя палаты [136]), и тайно бросалъ бы оттуда золотыя «монеты [137]). Воздушное пространство наполнено свѣтомъ, демонъ сна далеко бѣжитъ «отъ меня и я смотрю на красавицу луну [138]). Сидя, я забываю мірскія дѣла, «проникаю въ сущность вещей и свободно обтекаю духовный міръ.»

Послѣ того, воздухъ былъ необыкновенно чистъ; въ тихую ночь, въ уединеніи, онъ сочинилъ два четырестишія. Первое:

«Млечный путь [139]) свѣтлѣетъ, ночь глубокая; кругомъ молчаніе, въ окно вѣетъ «прохлада и мысли осѣдаютъ. До меня не доходятъ распри вселенной [140]); въ «уединеніи, одна только мысль господствуетъ, мысль духовнаго человѣка.»

Другое четырестишіе:

«Ночь тиха и молчалива; луна всплываетъ на высоту; горы, рѣки, вся земля, «совершенно изчезли, осталась только слитая природа Дао и Дэ [141]) которая «протекаетъ вверхъ и внизъ, по тремъ небесамъ [142]), тысячи разъ.»

Кумирня Чао юань гуань находится въ сѣверо-западномъ углу города; покровитель ея [143]), Юань шуай Ила Гунъ, по случаю отправленія учителя на сѣверъ, построилъ заново храмъ и залу и поставилъ въ нихъ кумиры. Комнаты и кельи [144]) кругомъ были поновлены. Въ 10-й лунѣ, когда нужно было обрисовать стѣны въ залѣ праотцевъ [145]), живописецъ, по случаю холода, хотѣлъ прекратить работу; но учитель воспротивился тому, говоря: Свирѣль Цзоу янь [146]) возвращала весну; тѣмъ болѣе можно надѣяться на тайную помощь святыхъ и мудрыхъ мужей.» Дѣйствительно, въ эту луну воздухъ сдѣлался тепелъ, какъ весной, безъ малѣйшаго вѣтра и пыли [147]). Такимъ образомъ живописецъ успѣлъ кончить свою работу. По этому случаю учитель сочинилъ слѣдующіе стихи:

«Въ 3-й лунѣ, въ пограничной странѣ, повсюду пронзительный холодъ; свирѣпый вѣтеръ катитъ камни и поднимаетъ песокъ [148]); стаи гусей, наклонивъ крылья, спѣшатъ на югъ и путникъ утомленъ отдаленнымъ путешествіемъ на сѣверъ Когда я прибылъ, въ 10-й лунѣ, иней былъ еще тонокъ, и люди удивлялись, что вода въ горахъ еще течетъ; это не отъ теплаго воздуха малой весны [149]), а дѣло неба, для того, чтобы кончить рисованіе храма.»

Вскорѣ прибылъ Али сянь [150]) изъ ставки великаго князя Огинь [151]), съ приглашеніемъ учителя къ нему; вслѣдъ за тѣмъ прибылъ также Сюань фу Ванъ гунъ Цзюй чуань [152]), говоря, что, по особому повелѣнію великаго князя, онъ проситъ учителя, если онъ поѣдетъ на западъ, заѣхать къ нему. Учитель сдѣлалъ утвердительный знакъ головой [153]). Въ этой лунѣ, во время прогулки въ сѣверныя горы Ванъ-шань, возвратился посланецъ Хэла, отправленный къ Чингису съ адресомъ. Онъ привезъ учителю повелѣніе, съ слѣдующимъ надписаніемъ: Чингиса императора повелѣніе Даосу, святому учителю Цю; въ повелѣніи сказано еще: Ты превзошолъ своей святостію трехъ мужей [154]) доблести твои чтутъ во многихъ странахъ». Подъ конецъ сказано: Какъ скоро облачная колесница (твоя) [155]) тронулась изъ Пынъ лая, то теперь можно тебѣ летѣть на журавлѣ въ Индію [156]). Дарма [157]) пришелъ на востокъ, запечатлѣть истины преданіемъ духа [158]), Лаоши [159]) путешествовалъ на западъ, просвѣтить и варваровъ [160]) и возвести ихъ на степень святости. Надѣюсь, что хотя пространны равнины (раздѣляющія насъ), но недалеко время, когда я узрю столъ и посохъ твой [161]). Поэтому я отвѣчаю на твое письмо, для выраженія тебѣ моихъ мыслей. Не стану распространяться; надѣюсь, ты въ дорогѣ спокоенъ и здоровъ [162]). Такіе знаки уваженія получилъ учитель! Въ повелѣніи на имя Лю чжунъ лу также было сказано: Не заставляй Чжень женя голодать и утомляться, заботься о немъ и путешествуй съ нимъ помаленьку».

Учитель совѣтовался съ посланцемъ, говоря: Въ предстоящемъ пути уже холодно, а песчаный путь далекъ; мои спутники не запаслись всѣмъ, что нужно; лучше итти въ Лунъ янъ и отправиться въ путь весной. Посланецъ согласился. 18-го числа учитель отправился на югъ въ Лунъ янъ. Духовные друзья его, провожая и разставаясь съ нимъ, много плакали; онъ сочинилъ имъ слѣдующіе стихи:

При жизни, временная разлука еще сносна; но тяжела вѣчная разлука по смерти. Въ мірѣ, то истина, то ложъ, и мысли не тверды; горьки страданія въ круговоротѣ перерожденій» [163]).

На другой день, онъ прибылъ въ Лунъ янъ гуань, чтобы провести здѣсь зиму. 11-й луны 14-го числа онъ ходилъ служить въ кумирню Лунъ янь сы, и написалъ стихи на западной галереѣ кумирнаго храма:

«Съ посохомъ въ рукѣ, искалъ я въ горахъ людей; но пустынныя горы погружены въ молчаніе и безцвѣтны; ночью пошелъ снѣгъ и покрылъ скаты утесовъ, и сегодня свѣтъ горъ отражается въ бѣлизнѣ небесъ; небо высоко, солнце низко, между соснами свѣжій вѣтеръ; духъ, блуждая по всѣмъ странамъ, поднимается въ пустой свѣтъ. Хотѣлось бы обрисовать настоящій видъ горъ, но занятія Даоса не описаны.»

Въ 12-й лунѣ, онъ послалъ къ Пекинскимъ духовнымъ друзьямъ своимъ слѣдующіе стихи:

«Настоящее путешествіе, истинно нелегко, въ эту разлуку многое сказалъ бы; на сѣверъ я переступлю за хребетъ Ѣхулинъ [164]); на западъ дойду до страны чудесныхъ коней [165]); въ сѣверныхъ горахъ нѣтъ морскихъ торжищъ [166]); тамъ блеклыя растенія и полосы бѣлаго песку; ахъ, для чего я уже не святой! какъ пройти по великимъ степямъ!»

Потомъ, еще писалъ:

«Если въ столицѣ есть у кого напутные стихи, то пришлите мнѣ ихъ въ Лунъ янъ заранѣе, во время моего отъѣзда за границу; нѣкогда я спокойно снималъ обувь на кровати; а теперь, въ катящейся телѣгѣ, у меня нѣтъ мысли о снѣ.»

Онъ писалъ также къ своимъ столичнымъ духовнымъ друзьямъ:

«Десять лѣтъ продолжаются военныя смуты и народъ горюетъ; изъ тысячей не осталось одного, или двухъ человѣкъ; въ прошломъ году, къ счастію, нашло меня милостивое повелѣніе; нынѣшней весной я долженъ путешествовать подъ холодомъ; я не отказался отъ 3000-лійнаго пути на сѣверъ, за хребетъ (прежняя орда Чингисхана) [167]); но все еще думаю о Шаньдунскихъ 200 городахъ; бѣдность и истощеніе оставили во мнѣ еще нѣсколько дыханія и поскорѣе бы мнѣ избавить свое тѣло и жизнь отъ горя.»

Въ Синь сы [168]), когда въ праздникъ Шанъ юань, учитель служилъ въ Сюань дэ чжоусской кумирнѣ, Чао юань гуань, онъ здѣсь сочинилъ собранію слѣдующіе стихи:

«Рождается кусокъ съ вонючимъ запахомъ и садится сѣмя, изъ котораго созрѣваетъ демонъ истины и лжи трехъ міровъ [169]); его вѣтви и листья разростаются въ безконечность, оно восходитъ за древность и нисходитъ доселѣ, и нѣтъ средствъ противъ него.»

Первой луны, 8-го числа, учитель отправился въ путь. Погода была ясная и спокойная. Духовные друзья его проводили его, съ напутными подарками, въ западное предмѣстіе города и ставъ передъ его лошадью, со слезами говорили: «Учитель! ты идешь за 10,000 ли; когда мы можемъ снова поклониться тебѣ?» Учитель отвѣчалъ: «Вы только будьте тверды въ вѣрѣ и настанетъ день свиданія.» Но братья со слезами, настоятельно спрашивали: «Когда же это время настанетъ?» Учитель сказалъ: «Наше путешетвіе и пребываніе не въ волѣ людей, тѣмъ болѣе, что путешествіе мое—въ страны отдаленныя; нельзя еще знать, придется ли, или не придется тамъ ученіе Дао». Братья говорили: «Какъ не знать тебѣ объ этомъ? просимъ, объяви напередъ намъ». Видя, что нельзя болѣе скрывать, онъ повторилъ два раза: «Черезъ три года вернусь, черезъ три года вернусь».

10-го числа ночевали въ Цуй бинъ коу [170]); на другой день перешли на

сѣверъ, хребетъ Ѣхулинъ [171]). Съ вершины хребта мы смотрѣли на югъ, и внизу видѣли Тайханскія и другія горы [172]); горный воздухъ былъ чудный, На сѣверѣ былъ только холодъ, и виднѣлись пески, да сухая трава. Здѣсь граница Китайскому духу [173]). Но для души Даоса вездѣ хорошо, гдѣ бы не пришлось ему. Сунъ дэ фанъ [174]), указывая на бѣлыя кости, разсѣянныя на полѣ сраженія [175]), сказалъ: «На возвратномъ пути, я совершу золотой обрядъ [176]) за умершихъ; это будетъ доброе дѣло, которымъ я обязанъ путешествію на сѣверъ. между прочимъ».

На сѣверѣ, мы проѣхали Фу чжоу [177]). 15-го числа, на сѣверо-востокъ проѣхали Гай липо [178]), состоящее изъ однѣхъ кочекъ и съ почвой, пропитанной солью, и тогда только увидѣли жилища человѣческія, въ числѣ двадцати слишкомъ домовъ. На югъ отсюда есть соляное озеро [179]), извилинами простирающееся на сѣверо-востокъ. Отселѣ далѣе нѣтъ рѣкъ, а пробавляются колодцами, вырытыми въ пескѣ. Съ юга на сѣверъ, на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ ли, тоже нѣтъ большихъ горъ. Далѣе, черезъ пять дней верховой ѣзды, мы вышли изъ границъ Минъ-чана [180]). Учитель записалъ то, что видѣлъ, стихами:

«Дорога шла по холмистой полосѣ, извилинами, среди перемѣжныхъ кочекъ [181]); куда ни пріѣзжали, повсюду были соленыя полосы и лужи стоячей воды; цѣлый день не встрѣтилъ ни одного путника; въ цѣлый годъ, развѣ изрѣдка, пробѣжитъ возвратный конь [182]); на землѣ не растетъ дерева, а только дикая трава; небо произвело здѣсь только холмы, а не высокія горы; хлѣба здѣсь не растутъ; питаются же молокомъ; одѣваются въ мѣховое платье, живутъ въ войлочныхъ юртаха и тоже веселы.»

Потомъ, черезъ 6 или 7 дней пути, мы вдругъ вступили въ огромную полосу песку; въ низменныхъ мѣстахъ ея росли вязовыя низкорослыя деревья [183]); большія изъ нихъ толщиною въ обхватъ. По дорогѣ на сѣверо-востокъ, за тысячу ли пути, въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ песка, нѣтъ ни одного дерева.

Третьей луны, 1-го числа, мы вышли изъ песчаной полосы и прибыли въ Юй эрръ ли [184]) и здѣсь только встрѣтили жилища, деревню, жители которой, большею частію, занимались хлѣбопашествомъ, и рыболовствомъ. Въ это время былъ уже Цинъ минъ [185]) но весны не было и признаковъ, и ледъ еще не стаялъ. Учитель сочинилъ слѣдующіе стихи:

«Сѣверныя страны, съ глубокой древности, славны своимъ «холодомъ на песчаной полосѣ, въ 3-й лунѣ, вода еще окована льдомъ. Если хочешь найти друга Жо ши [186]), чтобы быть лебедемъ [187]) то знай подражать тому, какъ китъ [188]) превращается въ огромную птицу Пынъ [189]). Су-ву [190]), попавши на сѣверъ, едва не умеръ отъ печали; Ли линъ [191]) тщетно смотрѣлъ на югъ, не имѣя возможности уйти. А я нынѣ, на оборотъ, подражая Луао [192]), обзираю всѣ шесть странъ свѣта [193]), въ духѣ высшей колесницы» [194]).

Третьей луны 5-го числа мы поднялись съ мѣста и ѣхали на сѣверо-востокъ. по всѣмъ сторонамъ, вдали, виднѣлись людскія обиталища, состоявшія изъ черныхъ телѣгъ [195]) и бѣлыхъ юртъ; жители переходятъ съ мѣста на мѣсто, смотря потому, гдѣ есть вода и трава для пастбища; по возвышенностямъ и низменностямъ, не было болѣе ни одного деревца; во всѣ стороны виднѣлись только желтоватыя облака и блеклое растеніе [196]); не перемѣняя дороги, черезъ двадцать слишкомъ дней мы, наконецъ, увидѣли одну песчаную рѣчку, текущую на сѣверо-западъ и впадающую въ рѣку Лугюй [197]). Вода въ рѣчкѣ по брюхо лошади; по берегамъ ея ростутъ густо ивы. Перешедъ рѣчку, мы три дня ѣхали на сѣверъ и вошли въ небольшую песчаную полосу.

Четвертой луны 1-го числа мы прибыли въ ставку великаго князя Огиня [198]); тогда ледъ только что таялъ и на почвѣ появились ростки растеній. Въ то время происходило тамъ брачное празднество. Старшины окрестныхъ кочевьевъ, въ окружности на 500 ли, пріѣхали съ кобыльимъ молокомъ, для вспоможенія [199]). Черныя телѣги и войлочныя юрты стояли рядами, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ. 7-го числа учитель представлялся великому князю, который спрашивалъ его о способахъ продленія жизни [200]); учитель отвѣтилъ, что надобно напередъ попоститься, а потомъ уже слушать его наставленія; рѣшено было дать наставленія въ 15-ое число; но въ назначенный день выпалъ большой снѣгъ, поэтому дѣло не состоялось. Великій князь сказалъ: «Императоръ послалъ нарочнаго за тобой, за 10,000 ли, желая слышать твои наставленія. Какъ же я осмѣлюсь прежде его слушать тебя?» [201]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приказалъ Алисяню, по представленіи Чингису, на обратномъ пути, заѣхать къ нему съ учителемъ. 17-го числа, великій князь прислалъ, на подъемъ, быковъ и лошадей, до сотни, да десять телѣгъ. Путь нашъ лежалъ на сѣверо-западъ.

22-го числа мы прибыли къ рѣкѣ Лугюй. Воды ея образуютъ здѣсь озеро [202]), въ окружности на нѣсколько сотъ ли. Поднятыя вѣтромъ волны выкидывали большихъ рыбъ; Монголы наловили ихъ по нѣскольку каждый [203]). Слѣдуя на западъ, по южному берегу рѣки, мы индѣ находили порей и ѣли его. 5-й луны 1-го числа, въ самый полдень, было солнечное затмѣніе, во время котораго видны были звѣзды; но вскорѣ опять просвѣтлѣло. Мы находились въ то время на южномъ берегу рѣки; затмѣніе началось съ юго-западнаго края, а просвѣтлѣніе съ сѣверо-восточнаго края солнца [204]). Въ здѣшней сторонѣ утромъ холодно, а вечеромъ тепло; много растенія съ желтыми цвѣточками; рѣка течетъ на сѣверо-востокъ; по обоимъ берегамъ ея растетъ много высокихъ ивъ. Монголы пользуются этимъ деревомъ дѣлая изъ него свои юрты [205]). Послѣ 16 дней пути, рѣка уклонилась на сѣверо-западъ, въ горы; мы не могли узнать ея истоковъ; на юго-западъ, мы выѣхали на почтовую дорогу Юй эррь ли [206])· Монголы весело говорили, что они за годъ слышали о томъ, что учитель будетъ сюда; они поднесли ему одну дань и пять доу [207]) крупы; учитель отплатилъ имъ однимъ доу цзаоръ [208]). Монголы восхищались, говоря, что они еще не видали такой вещи, и весело благодаря ушли.

Далѣе [209])мы путешествовали десять дней; въ лѣтній поворотъ солнца, тѣнь отъ него, по нашему измѣренію, была 3 фута и шесть или семь вершковъ. Мало по малу, показались пики высокихъ горъ [210]) Отселѣ на западъ постепенно были горы и холмы; обитателей весьма много, всѣ они тоже живутъ въ черныхъ телѣгахъ и бѣлыхъ юртахъ. Обычныя занятія ихъ суть скотоводство и звѣроловство. Одѣваются въ кожаное и мѣховое платье, питаются мясомъ и молокомъ. Мужчины и дѣвицы связываютъ волосы и опускаютъ ихъ на уши. Замужнія женщины надѣваютъ на голову бересту, фута въ два вышины [121]) и весьма часто накрываются сверху черной шерстяной фатой, а богатыя женщины красной сырцовой тафтой; хвосты этихъ шапокъ походятъ видомъ на гуся или утку, и называются Гугу; онѣ весьма боятся, чтобы кто нибуть неосторожно не наткнулся на эти шапки, и входятъ въ юрты, или выходятъ изъ нихъ, нагнувшись внизъ, и задомъ. Народъ этотъ не знаетъ письменности; договариваются только на словахъ и заключаютъ контракты нарѣзываніемъ мѣтокъ на деревѣ [212]). Встрѣтивъ обѣдъ, они безъ церемоніи садятся вмѣстѣ съ хозяевами; въ время бѣдствій, бѣгутъ на перерывъ; приказаній никогда не ослушиваются и давши слово, не измѣняютъ ему; у нихъ остались слѣды нравовъ глубокой древности. Учитель выразилъ это въ слѣдующихъ стихахъ:

«Куда бы взоръ ни достигалъ, не видно конца горамъ и рѣкамъ; вѣтеръ и туманъ безпрерывны и рѣки вѣчно текутъ. Для чего Творецъ [213]), образуя вселенную, въ этихъ странахъ повелѣлъ людямъ пасти коней и коровъ? Они пьютъ кровь, жрутъ шерсть [214]), какъ въ глубокой древности; носятъ высокія шапки и связываютъ волосы различно отъ Китая. Святые мудрецы не могли завѣщать имъ письменнаго образованія, и они цѣлые вѣка живутъ безпечно, довольствуясь сами собой.»

Далѣе, черезъ четыре переѣзда на сѣверо-западъ, мы переправились черезъ рѣку [215]), за которой началась равнина; на окраинахъ ея горы и долины прекрасны, трава тучная и вода добрая; на западѣ и востокѣ есть основанія древняго города [216]), еше свѣжія; можно было распознать улицы и переулки; устройство походитъ на китайское; время построенія его нельзя было узнать за неимѣніемъ памятниковъ; говорили, впрочемъ, что онъ построенъ Киданьцами. Вскорѣ нашли въ землѣ старую черепицу съ киданьскими на ней буквами. Это былъ, вѣроятно, городъ, построенный тѣми киданьскими воинами, которые удалились сюда, не желая поддаться новой династіи [217]). Говорили также, что отсюда на юго-западъ, болѣе 10,000 ли, есть городъ Сюнь сыгань [218]), построенный въ самомъ лучшемъ мѣстѣ государства Хой-хэ [219]), который составляетъ столицу Киданьцевъ [220]), гдѣ царствовали преемственно семь ихъ императоровъ.

6-й луны 13-го числа мы достигли хребта Чанъ сунъ линъ [221]) и остановились позади его. Сосны и ели растутъ густо, во множествѣ, поднимаясь до облаковъ и заслоняя солнце; большею частію онѣ растутъ на сѣверной сторонѣ горъ, по падямъ; на южной же сторонѣ весьма мало. 14-го числа мы переѣхали гору и перешли мелкую рѣку. Время было такъ холодно, что и крѣпкимъ становилось не въ мочь. Вечеромъ того дня мы ночевали на ровномъ мѣстѣ. 15-го числа, рано утромъ, кругомъ нашихъ юртъ образовался тонкій слой льду. 17-го числа мы ночевали на западѣ отъ хребта; это было въ первый періодъ жаровъ [222]); утромъ и вечеромъ тоже замерзала вода; иней палъ уже три раза; вода въ рѣкѣ была смѣшена со льдомъ и холодна, какъ въ жестокую зиму. Туземцы говорили, что въ другіе годы, въ 5-й и 6-й лунѣ, обыкновенно выпадалъ снѣгъ; а нынѣшній годъ, къ счастію, еще ясно и тепло. Учитель переименовалъ хребетъ въ Дахань линъ [223]). Всякій разъ, какъ шелъ дождь, падало много граду. Дорога по горамъ, извиваясь, шла на сѣверо-западъ болѣе ста ли, и потомъ опять на сѣверо-западѣ, мы увидѣли ровное мѣсто; здѣсь есть каменистая рѣка, простирающаяся болѣе, чѣмъ на 50 ли; берега ея вышиной болѣе ста футовъ; вода въ рѣкѣ чистая и холодная, весьма пріятная и журчитъ, какъ звонкій нефритъ; по крутымъ берегамъ ея растетъ лукъ отъ трехъ до четырехъ футовъ вышины; въ падяхъ растутъ сосны болѣе ста футовъ вышиной. Западныя горы тянутся сплошной грядой; на нихъ густо растутъ высокія сосны. Мы ѣхали горами пять или шесть дней; дорога извивалась около пиковъ. Прекрасны были выси горъ, покрытыя цвѣтущимъ лѣсомъ; внизу текъ потокъ; на ровномъ мѣстѣ, повсюду, расли вмѣстѣ сосна и береза, какъ будто человѣческія жилища. Затѣмъ мы поднялись на высокій хребетъ, имѣвшій видъ длинной радуги; отвѣсъ его внизъ былъ на 1,000 саженей; смотрѣть въ глубину, внизъ на озеро, было страшно.

28-го числа мы остановились на востокъ отъ орды [224]). Посланецъ отправился напередъ доложить о нашемъ прибытіи императрицѣ и получилъ отъ нея приказаніе просить учителя переправиться черезъ рѣку. Рѣка эта течетъ на сѣверо-востокъ [225]); широка и глубока по ступицу колеса. Переправившись черезъ рѣку, мы вступили въ становище и тутъ оставили телѣги; на южномъ берегу были тысячи телѣгъ и

юртъ. Каждый день приготовляли кумысъ [226]) и сливки. Царевны изъ дома Китайскаго и Ся [227]) прислали въ подарокъ одно доу рису и 10 ланъ [228]) серебра; здѣсь, за 50 ланъ, можно купить только 80 гиновъ муки; ибо мука приходитъ сюда изъ-за сѣверныхъ горъ, болѣе чѣмъ за 2000 ли [229]); торгующіе варвары западныхъ странъ [230]) доставляютъ ее вьюками на верблюдахъ. Въ среднiй періодъ жаровъ въ юртахъ не было мухъ. Орда, по нашему сказать, походный дворецъ, Колесницы и юрты орды имѣютъ величественный видъ; такого великолѣпія не было у древнихъ Шаньюй [231]).

7-й луны 9-го числа мы вмѣстѣ съ посланцемъ отправились на юго-западъ [232]) и ѣхали пять или шесть дней; мы нѣсколько разъ замѣчали на горахъ снѣгъ, а у подошвы горъ, часто попадались могильныя насыпи; поднявшись на одинъ высокій холмъ, мы замѣтили тамъ слѣды жертвоприношеній духамъ [233]). Потомъ, черезъ два или три дня, мы переѣхали черезъ гору, поднимающуюся вверхъ пикомъ, какъ будто обсѣченнымъ; по горѣ въ обиліи растутъ сосна и ель [234]). На западѣ есть озеро, по выходѣ на югъ изъ огромнаго ущелья, есть рѣка, текущая на западъ; на сѣверной сторонѣ ея множество разныхъ деревъ; мелкій дикій лукъ цзю [235]) росъ по обѣимъ сторонамъ дороги обильно, какъ душистая трава, на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ ли. На сѣверѣ было древнее городище называемое Хэласяо [236]). На юго-западъ мы проѣхали песчаную полосу, около 20 ли, гдѣ весьма мало воды и травы, и здѣсь впервые увидѣли Хой хэ [237]), которые орошали пшеницу, посредствомъ вырытыхъ водопроводовъ. Потомъ пять, или шесть дней, ѣхали до перевала черезъ хребетъ, откуда, на югъ, мы прибыли въ монгольскій станъ, въ которомъ и переночевали въ юртѣ. Съ разсвѣтомъ, мы снова отправились вдоль южныхъ горъ, на которыхъ мы усматривали снѣгъ, Учитель изложилъ это путешествіе въ слѣдующихъ стихахъ:

«(Въ день, когда) въ прежнія времена, Сида постигъ воздушное пространство [238]), тронувшись въ путь, я прежде прибылъ въ Яньцзичэнъ (фу чжоу) [239]), на сѣверъ, въ три мѣсяца, прибылъ къ большой рѣкѣ (Лугюй; сюда прибылъ онъ въ концѣ 4-й луны, проѣхавши болѣе 2,000 ли); на западъ, достигъ до скопища снѣга, въ полгода (т. е. до селѣ; на горахъ постоянно снѣгъ; отсюда на востокъ до рѣки Лугюй будетъ 5,000 ли: прибылъ сюда въ концѣ 7-й луны). Я не могу скрыться въ землю и сидя поворотить вѣтеръ (у Даосовъ есть таинственныя средства поворотить вѣтеръ, скрыться въ землю, достать рукой созвѣздіе Медвѣдицы и скрыться въ небѣ) [240]); напротивъ, принужденъ слѣдовать за теченіемъ солнца по небесному пространству, дошелъ я до предѣловъ рѣкъ и границъ горъ; а вечернее солнце заходитъ, по прежнему, все на западъ.»

Станціонные сказывали, что на сѣверѣ этихъ снѣжныхъ горъ стоитъ Балгасунъ Тянь чжень хая [241]); Балгасунъ, по нашему, значитъ городъ; въ немъ есть хлѣбные магазины; посему онъ называется также Цанъ тоу [242]). 7-й луны 25-го числа живущіе здѣсь ремесленники и рабочіе изъ Китайцевъ [243]), толпой вышли на встрѣчу учителю; всѣ они были въ восторгѣ, восклицали и кланялись ему и пошли напередъ его съ разноцвѣтными хоругвями, цвѣтными зонтами и душистыми цвѣтами. Двѣ царскія наложницы Чжанъ-цзуна [244]), изъ коихъ одна изъ фамиліи Ту шань, другая—Гя гу [245]), равно мать китайской царевны [246]), боярыня Циньшенъ, изъ фамиліи Юань, встрѣтили учителя съ воплемъ и со слезами. Боярыня говорила ему: «Въ прежнее время я давно уже слышала славу о высокихъ доблестяхъ твоихъ и жалѣла, что ни разу не видѣла тебя; неожиданно мы встрѣтились въ здѣшней сторонѣ». На другой день посѣтилъ учите-

ля Чжень-хай съ сѣверной стороны горъ Абухань [247]). Учитель, въ разговорѣ съ нимъ, говорилъ ему: «Хотя я уже въ преклонныхъ лѣтахъ, однакожь, повинуясь двукратному настоятельному повелѣнію императора, отправился въ далекій путь; я проѣхалъ нѣсколько тысячь ли прежде, чѣмъ достигъ управляемой тобою страны. Въ Шамо [248]), большею частію, не занимаются земледѣліемъ; поэтому я обрадовался, увидѣвъ здѣсь зрѣлыя жнивы. Хотѣлось бы провести здѣсь зиму и обождать возвращенія императора. Какъ вы думаете объ этомъ?» Посланецъ сказалъ на это: «учитель получилъ непремѣнное повелѣніе; поэтому я, съ своей стороны, не смѣю ничего сказать. Пусть разсудитъ это Чжень-хай.» Чжень-хай сказалъ: «Недавно было повелѣніе императора всѣмъ начальникамъ мѣстъ, дабы они, если учитель будетъ проѣзжать у нихъ, не замедляли его путешествія; очевидно, что онъ желаетъ скорѣе видѣть тебя. Если ты останешься здѣсь, то вина будетъ на мнѣ. Я рѣшился ѣхать вмѣстѣ съ тобою; что же тебѣ нужно, я, разумѣется, не смѣю не позаботиться.» Учитель сказалъ на это: «Если такова судьба, то остается избрать день для отъѣзда.» Чжень-хай сказалъ: «Впереди будутъ высокія и крутыя горы и обширныя болота, гдѣ нользя проѣхать въ экипажѣ; надобно будетъ сократить число телѣгъ и спутниковъ и ѣхать на легкѣ верхомъ.» Согласно съ этимъ совѣтомъ, учитель оставилъ здѣсь девять учениковъ своихъ, Сунъ дао аня и другихъ, и избралъ мѣсто для монастыря; помощники явились безъ зова; крѣпкіе помогали своей силой, ремесленники своимъ искуствомъ, богатые деньгами; святые храмы, настоятельская комната, кухня на восточной, флигель на западной сторонѣ, по бокамъ кельи (черепицы въ дѣлѣ не было, только глина и дерево); все кончили менѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ. Надпись на доскѣ [249]) гласила: Сися гуань [250]). Въ это время хлѣбъ не былъ еще убранъ. Въ началѣ 8-й луны выпалъ иней; по этому жители спѣшили убрать пшеницу. Поднялся сильный вѣтеръ съ запада, вдоль сѣверныхъ горъ; тучи желтаго песка закрыли небо, такъ, что нельзя было различать предметовъ. По этому случаю учитель, со вздохомъ, произнесъ стихи:

«Я тоже всесвѣтный человѣкъ; съ раннихъ поръ, оставивъ путь подвижничества, я блуждаю подъ вѣтромъ и пылью; я не годенъ; волосы мои сѣды и склоняюсь я къ старости; и попираю желтый песокъ и странствую далеко; еще до смерти, мнѣ суждено обозрѣть міръ и остатокъ жизни мнѣ не дано провести въ наслажденіи небесною истиною; посѣтивъ четыре горы и пять пиковъ [251]), облетѣвъ всѣ страны свѣта, я войду, наконецъ, въ чинъ духовъ.»

8-го числа, взявъ съ собой десять учениковъ, Сюй цзинъ сянь шенъ, Чжао цэю-чу [252]) и другихъ, на двухъ телѣгахъ и въ сопровожденіи 20 слишкомъ станціонныхъ Монголовъ, учитель отправился около великихъ горъ на западъ; у посланца Люгуна и Чжень хая Сянъ гуна [253]) было также сто вершниковъ. На дорогѣ, слуга Чжень хая разсказывалъ Ли цзяну, что, передъ тѣмъ, у этихъ горъ, оборотень схватилъ его за волосы на затылкѣ и чрезвычайно напугалъ его. Чжень хай тоже говорилъ, что Найманьскій государь, проѣзжая этими мѣстами, былъ обмороченъ горнымъ оборотнемъ [254]) и принесъ ему въ жертву отборныя кушанья. Учитель не сказалъ на то ни слова [255]). Ѣхавши на юго-западъ около трехъ дней, мы поворотили на юго-востокъ, переѣхали большую гору, проѣхали большимъ ущельемъ и 15-го числа прибыли къ сѣверо-восточной сторонѣ Цзиньшаньскихъ горъ [256]). Остановившись здѣсь на нѣсколько времени, мы снова поѣхали на югъ. Горы эти высоки и велики, съ глубокими ущельями и длинными скатами; телѣгамъ здѣсь нельзя ѣхать. Дорога

проложена здѣсь впервые третьимъ царевичемъ [257]), во время его похода. Ста вершникамъ приказано было, при подъемѣ, привязавъ веревки къ оглоблямъ нашихъ телѣгъ, тащить ихъ на гору, а при спускѣ, тормозить колеса. На пространствѣ около четырехъ переѣздовъ, мы сряду переѣхали три хребта и, выѣхавши на югъ горъ, остановились подлѣ рѣки. Провожатые чиновники разставили здѣсь шатры, станомъ, по обилію воды и травы, и въ ожиданіи станціонныхъ быковъ и коней. Уже черезъ нѣсколько дней мы отправились. Учитель сочинилъ три станса:

1-й. «Въ 8-й лунѣ, подъ холоднымъ вѣтромъ, воздухъ прохладенъ и чистъ; какъ можно описать видъ вечерняго прозрачнаго неба? Хочу воспѣть величественныя красоты здѣшнія, но нѣтъ дара; и я напрасно стою передъ золотыми горами, освѣщенными луною.»

2-й. «По южную сторону золотыхъ горъ, протекаетъ большая рѣка, брожу я по изгибамъ ея и наслаждаюсь чистой осенью; вотъ осенняя вода, вечернее небо и луна, выходящая изъ-за горъ; я, одинокій, пою чистую пѣснь свѣтлому ночному шару.»

3-й. «Золотая гора велика, но не одна она высока; кругомъ тянутся длинные отроги, водруженные крѣпкими стопами, средина большихъ горъ перерѣзывается полосой лѣса, который простирается до облаковъ, заслоняетъ солнце и вѣчно воетъ и шумитъ.»

Переправившись черезъ рѣку, мы, на югъ, проѣхали небольшую гору, въ которой камни разноцвѣтны; подлѣ этой горы не растетъ ни дерева, ни травы; на пространствѣ 70 ли, встрѣтились на дорогѣ также двѣ красныя горы; потомъ, 30 ли, ѣхали мы до небольшаго песчанаго колодца, вырытаго въ солончакѣ; посему мы здѣсь остановились и на колодезной водѣ приготовили пищу; зеленая трава въ окрестности почти вся помята была овцами и лошадьми.

Посланецъ совѣтовался съ Чженьхаемъ, говоря: «Здѣшнія мѣста самыя трудныя для проѣзда; какъ вы думаете, такъ и будетъ.» — Сянъ гунъ отвѣчалъ: «Я давно знаю эти мѣста.» Они отправились къ учителю посовѣтоваться. Сянъ гунъ сказалъ ему: «Впереди урочище бѣлыхъ костей; все пространство усѣяно черными камнями; надобно будетъ ѣхать [258]) болѣе 200 ли до сѣвернаго края песчаной полосы, гдѣ много воды и травы; потомъ надобно болѣе ста ли ѣхать песчаной полосой, длина которой, съ востока на западъ, не вѣдомо сколько тысячь ли, до города, принадлежащаго Хой хэ, гдѣ только и можемъ найти воду и траву». Учитель спросилъ: Чтò такое урочище бѣлыхъ костей?» Сянъ гунъ сказалъ: «Это древнее мѣсто побоища; утомленные воины, доходя сюда, умирали; изъ десяти, не возвратилось ни одного; это поле смерти. Недавно, великая Найманьская сила также была разбита на этомъ мѣстѣ [259]). Проходящіе днемъ, въ ясную погоду, люди и кони падаютъ отъ утомленія и умираютъ; только поднявшись вечеромъ и путешествуя ночью, можно пройти половину пустыни, а на другой день, къ полудню, дойти до воды и травы.» Нѣсколько отдохнувши, послѣ полудня, мы отправились въ путь. Мы проѣхали болѣе ста песчаныхъ холмовъ, какъ будто плыли въ ладьѣ по огромнымъ волнамъ. На другой день, между часомъ чэнь и сы [260]), достигли того города. Ѣхать ночью намъ было весьма хорошо и удобно; только боясь, чтобы въ ночномъ мракѣ насъ не обморочили злые духи, мы, для отогнанія ихъ, мазали головы своихъ коней кровью [261]). Видя это, учитель, смѣясь, сказалъ: «Нечистые оборотни и демоны, встрѣтивъ прямаго человѣка, бѣгутъ отъ него далеко; объ этомъ писано и въ книгахъ, и кто этого не знаетъ? Зачѣмъ Даосамъ заботиться о подобныхъ вещахъ?» Съ

закатомъ солнца, мы отправились въ путь; всѣхъ усталыхъ быковъ мы побросали на дорогѣ и запрягли въ телѣги по шести лошадей. Съ сихъ поръ мы больше уже не употребляли быковъ. Находясь еще на сѣверной сторонѣ песчаной полосы, мы замѣтили на южномъ горизонтѣ, какъ будто серебристую зарю; когда мы спросили спутниковъ нашихъ: что это такое? никто изъ нихъ не зналъ. Учитель сказалъ: «Это должно быть Инь шань [262]). На другой день, переѣхавъ песчаную полосу; мы встрѣтили дровосѣковъ, и спрашивали ихъ о томъ же; всѣ они подтвердили слова учителя. По сему случаю учитель, на дорогѣ, сочинилъ слѣдующіе стихи:

«Высоки [263]) какъ облака, бѣлы какъ песокъ; издали смотрѣть, не знаешь навѣрное, не обманъ ли то зрѣнія; но мало по малу, различаемъ на горахъ кучи нефритовыхъ крупинокъ; смотрѣть издали, какъ будто солнечные лучи пронзаютъ серебристое облако; простираясь по воздушному пространству, прямой линіей [264]) на тысячу ли, онѣ надзираютъ, на землѣ, рядъ городовъ и человѣческихъ жилищъ. Отъ древности до нынѣ, онѣ не сокрушаются, я воспѣваю ихъ въ стихахъ, смотря на югъ, прямо на нихъ».

Въ 8-й лунѣ 27-го числа, мы прибыли къ сѣверной сторонѣ Инь шани. Хой хэ вышли къ намъ на встрѣчу на сѣверъ небольшаго города; старшина приготовилъ винограднаго вина, отличныхъ плодовъ, большихъ лепешекъ, круглаго луку [265]) и персидскаго холста [266]) каждому по футу [267]). Онъ сказывалъ, что въ 300 ли, по южную сторону Инь шани находится Хэ чжоу [268]) Здѣсь страна весьма жаркая; винограду множество. На другой день мы отправились на западъ подлѣ рѣки и проѣхали два городка; повсюду были жители; въ это время пшеница на поляхъ только что созрѣла; всѣ поля орошаются водою источниковъ и оттого, получаютъ яровое; ибо дожди здѣсь рѣдки. На западъ отсюда прибыли въ большой городъ Бѣ сы ма [269]), государь [270]), чиновники, благородные и народъ, монахи буддійскіе и даосскіе [271]), въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, въ процессіи, далеко вышли встрѣчать насъ. Буддійскіе монахи были въ красномъ платьѣ; у Даосовъ платье и шапки совершенно отличны отъ нашихъ. Мы остановились на западъ отъ города и помѣстились въ высокой палатѣ одного виноградника. Тогда родичи Хой хэсскаго князя принесли намъ винограднаго вина, чудесныхъ цвѣтовъ, разныхъ плодовъ, рѣдкихъ благовоній и разставили карликовъ-музыкантовъ, которые всѣ были Китайцы. Благородные и народъ, съ каждымъ днемъ, оказывали учителю болѣе уваженія. Въ обществѣ его сидѣли и Буддисты, и Даосы, и Конфуціавцы [272]). Когда онъ разспрашивалъ ихъ объ обычаяхъ здѣшней страны, они говорили: «Здѣшнее мѣсто, во времена династіи Танъ было Бэйтинской [273]) Дуань фу [274]). Въ 3-й годъ правленія Цзинъ-лунъ [275]), Янъ-гунъ хэ былъ здѣшнимъ Дадуху [276]). Онъ сдѣлалъ здѣшней странѣ много добра, такъ что варвары были ему преданы; благотворенія его простерлись и на потомство, и мы нынѣ еще пользуемся ими. Въ кумирнѣ Лунъ синъ си сы есть два каменные памятника, на которыхъ описаны его доблести въ полномъ свѣтѣ. Въ кумирнѣ есть полное [277]) собраніе буддійскихъ книгъ. Въ настоящее время, еще вездѣ встрѣчаются пограничные города Танской династіи. Отсюда на востокъ, въ нѣсколькихъ стахъ ли, есть фу [278]), называемое Силянъ [279]), отсюда на западъ, въ 300 слишкомъ ли, есть сянь [280]), называемый Лунь тай» [281]). Учитель спросилъ: «Сколько еще пути до мѣстопребыванія императора?» Всѣ сказали, что отсюда на югозападъ будетъ болѣе 10,000 ли. Въ эту ночь былъ вѣтеръ и дождь; за виноградникомъ пало одно большое дерево. По этому случаю, учитель сочинилъ стихи и показалъ ихъ спутникамъ:

«Ночью мы стояли подъ горою Инь шань; гора погружена была въ ночную тишину и покой; въ безграничной пустотѣ стемнѣли облака и зашумѣли листья на большомъ деревѣ; за тысячи ли пути, время и въ три зимніе мѣсяца тепло [282]); дерево цѣликомъ рухнулось на земь и рѣзкій вѣтеръ свободно кружилъ на немъ.»

Девятой луны 2-го числа, мы отправились на западъ и черезъ четыре дня остановились на востокъ отъ Лунь тая. Глава Дѣско [283]) встрѣтилъ насъ. На югѣ, въ Иньшаньскомъ хребтѣ, воздымались три пика, упираясь въ небо. По сему случаю, учитель написалъ стихи и подарилъ ихъ учащемуся Любосяну, Шенъ сянъ женю [284]). Стихи слѣдующіе:

«Три пика, вмѣстѣ, вонзаются въ холода облаковъ; четыре отвѣса стоятъ рядами поперегъ, окруженные падями и уступами. Снѣжный хребетъ сопредѣленъ небу, куда не достигнуть людямъ; тамъ ледяное озеро освѣщается солнцемъ и простымъ смертнымъ трудно зрѣть его, (говорятъ, что когда смотрятъ на это озеро то разсудокъ омрачается); въ горѣ есть глубокій утесъ, куда можно скрыться отъ гибели меча, (этотъ утесъ неприступенъ и крѣпокъ; если укрѣпиться на немъ и охранять его во время военныхъ смутъ, то можно избѣгнуть бѣдствій войны); скопище водъ можетъ увлажнять сухія поля, (внизу есть источники воды, которой можно орошать поля съ хлѣбомъ; каждый годъ, оттого, яровое и созрѣваетъ); эта славная твердыня есть первая въ сѣверныхъ странахъ и нѣтъ человѣка, который изобразилъ бы ее на картинѣ.»

Потомъ, проѣхавъ еще два города, 9-й луны 9-го числа, мы достигли города Чанъ-бала [285]), принадлежащаго Хой хэ. Владѣтель здѣшній Уй-вуръ [286]), давно знакомый съ Чжень хаемъ, въ сопровожденіи своихъ родичей и монаховъ Хой хэсскихъ, вышелъ къ намъ далеко на встрѣчу. Когда мы вступили въ городъ, князь угостилъ насъ обѣдомъ на террасѣ; даже жена его подчивала насъ виноградньмъ виномъ; поднесли намъ арбузовъ, которые вѣсили по безмѣну [287]); дыни были съ цѣлую подушку [288]), съ ароматомъ и вкусомъ, которыхъ не знаютъ у насъ въ Китаѣ; огородныя овощи здѣсь такія же, какъ и у насъ. Однажды приходилъ къ учителю посидѣть буддійскій монахъ; учитель спросилъ его черезъ переводчика: Какія книги читалъ онъ? Монахъ отвѣчалъ, что, постригшись въ монашество и принявъ его обѣты, онъ занимается только поклоненіемъ Буддѣ Надобно замѣтить, что страна отселѣ на востокъ, при Танской династіи, принадлежала Китаю; на западъ отсюда уже нѣтъ ни Буддистовъ, ни Даосовъ. Хой хэ поклоняются только западу.

На другой день мы ѣхали вдоль Иньшань на западъ, переѣздовъ десять; переѣхали также песчаную полосу: песокъ мелокъ и при вѣтрѣ пересыпается въ видѣ воздымающихся волнъ, то собираясь въ кучи, то снова разсѣеваясь; здѣсь нѣтъ ни былинки растенія; телѣги вязнутъ, кони тонутъ въ пескѣ; мы вышли изъ этой степи только черезъ цѣлыя сутки. Вѣроятно, это есть часть огромной полосы Богудяньскихъ песковъ. На югъ она примыкаетъ къ подошвѣ Инь шань. Пройдя пески, мы ѣхали пять дней и остановились на сѣверной сторонѣ Инь шани. На другой день, раннимъ утромъ, мы ѣхали на югъ, по длинному скату, ли 70, или 80, и остановились на ночевье, къ вечеру. Воздухъ былъ толоденъ; воды не было. На другой день, рано утромъ, мы поднялись и поѣхали на юго-западъ; ли черезъ двадцать, мы очутились вдругъ у огромнаго озера, имѣющаго въ окружности около 200 ли; снѣжные пики, окружая его со всѣхъ сторонъ, отражались въ водахъ озера [289]). Учитель назвалъ его небеснымъ озеромъ. Слѣдуя подлѣ озера, мы спу-

стились прямо на югъ; по обѣ стороны насъ стояли отвѣсныя скалы и воздымались пики; густой лѣсъ сосенъ и березъ, вышиною болѣе ста футовъ, въ безчисленномъ множествѣ, покрывалъ горы съ вершины до подошвы ихъ. Потоки воды стремятся въ ущелье быстрыми струями и каскадами, и извиваются въ немъ около 60 или 70 ли. Второй царевичъ [290]), бывшій во время похода съ императоромъ, первый проложилъ здѣсь дорогу, пробивъ скалы, и изъ нарубленнаго лѣса устроилъ 48 мостовъ [291]); по мостамъ могутъ проѣхать двѣ телѣги рядомъ. Къ вечеру мы остановились въ ущельѣ на ночевье На другой день, мы, наконецъ, выѣхали изъ ущелья и вступили въ огромную долину, простирающуюся съ востока на западъ. Здѣсь воды много, трава богатая; воздухъ какъ весной; было немного тутовыхъ деревьевъ и жужубовъ. Потомъ, черезъ одинъ переѣздъ, 9-й луны 27-го числа мы прибыли въ городъ Алима [292]). Владѣтель государства Пусумань [293]), вмѣстѣ съ монгольскимъ Да-ла-ху-чжи [294]), во главѣ свитъ своихъ, вышли намъ на встрѣчу. Мы остановились въ западномъ плодовомъ саду. Туземцы называютъ плодъ, по своему, алима [295]) и такъ какъ здѣсь много плодовъ, то они и назвали городъ именемъ плода. Здѣсь есть ткань, называемая ту-лу-ма [296]); въ народѣ говорятъ, что она соткана изъ посаженной шерсти овецъ [297]). Мы получили тогда 7 кусковъ этой ткани, для теплаго платья. Эта шерсть походитъ на нашъ ивовый пухъ, чиста, тонка и мягка; изъ нея можно прясть нитки, вить веревки, ткать холстъ и дѣлать вату [298]). Земледѣльцы здѣшніе тоже орошаютъ поля водопроводами. Туземцы берутъ воду кувшинами, которые носятъ на головахъ. Когда они увидѣли китайскую бадью, для черпанія воды, то, восхищаясь ей, говорили: У васъ Тао хуаши всѣ вещи искусны. Таохуаши называютъ они Китайцевъ [299]). Учитель изобразилъ путешествіе наше отъ Цзиньшань до сего мѣста въ слѣдующихъ стихахъ:

«На востокѣ Цзиньшань, на западѣ Иньшань; тысячи отвѣсовъ и 10,000 пропастей, ихъ сжимаютъ глубокіе потоки; по берегамъ потоковъ навалены камни, поперегъ дороги; здѣсь издревле до нынѣ, невозможно было пройти ни колесамъ, ни конямъ; но въ прежній годъ, когда возникла война, два царевича устроили дороги, подняли мосты и отвели воду потоковъ. Въ нынѣшнемъ году, мы, Даосы, пробирались на западъ и шумъ отъ нашихъ телѣгъ и топотъ коней снова раздался въ сихъ мѣстахъ. Серебряная гора, съ желѣзными отвѣсами, съ безчисленными уступами, съ пиками, поднимающимися одинъ выше другаго! Прославляю твое спокойное и суровое величіе; по восходѣ солнца, съ вершины ея, океанъ кажется близкимъ; при свѣтѣ луны, она воздымается до небесной рѣки [300]); достигающія до небесъ сосны, прямыя, какъ черенки кистей, густыя, движущіяся и высокія, поднимаются болѣе чѣмъ на сто футовъ; онѣ, въ безчисленномъ множествѣ, цвѣтутъ и зеленѣютъ, одна подлѣ другой; ни одна птица не поетъ; пусто и молчаливо. Горы Янь-чанскія и Мынъ-мыньскія [301]), превышающія Тайханскій хребетъ, въ сравненіи съ здѣшними горами, кажутся обыкновенными. Поднимаясь въ двухъ телѣгахъ и спускаясь, мы страдали отъ толчковъ,—а спереди и сзади насъ шли, со страхомъ, сто всадниковъ; на вершинѣ горы стоитъ море,—Небесное озеро; ровная поверхность его, на сто ли, отражала тысячи видовъ; придерживая телѣги и удерживая лошадей, спускались мы съ горы на западъ, и черезъ 48 мостовъ, внизъ, спустились на 100,000 футовъ. На югъ отъ рѣки и на сѣверѣ моря [302]), горы безконечны, виды ихъ безпредѣльноразнобразны, и общій видъ ихъ одинаковъ [303]); но онѣ не сравнятся съ здѣшними чудными видами, острыми скалами, воздвигнутыми одна надъ другой, какъ будто силою духа; когда я былъ здѣсь, между 8-й и 9-й лунами, горы покрыты были, съ половины вверхъ, снѣгомъ; на южной сторонѣ горъ—ра-

стенія и деревья, весеннее тепло; а на сѣверной, закутавшись въ одѣяло, чувствуешъ холодъ, какъ отъ желѣза.»

Учителя снабжали каждый день болѣе прежняго.

Потомъ, черезъ четыре дня пути на западъ, прибыли къ Таласу муляню (мулянь значитъ рѣка) 304); рѣка глубока и широка, течетъ на сѣверо западъ; выходя съ востока, она прорѣзываетъ Иньшань. На югъ рѣки, тоже опять снѣжныя горы. 10-й луны 1-го числа, переплывъ рѣку на суднѣ, мы прибыли на югъ къ одной большой горѣ, по сѣверную ея сторону, гдѣ есть небольшой городъ. Далѣе, мы пять дней ѣхали на западъ. Такъ какъ учитель, по императорскому повелѣнію ѣхавшій, мало по малу приближался къ мѣсту пребыванія Чингиса, то посланецъ отправился впередъ доложить ему о томъ. Учителя сопровождалъ только Чжень хай гунъ. Ѣхавши далѣе семь дней на западъ мы переѣхали одну гору, на юго-западъ, и встрѣтили здѣсь китайскаго посла, возвращавшагося въ Китай 305), онъ поклонился учителю передъ его палаткой. Учитель спросилъ его: «Когда онъ отправился?» Посланецъ отвѣчалъ, что онъ являлся въ послѣдній разъ Чингису 7-й луны 12-го числа, и что Императоръ съ войскомъ преслѣдуетъ Суаньдуань хана 306), до Индіи. На другой день выпалъ большой снѣгъ; мы прибыли въ небольшой городъ Хой хэсскій; снѣгу выпало на футъ; но съ восходомъ солнца онъ растаялъ. 16-го числа, направляясь; на юго-западъ, мы переѣхали рѣку, досчатымъ мостомъ, и къ вечеру прибыли къ подошвѣ южныхъ горъ. Здѣсь владѣніе Даши Линья (Даши—министръ Линья—его имя). Здѣшній государь есть потомокъ династіи Ляо; когда Гиньскія войска покорили Ляо, Даши Линья, во главѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, бѣжалъ на сѣверо-западъ; болѣе десяти лѣтъ переходилъ онъ съ мѣста на мѣсто, пока, наконецъ, не дошелъ до сей страны 307). Здѣшняя страна, климатомъ и воздухомъ, различна отъ страны по сѣверную сторону Цзиньшань; здѣсь весьма много равнинъ; жители занимаются земледѣліемъ и шелководствомъ, вино выдѣлываютъ изъ винограда; плоды тѣ же, что въ Китаѣ; только цѣлое лѣто и осень не бываетъ дождя: поэтому поля орошаются водою изъ рѣкъ, посредствомъ канавъ; отчего хлѣба и поспѣваютъ. На сѣверо-востокѣ и юго-западѣ, налѣво горы, направо долины, тянутся безпрерывно на 10,000 ли. Государство здѣшнее существовало около ста лѣтъ; когда Наймани потеряли свое владѣніе, они прибѣгли къ Даши; но когда усилились войскомъ, то насильственно овладѣли этою страною; потомъ Суаньдуань 308) отнялъ у нихъ западную часть 309) Когда войска Чингиса 301) пришли сюда, Наймани были скоро истреблены и Суаньдунь тоже низверженъ. Мы слышали, что предстоящая дорога трудна; въ это самое время, одна телѣга у насъ сломалась; мы и оставили ее. 18-го числа, мы ѣхали подлѣ горъ на западъ, дней 7 или 8, когда горы вдругъ пошли на югъ; на дорогѣ попалось намъ каменное городище; камни совершенно краснаго цвѣта; есть слѣды давняго военнаго становища 311). На западѣ, есть большія насыпи могильныя, расположенныя, какъ звѣзды въ Медвѣдицѣ. Потомъ, переѣхали черезъ каменный мостъ и по направленію юго западныхъ горъ, сдѣлали пять переѣздовъ до города Сайлань 312). Здѣсь небольшая башня. Хой хэсскій ванъ 313) встрѣтилъ насъ и ввелъ въ подворье. Въ первые дни 11-й луны, сряду шелъ сильный дождь; 4-го числа у туземцевъ былъ новый годъ 314); они толпами ходили и поздравляли другъ друга. Въ этотъ день, Сюй цзинъ Сянь тенъ Чжао цзю гу 315), сказалъ Иль гуну 316): «Когда я былъ въ Сюаньдэ, за учителемъ нашимъ, то предчувствовалъ, что удаляюсь навсегда, и мнѣ тяжело было

путешествовать; но я послѣдовалъ наставленіямъ учителя, который говорилъ, что подвижникъ не долженъ возмущаться сердцемъ, при мысли о смерти и рожденіи, и думать о страданіяхъ и удовольствіяхъ; но чтобы ни случилось, все хорошо; теперь время моего возвращенія 317) настало, вы, друзья, служите усердно отцу нашему.» Послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни, онъ преставился. Это было въ 5-й день 11-й луны. Учитель приказалъ ученикамъ погребсти тѣло покойнаго, на востокъ отъ города, на одной возвышенности. За тѣмъ, мы отправились на юго-западъ и черезъ три дня прибыли въ одинъ городъ. Ванъ его тоже изъ Хой хэ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Онъ встрѣтилъ и проводилъ насъ съ напутными поднесеніями, и угощалъ варенными лепешками. На другой день, мы опять проѣхали одинъ гордъ и еще черезъ два дня пути прибыли къ рѣкѣ Х о г а н ь 318) м у л я н ь; мы переѣхали ее по пловучему мосту и остановились на западномъ берегу ея. Смотритель надъ мостомъ поднесъ Т я н ь с я н ъ г у н у 319) рыбу съ огромнымъ ртомъ, безъ чешуи. Истоки этой вѣки находятся на юго-востокѣ, между двумя снѣжными горами; вода въ ней мутна и течетъ быстро; глубина ея въ нѣсколько ч ж а н о в ъ 320); направленіе ея на сѣверо-западъ; неизвѣстно, сколько тысячь ли она протекаетъ. На юго-западъ отъ рѣки, тянется степь болѣе 200 ли, гдѣ нѣтъ вовсе ни травы, ни воды; поэтому мы ѣхали тутъ ночью; потомъ мы направились на югъ, къ большимъ горамъ, и на западъ; эти горы соединяются съ южными С ѣ м и с ы г а н ь с к и м и горами 321). Учитель сочинилъ здѣсь слѣдующіе стихи:

«Горныя высоты, созданныя творцемъ, неизрѣченны; съ востока на западъ стоятъ онѣ грядами, созданныя самимъ небомъ; югъ ограждается нефритовой горой, цѣпью высокихъ пиковъ; на сѣверѣ, горы давятъ золотой песокъ и опоясаны дикой равниной; внизу лежатъ источники, съ неистощимою влагой; вверхъ горы досягаютъ до небеснаго пути, до Ю ю й ц и н ъ 322); путешеству 10,000 ли, я неохотно открываю уста; но дошедъ сюда, пою громко, не могшия удержать чувствъ.»

Потомъ прибыли мы въ одинъ городъ, гдѣ нашли траву и воду; далѣе проѣхали однимъ городомъ, Хой хэскій старшина котораго вышелъ далело намъ на встрѣчу, угостилъ насъ, на югѣ отъ города, обѣдомъ и поднесъ винограднаго вина; причомъ, по его приказанію, мальчики забавляли насъ, лазя по шестамъ и пляша съ мечами. Потомъ, проѣхавъ еще два города, мы полдня ѣхали въ горахъ и выѣхали на долину, простирающуюся съ юга на сѣверъ; здѣсь мы провели ночь подъ шелковичнымъ деревомъ; это дерево, тѣнью своей, могло прикрыть до ста человѣкъ. Далѣе, прибывши къ одному городу, мы видѣли на дорогѣ колодецъ, глубиной болѣе ста футовъ; одинъ старикъ изъ Хой хэ, коровой вертѣлъ колодезный воротъ и вычерпывалъ воду, для жаждущихъ; когда Императоръ проходилъ здѣсь на завоеваніе запада, то увидѣвъ старика въ этомъ занятіи, подивился этому и повелѣлъ освободить его отъ оброка и повинностей.

11-й луны 18-го числа, перейдя большую рѣку, мы прибыли на сѣверъ большаго города С е м и с ы г а н ь. Насъ встрѣтили въ предмѣстіи Тайши 323) Н л а г о г у н ъ 324), Монгольскіе воеводы и Хой хэскіе старшины, съ виномъ, и разбили множество палатокъ; поэтому мы тутъ и остановились. Посланецъ Л ю г у н ъ, оставшійся за препятствіями въ переднемъ пути 325), сидѣлъ вмѣстѣ и сказалъ учителю: «Впереди, за тысячу ли, есть большая рѣка; я только что узналъ, что мѣстные мятежники разрушили судно и мостъ на ней; притомъ теперь глубокая зима; не лучше ли будетъ тебѣ отправиться ко двору весной?» Учитель согласился. Спустя нѣсколько времени, мы въѣхали въ городъ сѣверо-восточными воротами. Городъ расположенъ на берегу каналовъ; такъ какъ лѣтомъ и осенью ни-

когда не бываетъ дождя, то жители провели двѣ рѣки въ городъ и распредѣлили ихъ по улицамъ и переулкамъ, такъ что во всѣхъ домахъ могутъ пользоваться водой. Когда домъ Суань дуаня не былъ еще свергнутъ 326), въ городѣ постоянно жило болѣе 100,000 семействъ; но со времени покоренія, осталось только четверть народонаселенія. Поля и сады городскіе, большею частію, Хой хэскіе; но сами Хой хэ не могутъ владѣть ими и надобно, чтобы то было сообща съ Китайцами, Киданьцами, Хэсійцами и другими 327); правители и старшины надъ ними поставлены тоже изъ разноплеменныхъ. Китайскіе рабочіе и ремесленники живутъ по всѣмъ мѣстамъ. Внутри города есть возвышеніе футовъ въ сто, гдѣ стоитъ новый дворецъ Суань дуаней 328). Въ немъ помѣщался прежде Тайши, но такъ какъ, вслѣдствіе труднаго пропитанія, изъ Хой хэ начали образоваться шайки разбойниковъ, то онъ, боясь возмущенія, перешелъ жить на сѣверную сторону рѣки. Учитель съ нами и помѣстился во дворцѣ, сказавъ со вздохомъ: «Даосы бродятъ безпечно и такъ проводятъ время; если обнаженный мечь будетъ висѣть надъ ихъ головами, они и этого не боятся; тѣмъ болѣе, ненадобно заранѣе унывать, когда разбойники еще не явились. Притомъ, зло не можетъ повредить добру». Этимъ онъ успокоилъ своихъ спутниковъ. Тайши устроилъ для него обѣдъ и поднесъ ему десять кусковъ золотошвейной ткани; но учитель отказался принять. Каждую луну, онъ присылалъ учителю крупы, муки, соли, масла, плодовъ и овощей, и съ каждымъ днемъ былъ къ нему почтительнѣе. Видя, что учитель пьетъ мало, онъ просилъ его, позволить выжать для него свѣжаго вина изъ ста гиновъ винограда. Но учитель сказалъ: «Къ чему непремѣнно вина; довольно, если я получу эти сто гиновъ винограда; мнѣ будетъ чѣмъ угостить гостей». Этотъ виноградъ не портится цѣлую зиму. Мы видѣли здѣсь также павлиновъ и большихъ слоновъ,—это произведенія Индіи, отсюда за нѣсколько тысячъ ли на юго-востокъ. По сему случаю, учитель, въ праздное время, сочинилъ слѣдующіе стихи:

«Двѣ луны шли мы и кончили въ десятой; на западъ прибыли къ стѣнѣ Хойхэсскаго большаго города; башня высока, а не видно 13 ярусовъ 329), построена изъ кирпича, по которому вырѣзаны арабески; извнѣ нѣтъ ярусовъ; внутри можно входить 330); горы толсты, съ безчисленнымъ множествомъ уступовъ. Въ осенніе дни, за городомъ, пасутъ еще слоновъ; лѣтнія облака не даютъ дождя, вопреки Дракону 331). Есть прекрасные овощи, пшеничная каша, виноградное вино; наѣвшись до сыта, я спокойно сплю и питаю обычную лѣнь свою.»

Когда учитель прожилъ зиму, посланецъ и Сянъ гунъ командировали съ нами Хэла. Посланецъ, во главѣ нѣсколькихъ сотъ латниковъ, отправился осмотрѣть передній путь. Къ намъ часто приходили Китайцы поклониться учителю. Въ это время, былъ подлѣ астрономъ; учитель спросилъ его о затмѣніи солнца 5-й луны 1-го числа; этотъ человѣкъ сказалъ: «Здѣсь въ часъ чэнь 332) затмѣніе было на $^6/_{10}$ 333)». Учитель сказалъ: «Когда мы были у Лугюй рѣки, затмѣніе было въ полдень; когда же мы пріѣхали на юго-западъ къ Цзинь шань, то тамошніе жители говорили, что въ 10 часовъ утра затмѣніе было на $^7/_{10}$. Такимъ образомъ, въ помянутыхъ трехъ мѣстахъ, видѣли затмѣніе неодинаково. Кунъ инъ да 334), въ объясненіи своемъ на Чунь цю 335), говорилъ, что когда луна станетъ противъ солнца 336), то бываетъ солнечное затмѣніе, Теперь, разсчитывая, надобно принять, что только стоя прямо, подъ низомъ солнца, можно видѣть затмѣніе; что касается до сторонъ, то оно мало по малу измѣняется, съ каждою тысячью ли, такъ точно, какъ если закрыть свѣчу вѣеромъ; гдѣ ложится тѣнь вѣера, тамъ нѣтъ

свѣта, а по сторонамъ вѣера, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе свѣта отъ свѣчи [337]). Учитель однажды пришелъ въ старый дворецъ и написалъ на стѣнѣ его двѣ оды, въ родѣ Фынъ сиву [338]); одна была слѣдующая:

«Тончайшая частица свѣтлаго духа [339]), тайная и прозрѣвающая, на небѣ и среди людей, гдѣ она шествуетъ и гдѣ скрывается невидимо. По четыремъ океанамъ и по восьми странамъ свѣта, она идетъ одинокая; она ни ничто, ни бытіе, и кто можетъ зрѣть ее? Въ одномъ взглядѣ, въ одномъ поднятіи бровей, обнаруживается все существо ея; и вмѣстѣ съ тѣмъ, она такъ велика и широка, что рѣетъ по верхъ духовныхъ міровъ; вращаясь въ перерожденіяхъ миріады вѣковъ [340]); она, встрѣтивъ единожды путь девяти темныхъ сферъ [341]) возносится, по нимъ, до трехъ чистотъ» [342]).

Другая ода была слѣдующая:

«Солнце и луна вращаются безпрерывно; весна уходитъ, наступаетъ осень; сколько случается цвѣтущаго и засохшаго! Со временъ пяти Императоровъ и 3-хъ Монарховъ [343]), протекли тысячи лѣтъ; и то возникали, то падали [344]) и вѣчно такъ; смерть приходитъ, настаетъ рожденіе, по рожденіи опять смерть; въ круговоротѣ перерожденій, когда кончатся превращенія? Если не достигнуть страны немышленія и упокоенія [345]), то невозможно очиститься и вознестись изъ круговорота.»

Учитель сочинилъ также двѣ піесы стиховъ; первая изъ нихъ:

«У восточнаго моря и въ западномъ Цинь [346]), нѣсколько десятковъ лѣтъ, я усердно размышлялъ о верховномъ началѣ и изслѣдовалъ глубокое и сокровенное; въ день ѣлъ однажды, гдѣ тутъ до сыта? и насильно не спалъ за полночь, до 3-й стражи [347]). Но, на самомъ дѣлѣ, мнѣ еще не дано возлетѣть въ небеса; напрасна слава моя; напрасно она распространилась въ сѣверныхъ странахъ, и сдѣлала то, что изъ великаго царства пришло ко мнѣ свѣтлое повелѣніе, и я подъ вѣтромъ и песками, прошелъ 10,000 ли до отдаленныхъ краевъ.»

Другіе стихи были слѣдующіе:

«Юношей я началъ искать истины около морскихъ волнъ; въ среднихъ лѣтахъ, скрывался на высотахъ Лунъ шаньскихъ горъ. Я растался съ Хэ-нанью [348]), улетѣвъ, какъ лебедь; двукратное повелѣніе изъ-за границы вынудило меня, какъ огромное Ао [349]); горы и рѣки безъ конца, путь безпредѣленъ и занятая душа и тѣло мое [350]) утомляются движеніемъ. Я знаю тоже, что, не имѣя чудесныхъ даровъ, еще нельзя избѣжать 3,000 міровъ [351]), въ шести странахъ свѣта.»

Въ этотъ годъ, въ концѣ 12-ой вставочной луны [352]), передовые осмотрщики возвратились и вмѣстѣ съ посланцемъ пришли къ учителю и говорили: «Второй Царевичь, двинувшись съ войскомъ, снова исправилъ суда и мосты; мѣстные мятежники истреблены. Хэла и другіе были въ лагерѣ Царевича и явившись къ нему, донесли, что учитель желаетъ явиться въ мѣстопребываніе Императора; на что Царевичь отвѣчалъ что Императоръ пребываетъ теперь на юго-востокъ отъ большихъ снѣжныхъ горъ [353]); но теперь снѣгъ глубоко лежитъ въ горныхъ проходахъ на пространствѣ болѣе ста ли, такъ что нельзя пройти; а этимъ путемъ долженъ идти учитель; посему онъ поручилъ имъ просить учителя быть къ нему, —и у него обождать благопріятнаго для путешествія времени; когда онъ (учитель) пойдетъ къ нему, то изъ того города, гдѣ онъ живетъ, данъ будетъ ему охранный конвой изъ Монголовъ.» Выслушавъ это, учитель сказалъ посланцу: Я слышалъ, что за рѣкою на югъ, на пространствѣ тысячи ли, вовсе нѣтъ растительной пищи, а я употребляю въ пищу крупу, муку да овощи; донесите о томъ Царевичу. Въ годъ жэньву

[354]) весной 1-й луны, начались цвѣты на Баланъ; они походятъ на небольшіе персики; осенью собираютъ съ нихъ плоды и ѣдятъ; вкусъ ихъ какъ Хутао [355]). Во второй лунѣ 2-го числа; въ весеннее равноденствіе, цвѣты съ абрикосовыхъ деревъ уже опадали. Астрономъ Пань Лигунъ и другіе просили учителя прогуляться съ ними за городъ, на западъ. Къ намъ присоединились посланецъ съ другими чиновниками, взявъ съ собой винограднаго вина; въ этотъ день, небо было ясно, воздухъ чистъ; цвѣты и деревья въ свѣжести. Повсюду попадались намъ террасы, озера, башни и палаты; а индѣ были и огороды; отдыхали мы на травѣ и всѣ были веселы. Толковали о вещахъ выспреннихъ; по временамъ угощались виномъ. Солнце было уже на закатѣ, когда мы возвратились. Учитель сочинилъ слѣдующіе стихи:

Отъ Инь шани на западъ проѣхалъ я 5,000 ли, и на востокѣ Даши 20 переѣздовъ [356]). Послѣ дождя, снѣжныя горы имѣютъ угрюмый и безцвѣтный видъ издали; въ началѣ весны въ Хэфу [357]) около періода Цинъ мина (Сѣми сыгань городъ, въ то время, какъ было здѣсь владѣніе Даши, назывался Хэчжунъ фу) [358]), въ садахъ и рощахъ тихо и птицы молчатъ (хотя много цвѣтовъ и деревъ, но нѣтъ птицъ); вѣтеръ и солнце идутъ медленно, въ цвѣтахъ есть чувства. Дружной компаніей, мы, безъ дѣла, на время, пришли сюда погулять и посмотрѣть, и я съ громкимъ пѣніемъ возвратился ожидать воцаренія мира [359]).

15-го числа былъ 105-й утренникъ, праздникъ Тайшанъ чжень юаня [360]); тогда чиновники опять просили учителя погулять на западъ отъ города. Сады и рощи были безъ перемежки, на пространствѣ болѣе ста ли; даже китайскіе сады не могутъ превзойти здѣшніе; только въ здѣшнихъ тихо, не раздается пѣніе птицъ. По этому случаю учитель сочинилъ двое стиховъ и показалъ спутникамъ; первые:

Въ срединѣ второй луны, въ 105-й утренникъ, когда низошелъ Сюаньюань [361]), солнце текло медленно; на ту пору, ночью, луна свѣтила и вѣялъ тихій вѣтеръ облака убрались и дождь пересталъ; окрестности наполнены садами, которыхъ не исходить, и мы, сидя, любовались цвѣтами и деревьями, освѣщенными съ неба. Я еще не могу отрѣшиться отъ пищи[362]) и сдѣлаться вожделеннымъ бѣглецомъ [363]); иду я къ безгрѣшному [364]), а наслаждаюсь мірскимъ.

Вотъ другіе стихи:

Древніе слѣды отдаленныхъ варваровъ [365]) еще стоятъ рядами; дружная компанія пріятелей изъ великаго Китая вышла туда погулять; старинныя бесѣдки и террасы стоятъ повсюду; цвѣты и мурава прежнихъ лѣтъ, по времени, обновились. Пейзажи такъ хороши, что невольно останавливаютъ посѣтителей; для чего солнце, заходя, прекращаетъ нашу прогулку и возвращаетъ насъ? Я и подумалъ про себя: какъ скоротечны виды міра сего! какое сравненіе съ премірнымъ, гдѣ упиваются вѣчной весной!»

Въ 3-й лунѣ, въ первой декадѣ, прибылъ изъ ханской ставки Алисянь, съ такимъ повелѣніемъ Императора: Святой мужъ! ты пришелъ изъ страны восхода солнца, пробрался съ трудомъ черезъ горы и долины, и утрудился крайне. Теперь я уже возвращаюсь [366]) и нетерпѣливо желаю слышать толкованіе Дао; не полѣнись встрѣтить меня. На имя посланца Чжунъ лу было слѣдующее повелѣніе: Ты, съ моимъ повелѣніемъ, проси его; если ты угодишь моей мысли—послѣ я поставлю тебя на доброй землѣ [367]). Потомъ было повелѣніе Чжень хаю: Ты, сопровождая и оберегая учителя тщательно, заслужилъ мое благоволеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣно темнику Болучжи [368]), съ 1,000 латниковъ, сопровождать его, при проходѣ черезъ желѣзныя ворота [369]). Когда учитель спросилъ Алисяня объ

его путешествіи тотъ говорилъ: Отправившись отсюда весной, 1-й луны 13-го числа, я ѣхалъ три дня на юго-востокъ, проѣхалъ желѣзныя ворота; потомъ, черезъ пять дней перѣхалъ черезъ большую рѣку. 2-й луны 1-го числа, я переѣхалъ на юговостокъ, через большую снѣжную гору; снѣгъ лежалъ весьма высоко; я пробовалъ съ лошади плетью, но и до половины не досталъ; на протоптанной дорогѣ снѣгу еще футовъ на пять; отселѣ, слѣдуя на югъ, я прибылъ въ станъ ханскій; когда я доложилъ хану о твоемъ слѣдованіи, онъ былъ радъ и оставилъ меня на нѣсколько дней; послѣ чего я и возвратился. Вслѣдствіе сего, учитель, оставивъ въ подворьѣ трехъ учениковъ, Иньгунъ чжи пина, и другихъ, взялъ съ собой 5 или 6 человѣкъ, и вмѣстѣ съ посланцемъ и прочей свитой, отправился въ путь 3-й луны 15-го числа; черезъ четыре дня проѣхали городомъ Гѣши [370]), гдѣ заранѣе сообщено было повелѣніе темнику Болучжи, который, съ тысячью Монгольскихъ и Хойхэсскихъ латниковъ, сопровождалъ учителя чрезъ желѣзныя ворота. Слѣдуя на юговостокъ, мы переѣхали черезъ одну гору; гора чрезвычайно высока и велика; камни грдами лежали въ безпорядкѣ; солдаты сами тащили телѣги; уже черезъ два дня, мы достигли передней стороны горы. Мы поѣхали по потоку на югъ, а конвой углубился на сѣверъ въ большія горы, для разбитія разбойниковъ [371]). Черезъ пять дней, мы прибыли къ небольшой рѣкѣ, которую переплыли на суднѣ; оба берега рѣки опушены густымъ лѣсомъ; на седьмой день, мы переправились на суднѣ черезъ большую рѣку, которая и есть Амумулянь [372]). Отсюда ѣхали на юго-востокъ и къ вечеру остановились у древняго водопровода; берега его заросли тростникомъ, различнымъ отъ китайскаго. Большіе, всю зиму, сохраняютъ зеленые листья и не опадаютъ; мы взяли ихъ себѣ для посоховъ; когда мы положили ихъ на ночь подъ оглобли, они не изломались отъ тяжести ихъ. На маломъ тростникѣ, листья сохнутъ и возобновляются весной. Нѣсколько на югъ, въ горахъ, есть большой бамбукъ, съ сердцевиной; воины употребляли его на копья; видѣли также ящерицъ, длиною около трехъ футовъ, цвѣта темнаго.—Въ это время, было 29-е число 3-й луны [373]); по сему случаю, учитель сочинилъ стихи:

«Не осуществивъ стремленія къ Дао, я весьма боюсь демоновъ искусителей на востокѣ, я разстался съ приморьемъ и отправился на западъ, гдѣ предѣлъ теченію солнца; не слышалъ пѣнія пѣтуховъ и лая собакъ [374]); на станціяхъ смѣнялись кони и быки; горъ и рѣкъ тысячи, и я не знаю, что за мѣста?»

Потомъ, черезъ четыре дня, мы прибыли въ ханскій станъ. Ханъ выслалъ на встрѣчу учителю вельможу Хэлабодэ. Это было въ 5-й день 4-й луны. Когда устроено было помѣщеніе для учителя, онъ представился Императору. Ханъ привѣтствовалъ его, говоря ему: Другіе дворы [375]) приглашали тебя, но ты отказался; а теперь пришелъ сюда изъ-за 10,000 ли; мнѣ это весьма пріятно. Учитель отвѣчалъ: Что горный дикарь пришелъ сюда, по повелѣнію Вашего Величества, то воля неба. Чингисъ былъ доволенъ; онъ пригласилъ его сѣсть и приказалъ подать ему кушанья; потомъ спросилъ его: Святой мужъ! ты пришелъ издалека; какое у тебя есть лекарство для вѣчной жизни [376]), чтобы снабдить меня имъ? Учитель отвѣчалъ: Есть средства хранить свою жизнь, но нѣтъ лекарства безсмертія [377]). Чингисъ ханъ весьма похвалилъ его чистосердечіе и прямоту. Онъ приказалъ приготовить двѣ юрты для его помѣщенія, на востокъ отъ ханской. Переводчикъ спросилъ [378]) его: Люди называютъ тебя Тэнъ ги ли мэнъ гу кунъ (т. е. небеснымъ человѣкомъ) [379]); ты самъ такъ назвалъ себя, или другіе дали тебѣ это имя? учитель отвѣчалъ: Горный дикарь не самъ назвался такъ; другіе дали мнѣ это имя. Переводчикъ опять пришелъ [380]) съ вопросомъ: Въ прежнее время какъ называли те-

бя? Учитель доложилъ: Насъ было четыре человѣка [381]), изучавшихъ Дао, подъ руководствомъ учителя Чунъ яна; трое уже вознеслись; остался въ мірѣ только горный дикарь; люди называли меня: Сяньшенъ [382]). Ханъ спросилъ Чженьхая: Какое дать наименованіе святому мужу»? Чжень хай отвѣчалъ: «Иные, изъ уваженія къ кому нибудь, называютъ его наставникомъ [383]) и святымъ мужемъ [384]); другіе безсмертнымъ» [385]). Императоръ сказалъ: «Съ сихъ поръ пусть онъ будетъ называться безсмертнымъ.» Въ то: время, по случаю жаровъ, онъ послѣдовалъ за Императоромъ въ снѣжныя горы, куда Чингисъ, на то время, удалился. Императоръ назначилъ для слушанія наставленій Чанъ чуня 14-е число 4-й луны, и приказалъ запоминать, внѣ [386]), Тянь чженъ хаю, Лю чжунъ лу и Али сяню, а внутри тремъ приближеннымъ особамъ. Но когда наступилъ срокъ, получено извѣстіе о хой хэсскихъ горныхъ мятежникахъ, которые вызывали на бой [387]); Ханъ, рѣшившись самъ идти противъ нихъ, отложилъ засѣданіе до счастливаго дня, 1-го числа 10-й луны. Учитель просилъ позволенія возвратиться въ прежнее подворье; на что Ханъ сказалъ «Не трудно ли будетъ тебѣ снова пріѣзжать?» Учитель отвѣчалъ: «Всего двадцать дней пути.» Ханъ опять сказалъ: «У тебя нѣтъ провожатыхъ.» Учитель сказалъ: «Есть особо командированный Янъ агоу.» Потомъ, черезъ три дня, ханъ повелѣлъ Янъ агоу, въ главѣ хой хэсскихъ старшинъ, съ 1,000 болѣе всадниковъ, сопровождать учителя и возвратиться другой дорогой. Вслѣдствіе сего, мы проѣхали большую гору; въ горѣ есть каменныя ворота [388]); издали онѣ представляются оглаженными, какъ свѣчи [389]); огромный камень лежитъ поперегъ ихъ, образуя, какъ будто, мостъ; внизу стремительный потокъ. Вершники, погоняя ословъ, чтобъ переѣхать потокъ, топили ихъ; по берегамъ его лежало еще много труповъ. Этотъ пунктъ есть проходная застава, въ недавнее время взятая войскомъ [390]); по выходѣ изъ ущелья учитель сочинилъ двое стиховъ:

«На сѣверъ отъ рѣки [391]) желѣзныя врата еще сносны; но на югъ отъ рѣки, каменное ущелье чрезвычайно страшно. По обѣимъ сторонамъ возвышаются до небесъ отвѣсные утесы; и горный потокъ стремитъ холодныя волны свои по крутизнѣ. По сторонамъ дороги разбросаны трупы; прохожіе зажимаютъ носы; жалѣю о длинноухихъ [392]), утонувшихъ въ потокѣ. Десять лѣтъ, на 10,000 ли, движутся военныя орудія; но рано, или поздно, войска возвратятся и водворится миръ.»

Вторые стихи слѣдующіе:

«Снѣжный хребетъ упирается въ небо бѣлой вершиной и лучи утренняго солнца упадаютъ внизъ на долину. Смотря вверхъ на отвѣсныя скалы, видимъ людей, проходящихъ поперегъ; смотря внизъ, со страшной крутизны, видимъ наклонившіеся и висящіе кипарисы. Въ 5-й лунѣ, рѣзкій вѣтеръ дуетъ въ лице холодомъ и внутренняя горячка исцѣляется тогда же. Пришелъ я проповѣдать ученіе, возвращаюсь по пусту; избрано другое счастливое время, послѣдній юань» [393]).

Въ началѣ, когда учитель прибылъ въ ханскую ставку, въ концѣ третьей луны, растенія и деревья были въ полномъ цвѣтѣ, овцы и кони тучные. Но когда, по ханскому повелѣнію, онъ возвращался, то было въ концѣ 4-й луны, всѣ растенія посохли. По сему случаю, учитель сочинилъ стихи:

Въ заграничныхъ владѣніяхъ, у отдаленныхъ варваровъ, не узнать всего; тамъ нѣтъ правильнаго распредѣленія Инь и Яна [394]) и временъ года; только-что проходитъ 4-я луна, вліяніе Инь прекращается (весной и зимой идутъ сильные дожди; въ 4-й лунѣ погода ясная и вовсе не бываетъ дождя) [395]); и рано начинаетъ царствовать, во всемъ небѣ, злой духъ засухи. Во все лѣто, орошаютъ поля изъ рѣкъ, и

трава убита и помята, какъ въ зимніе мѣсяцы; я проѣхалъ взадъ и впередъ 3,000 ли (въ третьей лунѣ отправился, въ 4-й возвращался), и не видѣлъ у путешественниковъ дождеваго платья.»

На дорогѣ, встрѣтились съ нами люди, возвращавшіеся изъ похода на западъ [396]), которые добыли тамъ много коралловъ; нѣкоторые изъ провожатыхъ чиновниковъ нашихъ вымѣняли у нихъ, за два слитка [397]) серебра, до 50 вѣтвей; большія изъ нихъ, были болѣе фута длиною. Но какъ ѣхали верхами, то нельзя было сохранить ихъ въ цѣлости. Мы ѣхали сряду, и днемъ, и пользуясь прохладою ночей; и черезъ 5, или 6 дней, прибыли въ Сѣмисыгань, или какъ называютъ Даши Хэчжунъфу. Чиновники встрѣтили учителя и ввели его въ подворье, это было 5-й луны 5-го числа.

Сюань чай [398]) Лигунъ отправлялся на востокъ; учитель отправилъ съ нимъ стихи къ китайскимъ Даосамъ: стихи были слѣдующіе:

«Когда я отправился въ путь изъ приморскаго города, на морѣ [399]) война еще не прекратилась. Желая водрузить Дао дэ за предѣлами тысячъ ли, я не боялся ни вѣтра, ни пыли, шествуя къ девяти варварскимъ народамъ [400]). Сначала я ѣхалъ на сѣверо-западъ, и поднялся на высокій хребетъ (т. е. Ѣхулинъ, потомъ, мало, по малу, я уже указывалъ на верхнюю столицу; на юго-востокъ (отъ восточной стороны Лугюй рѣки на юго-востокъ находится Шанъ цзинъ) [401]). Потомъ направлялся и спустился на юго-западъ (на юго-западъ, черезъ 4,000 ли, онъ прибылъ въ орду; потомъ на юго-западъ 2,000 ли до Инь шань); за Инь шанью я не знаю названій мѣстъ (на юго-западъ отъ Инь шани большія горы и небольшія рѣки перемежаются; черезъ нѣсколько тысячъ ли, онъ прибылъ въ большой городъ Сѣмисыгань, гдѣ учитель помѣстился въ старомъ дворцѣ).»

И такъ учитель возвратился въ подворье. Подворье стоитъ на сѣверномъ берегу, смотрясь въ частый потокъ съ высоты футовъ во сто. Потокъ вытекаетъ изъ снѣжныхъ горъ; вода въ немъ чрезвычайно холодна. Въ 5-й лунѣ, во время жаровъ, онъ лежалъ у сѣвернаго окна, подъ вѣтромъ; а ночью спалъ на кровельной террасѣ. Въ 6-й лунѣ, въ сильные жары онъ купался въ озерѣ. Такъ свободно проводилъ время учитель въ отдаленной странѣ. Пахатныя земли въ Хэчжунъ удобны для произращенія всякаго хлѣба: нѣтъ здѣсь только гречихи, да бобовъ [402]). Въ 4-й лунѣ пшеница созрѣваетъ; тамъ, собравъ ее, сгребаютъ кучами на землѣ, и когда понадобится, берутъ и мелятъ. Передъ концемъ 6-й луны, управляющій у Тайши [403]), Лигунъ подарилъ учителю пять му [404]), съ арбузами; на вкусъ они чрезвычайно сладки и душисты; въ Китаѣ такихъ нѣтъ; были величиною съ цѣлую доу. Въ 6-й лунѣ, возвратился второй царевичъ [405]). Лючжунъ лу выпросилъ у учителя арбузовъ и поднесъ ихъ царевичу; десять вѣсили до 120 гиновъ [406]). Плодовъ и овощей весьма много; не достаетъ только растенія юй [407]) и каштановъ. Здѣшнія цѣцзы [408]) имѣютъ видъ огромныхъ пальцевъ, цвѣта багроваго. Мужчины и женщины заплетаютъ волосы. Шапки у мужчинъ издали виднѣются, какъ горы: шапки украшены разноцвѣтною тканью, по которой вышиты узоры облаками; къ нимъ привѣшиваютъ кисти. Такія шапки носятъ, начиная съ главы, всѣ чиновные люди; простой же народъ, вмѣсто шапки, обвертываетъ голову кускомъ бѣлой мосы (ротъ холста) около шести футовъ. Жены старшинъ и богатыхъ обвязываютъ голову флеромъ чернаго, или темнокраснаго цвѣта; на иныхъ вышиты цвѣты и растенія, или вытканы фигуры; длиною около 5 или 6 футовъ; волосы у всѣхъ [409]) висятъ; иныя накладываютъ туда ваты; у иныхъ ровнаго цвѣта [410]), у другихъ разноцвѣтные; употребляютъ на то иногда холстъ, или шелко-

вую ткань; косъ не заплетаютъ на верхушки головы; накрываютъ ее холстомъ, или матеріей, и въ этомъ видѣ походятъ на нашихъ монахинь [411]); это у женщинъ простаго народа головной уборъ. Что касается до платья, то употребляютъ обыкновенно тонкую шерстяную матерію бѣлаго цвѣта, сшивая ее въ видѣ мѣшка,—къ верху узко, къ низу широко, и пришивая къ ней рукава,—что и называютъ рубахой; эти рубахи носятъ и мужчины и женщины. Телѣги, судна и земледѣльческія орудія, по устройству и размѣрамъ, весьма разнятся отъ китайскихъ Туземцы дѣлаютъ посуду изъ мѣдной руды и мѣди; попадается и фарфоровая, въ родѣ нашихъ Динскихъ фарфоровыхъ издѣлій. Посуда для вина дѣлается только изъ стекла; военное оружіе изъ закаленнаго желѣза. На рынкахъ въ обращеніи, золотая монета, безъ отверстія [412]); на обѣихъ сторонахъ ея вырѣзаны хой хэсскія буквы. Народъ здѣшній крѣпкій и роста большаго; есть такіе силачи, что носятъ претяжелыя вещи на спинѣ, не употребляя коромысла. По выходѣ дѣвицы замужъ если мужъ ея обѣднѣетъ, она выходитъ за другаго; если мужъ, отправившись въ путешествіе, не возвратится черезъ три мѣсяца, то женѣ также позволено вступить въ бракъ съ другимъ; но всего удивительнѣе то, что у нихъ попадаются женщины съ бородами и усами; есть у нихъ такъ называемые Дашима [413]), которые разумѣютъ ихъ письмо и исключительно завѣдываютъ записями. Въ 12-ую луну [414]), у нихъ продолжается постъ цѣлый мѣсяцъ; каждый вечеръ, старшина самъ зарѣзываетъ барана, для приготовленія пищи, и садится вмѣстѣ съ другими на цыновку; ѣда продолжается отъ вечера до утра. Въ другіе мѣсяцы, есть шесть постовъ. Кромѣ того на верху высокаго зданія, выставляютъ большія бревна, въ видѣ навѣса, въ длину и поперегъ около десяти футовъ; на нихъ устраиваютъ пустой павильонъ, со всѣхъ сторонъ увѣшанный кистями [415]); каждое утро и вечеръ, старѣйшина всходитъ туда и поклоняется на западъ,—что называется молиться Богу, (они не исповѣдуютъ ни буддійской, ни даосской вѣры); онъ кричитъ тамъ, на верху, на распѣвъ; мужчины и женщины, услышавъ его голосъ, тотчасъ бѣгутъ туда и внизу поклоняются; тоже бываетъ повсему государству: неисполняющіе этого обряда, подвергаются смерти. Платье старѣйшины одинаково съ его соотечественниками, а голова обвернута тонкой мосы, длиной въ 32 фута на бамбуковой тульѣ. Учитель, дивясь здѣшнимъ обычаямъ, запамятовалъ ихъ въ слѣдущихъ стихахъ:

«*Хойхэсскіе холмы—страна на 10,000 ли; самый могущественный городъ есть Хэчжунъ; весь городъ наполненъ «мѣдными сосудами, сіяющими какъ золото, а на рынкахъ военное платье, какъ даосское. Ножницы и шила изъ золота суть товары и подарки [416]); шьютъ платье изъ бѣлой тонкой шерстяной матеріи. Чудесныя дыни и бѣлыя тутовыя ягоды, вещи необыкновенныя; кому изъ Китайцевъ попробовать ихъ!»

Во время жаровъ, снѣжныя горы были весьма холодны; туманныя облака дѣлали видъ ихъ угрюмымъ и безцвѣтнымъ. По этому случаю, учитель сочинилъ слѣдующую строфу:

«Восточныя горы, днемъ и ночью, покрыты мракомъ; заря распространяетъ красноту по всему небу на миріады чжановъ; ночью, когда свѣтлая луна вылетаетъ изъ моря, золотистый свѣтъ пронзаетъ лазоревую твердь.»

Когда учитель жилъ въ подворьѣ, къ нему было весьма мало посѣтителей; онъ проводилъ время въ чтеніи книгъ и прогулкахъ; написалъ также слѣдующую строфу:

«Пришелъ я изъ-за Иньшань, за 10,000 слишкомъ ли, и прошедъ, на западѣ, Даши, жилъ полгода. Въ этихъ отдаленныхъ странахъ нравы грубы

трудно толковать имъ Д а о; по этому я въ тихомъ жильѣ, на уединенной скалѣ, читаю книгѣ.»

Въ 7-й лунѣ, только что начинался образовываться кругъ луны, онъ отправилъ съ А л и с я н е м ъ докладъ въ ставку хана, касательно времени толкованія Д а о; 7-го числа 8-й луны, полученъ отвѣтъ хана, на томъ же докладѣ. 8-го числа, мы отправились въ путь. Тайши провожалъ учителя нѣсколько десятковъ ли; учитель сказалъ ему: «На востокъ отъ хой хэсскаго города вновь взбунтовались до 2, 000 человѣкъ, каждую ночь городъ освѣщенъ пламенемъ и жители въ страхѣ; Тайши возвратись и успокой ихъ.»—Тайши отвѣчалъ: «Но если въ дорогѣ, паче чаянія, что нибудь случится съ тобой; тогда какъ?» Учитель сказалъ на это: «Развѣ это касается до тебя!» Посему Тайши и возвратился, 12-го числа мы проѣхали городъ Г ѣ ш и; 13-го числа, къ намъ присоединился охранный конвой въ 1,000 человѣкъ пѣшихъ и 300 всадниковъ, и мы вступили въ большія горы; это дорога особая, минуетъ желѣзныя ворота. Мы перешли потокъ красной воды; были скалы, вышиною въ нѣсколько ли, мы слѣдовали, по ущелью, на юго-востокъ; у подошвы горы есть соленой источникъ, вода котораго, на солнцѣ, осаждаетъ бѣлую соль; мы взяли, для дорожнаго употребленія, двѣ д о у соли. Потомъ, на юго-востокъ, мы поднялись на водо-раздѣляющій хребетъ; отсюда на западъ, въ высокихъ падяхъ, виднѣлся какъ будто ледъ; это была соль. На верху горы была красная соль, въ видѣ камней; учитель самъ видѣлъ и пробовалъ ее. Въ восточныхъ странахъ. соль рождается только въ низменныхъ мѣстахъ: а здѣсь она находится и въ горахъ. Хой хэссцы, большею частію, ѣдятъ лепешки, вмѣстѣ съ солью; въ жаждѣ пьютъ воду; даже въ зимніе холода, бѣдные люди продаютъ воду въ кувшинахъ. 14-го числа, мы прибыли къ юго-западной подошвѣ желѣзныхъ воротъ [417]); при выходѣ, горы здѣсь страшны и громадны; лѣвый утесъ [418]) упалъ такъ, что потокъ протекаетъ внизу скрытно около одной ли. 8-й луны 15-го числа, мы прибыли къ рѣкѣ; она походить на Х у а н ъ х э [419]), течетъ на сѣверо-западъ. Переплывъ ее на суднѣ, мы остановились на южномъ берегу ея. На западѣ отсюда, есть горное укрѣпленіе, называемое Т у а н ь б а л а: положеніе горы опасное и твердое. Встрѣтился съ нами на дорогѣ лекарь третьяго царевича, Ч ж ѣ н ь г у н ъ. Учитель сочинилъ ему стихи:

»Издревлѣ, 8-я луна чрезвычайно свѣтла; въ періодъ прохладнаго вѣтра, ночь тиха и ясна повсюду; всѣ небесные виды погружены въ серебряный путь; океанѣ рыбы и драконы освѣщены какъ топазомъ. В ъ В у и ю е [420]), башни и террасы наполнены пѣснями и музыкой; въ Я н ь Ц и н ь раздаются родныя пѣсни [421]) вина и кушанья въ изебиліи Я «иду къ мѣстопребыванію царя, что на вершинахъ рѣки, для того, чтобы прекратить войны и водворить миръ.»

Слѣдуя вверхъ по рѣкѣ, на юго-востокъ, черезъ 30 ли, воды не стало; поэтому, мы шли ночью, прошли Б а н ь л и [423]); городъ весьма великъ; жители его, недавно взбунтовавшись, бѣжали; въ городѣ еще слышенъ былъ лай собакъ. На зарѣ, позавтракавъ, мы проѣхали на востокъ нѣсколько десятковъ ли, гдѣ была рѣка, текущая на сѣверъ; на лошади только что можно перейти ее въ бродъ на восточномъ берегу ея, мы остановились и ночевали. 22-го числа прибылъ встрѣтить учителя Ч ж е н ь х а й, съ которымъ и прибыли въ ханскую ставку. Ханъ опять прислалъ Ч ж е н ь х а я спросить учителя: хочетъ ли онъ тотчасъ же представиться, или желаетъ нѣсколько отдохнуть? Учитель отвѣчалъ, что онъ желаетъ представиться. Надобно замѣтить, что Даосы, съ самаго начала, являясь къ Хану, не становились предъ нимъ на колѣна, и на били земныхъ поклоновъ, а войдя въ

юрту, только наклонялись и складывали ладони [424]). По окончаніи представленія, Ханъ пожаловалъ учителю кумысу; но учитель рѣшительно отказался пить. Когда спросилъ его: «Всего ли было достаточно для него въ городѣ, гдѣ онъ жилъ?» Учитель отвѣчалъ, что въ прежнее время снабжали его продовольствіемъ Монголы, Хой хэ и Тайши, а въ послѣднее время продовольствіе было нѣсколько потруднѣе; Тайши одинъ снабжалъ его онымъ. На другой день Ханъ опять прислалъ ближняго сановника Хэ чжу, передать учителю повелѣніе Хана, коимъ спрашивалъ его,— не хочетъ ли онъ, каждый день являться къ нему обѣдать. На что учитель отвѣчалъ «Горный дикарь—подвижникъ; люблю уединеніе.» --Ханъ позволилъ ему жить по волѣ. 27-го числа, Ханъ тронулся въ возвратный путь на сѣверъ; во время пути, онъ часто жаловалъ учителю винограднаго вина, дынь и закусокъ.

9-й луны 1-го числа, переѣхавъ черезъ пловучій мостъ, мы направились на сѣверъ. Учитель доложилъ Хану, что такъ какъ время бесѣды наступаетъ, то неблагоугодно ли будетъ ему призвать Тайши Ахая. 15-го числа этой луны, Ханъ приготовилъ палатку и убралъ ее, прислужницы были удалены; по обѣ стороны зажжены свѣчи, которыя распространяли кругомъ свѣтъ; только Шэ лябн [425]), Чжэнь хай и посланецъ Чжунъ лу стояли внѣ; учитель вошелъ въ палатку съ Тайши Ахаемъ и Али сянемъ, и сѣлъ; потомъ сказалъ Императору: «Чжунъ лу проѣхахъ со мной 10,000 ли, а Чжень хай сопровождалъ меня нѣсколько тысячь ли; не благоугодно ли будетъ позволить и имъ быть въ палаткѣ и слушать духовныя рѣчи?» Ханъ повелѣлъ имъ войти. То, что говорилъ учитель, Ханъ приказалъ Тайши Ахаю передавать ему на монгольскомъ языкѣ. Слова его были крайне пріятны и по мысли Чингиса [426]). 19-го числа, въ ясную ночь, онъ позвалъ его опять; учитель объяснялъ ему ученіе. Ханъ чрезвычайно былъ доволенъ. 23-го числа, снова пригласилъ его въ палатку, съ такими же знаками уваженія; онъ слушалъ учителя съ видимымъ удовольствіемъ, повелѣвъ присутствущимъ записывать его слова; кромѣ того, приказалъ изложить ихъ китайскимъ письмомъ, для того, чтобы не забыть ихъ. Онъ сказалъ присутствовавшимъ: «Шень сянь три раза объяснялъ мнѣ средства къ поддержанію жизни; я глубоко вложилъ его слова въ сердцѣ; ненужно разглашать ихъ внѣ». Затѣмъ, вслѣдъ за Ханомъ, отправились мы на востокъ; по временамъ учитель просвѣщалъ его ученіемъ. Потомъ, черезъ нѣсколько дней, прибыли къ большому городу Сѣмисыганъ и остановились на юго-западъ отъ него, въ 30 ли. 10-й луны 1-го числа, учитель просилъ у Хана позволенія заранѣе возвратиться на прежнюю квартиру; Ханъ согласился. Ханъ же остановился становъ на востокъ отъ города въ 20 ли. 6-го числа этой луны, учитель представлялся Хану вмѣстѣ съ Тайши Ахаемъ. Ханъ сказалъ: «Присутствущимъ можно не уходить?» Учитель сказалъ: «Ничего, пусть остаются.» Затѣмъ, чрезъ Тайши Ахая, говорилъ Хану; «Горный дикарь, упражняюсь въ Дао уже много лѣтъ; люблю постоянно въ уединенныхъ мѣстахъ ходить и сидѣть; передъ царскою же палаткой господствуетъ шумъ отъ ратниковъ, такъ, что мой духъ не спокоенъ; посему, да позволено мнѣ будетъ, съ сихъ поръ, ѣхать по волѣ или напередъ, или назади; это будетъ большою милостью для горнаго дикаря». Ханъ позволилъ. Когда учитель вышелъ изъ юрты, Ханъ послалъ вслѣдъ за нимъ человѣка, спросить его: «Ненадобно ли ему Тулума?» Учитель отвѣчалъ, что ненадобно. Въ это время, только началъ падать мелкій дождь и трава снова зазеленѣла. Съ половины 11-й луны, дождя и снѣгу падаетъ здѣсь больше и больше, а земля пропитается влагою. Со времени прибытія учителя въ этотъ городъ, онъ раздавалъ остатки провіанта голоднымъ крестьянамъ; часто также го-

товилъ кашицу; питавшихся было весьма много 26-го числа отправились въ путь. 12-й луны 23-го числа, былъ снѣгъ и такой холодъ, что множество воловъ и лошадей замерзли на дорогѣ. Потомъ, черезъ три дня, мы переѣхали на востокъ Хочань мулянь (большая рѣка), и прибыли въ ханскую ставку; здѣсь мы слышали, что въ полночь суда и мостъ на рѣкѣ разнесло. Это было 28-го числа. Ханъ спросилъ учителя о громѣ. Онъ отвѣчалъ: «Горный дикарь слышалъ, что подданные твои, лѣтомъ, не моются въ рѣкахъ, не моютъ платья, не дѣлаютъ войлоковъ и запрещаютъ собирать на поляхъ грибы;—все для того, что боятся небеснаго гнѣва 427); но это не составляетъ уваженія къ небу. Я слышалъ 428), что изъ 3,000 грѣховъ самый важный—непочтительность къ родителямъ поэтому-то небо показываетъ угрозу; теперь же я слышалъ, что подданные твои, большею частію, не уважаютъ своихъ родителей. Ханъ, пользуясь силою и доблестями своими, благоволи исправить свой народъ» Ханъ былъ доволенъ и сказалъ: «Слова твои мнѣ по сердцу»—и приказалъ записать, хой хэсскими письменами 429). Учитель просилъ обнародовать о томъ подданнымъ; Ханъ согласился. Потомъ Ханъ собралъ царевичей, князей и вельможъ и сказалъ имъ: «Китайцы чтятъ Шеньсяня, какъ вы чтите небо 430); я теперь еще болѣе убѣдился, что онъ дѣйствительно небесный человѣкъ.» Затѣмъ, объявилъ имъ все, что учитель прежде и послѣ говорилъ ему, и сказалъ: «Небо внушило ему то, что онъ говорилъ мнѣ. Вы, каждый, запишите то въ своемъ сердце». Потомъ учитель откланялся. 1-й луны 1-го числа приходили поздравлять учителя военачальникъ, медикъ и гадальщикъ.

11-го числа, мы отправились на востокъ и оставили Сѣмисыгань на западѣ, въ 1,000 слишкомъ ли; остановились въ большомъ фруктовомъ саду. 19-го числа былъ день рожденія учителя; чиновники поздравляли его съ курительными свѣчами. 28-го числа разстался съ учителемъ управляющій Тайши Лигунъ. Учитель сказалъ ему: «Увидимся ли еще когда нибудь?» Лигунъ отвѣчалъ: «Увидимся въ 3-й лунѣ» Учитель сказалъ: «Ты не знаешь судьбы небесъ; во 2-й или 3-й лунѣ, я рѣшительно возвращаюсь на востокъ»—21-го числа, пройдя на востокъ одинъ переѣздъ, прибыли къ одной большой рѣкѣ 431), имѣя на сѣверовостокъ Сайлань около 3-хъ переѣздовъ; здѣсь было много воды и травы, удобно для прокормленія воловъ и лошадей; посему тутъ и остановились пожить. 2-й луны въ первое 7-е число 432), учитель представлялся Хану и говорилъ: «Горный дикарь, отправляясь съ приморья, далъ слово возвратиться черезъ три года, теперь въ этотъ третій годъ, я рѣшительно желалъ бы возвратиться въ свои горы». Ханъ сказалъ: «Я самъ пойду на востокъ; хочешь ли идти вмѣстѣ»? Учитель сказалъ: «Лучше мнѣ идти напередъ; когда я отправлялся сюда, Китайцы спрашивали горнаго дикаря о времени возвращенія; на что я сказалъ: черезъ три года, теперь, все чего хотѣлъ отъ меня Ханъ, объяснено и кончено»; посему онъ снова настоятельно просилъ позволенія откланяться,—Ханъ сказалъ: «Подожди немного, дня три или пять, когда пріѣдутъ царевичи. Когда я пойму то, что осталось непонятнымъ въ прежнихъ бесѣдахъ, тогда ступай». 8-го числа, Ханъ охотился у восточныхъ горъ; когда онъ стрѣлялъ въ одного большаго вепря, лошадь его споткнулась, и онъ упалъ съ лошади вепрь остановился вблизи, не смѣя приблизиться свитскіе тотчасъ подвели ему лошадь; охота прекратилась и ханъ возвратится; въ ставку. Узнавъ о томъ, учитель представлялся ему и говорилъ: «Небо хочетъ, чтобы мы берегли свою жизнь; теперь у святаго 433) лѣта уже преклонны; надобно поменьше охотиться; паденіе съ лошади есть указаніе неба; а то, что вепрь не смѣлъ подвинуться впередъ, есть знакъ покровительства неба». Ханъ отвѣчалъ: «Я самъ уже понялъ это; твой со-

вѣтъ весьма хорошъ; мы Монголы, съ раннихъ лѣтъ привыкли стрѣлять верхомъ и не можемъ вдругъ оставить эту привычку. Впрочемъ, слова твои я вложилъ въ сердце». Ханъ, обращаясь къ Гисилидала ханю [434]), сказалъ: «На будущее время я во всемъ послѣдую совѣтамъ его». Дѣйствительно два мѣсяца онъ не отправлялся на охоту. 24-го числа, учитель снова просилъ увольненія. Ханъ сказалъ ему: «Я подумаю, что̀ бы подарить тебѣ на прощаньи; подожди еще немного». Учитель видя, что ему нельзя тотчасъ раскланяться, волею или неволею, остался ждать. 3-й луны 7-го числа, онъ опять просился; Чингисъ пожаловалъ ему коровъ и коней, и проч.; но учитель ничего не принялъ, сказавъ, что для него достаточно почтовыхъ лошадей. Ханъ спросилъ переводчика Алисяня: много ли у него въ Китаѣ учениковъ? Тотъ отвѣчалъ: «Весьма много; когда онъ ѣхалъ сюда и былъ въ Дэсинъ фусской кумирнѣ Лунъянъгуань, то я постоянно видѣлъ, какъ мѣстныя начальства заставляли ихъ исправлять повинности». Ханъ сказалъ: «Надобно избавить всѣхъ его послѣдователей отъ повинностей». И онъ пожаловалъ ему грамоту, съ императорскимъ указомъ, съ приложеніемъ императорской печати [435]). Посему повелѣлъ Алисяню быть Сюаань Чай [436]), а помощниковъ ему назначилъ Мэнъгудая и Гэла Бахая,—для сопровожденія учителя, при возвращеніи его на востокъ. 10-го числа, учитель послѣ представленія Хану, отправился въ путь. Начиная съ Далахань до низшихъ чиновниковъ, всѣ провожали его нѣсколько десятковъ, ли, съ виноградными виномъ и рѣдкими плодами. При разставаньи, всѣ утирали слезы. Въ три дня мы прибыли въ Сайлань; на юговостокъ отъ большаго города [437]), въ горахъ, водятся двухголо̀выя змѣи, длиною въ два фута; туземцы почасту видятъ ихъ. 15-го числа, ученики учителя отправились, за городъ, принести жертву на могилѣ покойнаго Сюйцзинъ сяньшена Чжаогуна. Мы толковали о томъ, не взять ли намъ съ собой праха его на родину; но учитель сказалъ: «Тѣло, на время, составленное изъ четырехъ стихій, есть вещь гнилая, не стоющая; а духъ, истинное существо, свободенъ и неудержимъ». Мы и перестали толковать о томъ. На другой день отправились въ путь. 23-го числа, Сюаньчай Агоу, настигъ учителя, для проводовъ, на южномъ берегу Чуймолянь [438]). Потомъ, черезъ 10-й дней, были въ 100 слишкомъ ли на западъ отъ города Алима, и переплыли большую рѣку. 4-й луны 5-го числа, мы прибыли въ садъ, что на востокъ отъ города Алима. Здѣсь Тай цзянъ (главный зодчій) втораго царевича [439]) Чжанъгунъ, настоятельно просилъ учителя, говоря: «Въ нашемъ мѣстопребываніи устроены три жертвенника, къ которымъ болѣе 400 человѣкъ приходятъ помолиться, каждое утро и вечеръ, съ неослабнымъ усердіемъ; за нѣсколько дней до праздника [440]) просимъ тебя, изъ милосердія, переплыть рѣку и наставить Общество жертвенниковъ; это будетъ счастіемъ для насъ». Но учитель отклонилъ это, говоря: «Судьба моя на югѣ, и уже близка; и я не могу перемѣнить дороги.» Но когда тотъ снова просилъ его, учитель сказалъ: «Если не будетъ другаго дѣла, то поѣду къ вамъ». На другой день лошадь, на которой ѣхалъ учитель, вдругъ побѣжала на сѣверо-востокъ; служители не могли направить ее. Тогда Чжанъгунъ и другіе опечалились и со слезами говорили: «У насъ нѣтъ счастливой судьбы; Небо не позволяетъ ему ѣхать къ намъ». Вечеромъ мы прибыли въ Иньшань и переночевали. На другой день, мы снова проѣхали черезъ 48 мостовъ и слѣдовали 50 ли вверхъ по потоку до Небеснаго озера; на сѣверовостокъ переправившись черезъ Иньшань, мы ѣхали два [441]) дня и тогда только выѣхали на прежнюю почтовую дорогу, у большой рѣки, по южную

сторону Цзинь шань. Потомъ переѣхали Цзиньшань на юго-востокъ и ѣхали подлѣ горъ, на юго-востокъ и сѣверовостокъ [442]). 4-й луны 28-го числа выпалъ большой снѣгъ; на другой день всѣ горы побѣлѣли; потомъ, на сѣверо-востокъ ѣхали подлѣ горъ три дня до передней стороны Абуханьшань. Сунъдаоань и другіе девять учениковъ, вмѣстѣ съ религіознымъ собраніемъ вѣчной весны и нефритоваго цвѣтка [443]), равно Сюань чай Годэцюань, со своими, далеко встрѣтили учителя и проводили его въ кумирню Сисягуань; число поклонявшихся ему съ каждымъ днемъ увеличивалось; когда учитель сходилъ съ экипажа, выпалъ, во второй разъ, дождь; всѣ, поздравляя другъ-друга, говорили:

«Искони здѣсь во все лѣто бывало мало дождя, и хотя бываетъ громъ и дождь, но то, большею частію, въ южныхъ и сѣверныхъ горахъ; теперь же такое обиліе дождя, очевидно есть благодать его святости». Жители здѣшніе, въ обычные годы, орошаютъ поля и огороды каналами; въ 8-й лунѣ начинаетъ созрѣвать пшеница; дождя же вовсе не бываетъ: во время созрѣванія, хлѣбъ портятъ земляныя мыши; мыши, большею частію бѣлыя. Въ странѣ здѣшней господствуетъ холодъ; плоды завязываются поздно. На берегу рѣки, въ 5-й лунѣ, около фута въ глубину—земля, а далѣе въ глубь—крѣпкій ледъ, тоже толщиною въ футъ. Послѣ обѣда, учитель каждый день посылалъ людей за льдомъ. На югъ отсюда виднѣется высокій хребетъ, покрытый скопившимся снѣгомъ, который не таетъ и въ сильные жары. Много здѣсь необыкновенныхъ вещей. Отсюда, нѣсколько на западъ, около озера, есть вѣтрянный курганъ; на верху его бѣлая глина, во многихъ мѣстахъ потрескавшаяся Во 2-ю и 3-ю луны, отсюда поднимается вѣтеръ и, прежде всего, раздается въ скалахъ и пещерахъ южныхъ горъ; это начальный вѣтеръ. Когда вѣтеръ выходитъ изъ кургана, сначала появляются кружащіеся вихри, въ видѣ бараньяго рога, въ безчисленномъ множествѣ; спустя немного времени, вихри соединяются въ одинъ вѣтеръ, который поднимаетъ песокъ, катитъ камни, срываетъ крыши съ домовъ, вырываетъ деревья и потрясаетъ долины; онъ прекращается на юго-востокѣ. Потомъ, за юго-восточнымъ потокомъ есть три или четыре водяныя мельницы; къ ровнымъ мѣстамъ, воды дѣлается меньше и наконецъ она вовсе изчезаетъ. Изъ горъ добывается каменный уголь. На востокъ отсюда есть два источника, которые, въ зимніе мѣсяцы, вдругъ разливаются какъ рѣки, или озера; потомъ просачиваются внутри земли и внезапно являются, вмѣстѣ съ рыбами и раками; иногда вода потопляетъ жилища; во 2-й лунѣ, вода постепенно убываетъ и земля обрывается. Отсюда на сѣверо-западъ, за 1,000 слишкомъ ли, находится страна Кянь кянь чжоу [444]), гдѣ добывается доброе желѣзо и водится много бѣлокъ; тамъ также сѣютъ пшеницу; китайскіе ремесленники живутъ во множествѣ, занимаясь тканьемъ шелковыхъ матерій, флёра, парчи и цвѣтныхъ матерій. Отъ кумирни на юго-западъ видна Цзинь шанъ, въ которой много падаетъ града между 5-й и 6-й лунами на ней бываетъ болѣе 10 футовъ снѣга. Въ здѣшней странѣ, по мѣстамъ, есть песчаныя полосы; водится жоу цунъ юнъ [445]), тамошній народъ называетъ его соянь [446]); вода у нихъ называется усу; трава айбусу. Въ глубинѣ горъ, на сѣверныхъ сторонахъ ихъ сосны вышиною около ста футовъ. Собраніе говорило учителю: «Страна здѣшняя въ глубокой дикости; съ самой глубокой древности, здѣшніе жители слышали объ истинномъ ученіи; только и было, что обморочиванье отъ горныхъ оборотней и лѣшихъ; съ тѣхъ же поръ, какъ учитель воздвигъ кумирню, нѣсколько разъ совершалось праздничное служеніе; 1-го и 15-го чиселъ стали быть собранія и жители, большею частію, приняли обѣтъ не убивать живыхъ тварей;

конечно, если это не дѣло святаго просвѣщенія, то откуда могло бы произойти это? Прежде, въ годъ жень ву [447]), Даосы терпѣли, отъ зависти недобрыхъ людей, обиды, и были неспокойны; разъ, Сунъ дао ань, уснувъ днемъ въ настоятельской комнатѣ, вдругъ увидѣлъ въ верхнее отверзтіе, Сюй цзинъ сянь щена, Чжао гуна, который сказалъ: «Письмо пришло.» Дао ань спросилъ: «Откуда пришло?» Чжао гунъ отвѣчалъ: «Съ неба.» Дао ань взялъ письмо и увидѣлъ въ немъ только два слова: Тай цинъ (верховная чистота). Чжао гунъ вдругъ исчезъ. На другой день, отъ учителя получено письмо; демонскія навожденія мало по малу изчезли. Лекарь Лo шенъ который безпрестанно заводилъ непріятности и поносилъ Даосовъ, однажды упалъ съ лошади передъ кумирней и переломилъ себѣ ногу; онъ самъ раскаялся, говоря, что онъ наказанъ за свой грѣхъ, и просилъ прощенія у Даосовъ. Учитель, отправляясь на востокъ, написалъ слѣдующіе наставительные стихи:

«10,000 ли, объѣздилъ я на казенныхъ коняхъ и три года былъ въ разлукѣ съ старыми друзьями; военныя смуты еще не прекратились, а истины Дао случайно изложены; объяснивъ въ осеннія ночи, законъ дыханія (онъ разумѣетъ объясненія свои передъ Ханомъ. о питаніи жизни), въ концѣ весны, я возвращусь въ родной край. Думаю, что по возвращеніи, безчисленному множеству, я не могу всего высказать.»

Али сянь и другіе говорили учителю: «На южной дорогѣ [448]) много песковъ и камня, мало травы и воды; насъ, путешественниковъ, весьма много; лошади крайне устанутъ; надобно бояться, чтобы не было остановки на дорогѣ.» Учитель сказалъ: «Въ такомъ случаѣ, раздѣлимся на три партіи; мои ученики отъ этого не потерпятъ.» 5-й луны 7-го числа, онъ приказалъ ученикамъ своимъ Сунъ дао ань, Ся чжи чэнъ, Сунъ дэ фанъ, Мэнъ чжи вэнь, Хэ чжи цзянь, Пань дэ чунъ, шести человѣкамъ, отправиться впередъ; а учитель отправился 14-го числа, взявъ съ собой Инь чжи пина, Ванъ чжи мина, Юй чжи кэ, Цюй чжи юаня, Янъ чжи цзина и Цзи чжи цина, шесть же человѣкъ. Въ числѣ приславшихъ напутные подарки, была Гя чу фэй; Сюань чай Го, темникъ Ли и другіе, нѣсколько десятковъ человѣкъ, провожали его за 20 ли и при разставаньи, сошли съ лошадей, поклонились и прослезились. Учитель ударилъ лошадь и быстро поѣхалъ впередъ. 18-го числа, отправились за нимъ остальные пять учениковъ его: Чжанъ чжи су, Сунъ чжи цянь, Чженъ чжи сю, Чжанъ чжи юань и Ли чжи чанъ. Слѣдуя на востокъ, учитель проѣхалъ, 16-го числа, большую гору, на которой лежалъ снѣгъ; было весьма холодно; лошадей перемѣнили у юрты. 17-го числа, учитель ничего не ѣлъ, только по временамъ пилъ отваръ. На юго-востокъ проѣхали большую песчаную полосу; была трава и деревья, въ которыхъ было много комаровъ и мошекъ; ночь провели на востокѣ рѣки. Потомъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, учитель ѣхалъ иногда въ телѣгѣ. Инь чжи пинъ и другіе спрашивали его: «Чѣмъ онъ боленъ?» Учитель отвѣчалъ: «Болѣзнь моя не такого рода, чтобы медики поняли ее; потому что это очищеніе святыхъ и мудрецовъ [449]); вдругъ не могу оправиться; а вы не тревожтесь.» Ученики опечалились и не поняли. Въ этотъ вечеръ Инь чжи пинъ видѣлъ во снѣ духа, который говорилъ ему: «Не печальтесь о болѣзни учителя; когда онъ прибудетъ въ Китай, болѣзнь сама собой пройдетъ.» Потомъ ѣхали песчаной дорогой 300 слишкомъ ли, гдѣ было чрезвычайно мало травы и воды; кони ѣхали ночью не отдыхая; черезъ двое сутокъ уже вышли изъ песковъ; земля прилегаетъ къ сѣверной границѣ Ся [450]); здѣсь уже стало болѣе хижинъ и юртъ, и лошадей легче доставать;

ѣхавшіе назади догнали учителя. 6-й луны 21-го числа остановились въ Юй янъ гуани [451]); учитель все еще не ѣлъ; на другой день, проѣхавъ заставу, мы прибыли на востокъ, 50 ли, въ Фынъ чжоу [452]);всѣ, начиная съ Юань шуая, вышли къ учителю на встрѣчу; Сюань чай Юй гунъ, просилъ его остановиться въ его домѣ и угостилъ его отварными лепешками. Въ этотъ день, учитель наѣлся до сыта [453]); потомъ устроенъ былъ обѣдъ; онъ пилъ и ѣлъ по прежнему. Даосы говорили между собой: «Прежній сонъ Цинъ хэ сбылся.» Въ то время, былъ конецъ лѣта; учитель сиживалъ у сѣвернаго окна, на прохладномъ вѣтрѣ; Юй гунъ, предложивъ ему корейской бумаги [454]), просилъ его написать что нибудь; учитель написалъ слѣдующее:

«Безъ дѣла и безъ мірской мысли, я провожу ночь, какъ птица [455]), до пѣнія пѣтуховъ; не могу заснуть ни на одинъ глазъ, въ душѣ нѣтъ ни одной мысли; облака убрались, потокъ бѣлѣетъ подъ луной; дыханіе мое легко и одинокій духъ [456]) въ покоѣ. Я не сидѣлъ, съ утра до вечера, сложа руки, и совершилъ подвигъ пути.»

7-й луны 1-го числа онъ поднялся; въ третій день, прибылъ въ Сяшуй [457]); Юань шуай Гягу гунъ вышелъ изъ города встрѣтить его и помѣстилъ въ своемъ жилищѣ; приходившихъ къ нему на поклоненіе было до тысячи человѣкъ; Юань шуай, съ каждымъ днемъ, удвоялъ къ нему вниманіе; онъ поднесъ ему трехъ дикихъ гусятъ. 7-го числа [458]), вечеромъ, учитель, отправившись погулять за городъ, пустилъ ихъ на озеро, на волю; черезъ немного времени, птицы весело, на свободѣ, приподнимались и играли подъ вѣтромъ на волнахъ. Учитель сочинилъ поэтому случаю, слѣдующіе стихи:

«Воспитывая васъ, думали принести васъ въ жертву кухнѣ, но случился я и благо подумалъ не давать васъ на съѣденіе; я пустилъ васъ, на небольшой лодкѣ, въ средину большихъ волнъ; подождите конца осени; у васъ, выростутъ шесть крыльевъ.»

Потомъ еще сочинилъ стихи:

«Плаваете вы то по двое, то всѣ трое вмѣстѣ, какъ дружные братья; настаетъ осень, а у васъ еще не подросли крылья; пустилъ я васъ на волю въ глубокомъ мѣстѣ прозрачнаго озера; потѣшайте дикую натуру свою на широкомъ полѣ водъ и въ волнахъ.»

На другой день отправились. 9-го числа этой луны мы прибыли въ Юнь чжунъ [459]). Сюань чай цзунъ гуань [460]) Абухэ, съ Даосами, вышедъ изъ столицы, за предмѣстіе, встрѣтилъ его и въ носилкахъ, на людяхъ, ввелъ въ свой домъ. Здѣсь пробылъ онъ 20 слишкомъ дней, въ высокомъ теремѣ; Цзунъ гуань и другіе чины, каждое утро и вечеръ, приходили къ нему съ поклономъ. Юньчжунскіе ученые и чиновники, каждый день, приходили къ нему побесѣдовать; онъ подарилъ имъ слѣдующіе стихи:

«Получивъ повелѣніе, я рано возвращался на родину; ѣхалъ весной, когда растительность была въ полной силѣ; три яна [461]) только начали видоизмѣняться и воздухъ былъ благорастворенный. На почтовыхъ лошадяхъ, провожали меня со станціи на станцію, и повсюду простирались облака и горы; я былъ за 10,000 ли отъ столицы, и думалъ, какъ мнѣ опять достигнуть ее».

13-го числа, Сюань чай Алисянь, отправляясь въ Шань-дунъ, чтобы склонить его жителей на подданство, просилъ учителя отпустить съ нимъ ученика его, Инь чжи пина. Учитель сказалъ: «Воля неба еще не рѣшила; что пользы идти туда?» Алисянь снова, съ поклономъ, сказалъ ему: «Если государь двинется туда съ большимъ войскомъ, то тамошніе жители непремѣнно подвергнуться смерти отъ

оружія. Прошу тебя помилосердуй однимъ словомъ», Учитель, послѣ долгаго размышленія, сказалъ наконецъ: «Хоть я и заступлюсь, ничего не сдѣлаю; все же лучше, чѣмъ сидя смотрѣть, какъ они будутъ умирать». Онъ приказалъ Цинь-хэ идти вмѣстѣ съ Алисянемъ и вручилъ ему двѣ прокламаціи 462). Потомъ, услышавъ, что отъ Сюань дэ на югъ, со всѣхъ сторонъ, собирается, для его встрѣчи, множество Даосовъ, и опасаясь стѣсненія въ кумирняхъ, отъ встрѣчи и угощеній, онъ поручилъ Инь гуну управить ими, и далъ ему слѣдующее собственноручное писаніе: «Я путешествовалъ далеко, 10,000 ли, въ теченіи трехъ лѣтъ; поручаю Инь гуну вездѣ, куда онъ прибудетъ, немедленно распорядиться полновластно, касательно всѣхъ Даосовъ, которые будутъ самовольничать и поступать вопреки правиламъ, дабы непрепятствовать нашему ученію совершать дѣло просвѣщенія; когда у существъ мало счастія, оно легко; на гору подниматься трудно, а спускаться легко». Сюань дэсскій Юань шуай, Ила гунъ, отправилъ въ Юнъ чжунъ нарочнаго съ письмомъ къ учителю и съ предложеніемъ экипажа и лошадей. Въ началѣ 8-й луны, мы, отправившись на востокъ, дошли до Янъ хэ, прошли Бодэнъ, Тянь чэнъ, Хуай ань 463), переправились черезъ рѣку Хунь хэ и 12-го числа прибыли въ Сюань дэ. Юань шуай торжественно вышелъ на встрѣчу учителю, далеко на западъ, изъ города, ввелъ его въ городъ и помѣстилъ его въ городской кумирнѣ Чао юань гуань; даосскіе друзья его приняли съ почтеніемъ; по сему случаю, учитель написалъ 40 знаковъ:

«Путешествовалъ я за 10,000 ли въ предѣлахъ живыхъ тварей, и три года былъ въ разлукѣ съ родиной; по возвращеніи, я уже состарѣлся, и все, что проходило, предъ моими очами, прошло какъ быстрый сонъ; широко небесное пространство; безчисленно множество разнообразныхъ дѣлъ; но страны на югъ отъ Цзяна и за великой стѣной 464) съ древности до нынѣ, тѣ же».

Даосы говорили, что, прошлой зимой, нѣкоторые видѣли, какъ Сюй цзинъ сянь шенъ, Чжао гунъ 465) входилъ въ ворота кумирни, ведя за поводъ лошадь; Даосы вышли было встрѣтить его, но онъ изчезъ внезапно; видѣли его нѣкоторые также въ городахъ Дэ синъ и Ань динъ. Изъ городовъ сѣвернаго Китая князья, сановники, военачальники, равно благородные и простые, наперерывъ письменно просили его къ себѣ, безпрерывно, какъ спицы въ колесѣ. Онъ отвѣчалъ только нѣсколькими буквами; между прочимъ написалъ:

«Царскій домъ еще не утвердился, а даосское ученіе напередъ возвысилось; оно начало спасать готовыхъ къ воспринятію и расширяется безмѣрно; военачальники и старѣйшины всѣхъ странъ искренно обратились къ нему; жалѣю, что не «могу превратиться въ нѣсколько тѣлъ, чтобы удовлетворить ожиданіямъ многихъ».

10-й луны 1-го числа, онъ служилъ въ Лунъ мынь гуани; 15-го числа, служилъ въ городской кумирнѣ, Чао юань гуань, гдѣ жилъ. 11-й луны 15-го числа, Сунъ дэ фанъ и другіе, во исполненіе обѣта, даннаго ими въ то время, когда они, проходя Ѣху линъ, видѣли кости погибшихъ въ сраженіи, вмѣстѣ съ Тай цзюнь 466) Иньцяньи, служили въ Дэсинской кумирнѣ, Лунъ янъ гуань, о спасеніи сиротѣющихъ тѣней. За нѣсколько дней передъ тѣмъ было холодно, но во время служенія, двѣ ночи и три дня, было какъ весной. По окончаніи служенія, прибылъ изъ ханской орды Юань шуай Цзя ганъ, съ повелѣніемъ къ учителю; въ немъ было написано: «Святой мужъ! ты совершилъ, съ весны до лѣта, не легкій путь; хорошо ли продовольствовали тебя и провожали по станціямъ? Когда ты прибылъ въ Сюань дэ и другія мѣста, то хорошо ли тамошнія власти помѣщали и продовольствовали тебя? привлекъ ли ты простой народъ 467)?

Я всегда помню о тебѣ, не забывай и ты меня!» 12-й луны 16-го числа, учитель служилъ въ Юй чжоусскихъ Трехъ Подворьяхъ. Проводя зиму въ Лунъ янѣ, учитель каждое утро и вечеръ, ходилъ прогуливаться на Лунъ ганъ 468). Смотря оттуда на опустошенныя войной селенія Дэсинскія 469), онъ выразилъ возбужденныя этимъ мысли, въ слѣдующихъ стихахъ:

«Нѣкогда, здѣсь рощи доходили до небесъ; а теперь селенія виднѣются кое-гдѣ; безъ числа погибло живыхъ тварей отъ острія меча; сколько прекрасныхъ жилищъ обратилось въ сѣрый пепелъ!»

Потомъ еще написалъ стихи:

«Талантливыхъ поэтовъ, которые могли воспѣвать безъ умолка тысячи піесъ, было много отъ древнихъ временъ донынѣ; а я, праздно ходя, размышляю о вещахъ премірныхъ, освобождаюсь отъ круговорота, въ вѣкахъ подъисточныхъ» 470).

Въ годъ цзя шень 471), 2-й луны 1-го числа, учитель служилъ въ Цзиньшаньской кумирнѣ, Цюянъ гуань; кумирня расположена на южной сторонѣ горы Гэ шань; виды были свѣтлы и прекрасны; сосны и тэнъ-ло 472) закрывали луну; это страна Даосовъ. Учитель изобразилъ общій видъ ея въ слѣдующихъ стихахъ;

«За Цюянъ гуань ю глубоки лазоревые скаты; на необъятномъ пространствѣ, покрытомъ прозрачнымъ туманомъ, водружены зеленые холмы; по всей дорогѣ персиковые цвѣты и быстрая весенняя вода 473); она бѣжитъ извиваясь, выходя изъ глубины священныхъ пещеръ».

Потомъ еще сочинилъ стихи:

«Рядъ горъ представляетъ земные пики; на нихъ проходятъ безсмертные днемъ и ночью; пещеры глубоки и молчаливы; туда не доходятъ смертные; только по временамъ, на отвѣсныхъ скалахъ, слышатся пѣсни пещерныхъ святыхъ» 474).

Пекинскій правитель, златоодежный 475), Шилю гунъ, полномочный посланецъ Лю гунъ, и другіе чиновники, прислали нарочнаго съ письмомъ, прося учителя жить въ кумирнѣ Да тянь чанъ гуань. Учитель согласился; затѣмъ, по почтѣ, проѣхалъ Цзюй юнъ и направился на югъ; столичные Даосы, друзья его, вышли встрѣтить его въ Нань коу 476), въ кумирнѣ Шень ю гуань. На другой день, утромъ, со всѣхъ сторонъ собрались 477) почтенные старцы, мужчины и дѣвицы, и съ благовоніями и цвѣтами, проводили учителя, при вступленіи его въ Пекинъ; покланяющіеся ему заграждали дорогу. Когда учитель отправлялся отсюда на западъ, онъ, на вопросъ собранія о времени его возвращенія, отвѣтилъ: «Черезъ три года, черезъ три года». Теперь такъ и случилось, какъ онъ сказалъ. Въ первый седьмой день 478), онъ вступилъ въ Чанъ тяньгуань; обѣдавшихъ было каждый день до 1,000 489). 15-го числа, собраніе просило его въ кумирню Юй сюй гуань.

25-го числа этой луны, прибылъ изъ ханской орды, Гэ ла, съ повелѣніемъ Чингиса: «Святой мужъ! ты, прибывъ въ китайскую землю, чистымъ ученіемъ просвѣщай людей; весьма хорошо, если ты, каждый день, будешь читать святыя книги и молиться о моемъ долгоденствіи; я повелѣваю тебѣ выбрать, по душѣ, мѣсто изъ лучшихъ и поселиться въ немъ; я поручилъ Али сяню оберегать тебя тщательно, такъ какъ ты уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Не забывай того, что я говорилъ тебѣ прежде.» Въ 5-й лунѣ, Синъ шенъ 480) златоодежный Шилю гунъ, и полномочный Лю гунъ убѣдительно просили его письмомъ управлять Да чанъ тянь гуань ю. 22-го числа учитель согласился и отправился къ мѣсту, куда приглашали. Въ воздухѣ летѣло передъ нимъ нѣсколько журавлей, которые улетѣли на

сѣверо-западъ. Когда учитель жилъ въ Юй сюй, то бывало, когда онъ шелъ по приглашенію на обѣдъ, надъ нимъ летѣло нѣсколько журавлей, съ кликами. Въ сѣверномъ Китаѣ, издавна, было весьма мало поклонниковъ даосской вѣры; поэтому святые, желая теперь обратить къ ней людей, показывали эти знаменія. Члены всѣхъ восьми собраній [481]) поклонялись ему до земли и совершали даосскіе обряды; тогда нравы измѣнились. Вода въ Юй сюйскомъ колодцѣ издавна была солено-горьковата; въ годъ Цзя шень и И ю [482]), когда собиралось сюда, съ запада множество Даосовъ, вода превратилась въ сладкую; это тоже дѣло добродѣтели. Въ 6-й лунѣ 15-го числа, Сюань чай Сянъ гунъ чжаба, передалъ учителю повелѣніе Хана: «Съ тѣхъ поръ, какъ ты ушелъ отсюда; я еще ни одинъ день не забывалъ тебя; и ты не забывай меня: поселись гдѣ тебѣ любо, въ подвластныхъ мнѣ земляхъ; хорошо, если твои ученики постоянно молятся и служатъ о моемъ долголѣтіи». Съ тѣхъ поръ какъ учитель возвратился, и со всѣхъ сторонъ собрались даосскіе братія, кривые толки, съ каждымъ днемъ, умолкали; жители столицы единодушно обратились къ даосской вѣрѣ и возлюбили ее, такъ что она сдѣлалась общеизвѣстною во всѣхъ домахъ [483]); она раскрылась на всѣ четыре стороны, во сто разъ шире, чѣмъ прежде; поэтому установили восемь собраній въ Тянь-чанѣ [484]), именно: 1) равенства; 2) вѣчной весны; 3) чудотворной драгоцѣнности; 4) вѣчной жизни; 5) свѣтлой истины; 6) благоденствія; 7) прекращенія бѣдствій; 8) 10,000 ненюфаровъ [485]). Когда учитель возвратился въ Тянь чанъ, съ каждымъ днемъ увеличивалось число приходившихъ къ нему издалека Даосовъ, которые просили дать имъ духовныя наименованія. Однажды учитель сочинилъ имъ четыре строфы.

Первая:

«Коль скоро мірскія страсти не искоренены, то это въ ущербъ духовнаго міра; когда въ сердцѣ вращается мысль о добрѣ и злѣ [486]), оно увлекается потокомъ [487]), и что будетъ съ нимъ!»

Вторая строфа слѣдующая:

«Есть нѣчто дорогое отъ первобытнаго міра [488]), безъимянное и само собою нераждающееся; оно въ сердцѣ человѣка постоянно таится и свободно обтекаетъ духовный міръ.»

Третья строфа:

«Когда зрѣніе постоянно развлекается предметами, глаза потемняются; отъ утомленія силъ, стихіи истощаются; въ мірѣ все ложно и въ сердцѣ никто не знаетъ пустоты.»

Четвертая строфа:

«Вчерашняя мысль не оставляетъ слѣдовъ; тоже и дѣла настоящаго дня; лучше всего покинуть то и другое и проводить дни въ постоянной пустотѣ.»

Послѣ каждаго обѣда, учитель хдилъ гулять въ старый садъ, по цвѣтамъ, въ сопровожденіи шести или семи человѣкъ; отдыхалъ подъ тѣнью сосенъ; иногда переписывался стихами съ своими спутниками; временемъ послѣ чая, заставлялъ спутниковъ пѣть нѣсколько пѣсенъ, въ родѣ Ю сянь и юй (о путешествіи безсмертныхъ); солнце уже бывало на горахъ [489]), а онъ, увлекшись, забывалъ о возвращеніи. Поэтому Синъ тенъ и Сюань чай Чжаба сянъ гунъ просили учителя принять садъ сѣвернаго дворца [490]), съ озеромъ, равно прилежащіе къ нему нѣсколько десятковъ циновъ [491]) земли, для обращенія въ жилища Даосовъ.

Учитель отказывался, но когда они убѣдительно просили его, онъ принялъ; вслѣдъ за тѣмъ, они сдѣлали объявленіе о томъ, чтобы никто не смѣлъ собирать, въ этихъ мѣстахъ, топлива.

Учитель помѣстилъ здѣсь Даосовъ; съ каждымъ днемъ производились улучшенія; потомъ обо всемъ донесено Хану, который одобрилъ. Съ тѣхъ поръ, въ хорошую погоду, не было дня, чтобы учитель не ходилъ прогуливаться на это мѣсто. Въ день сухояденія [492]), онъ сочинилъ двое стиховъ на весеннюю прогулку. Первые стихи:

«На десяти пинахъ земли четвероугольное озеро и царскій садъ; густыя и высокія сосны и кипарисы покрыты прозрачнымъ туманомъ; въ бесѣдкахъ и на террасахъ тысячи заботъ обращаются въ сонъ; цвѣты и ивы, весной, принадлежатъ безсмертнымъ. За островомъ [493]), нѣтъ страны, столь чистой и лучшей; среди людей только есть небо обширнаго холода [494]); я совершенно знаю, что такъ устроилъ творецъ; я прошу его о счастіи чиновъ и народа.

«Вторые стихи были слѣдующіе:

«Въ періодъ Цинъ мина раскрылись цвѣты абрикоса и тысячи народа и семействъ, каждый день, ходятъ взадъ и впередъ; за островомъ даль туманная, весенняя вода широка; сосны шумятъ, въ нихъ вращается теплый вѣтерокъ, прогуливающіеся вздыхаютъ, что заходящее солнце гонитъ ихъ домой; мудрые мужи тоже жалѣютъ о скоротечности красотъ; какъ достать чудеснаго лекарства, чтобы тайно перемѣнить кости [495]), превратиться и возлетѣть въ Юй ло тай [496]).»

Въ годъ и ю [497]), въ 4-й лунѣ, Сюань фу Ванъ гунъ Цзюй чуань, просилъ учителя отобѣдать въ его домѣ; Гунъ родомъ былъ изъ Гуань ю [498]); по этому онъ говорилъ о прекрасныхъ бамбукахъ и деревьяхъ Санъ яна и Чжунъ нани [499]), прося учителя посмотрѣть бамбукъ на его дворѣ. Учитель сказалъ: Этотъ бамбукъ чрезвычайно красивъ; вѣроятно что послѣ опустошеній войны, нельзя много достать его; когда я жилъ въ Пань си [500]), тамъ были густыя рощи и высокій бамбукъ; чудный былъ видъ! представляю себѣ это, какъ сновидѣніе; теперь я уже состарѣлся; наступаетъ срокъ моего возвращенія; удѣли мнѣ нѣсколько десятковъ стволовъ: я посажу у сѣвернаго окна Бао сюане [501]); они будутъ закрывать зрѣніе.» Сюань фу сказалъ: «Военныя смуты въ Поднебесной еще не прекратились; народъ въ чрезвычайныхъ тревогахъ; Ханъ же уважаетъ тебя и чтитъ Дао; силою истинной святости твоей охраняется жизнь тварей; зачѣмъ же ты говоришь такія рѣчи? [502]) Помилосердуй и подумай лучше объ избавленіи людей.» Учитель, ударяя о помостъ палкой, смѣясь сказалъ: «Когда воля неба рѣшила; развѣ зависитъ отъ людей?» Присутствующіе не поняли его мысли. Лѣтомъ въ концѣ 5-й луны, учитель взошелъ на вершину горы Шоу ло тани [503]), откуда во всѣ стороны видны сады и рощи, какъ зеленые шатры; подъ ними отдыхали прохожіе, не чувствуя жара; посему случаю, учитель сочинилъ стихи:

«Въ странѣ, сопредѣльной съ границей, издревле до нынѣ, города падаютъ; хотя много разрушено дворцевъ и палатъ, но еще остались прекрасные сады и рощи; зеленыя деревья гуще и гуще, свѣжій вѣтерокъ порывается глубже и глубже; каждый день гуляю я по острову святыхъ [504]) и, смотря съ высоты, на всѣ стороны свѣта, пою.»

Однажды, какъ учитель возвратился съ Цюнъ дао, посѣтилъ его Чень, гунъ Сю юй. Учитель сочинилъ ему семи буквенные стихи для дуй дзы [505]):

«Зеленая гора высится въ небо одинокая; зеленые кипарисы, тѣнистые и густые, кругомъ охватываютъ залы; по безмѣрной равнинѣ поддерживается прозрачный туманъ постоянно; на всей долинѣ, какъ не бываетъ на обыкновенныхъ, вѣтеръ и луна [506]); высокія сосны стоятъ прямо; въ глубокой извилинѣ чудесные

изрытые камни, вышедшие изъ Тай ху [507]); таково истинное занятіе для вѣчной и спокойной жизни тѣмъ, которые пришли въ столицу подвизаться и молиться за другихъ.»

Въ 9-й лунѣ 1-го числа Сюань фу Ванъ гунъ, по случаю перехода планеты Марса въ созвѣздіе Вей [508]), что грозило бѣдствіемъ Пекинской области, просилъ учителя совершить моленіе, спрашивая, чего это будетъ стоить? Учитель сказалъ: «Намъ жаль, когда теряемъ какую нибудь вещь, тѣмъ болѣе жаль большой страны; въ эти годы, народъ страдалъ отъ поборовъ и повинностей; казенныя и частныя средства истощены; я употреблю на служеніе вещи, какія найдутся у меня въ монастырѣ; а вы только прикажите столичнымъ чиновникамъ поститься, въ ожиданіи поклоненія; этого довольно; другаго не нужно.» Вслѣдъ за тѣмъ, онъ рѣшилъ служить двое сутокъ днемъ и ночью. Учитель, не смотря на свою старость, самъ молился на жертвенникѣ Сюань тань [509]). По окончаніи служенія, вечеромъ, Сюань фу съ радостію поздравлялъ говоря: «Марсъ уже отступилъ назадъ на нѣсколько созвѣздій и мы уже не печалимся. Такъ скоро подѣйствовали добродѣтели учителя.» Учитель сказалъ: «Какія у меня добродѣтели? Моленія совершаются издавна: боюсь только, что нѣтъ довольно вѣры; древніе говорили: вѣра подвигаетъ вселенную; оттого такъ и произошло.» 9-й луны 9-го числа, пришли издалека Даосы нѣкоторые поднесли учителю цвѣты Цзюй хуа [510]); учитель сочинилъ, по этому случаю, элегію, на манеръ Юй шенъ хэнь хуань чи [511]);

«Есть сѣмя съ чудеснымъ росткомъ, по существу и свойству дивное; когда наступитъ осень и вѣтеръ, съ холодомъ, проникнетъ въ самый корень его, тогда оно распускаетъ безчисленные цвѣты; золотистый нѣжный цвѣтъ ихъ свѣтитъ при ясномъ небѣ. Въ 9-й лунѣ пришли гости, держа въ рукахъ эти цвѣтки; всѣ сѣдалища были наполнены ими; когда смотришъ на сѣдалища, то глазамъ представляется одно и тоже; какъ эмблема вѣчной жизни и долгаго зрѣнія [512]) они не опадаютъ; это настоящіе собесѣдники въ бездѣльѣ.»

Потомъ, приходили къ нему исповѣдующіе даосскую вѣру, съ большимъ сверткомъ корейской бумаги, прося его написать на ней своей кистью. Онъ написалъ оду, въ родѣ Фынъ си ву:

«Когда получишь добрый отдыхъ, то и отдыхай; ты выиграешь свободу и избавишь духъ и тѣло отъ служенія. Ахъ, сколько служеній разумныхъ и героевъ напрасно трудились осуществить идеи цѣлой жизни своей! Творецъ отталкиваетъ [513]), и переводитъ [514]) и нѣтъ ничего постояннаго; вчера было веселье и пѣсни; сегодня наступаетъ печаль и скорбь; сегодня не знаешь, что будетъ завтра; мысли и постоянное усиліе удручаютъ душу.»

Однажды, въ присутствіи учителя, спорящіе спросили его, кто правъ? Учитель промолчалъ и такъ разрѣшилъ духовнымъ образомъ [515]); потомъ наставилъ стихомъ:

«Сметай, сметай, сметай; когда сметешь все, то въ сердце не будетъ ни одной вещи; когда въ сердцѣ нѣтъ ничего, то это хорошій человѣкъ; а когда хорошій человѣкъ, то это духъ безсмертный, или Будда» [516]).

Спорящіе, услышавъ эти слова, со стыдомъ удалились.

Въ годъ бинъ сюй [517]), 1-й луны, онъ приглашенъ былъ въ Пань шань [518]) на служеніе Хуанъ лу [519]); онъ служилъ трое сутокъ; въ эти дни погода была ясная; всѣ чувствовали удовольствіе, и въ холодныхъ падяхъ воцарилась весна; въ вечеръ, когда служеніе должно было начаться, онъ сочинилъ стихи и показалъ ихъ собранію:

«По извилинамъ, глубоки безобразныя горы, высоты горныя веселятъ сердца гостей; рядъ пиковъ, одинъ за другимъ, поднимаются прямо; въ широкихъ пропастяхъ темно и холодно; какъ будто пролетали здѣсь святые, и не раздается ни одного клика привитающей птицы; желтошапочные [520]) служили три дня, простоплатные [521]) притекли тысячами».

Въ 5-й лунѣ, въ столицѣ была засуха, крестьяне не сѣяли сѣмянъ и жители скорбѣли; чиновники, очиститъ рынокъ, построили на этомъ мѣстѣ жертвенникъ, и молились сряду нѣсколько десятковъ дней: но пользы не было. Синъ шенъ отправилъ чиновника къ учителю, съ просительнымъ письмомъ, о томъ, чтобы онъ помолился о дождѣ. Учитель служилъ три дня и двѣ ночи; къ вечеру того дня, когда надобно было просить святыхъ [522]), облачные пары собрались со всѣхъ сторонъ и вскорѣ пошелъ дождь; онъ не прекращался отъ полуночи цѣлое время обѣда [523]); Синъ шенъ прислалъ чиновника съ куреніями поблагодарить; онъ говорилъ: «Столица такъ долго была въ засухѣ, что всѣ поля готовы были погорѣть; хлѣба не сѣяны и народъ не чаялъ жить; но, благодаря силѣ святости твоей, которая тронула небожителей, они ниспослали благотворный дождь; народъ называетъ его дождемъ святаго». Учитель отвѣчалъ: «Этого достигла вѣра Сянъ гуна [524]) и вышніе святые умилостивились и спасли жизнь тварей; а я что тутъ сдѣлалъ?» Когда посланный ушелъ, пришелъ другой, отъ Синъ шена же, съ словами: «Дождь, правда, выпалъ, но его недостаточно, послѣ долговременной засухи; надобенъ ливенъ, чтобы уничтожить ее»; и просилъ учителя умилосердиться. Учитель отвѣчалъ: «Не печальтесь; когда люди съ вѣрою обращаются къ вышнимъ святымъ, они непремѣнно отвѣчаютъ имъ; большой дождь будетъ». Дѣйствительно, служеніе еще не кончилось, какъ полилъ дождь моремъ. Въ тотъ годъ былъ урожай. Столичныя знаменитости и ученѣйшіе мужи поздравляли учителя стихами. Однажды Вудацинъ Дэминъ поднесъ ему четыре строфы стиховъ; учитель, на тѣ же рифмы, отвѣчалъ ему четырмя же строфами. Первая:

Во времена Яньго [525]) жилъ здѣсь Чаньгунъ [526]), который вышелъ изъ среды мірскихъ въ общество Дунъбинь [527]), однажды онъ улетѣлъ на журавлѣ, на островъ Пынълай, въ страну безсмертныхъ, которая тысячи вѣковъ высится надъ землею» [528]).

Вторая строфа была слѣдующая:

Прежде я жилъ въ глубокихъ горахъ одинъ, и кто могъ знать, что я буду славенъ въ Поднебесной между многими; Даосы Сюаньюаня [529]) со всѣхъ сторонъ приходятъ ко мнѣ, для вопросовъ, и въ бесѣдахъ мы не толкуемъ мірскихъ книгъ».

Третья строфа:

Не считай празднаго [530]) человѣка обыкновеннымъ смертнымъ; праздный человѣкъ, безъ пожеланій, близокъ къ обществу святыхъ; если не теперь просвѣтить душу [531]), то какого времени ждать, чтобы достигнуть драгоцѣнной горы» [532]).

Четвертая строфа:

«Разумный духъ самобытно явился, когда хаосъ приходилъ въ устроеніе; для него длинный вѣкъ [533]) малъ; онъ выходитъ изъ жизни, вступаетъ въ смерть, всегда безъ Я [534]), онъ восходитъ за древность и перелетаетъ въ настоящее, самосвободный и безсмертный».

Потомъ, учитель написалъ на нарисованныхъ Чжичжунъюанемъ изображеніяхъ трехъ святыхъ, Дэи, Юаньбао и Сюаньсу: [535]).

«Міръ не постигаетъ достигшихъ Дао, святыхъ мужей; три учителя въ ка-

кое время проявили чудотворные слѣды свои? они научали во дворцахъ, преемствуя другъ-другу, и живутъ между людьми, подобно Чисуну 530).

По просьбѣ нѣкоторыхъ изъ послѣдователей даосской вѣры, онъ сочинилъ еще слѣдующіе стихи, въ семь знаковъ:

«Утро и вечеръ смѣняются быстро, ускоряя одинъ другаго; у плавающихъ по жизни незамѣтно сѣдѣютъ волосы на вискахъ; творецъ играетъ людьми; все сонъ; что такое споры и волненія въ прошедшемъ?»

Когда учитель принялъ приглашеніе Синъ-шена и дуугихъ чиновниковъ 537), то соболѣзнуя о томъ, что въ Тянь-чанѣ святые кумиры, храмы, палаты, залы и жилыя комнаты, сверху покривились, а снизу обваливались, а окна, двери и крыльца почти совершенно обрушились, онъ приказалъ ученикамъ своимъ каждый день дѣлать исправленія; дыры замазывать, покривившееся поправить; работа кончена въ годъ бинъ сюй 538); все было поновлено; потомъ вновь построено было болѣе сорока келій; все это было сдѣлано на собственныя средства монастыря, безъ подаяній. Всякое лѣто, учитель не позволялъ въ помѣщеніяхъ зажигать огня, и уже въ 9-й лунѣ было немного; эта было предосторожность противъ пожара, Въ 10-й лунѣ, онъ перешелъ изъ Бао сюань жить въ Фанъ ху 539); каждый вечеръ призывалъ къ себѣ заслуженныхъ Даосовъ и, разсадивъ ихъ по порядку, толковалъ съ ними о высокихъ предметахъ: иногда не спалъ всю ночь. Въ 11-й лунѣ 13-го числа, въ полночь, онъ оправилъ платье 540), всталъ съ мѣста и прохаживался по среднему двору; возвратившись онъ сѣлъ и произнесъ братіи слѣдующіе стихи:

«Миріады свѣтилъ наполняютъ широкое небо; утомился я, сидя до третьей стражи: созвѣздіе Цань прошло уже за западный хребетъ, медвѣдица подвинулась и сѣверныя звѣзды 541) поднялись высоко. Нѣтъ средства остановить великой силы движенія; безпредѣльной пустоты нельзя накрыть; кто властитель этого вращенія? Миріады вѣковъ міръ твердъ самъ собою».

Въ годъ динъ хай 542) съ весны до лѣта, опять была засуха; чиновники молились нѣсколько разъ, но безъ всякаго успѣха. Столичное собраніе даосское однажды просило учителя помолиться о дождѣ; потомъ собраніе Сяо цзай 543) и другія тоже просили о томъ; учитель, подумавъ, сказалъ: «Я только что думалъ о моленіи; вы выразили туже мысль; это, что называется въ добромъ дѣлѣ, не согласившись, имѣть одинаковое намѣреніе; съ той и съ другой стороны будемъ только усерднѣе». Согласились молиться о дождѣ 1-го 5-й луны, а 3-го совершить благодарственное за дождь моленіе; если 3-го числа будетъ дождь, то назвать его благовѣщимъ; но черезъ три дня, если и будетъ дождь, то онъ уже не слѣдствіе моленія. Нѣкоторые говорили учителю: «Волю Неба не легко предузнать; учитель сказалъ такія рѣчи передъ многими; если, паче чаянія, назначенный періодъ хоть нѣсколько пройдетъ, то этимъ можетъ навлечь на себя хулу отъ мелкаго человѣка». Учитель сказалъ: «Это не вамъ знать». Когда началось служеніе, пошелъ дождь на весь день, а на другой день выпалъ на футъ; по прошествіи же трехъ дней, все небо совершенно очистилось; и такъ онъ совершилъ благодарственное моленіе за дождь, какъ предсказалъ. Въ то время было нестерпимо жарко; Юань шуай Чжанъ цзы юнь, просилъ учителя прогуляться съ нимъ въ западныя горы; и повторялъ просьбу нѣсколько разъ; учитель отправился: на другой день, послѣ обѣда, и по окончаніи дождя, ходилъ въ кумирню Дунъ шань ань; онъ сидѣлъ въ компаніи въ рощѣ; при наступленіи вечера, когда надобно было возвращаться, онъ сочинилъ слѣдующіе стихи:

«Въ западныхъ горахъ воздухъ свѣжъ и чистъ; послѣ дождя облака легки; посѣтители сидятъ въ рощѣ; безъ мысли, дао само собой совершается».

По возвращеніи онъ жилъ нѣсколько дней въ теремѣ 544) въ домѣ Юань шуая; приходившіе къ нему слушать наставленія занимали у него цѣлые вечера. Потомъ, онъ принялъ приглашеніе въ кумирню Дагуань, а на другой день, въ Цинъ мынъ ань; вечеромъ того дня выпалъ большой дождь съ сѣвера; громъ и молнія были грозны; востокъ и западъ оглашался и освѣщался. Учитель сказалъ: «Таково должно быть дѣло подвижника; достигшій дао издаетъ грозный свѣтъ, который проникаетъ повсюду; громъ и молнія не могутъ съ нимъ сравниться». Въ глубокую ночь, когда гости разошлись, онъ легъ въ простой 545) комнатѣ; вдругъ поднялся порывъ вѣтра, съ дождемъ и вмѣстѣ раздался сильный ударъ грома, такъ что окна и двери едва не треснули; но вдругъ звукъ грома стихъ. Люди всѣ дивились этому; иные говорили, что громъ обыкновенно раздается постепенно; почему же теперь онъ раздался и внезапно стихъ? Иные отвѣчали: нѣтъ ли здѣсь святаго мужа? поэтому духъ грома и умѣрилъ 546) свою грозу.

Когда онъ возвратился, 5-й луны 25-го числа, прибылъ изъ Цинь чжоу, Даосъ Ванъ чжи минъ, съ ханскимъ певелѣніемъ 547), о переименованіи сѣвернаго дворца и острова святыхъ въ Ваньаньгунъ, а Тянь чанъ гуань въ Чанъ чунь гунъ 548); ему повелѣвалось управлять всѣми добродѣтельными монахами въ Поднебесной; вмѣстѣ съ тѣмъ, дарована ему золотая тигровая дщица 549), по которой всѣ дѣла даосскія подлежали его управленію.

Послѣ малыхъ жаровъ 550), были нѣсколько разъ сильные дожди; жаръ былъ еще сильнѣе. Учитель написалъ стихи и показалъ ихъ другимъ:

Влажный жаръ нагрѣваетъ воздухъ на безграничное пространство; бьютъ по морю огромныя волны, и въ большихъ рѣкахъ приливъ; уже напередъ видно, что прекрасныя колосья созрѣютъ въ осень, и какъ слышно демонъ засухи изчезъ въ 5-й лунѣ; народъ радуется, что есть надежда на поддержаніе жизни; войска, не ожидая приказовъ, сохраняютъ строгую дисциплину; истинно, что даосское просвѣщеніе, по всюду проникающее, тайно даровало богатый годъ, въ помощь святому царствованію.»

Съ тѣхъ поръ, какъ Цюнъ дао обращено было въ даосскій монастырь, нѣсколько лѣтъ не было, собирающихъ здѣсь топливо и ловящихъ рыбу; въ садовомъ озерѣ расплодилось много птицъ и рыбъ; сюда, цѣлый годъ, безпрерывно, приходили гуляющіе. Въ остальное время, учитель выѣзжалъ на лошади, вообще однажды въ день. 6-й луны 21-го числа, онъ, по болѣзни, не выходилъ и мылся въ восточномъ потокѣ двора. 23-го числа ему донесли, что между сы и ву 551) часами, при сильномъ громѣ и дождѣ, южный берегъ озера Тай и чи 552) рухнулъ; вода хлынула въ восточное озеро съ шумомъ, слышаннымъ на нѣсколько десятковъ ли; всѣ черепахи и рыбы тоже ушли и озеро высохло; гора на сѣверномъ устьѣ 553), тоже обрушилась.

Выслушавъ это, учитель сначала ничего не сказалъ; но потомъ, смѣясь, сказалъ: «Гора упала, озеро высохло; и мнѣ не вмѣстѣ ли съ ними?» 554) 7-й луны 4-го числа учитель сказалъ ученикамъ: «Нѣкогда Дань янъ 555), предрекъ мнѣ слѣдующее: «По смерти моей, наша вѣра высоко возстанетъ; по всѣмъ странамъ свѣта, много обращено будетъ въ даосскія страны; ты будешь жить въ это самое время; у даосскихъ монастырей будутъ названія и надписанія Императорскія; ты будешь управлять большими монастырями; будутъ посланцы съ дщицами, съ возложеніемъ на тебя управленія дѣлами; это-то время есть періодъ восполненія под-

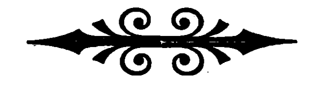
виговъ и славы твоей и твоего успокоенія? Каждое слово Даньяна исполнилось, какъ будто по писаному. Притомъ, теперь, въ нашей вѣрѣ, вездѣ, внѣ и внутри, есть завѣдывающіе люди, и я возвращаюсь безъ заботы.» Учитель заболѣлъ въ Бао сюанѣ; однажды, онъ нѣсколько разъ ходилъ въ удобное мѣсто; ученики его, останавливали его; учитель сказалъ: «Я не хочу утруждать людей; вы еще различаете мѣста; притомъ какое различіе между удобнымъ мѣстомъ и спальнею» 556). 7-й луны 7-го числа, ученики опять просили его, говоря: «У насъ, каждый день, множество добрыхъ людей собираются на обѣдъ; помилосердуй и войди въ залу, чтобы они могли, къ удовольствію своему, поклониться тебѣ.» Учитель сказалъ: «Я пойду въ залу 9-го числа.» Въ этотъ день послѣ полудня, онъ оставилъ стихи 557):

«Рожденіе и смерть тоже, что утро и вечеръ; призрачные пузыри являются и исчезаютъ, а вода нисколько не трогается 558) Когда свѣтъ солнца и луны проходитъ въ скважину, мы можемъ перешагнуть черезъ солнце и луну 559); но когда открывается таинственная сила его вполнѣ, онъ обнимаетъ моря и горы, сѣчетъ во всѣ страны свѣта, какъ въ нѣчто близкое, и дышетъ на миріады существъ, какъ будто пружина 560), безумныя 561) слова, когда кисть перестаетъ писать, обращаются въ прахъ, и когда завѣщаются современникамъ, они, слушая ихъ, уже забываютъ.»

Тогда онъ вошелъ въ залу Бао сюань танъ и здѣсь преставился 562). Чудесный ароматъ распространился по залѣ; ученики, съ куреніями въ рукахъ, поклонились, совершивъ обрядъ разлученія. Братія хотѣли плакать надъ нимъ, но ближніе ученики его, Чжанъ чжи су и Ву чжи люй, остановя ихъ, говорили: «Святой мужъ сейчасъ завѣщалъ, чтобъ ученикъ его Сунъ дао ань завѣдывалъ дѣлами вѣры, а Инь чжи пинъ былъ ему помощникомъ; затѣмъ слѣдуетъ Чжанъ чжи сунъ; Ванчжиминъ, по прежнему, остается правителемъ дѣлъ; Сунъ дэ фанъ и Ли чжи чанъ совѣтниками въ дѣлахъ вѣры.» Тогда снова произошло избраніе. По окончаніи молитвы, при оставленіи міра, Сунъ дао ань и другіе, послѣ двукратнаго поклоненія 563), вступили въ свои должности. Раннимъ утромъ, они одѣлись въ траурное платье и совершили обрядъ траура 564). Стекшихся на поклоненіе было около 10,000 человѣкъ Сюань чай Лю чжунъ лу узнавъ о томъ, съ горестію сказалъ: «Съ тѣхъ поръ какъ святой мужъ представился Хану, Царь и подданный сошлись; послѣ разстанья, Ханъ питалъ къ нему расположеніе и любовь, и никогда не забывалъ его; теперь, когда онъ скончался, надобно тотчасъ донести о томъ Хану 565).» По истеченіи первой недѣли, со всѣхъ сторонъ стекались Даосы и міряне ко гробу и плакали, какъ надъ прахомъ родителя. Тогда число приходившихъ за наставленіемъ и духовными наименованіями, увеличивалось съ каждымъ днемъ; однажды правитель дѣлъ, Сунъ гунъ сказалъ Чжи чану; «Нынѣшней луны 7-го числа, мы съ тобой получили назначеніе отъ учителя; дѣло о духовныхъ наименованіяхъ, и другія, ты пиши за меня, только прикладывая печать съ буквами моей руки. Когда это дѣло пойдетъ, то, по привычкѣ, такъ и останется навсегда» 566). Вслѣдъ затѣмъ, прибылъ изъ Дэсина, Цинъ хэ даши Инь гунъ, для принесенія жертвы. Когда кончилась седьмица, правитель дѣлъ Сунъ гунъ сказалъ Цинъ хэ: «Я уже старъ и не могу управлять вѣрою; управляй за меня». Онъ уступалъ дважды, наконецъ Цинъ хэ принялъ на себя его обязанности. Братства отдаленныхъ и близкихъ собраній, исповѣдающихъ даосскую вѣру, не уменьшались противъ прежняго. Въ годъ ву цзы 567), весной, 3-й луны 1-го числа Цинъ хэ предложилъ построить храмъ учителю въ

Боюнь гуанѣ. Нѣкоторые говорили, что работы много, и продовольствія мало опасно, что трудно будетъ исполнить это. Цинъ хэ сказалъ: «Во всякомъ дѣлѣ, важно задумать предварительно; люди охотно помогаютъ совершить, но не охотно раздумываютъ вмѣстѣ, начинать ли; всякое дѣло, если оно не дѣло частное, при усердіи братіи, почему не можно исполнить? тѣмъ болѣе, что люди помнятъ добродѣтели учителя; кто не чтилъ его во всѣхъ странахъ? ненужно просить и милостыни; сами собой найдутся помощники въ этомъ дѣлѣ. Вы не сомнѣвайтесь. А если и не будетъ такъ, то, израсходовавши монастырскія средства, я готовъ взяться за нищенскую чашу». Сюань чай Лю гунъ, услыхавъ о томъ, порадовался и оказалъ всевозможное пособіе этому дѣлу. Надъ работами поставленъ Цзюй чжи юань и другіе. Въ 4-й лунѣ, въ первое динъ [568]), очистили землю и утвердили основаніе; по прошествіи вуцзи и гэнъ [569]), вдругъ прибыли изъ городовъ Пинъ, янъ, Тай юань, Цзянь, Дай, Вэй и Инъ [570]) Даосы, болѣе 200 человѣкъ; принесшіе съ собой продовольствіе, на помощь построенію храма. Въ четыре декады, работа была кончена; участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ нельзя изчислить всѣхъ. Я думаю, что хотя успѣшная и быстрая работа производилась руками человѣка, тѣмъ не менѣе также было и таинственное содѣйствіе святыхъ. Рѣшено было погребсти прахъ учителя 7-й луны 9-го числа. Въ 6-й лунѣ шелъ безпрерывный проливной дождь; всѣ опасались, что нельзя будетъ совершить погребенія. 7-й луны 1-го числа вдругъ сдѣлалось ясно; всѣ единодушно радовались этому; наканунѣ церемоніи, возжгли куренія и приготовили сѣдальныя постилки, для украшенія жертвоприношенія; когда открыли гробъ, видъ учителя былъ, какъ бы живой, приходили три дня, смотрѣть на него, издали и изблизи, князья, чиновники, благородные, простой народъ, буддійскіе монахи и монахини, и благочестивые люди; въ три дня, каждый день, было до 10,000 посѣтителей; всѣ дивились этому чуду, прилагая руки ко лбамъ, и вскорѣ разнесли вѣсть о томъ во всѣ стороны, подвизая сердца людей обращаться къ нашей вѣрѣ; приходившихъ возжигать куренія нельзя было изчислить. Въ кумирнѣ устроено было служеніе успокоенія [571]), и продолжалось трое сутокъ; сперва, 10 дней былъ постъ. 8-го числа въ 8 часовъ утра, пролетѣли съ юго-запада, черные журавли, вслѣдъ за ними пролетѣли бѣлые; всѣ смотрѣли на нихъ и дивились. 9-го числа, послѣ полуночи [572]), совершено служеніе Линъ бао цинъ [573]), при 360 священныхъ сѣдалищахъ [574]); по окончаніи служенія и обряда, уложили останки [575]) въ храмѣ; отъ него распространилось благовоніе, не изчезавшее цѣлый часъ. Къ полудню былъ обѣдъ; одѣтыхъ въ даосское платье [576]), съ сидящими, было нѣсколько тысячъ человѣкъ; поклонниковъ даосскихъ тоже было болѣе 10,000 человѣкъ; по успокоеніи души учителя, на другой день, выпалъ опять большой дождь. Всѣ вздыхая говорили: «Какъ согласна воля неба съ дѣломъ людей!» Въ окончаніи этого великаго дѣла, если бы учитель не былъ исполненъ совершенствъ, которыя распространились по вселенной и проникли до духовъ, кто бы могъ устроить такъ? Думаемъ, что это не зависѣло отъ людей. Цюань шэнъ Сюань фу Ванъ гунъ цзюй чуань, родомъ изъ знатной фамиліи города Сянь яна, обыкновенно былъ расположенъ къ даосскому ученію; въ послѣдніе годы, онъ сошелся съ учителемъ въ Пекинѣ: они сошлись по сердечной чистотѣ, по духу и нраву, и онъ искренно чтилъ учителя, далеко больше прежняго; поэтому, по случаю погребенія; онъ поставилъ себя въ главѣ собранія; внутри и внѣ столицы, онъ разставилъ солдатъ, на всякій случай; но въ день, когда всѣ расходились, не было никакихъ безпорядковъ и тревогъ; потомъ онъ самъ озаглавилъ этотъ храмъ: Чу шунь [577]), а кумирню: Боюнь [578]). Учитель, когда писалъ, не дѣлалъ черно-

выхъ; положивъ передъ собой бумагу, онъ прямо и писалъ на ней: послѣ, когда еще просили его, онъ или прибавлялъ или сокращалъ прежнее; въ этихъ двухъ видахъ произведенія его и оставались. Однажды ночью, говоря съ учениками, онъ сказалъ: «О древнихъ подвижникахъ мало сказаній въ книгахъ и писаніяхъ, да и тѣ необработаны; а сколько тѣхъ, преданія о коихъ потеряны! Я нѣсколько разъ говорилъ вамъ о достигшихъ святости мужахъ послѣднихъ временъ, которыхъ я видѣлъ собственными глазами и своими ушами слушалъ; дѣла ихъ слишкомъ явны, ихъ наученія свѣтлы; въ свободное время, я думаю составить сочиненіе Цюань-чжень да чуань [579]), и завѣщать оное потомству». Когда же учителя не стало, хотя онъ словесно и показалъ общее содержаніе этого сборника, но жаль, что послѣдующіе, изучающіе Дао, еще не видѣли этого сочиненія конченнымъ [580]).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

Посланіе Чингиса: 581) Небо отвергло Китай за его чрезмѣрную гордость и роскошь. Я же, обитая въ сѣверныхъ степяхъ, не имѣю въ себѣ распутныхъ наклонностей; люблю простоту и чистоту нравовъ; отвергаю роскошь и слѣдую умѣренности; у меня одно платье, одна пища; я въ тѣхъ же лохмотьяхъ 582) и тоже ѣмъ, что коровы и конскіе пастухи; я смотрю на народъ, какъ на дѣтей; забочусь о талантливыхъ, какъ о братьяхъ; мы въ начинаніяхъ согласны, взаимная любовь у насъ издавна; въ обученіи темъ 583), я напереди другихъ; въ ратныхъ бояхъ не думаю о задѣ. Въ семь лѣтъ я совершилъ великое дѣло и во всѣхъ странахъ свѣта утвердилъ единодержавіе. Не отъ того, что у меня есть какія либо доблести, а отъ того, что у Гиньцевъ правленіе непостоянно, я получилъ отъ Неба помощь и достигъ престола. На югѣ Суны, на сѣверѣ Хой хэ, на востокѣ (?) Ся, на западѣ варвары,—всѣ признали мою власть. Такого царства еще не было съ давнихъ временъ нашихъ 584) — Шань юй. Но званіе велико, обязанности важны и я боюсь, что въ правленіи моемъ чего нибудь не достаетъ; при томъ строятъ судно и приготовляютъ весла для того, чтобы можно было переплыть черезъ рѣки; подобно тому, приглашаютъ мудрецовъ и избираютъ помощниковъ 585) для успокоенія вселенной. Я. современи наслѣдованія престола, усердно занимаюсь дѣлами правленія, но не видѣлъ еще достойныхъ людей, для занятія сановъ 3-хъ гуновъ и 9-ти циновъ 586). Въ сихъ обстоятельствахъ я навѣдался, что ты, учитель, сроднился съ истиною и шествуешь по правиламъ; многоученый и опытный, ты глубоко извѣдалъ законы; твоя святость прославилась и доблести проявились; ты хранишъ строгіе обычаи древнихъ мудрецовъ и обладаешъ прекрасными талантами высшихъ людей; издавна привитаешъ въ скалахъ и ущельяхъ, и скрылъ себя (отъ міра); ты прославляешъ просвѣщеніе предковъ; ты привлекаешъ къ себѣ людей, обладающихъ святостію, которые, какъ облака, шествуютъ къ тебѣ, стезей безсмертныхъ, въ неизчислимомъ множествѣ. Узнавъ, что, послѣ войны, ты все еще обитаешъ въ прежнемъ жилищѣ, въ Шаньдунѣ, я безпрестанно думалъ о тебѣ. Я знаю примѣръ возвращенія отъ рѣки Вэй въ одной колесницѣ 587) и троекратной просьбы въ хижинѣ 588). Но что мнѣ дѣлать? За обширностію горъ и долинъ, я не могу самъ встрѣтить тебя. Я только схожу съ своего мѣста и стою подлѣ 589); постился и омылся 590), избралъ своего приближеннаго Лючжунъ лу, приготовилъ легкихъ всадниковъ и простой экипажъ 591), и, не страшась тысячь ли, прошу тебя подвинуть святыя стопы твои; не думай о дали песчаныхъ степей; или пожалѣй о народѣ, по современному состоянію дѣлъ, или изъ милости ко мнѣ, сообщи мнѣ средства сохраненія жизни. Я самъ буду прислуживать тебѣ. Я мечтаю, что ты отрыгнешъ мнѣ хоть остатки и скажешъ мнѣ хоть одно слово; но и этого довольно. Теперь я нѣсколько выразилъ мои задушевныя мысли, надѣясь, что онѣ сколько нибудь ясны въ настоящей грамотѣ. Надѣюсь, что ты, проявивъ сущность великаго Дао, сочувствуешъ всему доброму и конечно не поперечишъ желаніямъ существъ. По сему настоящее повелѣніе должно быть вполнѣ вѣдомо. 5-й луны 1-го числа.

2.

Адресъ Чанъ чуня: 592) Дэнъ чжоускій изъ Сися сяня, стремящійся къ Дао, Цю чу цзи, получилъ недавно Высочайшее повелѣніе издалека. Весь бездарный приморскій народъ неразуменъ. Представляя себѣ, что въ дѣлахъ жизни я тупъ въ дѣлѣ изученія Дао не успѣлъ, трудился всевозможнымъ образомъ, состарѣлся и не умеръ что хотя слава о мнѣ распространилась по государствамъ, но, по святости, я не лучше обыкновенныхъ людей, внутренно, я мучусь стыдомъ; тайныя мысли кто вѣдаетъ? Прежде, изъ южной столицы и отъ Суновъ нѣсколько разъ были ко мнѣ приглашенія, но я не пошелъ туда, а нынѣ, по первому зову Драконова 593) двора, я иду, почему же? Я слышалъ, что Царь одаренъ отъ Неба мужествомъ и мудростію, превосходящею древность и нынѣшнія времена; правота въ немъ помогаетъ чудесному величію; Китайцы и варвары покоряются ему; посему, я хотѣлъ было сначала скрыться въ горахъ, или уйти въ море, но не рѣшился противиться повелѣнію и счелъ необходимымъ бороться со снѣгами и инеями, намѣреваясь единожды представиться. Я слышалъ, что ваша колесница только на сѣверъ отъ Хуань чжоу и Фу чжоу 594); но прибывши въ Пекинъ, услышалъ, что колесница отправляется далеко, неизвѣстно за сколько тысячъ ли. Вѣтеръ и пыль безпрерывны, небо помрачено; а я старъ и слабъ, не могу выносить (трудовъ) и весьма боюсь, что по такому пути не дойду. Если же и буду къ Царю, то дѣла военныя и государственныя не въ моихъ силахъ. По духу Дао дэ, надобно обуздывать страсти, а это дѣло весьма трудное по этому, я совѣщался съ полномочнымъ Лю чжунъ лу и говорилъ, что лучше мнѣ остановиться и обождать въ Пекинѣ, или Дэ синъ фу, и напередъ отправить человѣка донести о томъ; но Лю чжунъ лу не согласился; поэтому, я самъ вынужденъ былъ писать особое донесеніе. Представляя себѣ, что я рѣшился исполнить волю вашу и отправился въ даль, на вѣтры и инеи, я прошу Царя заблаговременно ниспослать милостивое повелѣніе и рѣшить должно или нѣтъ (мнѣ ѣхать). Мы вчетверомъ поступили въ монашество; трое достигли святости; только я попусту слыву за святаго. Видъ мой высохшій, тѣло истощенное. Ожидаю святаго рѣшенія. Въ годъ Дракона, 3-й луны (1220).

3.

Чингисъ Императоръ, учителю Цю: Съ удовольствіемъ прочиталъ я увѣдомленіе твое о томъ, что согласно съ моимъ повелѣніемъ, ты отправился въ путь, и все прописанное тобою, принялъ къ свѣдѣнію. Ты святостію превосходишъ трехъ мудрецовъ; твои доблести гремятъ во многихъ странахъ, поэтому я послалъ сановника, съ пригласительнымъ даромъ 595), на почтовыхъ, искать тебя у океана. Случай былъ согласенъ съ моими желаніями; Небо не воспротивилось человѣку. Два двора, нѣсколько разъ, приглашали тебя, но ты не пошелъ къ нимъ; но когда мой одинъ посланецъ пригласилъ себя однажды, ты, восхотѣлъ подняться съ мѣста. За то, что я воздвигнутъ Небомъ, ты самъ пошелъ ко мнѣ. Ты не отказался переносить, на открытомъ воздухѣ, вѣтеръ и иней, и самъ рѣшился пройти песчаныя степи. Когда твое писаніе представлено было мнѣ нечего говорить, какъ я былъ радъ и доволенъ. Дѣла ратныя и государственныя не въ моемъ желаніи 596), а мысли въ духѣ Дао дэ, искренно скажу, заслуживаютъ уваженія. За непокорность тѣхъ главъ 597), я громлю ихъ грозно; только приходитъ моя рать, дальнія страны усмиряются и успокаиваются. Кто приходитъ ко мнѣ, тотъ со мной; кто уходитъ, тотъ противъ меня. Я употребляю силу, чтобы достигнуть продолжитель-

наго покоя временными трудами, надѣясь остановиться, какъ скоро сердца покорятся мнѣ. Съ этою цѣлію, я несу и проявляю грозное величіе и пребываю среди колесницъ и воиновъ Я снова представляю себѣ, что облачная колесница твоя уже тронулась съ Пынъ лая и что ты можешь направить путь, на журавлѣ, въ Индію. Дамо пришелъ на востокъ, чтобы запечатлѣть истины преданіемъ духа ученія; Лао ши шествовалъ на западъ, чтобы и варваровъ просвѣтить и возвести на степень святости. Хотя равнины и широки, но недалеко узрѣть мнѣ столъ и посохъ твой Поэтому, и отвѣчаю на твое посланіе, чтобы тебѣ вѣдомы были мои мысли. Надѣюсь, во время пути ты будешь благополученъ и здоровъ; о прочемъ не распостраняюсь.

4.

Святое повелѣніе 598). Царя Чингиса повелѣніе начальникамъ всѣхъ мѣстъ: Какія есть у Цю шень сяня скиты и дома подвижничества, въ нихъ ежедневно читающіе священныя книги и молящіеся небу, пусть молятся о долгоденствіи Царя на многія лѣта; они да будутъ избавлены отъ всѣхъ больщихъ и малыхъ повинностей, оброковъ и податей; скиты у дома монаховъ, принадлежащихъ Цю шень сяню, во всѣхъ мѣстахъ да будутъ избавлены отъ повинностей, податей и оброковъ: внѣ сего. кто будетъ, ложно называя себя монахомъ, подъ незаконнымъ предлогомъ, отказываться отъ повинностей, того доносить властямъ и наказывать по усмотрѣнію. По полученіи настоящаго повелѣнія, да не осмѣлятся измѣнить и противиться оному. Для чего и дано сіе свидѣтельство.» Сіе повелѣніе вручено Шень тяню, для храненія. Свидѣтельство: 599) Принадлежащіе Шень сяню монахи. и усердно и строго пребывающіе въ скитахъ люди, равно избавляются отъ повинностей, податей и оброковъ. Да сообразуются съ симъ. Въ годъ Гуй вэй, (овцы), третьей луны (съ приложеніемъ императорской печати). « » дня 600) (1223).

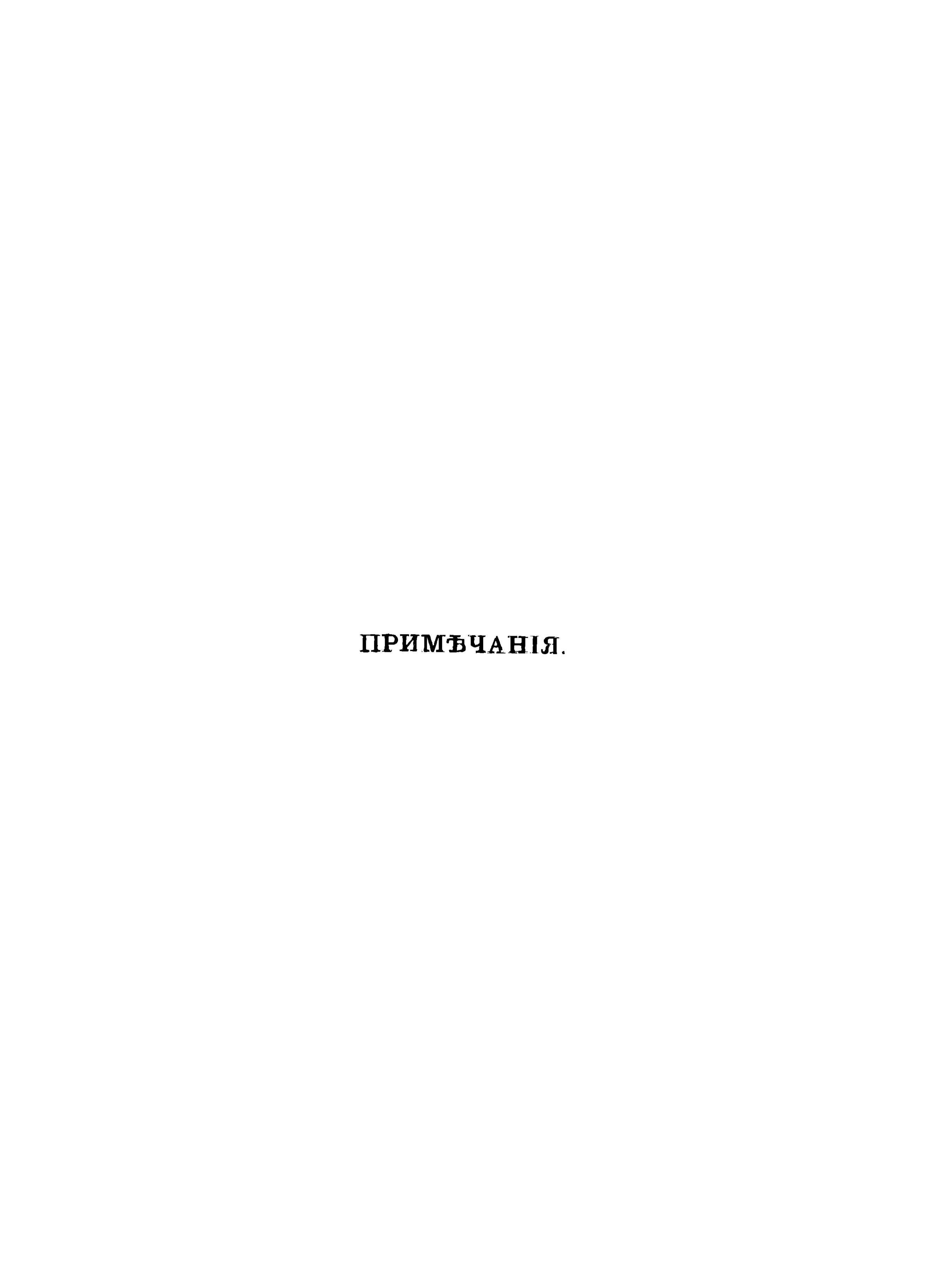
5.

Сюань чай Али сянь лично принялъ отъ царя Чингиса слѣдующее повелѣніе: Цю шень сянь! То, что ты доложилъ мнѣ по казенному дѣлу, весьма хорошо. Я прежде уже сдалъ указъ тебѣ, поручивъ тебѣ управлять всѣми добрыми монахами, находящимися во вселенной; какіе есть хорошіе, и какіе дурные, ты самъ вѣдай и ты только распоряжайся. По полученіи сего, да будетъ сообразно поступаемо. Въ годъ Гуй вэй, 9-й луны, 24-го дня (1223).

6.

Сюань чай, Дуюань шуай, Цзя чанъ передалъ полученное имъ святое повелѣніе царя Чингиса: Цю шень сянь! Ты, разставшись со мной, отправился въ весенніе мѣсяцы и съ наступленіемъ лѣта, по дорогѣ, терпѣлъ жары и трудности; по дорогѣ, получалъ ли ты хорошихъ почтовыхъ верховыхъ лошадей? довольно ли доставляемо было тебѣ, по пути, продовольствія? Когда ты прибылъ въ Сюань дэ чжоу и другія мѣста, то тамошнія власти хорошо ли принимали тебя? Простой народъ ты привлекъ ли? 601) Здоровъ ли ты тѣломъ и душой? Я здѣсь постоянно думаю о тебѣ. Ты! я не забылъ тебя, ты не забывай меня. Въ годъ Гуй вэй, 11-й луны, 15го дня (1223).

ПРИМѢЧАНІЯ.

СОКРАЩЕНІЯ.

Дцз.—Д а о ц з а н ъ ц з и я о, сборникъ даосскихъ сочиненій (см. стр. 263).

Чгл.—Ч э г э н ъ л у, біографическій отдѣлъ Ю а н ь ш и (см. стр. 262).

1. Цзы есть общее почетное наименованіе въ новомъ изданіи Чжень жень: святой, въ смыслѣ Даоса.

2. Фэй шенъ бянь хуа: возлетѣть и превращаться; это дары, достигаемые посредствомъ самоусовершенія.

3. Люй юнь ся: въ обществѣ облаковъ; такъ по послѣднему изданію Дцз.; въ прежнихъ и въ новомъ изданіи Си ю цзи, вмѣсто ся, высь, употреблено дуань, не имѣющее смысла.

4. 1219 г.

5. Ань чэ: на спокойной телѣгѣ; намекъ на старинный обычай китайскихъ государей посылать экипажи за знаменитыми лицами.

6. Ши цзюй.... чай ли: какъ трупъ... какъ полѣно; достоинство даосскихъ пріемовъ, какъ и слѣдующіе, доказывающіе безстрастіе и самоуглубленіе.

7. Обычай Китайцевъ носить имя учениковъ знаменитыхъ мужей.

8. Названіе даосскаго монастыря. См. ниже.

9. 1-я луна 1220 г.

10. 1224. г.

11. Сказано, частію на основаніи отзыва сихъ записокъ о Туркестанѣ, а болѣе для красоты рѣчи.

12. Шуй ту: вода и земля; климатъ.

13. Чу чу: выходить и пребывать, съ даосскимъ равнодушіемъ.

14. 2-го дня, 7-ой луны, 1228 г.

15. Си ци: западный потокъ; названіе мѣста.

16. Цзюй ши: общее названіе, придаваемое состоятельнымъ и ученымъ людямъ, внѣ служебнаго круга.

17. Похвальное наименованіе.

18. Впослѣдствіи. Ли чжи чанъ былъ однимъ изъ преемниковъ Чанъ чуня, въ главѣ даосской вѣры.

19. Си ся сянь. на ю. в отъ Дэнъ чжоу фу. По Чэ гэнъ лу Чанъ чунь родился въ 1148 году.

20. Вэй гуань: не надѣвъ еще шапки; у Китайцевъ, по совершеннолѣтіи сына, совершаютъ обрядъ надѣванія шапки. По Чгл. это было въ 1166 г.

21. Извѣстный распространитель ученія Цюань чжень, по Чгл. съ 1168 года. См. предисловіе.

22. Въ западной Шань си: это то самое мѣсто, гдѣ жилъ знаменитый въ древности Тай гунъ и занимался уженіемъ рыбы; Вэнь ванъ самъ посѣщалъ его и пригласилъ его въ себѣ.

23. Въ приморье, т. е. на родину; можетъ быть онъ былъ тамъ, на время; но умеръ въ Пекинѣ.

24. 1218 г.

25. Въ Хэнани былъ въ то время Гиньскій; Дворъ Чанъ чуня приглашали ко Двору.

26. По Чгл. онъ еще ранѣе представлялся ко Двору, въ 1188 г. Здѣсь говорится о приглашеніи 1215 г.

27. На ю. з. отъ Дэнъ чжоу.

28. Резиденція Гиньскихъ государей.

29. Гдѣ жилъ Чанъ чунь.

30. Воспользовавшіеся ослабленіемъ Гиньцевъ.

31. Т. е. со стороны Суновъ.

32. Дѣйствовавшіе въ Шань дунѣ.

33. По Юань ши, Чингисъ будто бы еще прежде посылалъ къ нему Чжабара Хочжу, родомъ изъ западныхъ странъ, слыша о его славѣ. Чанъ чунь спросилъ Чжабара: «Хочешь ли ты высшихъ почестей, или большаго потомства?» Чжа баръ отвѣчалъ: «Богатство и почести черезъ сто лѣтъ куда дѣнутся? Довольно, если мои дѣти и внуки будутъ благополучны и продолжатъ мой родъ.» Чанъ чунь сказалъ: «Будетъ такъ.» Такъ и случилось; Чжабаръ померъ 118 лѣтъ. Цз. 120,7. Это вымышленный разсказъ; о Чанъ чунѣ ходило много слуховъ и преданій. По одному изъ нихъ, Чингисъ непремѣнно хотѣлъ женить Чанъ чуня на своей дочери, и Чанъ чунь, чтобы избѣгнуть этого оскопилъ себя.

34. Лю чжунъ лу былъ изъ числа предавшихся Монголамъ Гиньцевъ. По Бянь вэй лу, полемической книгѣ Буддистовъ противъ Даосовъ, онъ угодилъ Чингису искусствомъ въ приготовленія стрѣлъ.

35. Эти дщицы имѣли значеніе воинское; употреблялись у Суновъ и Гиньцевъ.

36. Общепринятая фраза для выраженія полномочія.

37. Т. е. среди четырехъ морей; во всей вселенной.

38. Т. е. границы оберегаются военною силою.

39. Ордѣ Найманскаго владѣнія; это была временная орда Чингисхана, вѣроятно у Алтая.

40. Мѣстечко внѣ Великой Стѣны, на сѣверъ отъ Бодэна, находящагося внутри этой стѣны.

41. Нынѣшній Бао ань чжоу; расположенъ близъ горъ, по которымъ проходитъ Великая Стѣна.

42. Извѣстное горное ущелье, ведущее на Пекинскую равнину.

43. Вслѣдствіе военныхъ смутъ.

44. Изъ Пекина.

45. Области Чжилійской губерніи.

46. Городъ губерніи Шань дунъ

47. Иду фу, городъ той же губерніи Нынѣ Цинъ чжоу фу.

48. Такъ называлось управленіе страною.

49. Въ это время Гиньцы отправили посланца къ Чингисхану просить мира. Краткое извѣстіе объ этомъ путешествіи помѣщено въ сборникѣ Чжи бу цзу чжай.

50. Городъ въ Шань дунѣ, на ю. з. отъ Дунъ лая.

51. Первое, или верхнее начало; такъ называется праздникъ 15-го числа 1-ой луны; иначе праздникъ фонарей.

52. На югъ отъ Цинъ чжоу фу.

53. Т. е. жителей Цинъ чжоу фу.

54. Оба города на З. отъ Цинъ чжоу фу.

55. На С. З. отъ Цзоу пина.

56. Т. е. съ курительнымъ свѣчами.

57. Журавли и аисты, считаются у Даосовъ птицами святыхъ и безсмертныхъ; на нихъ возлетаютъ въ высь Даосы, достигшіе высшихъ совершенствъ.

58. На встрѣчу Чанъ чуню.

59. Между 8-ью и 10-ью часами утра.

60. Въ знаменіе того, что этотъ скитъ будетъ посѣщенъ знаменитымъ мужемъ.

61. Выраженіе изумленія, въ особенности, радостнаго.

62. Нынѣ Вуцяосянь, на Императорскомъ каналѣ, близъ Дэчжоу.

63. На В. отъ Бачжоу, Чжилійской губерніи.

64. Въ области Чжень динъ фу, Чжилійской губерніи.

65. Города Чжилійской губерніи.

66. Не вдалекѣ отъ Пекина, на ЮЗ. Мѣстечко расположено на р. Хунь хэ, чрезъ которую устроенъ знаменитый мостъ; оно составляетъ стратегическій пунктъ для столицы.

67. Т. е. въ предмѣстіи столицы.

68. Западными.

69. Поставленный Чингисханомъ.

70 Сюаньфуши: т. е. коммисаръ назначенный для успокоенія страны.

71. Такъ, по древнему называлась Пекинская область.

72. На р. Хунь хэ.

73. Шамо, песчаная полоса Монголіи.

74. 3-я луна: апрѣль.

75. Т. е. отъ родины.

76. Т. е. учитель со своими учениками.

77. Какъ произведеніемъ сѣверныхъ странъ.

78. Лаоцзы котораго Даосы признаютъ основателемъ своей вѣры.

79. По преданію, Лаоцзы удалился, на старости, на западъ; Даосы прибавили, что онъ ходилъ просвѣщать варваровъ.

80. Бэй тинъ; такъ вообще именуются резиденціи Хановъ сѣверныхъ ордъ.

81. Слово въ слово: узнавъ, что походный дворецъ его переносится на западъ, Чингисъ отправился, въ это время, въ походъ на Туркестанъ не дождавшись Чанъчуня.

82. Чунь цю: весна и осень; лѣта жизни.

83. Фынъ ша: вѣтеръ и песокъ, какъ всегдашнія явленія въ степяхъ. По другой редакціи Фынъ шуанъ: вѣтеръ и иней; это ошибка.

84. Для Чингисхана.

85. Лу, родина Конфуція; Ци былъ смѣжный съ Лу удѣлъ.

86. Въ то время была особая каста увеселительницъ.

87. Не желая быть свидѣтелемъ упадка нравовъ.

88. Шаньѣ: такъ учитель вездѣ называетъ себя, изъ скромности и намекая на свою гористую родину и вмѣстѣ на подвижничество въ горахъ, обязательное для Даосовъ.

89. Хэла и Гэла, кажется, не собственное имя, а общее наименованіе курьеровъ.

90. Можетъ быть и не отправлялъ особаго человѣка.

91. Этого адреса въ Запискахъ нѣтъ; онъ помѣщенъ въ Чэ ганъ лу. См. приложеніе.

92. Названіе обоготвореннаго Лаоцзы.

93. На пути на западъ.

94. Названіе губерніи Сычуанъ. Географическое указаніе не совсѣмъ точно.

95. Гдѣ онъ оставилъ свое сочиненіе, Дао дэцзинъ, смотрителю заставы.

96. Цзѣ: взято у Буддистовъ со слова Гата и значитъ краткое стихотвореніе. Мысли въ немъ только слегка очерчиваются; иногда трудно выразить полный смыслъ въ переводѣ.

97. Т. е. движеніе и покой равно пусты въ сущности.

98. Т. е. вотъ предметы, которые должны поражать умъ прозорливаго человѣка.

99. Т. е. всеобщему верховному закону.

100. Т. е. сердце и умъ.

101. Одинъ изъ главныхъ праздниковъ въ году у Китайцевъ.

102. Чанъ ѣ: длинная ночь, такъ называется у Буддистовъ и Даосовъ загробное состояніе.

103. Устраиваемый на особомъ мѣстѣ.

104. Посвящалъ ставленниковъ.

105. Что происходило на дворѣ.

103. Все тотъ же Лючжунъ лу. Лю его фамилія; гунъ общее почтительное наименованіе.

107. Сѣверный выходъ изъ ущелья называется Падалинъ; это мѣсто считается самымъ крѣпкимъ въ ущельѣ.

108. О которомъ выше уже сказано. Онъ находится близъ Великой Стѣны.

109. Линъ ча: чудесный отрубокъ, на которомъ, по преданію, извѣстный Чжанъ цянь, путешествовавшій на западъ, доплылъ, по западному океану, до луны.

110. Т. е. атмосферы.

111. Хай ши: морскіе рыбки, по общему свидѣтельству, являющіеся, какъ миражи на морѣ Чжилійскомъ, въ особенности противъ Дэнъ чжоу фу.

112. Три сферы чистоты, господствующія надъ всѣми слоями міроздания; это подражаніе буддійской космологіи; тамъ обитаютъ три божества даосскія, соотвѣтствующія тремъ формамъ Будды: духовной, прославленной и воплощенной.

113. Жо шуй: вода, въ которой все тонетъ, ничто не можетъ также пролетѣть надъ ней; по преданію, она далеко на западѣ; за ней рай западной царицы.

114. Авторъ предисловія къ Запискамъ.

115. На сѣверѣ Бань чжоу; нынѣ она называется иначе.

116. Пынъ лай, одинъ изъ трехъ блаженныхъ острововъ на востокѣ, обиталище безсмертныхъ. Люди, достигшіе святости, по вѣрѣ Даосовъ, прежде всего перелѣтаютъ на Пынъ лай.

117. Дунъ фу, такъ вообще называются жилища Даосовъ.

118. Чжунь нань, горы въ Шаньси, недалеко отъ Сиань фу; знамениты онѣ монастырями и отшельниками.

119. Это Хуайлайская долина; она ограничивается съ юга и сѣвера горами; долина служитъ какъ бы уступомъ между Монгольскою возвышенностію и Пекинскою равниною.

120. Среднее начало; празднество 7-ой луны 15-го дня.

121. Фу, обыкновенно означаетъ кабалистическія начертанія Даосовъ; здѣсь должно разумѣть особыя писанія, раздаваемыя посвящаемымъ.

122. Три поля: это три элемента человѣческой природы: сѣмя, какъ физіологическое основаніе; духъ, совмѣщающій разумныя способности, и эѳиръ, иначе дыханіе, составляющее жизнь. Эти три начала у Даосовъ весьма важны.

123. Собственно протекающее, ниспадающее; терминъ взятъ у Буддистъ, которые подъ этимъ разумѣютъ дѣла, низводящія душу въ перерожденія.

124. Кэцзяо: истязаніе, допросъ, передъ адскими судіями, отъ которыхъ ничто не сокрыто.

125. Бэйдоу: сѣверная мѣрка: созвѣздіе, играющее важную роль въ миѳологіи и астрологіи Китайцевъ; оно завѣдываетъ смертію живыхъ тварей и представляется въ видѣ женщины.

126. Наньгунъ: южная полярная звѣзда, гдѣ пребываетъ духъ долголѣтія и безсмертія; противоположная сѣверной Медвѣдицѣ.

127. Собственно переплавленія, какъ металла; по мнѣнію Даосовъ, извѣстными способами самоусовершенія, можно очистить все смертное въ нашей натурѣ.

128. Т. е. полководца бывшаго въ Сюаньдэчжоу, нынѣ Сюань Хуафу, на С. З. отъ Баоаньчжоу.

129. Илагунъ: такъ называли Монголы Ѣлюя. Не слѣдуетъ смѣшивать его съ Ѣлюйчуцаемъ.

130. Извѣстное празднество, посвященное лунѣ.

131. Этотъ родъ стихотвореній не относится собственно къ лицу государя.

132. Т. е. луна.

133. Люша: т. е. подвижныя пески; такъ называютъ въ Китаѣ издревле западныя степи, въ особенности прилежащія къ Лобнору.

134. Дунъ тянь: т. е. вообще въ пещерѣ, а иносказательно въ жилищѣ Даосовъ.

135. Заря считается особымъ небомъ.

136. Гуанъханьдянь: палаты на лунѣ, гдѣ обитаетъ прекрасная богиня Чанъэ.

137. Намекъ на забаву Танскаго государя Сюаньцзуна, который въ праздникъ луны бросалъ золотыя монеты съ верхней галлереи дворца.

138. Юйту: нефритовый заяцъ; по понятіямъ Китайцевъ луна представляетъ фигуру бѣлаго зайца, толкущаго въ ступѣ врачества.

139. Чанъхэ: т. е. длинная рѣка.

140. Шифэй: да и нѣтъ; споры, толки.

141. Хуньлуньсинъ: безразличная, проникнутая Дао и исполненная совершенства, Дэ.

142. Тоже, что по тремъ мірамъ, на которые Даосы, подражая Буддистамъ, раздѣлили мірозданіе.

143. Гунъдэчжу, иначе Шичжу, тотъ, кто заботится объ кумирнѣ и снабжаетъ ее всѣмъ нужнымъ. Этотъ обычай существуетъ и нынѣ въ Китаѣ.

144. Юньфанъ и Дуньши, слово въ слово облачныя и пещерныя помѣщенія.

145. Т. е. святыхъ мужей и предшествовавшихъ настоятелей, которые обыкновенно чествуются въ языческихъ монастыряхъ.

146. Древній музыкантъ, жившій въ Пекинской области, и прекратившій по преданію, своей игрой, несвоевременный холодъ. См. Луньхэнъ.

147. Вѣтеръ и пыль, обыкновенный признакъ зимы въ Китаѣ.

148. Усвоенная исторіей фраза, впрочемъ почти буквально справедливая.

149. Сяочунь: такъ называлась осень.

150. Родомъ изъ Тангутскаго владѣнія Сися; это вѣроятно, Арацянь, упоминаемый въ краткомъ сказаніи объ Огдаѣ, въ Юаньчаомиши.

151 Младшій братъ Чингисхана, Тѣмугэ Отчигинъ, которому Чингисъ, отправляясь въ походъ, на западъ поручилъ управленіе дѣлами. Отчигинъ кочевалъ въ это время на рѣкѣ Кэрулунѣ, близъ впаденія ея въ озеро Буюръ, гдѣ былъ и удѣлъ его.

152. Со стороны Огинъ.

153. Т. е. согласился.

145. Трехъ мужей, или мудрецовъ санъ цзы; выраженіе неопредѣленное, подъ которымъ разумѣются разныя лица; здѣсь указывается на трехъ древнихъ мужей: Бои, Нинь и Люсяо; первые двое были мудрыми совѣтниками государей древнихъ династій; послѣдній былъ послѣдователемъ Конфуція и отличался цѣломудріемъ.

155. Юнь сянь: принаровительно къ тону даосскихъ выраженій; онъ какъ будто не ѣхалъ по землѣ, а летѣлъ въ облакахъ.

156. Какъ самую отдаленную страну. Намекъ о прежнемъ прибытіи изъ Индіи Дармы.

157. Дарма, по китайски Тамо, Буддійскій патріархъ, прибывшій къ Китай въ VI вѣкѣ по Р. Х.

158. Дарма принесъ съ собой новый взглядъ на религію, называемый возвышеннымъ и устранявшій формы. Онъ образовалъ особое созерцательное направленіе въ кит. буддизмѣ.

159. Лао ши: т. е. Лао цзы.

160. Замѣчательно, что Чингисъ говоритъ о варварахъ, къ которымъ онъ и самъ принадлежалъ, какъ будто онъ вполнѣ подчинился превосходству Китайцевъ.

161 Изысканная фраза, вмѣсто того, что бы просто сказать: тебя. Столъ и посохъ, въ старину, жаловались китайскими государями заслуженнмъ и престарѣлымъ мужамъ. Здѣсь это комплиментъ Чанъ чуню.

162. «Не стану....» обыкновенныя фразы, употребляемыя въ оффиціальныхъ письмахъ. Это письмо вполнѣ помѣщено на концѣ. въ приложеніи. За достовѣрность его ручаются писатели временъ владычества Монголовъ. Очевидно, что у Чингисхана была канцелярія передавшихся ученыхъ Гиньцевъ, которые писали подобные акты, составленные по всѣмъ правиламъ изысканнаго Китайскаго слога. Сообщенія исходившія непосредственно отъ Чингисхана были совсѣмъ другаго рода, какъ ниже будетъ тому примѣръ.

163. Идея перерожденій заимствована отъ Буддистовъ, съ нѣкоторыми измѣненіями.

164. См. ниже стр. 396.

165. Тянъ ма: небесные кони, которыми славились двѣ страны, по Китайской исторіи: Дацинь Персія и Канъ го, нынѣшній Туркестанъ.

166. Морскихъ миражей на родинѣ Чанъ чуня.

167. Орда, изъ которой Чингисъ послалъ Ли чжунъ лу, за Чанъ чунемъ, на сѣверъ за хребетъ, Линъ бэй, т. е. за хребетъ, отдѣляющій Китай отъ Монголіи Поясненія въ скобкахъ, принадлежатъ автору записокъ.

168. 1221 г.

169. Мысль, заимствованная у Буддистовъ, съ тѣмъ различіемъ, что у Буддистовъ основою перерожденій есть омраченіе духа, у Даосовъ огрубѣніе чистѣйшей частицы животворнаго начала Яна, скрывающейся въ сѣмени человѣка.

170. Горное устье, въ пограничномъ хребтѣ, ли въ 30 на З. отъ Калгана. Цуйбинь коу значитъ устье Лазореваго Щита; по Фанъ юй цзияо,

это два скалистые отвѣса, поднимающіеся на 1,000 футовъ и издали похожіе на щитъ.

171. Ѣхулинъ, пограничный хребетъ, собственно значитъ хребетъ Дикой Лисицы; но въ дневникѣ Чжанъ дэхая онъ называется Эхулинъ; вѣроятно, слова Ѣху и Эху взято съ монгольскаго нарѣчія и означаетъ Великій.

172. Тайханскія горы огибаютъ Пекинскую равнину съ запада и сѣвера. Подъ другими горами разумѣются отроги горъ пересѣкающіе Хуайлайскую долину, съ запада на востокъ.

173. Дѣйствительно, рѣзкій переходъ; по ту сторону хребта и климатъ, и природа, и люди, все другое.

174. Одинъ изъ учениковъ, сопутствовавшихъ Чанъ чуню.

175. Здѣсь происходило сраженіе Чингисхана съ Гиньскою 400-тысячною арміею, въ 1211 г.; армія Гиньцевъ была совершенно разбита.

176. Цзинь лу: особый теургическій обрядъ, съ заклинаніями и кабалистическими начертаніями; его совершаютъ за счастіе и покой живыхъ и мертвыхъ.

177. По перевалѣ чрезъ Ѣхулинъ, открывается пространная равнина, хотя безлѣсная, но обильная травой и водой; она тянется далеко на В. и З., и примыкаетъ, на югѣ къ пограничному Великостѣнному хребту; на сѣверѣ къ цѣпи низменныхъ горъ, отдѣляющихъ ее отъ безплодной полосы степи. На этой равнинѣ, въ старину, много было построено Китайцами крѣпостей, отъ набѣговъ полудикихъ степныхъ народовъ. Одна изъ самыхъ важныхъ была Фучжоу, называвшаяся, при монгольской династіи, Синъ хэчэномъ. По важности и оживленности своей, этотъ городъ назывался маленькимъ Пекиномъ, Янь цзы чэнъ. Городище его нынѣ называется Харабалгасунъ; прежде, несправедливо искали его въ Цаганъ балгасу; я имѣлъ случай, на мѣстѣ, повѣрить и сличить географическія особенности этихъ городковъ съ кит. сказаніями. Цаганъ балгасу былъ неболѣе, какъ передовой постъ. Фучжоу (онъ отстоитъ отъ Харабалгасуна верстахъ въ 12 на ССЗ.); о немъ упоминается въ исторіи подъ именемъ Чанъ чжоу.

178. Гай лино, озеро, или болото, какихъ много встрѣчается по степи.

179. Въ настоящее время трудно опредѣлить, какое соленое озеро здѣсь разумѣется: нынѣ изъ озеръ въ Монголіи иныя изчезли, другія значительно уменьшились, противъ того, какъ описываются въ китайской исторіи.

180. Границу эту составляетъ земляной валъ, устроенный однимъ Гиньскимъ государемъ, въ правленіе Минъ чанъ; такихъ валовъ много по монгольской степи. Верстахъ въ 70 отъ Харабалгасуна, на сѣверъ, есть валъ, отдѣляющій равнину отъ хребта низменныхъ горъ; другой по сѣверную сторону хребта, верстахъ въ 70 отъ перваго. По сказанію Монголовъ, былъ третій валъ, также верстахъ въ 70 отъ втораго, но по рыхлости почвы разнесенъ вѣтромъ. Вѣроятно, эти валы, въ сложности составляли границу Минъ чана.

181. Эти кочки на солончакахъ, бывшихъ въ ростъ человѣка, составлены большею частію изъ песка, сверху покрытыхъ крѣпкимъ растеніемъ.

182. Т. е. вершникъ, встрѣчный.

183. Вязы или ильмы и нынѣ изрѣдка растутъ въ самой пустынной части степей.

184. Извѣстная ставка или орда Чингисхана, часто упоминается въ кит. исторіи. Шеньяо доказалъ несправедливость мнѣнія тѣхъ, которые полагали этотъ пунктъ восточнѣе и даже юго-восточнѣе. Къ Юй эррь ли проведена бы-

ла почтовая дорога, изъ разныхъ мѣстъ. Чанъ чунь, отселѣ, повернулъ на С. В.; вмѣсто того, чтобы ѣхать на сѣверо-западъ; онъ далъ слово побывать у Очинь давана.

185. Цинъ минъ, начало весенняго тепла, первое появленіе растеній это вмѣстѣ съ тѣмъ религіозный періодъ у Китайцевъ, которые посѣщаютъ въ это время фамильныя кладбища, исправляютъ ихъ и приносятъ жертву предкамъ.

186 Жо ши: бывшій въ сѣверныхъ странахъ, во времена государя Цинъ ши хуанъ ди; онъ имѣлъ даръ летать по воздуху.

187. Хуанъ гу: по описанію лебедь, но, скорѣе, баснословная птица, одаренная чрезвычайно быстрымъ полетомъ.

188. Гунь, баснословная морская рыба, громадныхъ размѣровъ.

189. Тоже баснословная птица чрезвычайно большихъ размѣровъ. Указаніе на Гунь и Пынъ взято изъ сочиненія даосскаго философа Чжуанъ цзи, Превращеніе рыбы въ птицу, по мысли Даосовъ, есть аллегорія духовнаго возрожденія и достиженія дара чудотвореній.

190. Су ву: Ханьскій посолъ, долгое время бывшій въ плѣну у Хунновъ

191 Ли линъ: Ханьскій полководецъ, тоже попавшійся въ плѣнъ къ Хуннамъ.

192. Луао, посланный отъ Цинь ши хуанъ ди, на сѣверъ; онъ видѣлъ тамъ Жо ши и сожалѣлъ, что не могъ летать, какъ этотъ чудотворецъ.

193. Т. е. четыре страны свѣта и кромѣ того верхъ и низъ.

184. Шанъ чэнъ: мысль заимствована отъ Буддистовъ; въ смыслѣ премірнаго настроенія духа.

195. Нынѣ въ Монголіи уже не видно черныхъ телѣгъ, о которыхъ гласятъ сказанія; эти телѣги были ничто иное, какъ юрты на колесахъ.

196. Хуанъ юнь бо дао: желтыя облака, бѣлыя растенія, узаконенное выраженіе, для обрисованія степныхъ и пустынныхъ мѣстъ.

197. Лу гюй: такъ въ китайской исторіи называется рѣка Кэрулунъ.

198. Вѣроятно ставка была на рѣкѣ Халха, впадающей въ озеро Буюйръ, и о которой не однажды упоминается во вновь открытомъ жизнеописаніи Чингисхана; прежде тамъ кочевалъ и Чингисханъ.

199. Для вспоможенія, не по бѣдности праздновавшихъ, а по обычаю привозить подарки на свадьбу.

200. Т. е. способахъ секретныхъ.

201, Паденіе снѣга было указаніемъ, что Чанъ чунь не долженъ былъ сообщать своихъ секретовъ, не видѣвшись съ Чингисханомъ.

202. Вѣроятно, Буюйръ

203. Кэрулунъ, въ низовьяхъ, и нынѣ чрезвычайно изобиленъ рыбою.

204. Дунъ ю чэнъ сдѣлалъ астрономическое поясненіе на это указаніе Чанъ чуня.

205. Т. е. остовы юртъ.

206. Дорога эта вела на сѣверо-западъ.

207. Дань, мѣшокъ; вѣсилъ около четырехъ пудовъ; доу десятая часть дани.

208. Цзаоръ, извѣстное колючее дерево; плоды его походятъ на финики; нѣкоторые называютъ ихъ жужубами.

209. Трудно опредѣлить географически дальнѣйшую дорогу Чанъ чуня. Ученый Шень яо сдѣлалъ изслѣдованіе ея довольно пространное; но результа-

ты его неопредѣленны. Переѣздъ былъ отъ поворота Кэрулуна до орды Ханши.

210. Это вѣроятно отроги Голтэйскаго хребта, направляющіеся съ востока; они незамѣтно сходятся съ протяженіемъ хребта Канхайскаго (съ ю з.), изъ котораго беретъ начало р. Селенга.

211. Ср указаніе Рубруквиса. Въ примѣчаніи къ однимъ стихамъ Луанъ цзинъ цзи юнъ. авторъ замѣчаетъ, что на Гугу втыкались перья, около фута вышины.

212. Письменность Уйгурскими буквами была только что введена Чингисханомъ

213. Цзао ву: творящее начало, собственно не олицетворяемое ни подъ какимъ видомъ; это Провидѣніе, или, лучше сказать. судьба.

214. Инь сюе жу мао: преувеличеніе поэта; это выраженіе относится къ преданіямъ древнихъ Китайцевъ. когда они были въ дикомъ состояніи.

215. Шень яо полагаетъ, что это рѣка Орхонъ; но скорѣе Тола.

216. Шень яо предполагаетъ что были два городища: оба въ бассейнѣ рѣки Орхонъ. Выраженія: «на западѣ и востокѣ» вѣроятно означаютъ. по направленію съ востока на западъ.

217. Шень яо подтвердилъ эти слова своими изъисканіями. Подъ буквами киданьскими разумѣются письмена, составленныя на основаніи китайскихъ знаковъ. Образцы этихъ буквъ сохранились въ сочиненіи Шу ши хой яо.

218. Такъ названъ Самаркандъ, иногда называемый въ кит. исторіи, Хэ чжунъ фу (имя данное ему Хара-Киданями). Въ одномъ христіанскомъ памятникѣ временъ Монголовъ, на кит. языкѣ, Самаркандъ также названъ Сюньсыгянь.

219. Туркестана.

220. По Юань чао ми ши. Хара-Китайскій Гурханъ имѣлъ резиденцію на рѣкѣ Чуй.

221. Т. е. длинный сосновый хребетъ. выроятно на Толѣ.

222 Жаркое время года въ Китаѣ раздѣляется на три небольшіе періода.

223. Т. е. большой холодный хребетъ.

224. Волидо, по китайскому тексту. Это была временная резиденція Ханши по мнѣнію Шень яо; но орды, которыхъ было четыре у Чингисхана, были постоянны; въ каждой ордѣ была одна изъ главныхъ Ханшъ его.

225. Вѣроятно Орхонъ или Тола.

226. Тиху, т е. напитокъ, добываемый изъ сливокъ.

227. Царевны, взятыя Чингисханомъ отъ Гиньскаго и Тангутскаго Дворовъ.

228. Доу, китайскій четверикъ; а 10 ланъ составляютъ около фунта.

229. Это, очевидно, изъ нынѣшней Сибири.

230. Вѣроятно купцы, служившіе посредниками въ торговлѣ.

231. Ханы древнихъ Хюнну.

232. Переѣздъ былъ отъ орды Ханши до Бишбалыка, нынѣшняго Урумци.

233. Эти слѣды, по духу китайскихъ обычаевъ, были вѣроятно каменные жертвенные столы.

234. Это дерево во множествѣ привозится въ Китай изъ Маньчжуріи, и употребляется только на доски для перегородокъ въ домахъ.

235. Этотъ лукъ Китайцы сѣютъ и въ огородахъ. Онъ чрезвычайно пахучъ и весьма уважается Китайцами.

236. Хэласяо: вѣроятно сокращеніе названія: Хара-Балга-сунъ.

237. Туркестанцы и Уйгуры равно называются такъ Чанъ чунемъ.

Онъ вступилъ, вѣроятно, здѣсь въ Найманское владѣніе. Хой хэ могли быть переселенцы.

238. Сида—имя Будды. Постигъ пустоту, т. е прозрѣлъ и сдѣлался Буддою. День не сходится съ принятымъ въ Китаѣ, да и самая фраза можетъ не допускать этого перевода, будучи поставлена, какъ будто безъ отношенія къ послѣдующему тексту. Можетъ быть, по примѣру другихъ поэтовъ, Чанъ чунь хотѣлъ предпослать своему стихотворенію идею пустоты всего подлуннаго.

239. Янь цзы чэнъ: Маленькій Пекинъ; см. выше.

240. Т. е. что онъ не достигъ еще этихъ даровъ своимъ подвижничествомъ.

241. По Юань ши (Цэ. 120.10) Чингисханъ завелъ военное поселеніе на Алу хуанѣ (Орхонъ?) гдѣ построенъ былъ городокъ Чжинь хай чэнъ, по имени Чжинь хая, которому Чингисханъ поручилъ управленіе этой страной. Чжинь хай начальствовалъ надъ 300 слишкомъ домовъ золототкачей изъ западныхъ краевъ, и 300 домовъ шерстяноткачей изъ Китая. Ремесленники изъ запада переселены были по возвращеніи Чингисхана изъ похода въ Туркестанъ. Ремесленники были разныхъ націй; не ихъ ли омонголившіеся потомки нынѣ извѣстны подъ именемъ Дархатовъ (художниковъ), на вершинахъ Енисея, куда переселенцы, можетъ быть удалились современемъ?

242. Т. е. магазинъ.

243. Переселенные сюда Чингисханомъ.

244. Двѣ фэй одного изъ прежнихъ Гиньскихъ государей, пребывавшихъ въ Пекинскомъ дворцѣ, по смерти Чжанъ цзуна. Онѣ взяты были Чингисханомъ, по взятіи Пекина.

245. Тушань и Гягу извѣстныя Гинскія фамиліи.

246. Царевна была въ ордѣ.

247. Гдѣ было военное поселеніе.

248. Здѣсь говорится вообще о Монгольскихъ степяхъ.

249. Подъ воротами.

250. Т. е. монастырь, привитающій въ выси; въ воспоминаніе родины Чанъ чуня, Сися сянь.

251. Четыре горы и пять пиковъ, священныхъ въ Китаѣ.

252. Это наименованіе одного лица; въ немъ включенъ полный титулъ его.

253. Сянъ гунъ: почтительное наименованіе.

254. Шань ся цзинъ: духъ, который любитъ дѣлать зло разными способами онъ имѣетъ видъ карлика.

255. Какъ человѣкъ, который выше подобныхъ опасеній и размышленій.

256. Т. е. Золотыхъ горъ; это Китайскій Алтай.

257. Огэдаемъ, который вѣроятно шелъ впереди Чингисхана.

258. Т. е. отселѣ на югъ.

259. Не объ этомъ ли мѣстѣ говорится въ Supplement à l histoire générale des Huns, des Turks, et des Mogols, Сенковскаго, стр. 15 и 16?

260. Между 8-ю и 10-ю часами утра.

261. Вѣроятно кровью собаки, которая, по мнѣнію Китайцевъ, уничтожаетъ чары и навожденія демоновъ.

262. Серебряныя горы вѣроятно нынѣшній Тянь шань, Небесныя горы.

263. Подразумѣвается горы.

264. И цзы: въ видѣ буквы и, единицы, которая пишется одной поперечной линіей.

265. Хунь цунь: здѣсь говорится вѣроятно о луковицахъ, которыя не разводятся въ Китаѣ, гдѣ извѣстенъ только стрѣльчатый лукъ съ небольшимъ корнемъ.

266. Босыбу: неизвѣстно, что это за холстъ.

267. Это было вѣроятно привѣтствіемъ, похожимъ на обычай Тибетцевъ подносить хадаки.

268. Нынѣшняя Турфань; прежняя Харахачжо, страна также принадлежавшая Уйгурамъ.

269. Бѣсыма: это Бишбалыкъ, нынѣ Урумци, на картѣ 1331 года онъ названъ Бѣшибали.

270. Вѣроятно князь.

271. Буддизмъ существовалъ въ этихъ мѣстахъ; но какъ попали сюда Даосы и не ошибся ли авторъ записокъ, неизвѣстно.

272. Правильнѣе сказать: ученые.

273. Бэйтинъ, сѣверный дворъ, у Хюнну, Тукюе и въ другихъ владѣніяхъ.

274. Дуань фу, названіе измѣненное изъ Духу фу, по мнѣнію Сюйсуня, т. е. коммиссаріатство.

275. 709 годъ.

276. Коммисаромъ, правителемъ отъ Танскаго Двора.

277. Саньцзанъ: можетъ быть книги эти были на кит. языкѣ.

278. Губернскій городъ.

279. Въ сѣверозападной части Китая.

280. Уѣздный городъ.

281. Часто упоминаемый въ исторіи династіи Танъ.

282. Чанъ чунь объясняетъ, почему на деревѣ были еще листья.

283. Дѣсѣ тоуму. Дѣсѣ, какъ я объясню особо, было наименованіе христіанъ въ тѣхъ странахъ.

284. Полное наименованіе одного лица.

285. Чанъбала: на старинной картѣ 1331 года городъ этотъ называется Чжанъ бали и поставленъ прямо на западъ отъ Бѣшибали.

286. Т. е. изъ Уйгуръ.

287. Т. е. до пуда.

288. Чжень: китайская подручная, продолговатая подушка. Ѣлюй чуцай говоритъ, что бываютъ дыни, величиною съ лошадиную голову.

289, Сюй сунъ предполагаетъ, что озеро Сайрамъ.

290. Чаадай.

291. Объ этихъ мостахъ, какъ и о горномъ озерѣ, упоминается въ стихахъ Ѣлюй чуцая, на переходѣ черезъ Инь Шань.

292. Алима, Алмалекъ, равно извѣстный и магометанскимъ и китайскимъ писателямъ; послѣдніе разнорѣчатъ о положеніи его. Сюй сунъ полагаетъ его близь нынѣшней Кульджи. Онъ помѣченъ на картѣ 1331 г. подъ именемъ Алимали.

293. Пусумань, вѣроятно Бессерменъ Плано Карпини; названіе какъ кажется, передѣланное Монголами изъ Мусульманъ; здѣсь оно прилагается къ туркестанскому владѣнію.

294. Т. е. Дарагучи, учрежденіе монгольское; правитель, отъ Монголовъ, или правильнѣе блюститель въ завоеванныхъ странахъ и городахъ.

295. Алма, по татарски, яблоко. Алмалекъ или Алмалыкъ, значитъ, яблочный.

296. Можетъ быть по имени города Термеда, гдѣ ткань выдѣлывалась.

297. Чжунъ янъ мао: повѣрье о возвращеніи овецъ, посредствомъ посадки шерсти и костей овечьихъ, давно существовало въ Китаѣ.

298. Здѣсь вѣроятно разумѣется хлопчатая бумага, которая, во времена Чанъ чуня, была еще рѣдкостію, особенно въ сѣверномъ Китаѣ.

299. Тао хуа ши, вѣроятно, Тамгаджъ, передѣланное изъ китайскаго Танъ гожень, люди династіи Танъ этамъ именемъ называли Катайневъ потому, что при династіи Танъ они сдѣлались особенно извѣстны на западѣ.

300. Тянь хэ: млечный путь.

301. Янъ чанъ и Мынъ Мынь, горы въ сѣверномъ Китаѣ.

302. Общее выраженіе, означающее Китай

303. Походятъ одна на другую, т. е. по величинѣ.

304. Таласу, должно быть, извѣстная рѣка Таласъ, Мурлянь т. е. Муренъ, прибавлено Монголами

305. Гиньскій посланецъ; краткое сказаніе о его путешествіи сохранилось въ одномъ китайскомъ сборникѣ.

306. Султанъ ханъ.

307. Сказаніе объ этомъ есть въ исторіи династіи Гинь. По указанію Ѣлюй чуцая (въ стихахъ), Линья завоевалъ западныя страны въ теченіе 20 лѣтъ.

308. Ховорезмскій.

309. Эти сказанія новы для китайской исторіи.

310. Тянь бинъ: небесныя войска, по напыщенному выраженію Китайцевъ о династійныхъ войскахъ.

311. По этой же дорогѣ замѣтилъ подобные слѣды укрѣпленій русскій путешественникъ Назаровъ, при проѣздѣ въ Кокандъ, Magasin Asiatique 1825, томъ 1, № 1, стр. 6.

312. Сайрамъ.

813. Князь, владѣтель или правитель.

314. Магометанскій.

315. Одинъ изъ ученыхъ спутниковъ Чанъ чуня.

316 Другой ученикъ Чанъ чуня.

317. Т. е. до моей смерти.

318. Хочжендъ.

319. Чжень хаю.

320. Чжанъ=10 футамъ.

321. Или составляютъ ихъ продолженіе; текстъ равно допускаетъ эти два перевода.

322. Высшее небо, въ даосской космографіи.

323. Высшій чинъ въ государствѣ, первый совѣтникъ и какъ бы наставникъ государя.

324. Ила гогунъ т. е. по фамиліи Ила, Киданьской; гогунъ почетное названіе. Ниже окажется, что имя его Ахай.

325. Т. е. не могшій ѣхать къ Чингисхану съ извѣстіемъ о Чанъ чунѣ.

326. Монголами.

327. Пришедшими въ составѣ войска Монголовъ.

328. По стихамъ Ѣлюй чуцая этотъ дворецъ не былъ конченъ постройкой.

Онъ замѣчаетъ, что Сюнь сы кянь (Самаркандъ) значитъ: тучный или жирный городъ. Самаркандъ помѣченъ на картѣ 1331 года подъ именемъ Сань марганъ.

329. 13 ярусныя башни введены буддійскою вѣрою въ Китай.

330. Вѣроятно описаніе минаретовъ.

331. Драконъ управляетъ дождями, по вѣрованію Китайцевъ.

332. 7 и 8 часовъ утра.

333. $^{6}/_{10}$ диска солнца.

334. Ученый потомокъ Конфуція, жившій во времена династіи Тань.

335. Лѣтопись удѣловъ, составленная Конфуціемъ.

336. Т. е. когда луна находится между землею и солнцемъ.

337. Т. е. къ краямъ вѣера тѣнь свѣтлѣе.

338. Т. е. въ родѣ стихотворенія: пріютился фениксъ на деревѣ путунъ; этимъ обозначается размѣръ стиховъ.

339. Т. е та, которая перешла изъ чистаго безформеннаго бытія въ міровую, форменную жизнь; это, по ученію Даосовъ, есть паденіе духовнаго начала.

340. Вань цзы лунь хой: идея заимствована изъ ученія Буддистовъ о перерожденіяхъ; это вращеніе души или разумнаго начала, въ разныхъ формахъ, есть зло и страданіе.

341. Цзю сюань: девять сокровенныхъ, глубокихъ, т. е. девять небесныхъ сферъ; по древнему китайскому преданію это встрѣча вожделенная.

342. Высшія небеса, о которыхъ разъ уже упомянуто.

343. Царствовавшихъ, по преданію; въ доисторическія времена.

344. Т. е падали царства и люди.

345. Идеалъ бытія, по Даосамъ.

346. Т. е. въ Шань дунѣ и въ Шань си.

347. До часу по полуночи.

348. Разумѣется,вообще Китай.

349. Ао—морское чудовище, имѣющее видъ черепахи; по миѳологіи, оно держитъ на себѣ Пынъ лай, островъ безсмертныхъ.

350. Ю вэй: дѣйственное состояніе, противуположное верховному покою.

351. Выраженіе, заимствованное изъ буддійской космографіи.

352. Этой луной пополняется, черезъ два и три года, число дней лунныхъ годовъ, принятыхъ Китайцами.

353. Вѣроятно Хиндукуша.

354. Въ годъ 1222.

355. Хутао: грѣцкій орѣхъ.

356. Т. е. по восточной сторонѣ владѣнія Харакитатовъ.

357. Сокращенно отъ Хэ чжунъ фу.

358. Хэ чжунъ фу: значитъ городъ между рѣками; вѣроятно назывался такъ по мѣстоположенію. Это названіе, по Ѣлюй чуцаю, дано ему Киданями.

359. Ѣлюй чуцай, живущій въ Самаркандѣ въ то самое время, какъ былъ тамъ Чанъ чунь (см. Бянь вэй лу), также оставилъ нѣсколько стиховъ на прогулку за городъ (см. Юань ши сюань).

360. По календарю даосскихъ праздниковъ; это было въ честь основателя Даосизма Лао цзы.

361. Одно изъ названій Лао цзы обоготвореннаго, означаетъ: сокровенное начало.

362. Цзюе ли: прекратить до зерна. Даосы полагаютъ возможнымъ со-

вершенно отрѣшиться отъ пищи.

363. Вожделенное бѣгство; собственно: утекать, убѣгать, по произволу, въ землю и на небо.

364. Ву вэй, противоположно прежнему ю вэй, дѣйственному; идеалъ высшей жизни, внѣ мірскихъ узъ. Оба выраженія заимствованы изъ буддійской аскетики.

365. Шень фань: собственно глубокихъ варваровъ; историческое выраженіе для обозначенія далекихъ странъ.

366. Т. е. въ Монголію.

367. Дамъ тебѣ добрую награду.

368. Можетъ быть Борчжи, извѣстный сподвижникъ Чингисхана.

396. Знаменитый въ китайской исторіи горный проходъ въ Туркестанѣ; онъ описанъ кит. путешественникомъ, Буддистомъ Сюань цзаномъ. По картѣ приложенной къ путешествію Борнса въ Бухару положеніе этого прохода должно быть въ пунктѣ Derbend or Karouga не много болѣе одного градуса на ю. ю. в. отъ Самарканда.

370. Городъ Кешъ.

371. Правильнѣе для разбитія непріятельскихъ отрядовъ изъ Туркестанцевъ.

372. Амударья.

373. Послѣдній день весны; канунъ праздника 4-ой луны.

374. Цзи цюань: пѣтуховъ и собакъ, признакъ осѣдлости и населенія.

375. Т. е. Гиньскій и Сунскій.

376. Чанъ шенъ, значитъ жить продолжительно и жить вѣчно.

377. Отвѣтъ Чанъ чуня Чингисхану, представляемый разно писателями, сдѣлался историческимъ.

378. Разумѣется, по приказанію Чингисхана.

379. Тянь жэнь: человѣкъ, который живетъ на землѣ, но выше условій земныхъ; похвальный титулъ Даосовъ.

380. Т. е. подошелъ.

381 У Чунъ яна было всего семь главныхъ учениковъ (въ томъ числѣ одна женщина), кои всѣ чествуются въ сѣверной сектѣ Даосовъ.

382. Сянь шенъ: преждеродившійся; общее почтительное наименованіе; въ особенности оно прилагалось къ Даосамъ, какъ наставникамъ въ духовныхъ секретахъ. Со времени воцаренія Монголовъ въ Китаѣ, всѣ вообще Даосы назывались Сянь шенами; это слово произносилось Монголами Шанъ шинъ. См. Дэнъ тань бицзю.

383. Шифу.

384. Чжень жень: истинный человѣкъ; достигшій истины; это также общее наименованіе Даосовъ.

385. Шень сянь: шень — духъ, сянь, даосскій святой, достигшій безсмертія; шень сянь высшая степень въ іерархіи даосскихъ святыхъ; это не титулъ, а состояніе.

386. Внѣ: т. е. конечно не внѣ палатки, гдѣ должно было происходить поученіе. Надобно, кажется понимать: или изъ внѣшнихъ Тянь чжень хаю и проч.; или внѣ, т. е. въ юртѣ Чанъ чуня.

387. Собственно, которые наступали на линію карауловъ.

388. Ущелье, имѣющее видъ воротъ.

389. Боковыя скалы, какъ вереи воротъ.

390. Войскомъ Чингисхана.

391. Т. е. Амударьи.

392. Длинноухіе, т. е. ослы.

393. Третій праздничный періодъ Даосовъ, бывающій въ 10-ой лунѣ.

394. Два извѣстныя общія начала китайской философіи и физики. Здѣсь разумѣется тепло и холодъ, дожди и сухое время.

395. Пояснитель замѣчаетъ это какъ особенность, противоположную атмосферическимъ перемѣнамъ въ Китаѣ.

396. Вѣроятно преслѣдовавшіе султана.

397. И —слитокъ, около фунта.

398. Высочайше командированный посланецъ, какъ былъ и Лю чжунъ лу.

399. Въ приморской въ странѣ, Шань дунѣ.

440. Цзю и, девять варварскихъ народовъ; названіе употреблено Конфуціемъ для обозначенія вообще всѣхъ иноземныхъ странъ.

401. Шанъ цзинъ: верхняя столица Гиньцевъ, въ юговосточной Монголіи.

402. Да доу: большой горохъ.

403. У Тайши, т. е. Ахая; управляющій домомъ или дворцомъ его.

404. Му: поземельная мѣра въ Китаѣ.

405. Вѣроятно послѣ взятія Ургенджа.

406. Около четырехъ пудовъ.

407. Юй: Медгурстъ возстановляетъ это слово словомъ taro Arum aquaticum.

408. Цѣ цзы: особый огородный плодъ, видомъ похожій на дыню.

409. Т. е. у женщинъ.

410. Т. ё. головные уборы.

411. Бицюни: буддійскія монахини.

412. Безъ отверзтія въ срединѣ монеты, какъ въ китайскихъ монетахъ.

413. Дашима: въ другихъ памятникахъ Дашимань и Тэшимань; такъ Монголы называли муллъ, и считали ихъ законовѣдцами.

414. Дзи дунъ: удобнѣе перевести бы въ зимній мѣсяцъ; указаніе Чанъ чуня впрочемъ не точно; мѣсячный постъ у Магометанъ подвижной.

415. Вѣроятно разумѣется балконъ, устраиваемый подъ входомъ въ мечетъ.

416. Т. е. вещи обыкновенныя.

417. Объѣхавъ ущелье со стороны.

418. Т. е. утесъ на лѣвой сторонѣ выхода изъ ущелья.

419. Неизвѣстно цвѣтомъ ли воды (т. е. желтымъ), или величиной; скорѣе первымъ. Вѣроятно это также Амударья.

420. Ву и Юе, древнія названія нынѣшней губерніи Цзянъ су и частью Чжэ цзяна. Эта страна была знаменита искуствомъ жителей въ пѣніи и музыкѣ.

421. Янь и Цинь, древнія названія нынѣшнихъ Чжили и Шань си; извѣстны были особенностію своихъ пѣсней.

422. Здѣсь описывается праздникъ 8-й луны.

423. Вѣроятно Балкъ.

424. Складывать ладони: знакъ почтенія у китайскихъ монаховъ. Враги Чанъ чуня напротивъ увѣряютъ, что онъ являлся къ Чингисхану униженно. См. Бянь вэй лу.

425. Шэ либи, вѣроятно Чжэрби другихъ памятниковъ; это было званіе управлявшихъ разными частями по внутренной администраціи ханской орды, потомъ оно осталось почетнымъ титуломъ, который и носилъ Чжень хай.

426. Что толковалъ Чанъ чунь Чингисхану, о томъ сказано ниже По Чань чунь юй лу, онъ объяснялъ Хану способы внутренняго преображенія, посредствомъ управленія дыханіемъ. Пишутъ, что эти наставленія изложены въ особой книгѣ, которой однакожъ не оказывается въ каталогѣ полнаго собранія даосскихъ книгъ.

427. Т. е. убіенія громомъ.

428. Я слышалъ: говоря по принятой у Китайцевъ вѣжливости.

429. Можетъ быть уйгурскими. Записки не отличаютъ Уйгуровъ отъ Туркестанцевъ, называя тѣхъ и другихъ Хойтэ.

430. Тянь: можетъ быть духовъ; потому что Тэнгри равно значитъ то и другое.

431. Чуань значитъ горную рѣку и долину; здѣсь разумѣется то и другое.

432. Т. е. въ 7-й день первой декады луны, по просту 7-го числа.

433. Титулъ даваемый Государю.

434. Гисили далахань есть Кишлихъ, открывшій Чингисхану заговоръ Кэраитскихъ враговъ его. Онъ былъ пастухомъ; Чингисъ за услугу эту пожаловалъ ему званіе Тархань, свободнаго; званіе это весьма уважалось у Монголовъ.

435. Враги Чанъ чуня, эту льготную грамоту какъ и другія, прямо называютъ подложными.

436. Т. е. императорскимъ посланцемъ; Монголы передѣлали изъ этого слова Сіунчи.

437. Неизвѣстно просто ли, или въ отличіе отъ другаго малаго города, здѣсь городъ названъ большимъ.

438. Чуй: извѣстная рѣка, называемая нынѣ, по большей части, Чу.

439. Втораго царевича, Чаадая, которому, какъ удѣльному князю, принадлежалъ Алмалэкъ.

440. До праздника 4-й луны, 15-го числа.

441. Здѣсь ошибка, какъ справедливо замѣчаетъ Сюй сунъ; вмѣсто двухъ дней, по разсчету времени и разстоянія, надобно читать двадцать.

442. Выраженіе неопредѣленное; можно понимать и такъ: ѣхали по восточную сторону Цзинь шань, съ Ю на С.

443. Такихъ собраній или обществъ бываетъ много въ Китаѣ, составляется компанія для празднованія какого нибудь случая и на общій счетъ устраивается церемонія.

444. По Юань ши, эту страну надобно искать по Енисею.

445. Cinamorium, по Медгурсту.

446. Не сарана ли?

447. Въ годъ 1222.

448. Т. е. въ переднемъ пути. Чанъ чунь оттолѣ отправился въ Китай прямой дорогой, черезъ самую пустынную степь, на нынѣшній Кукухотонъ.

449. Очищеніе его природы силою святыхъ и мудрецовъ.

450. Сися: Тангутскаго владѣнія.

451. Горный проходъ въ горахъ Инь шань, на сѣверъ Кукухотона.

452. Нынѣшній Кукухотонъ или мѣсто по близости къ нему.

453. Признакъ у Китайцевъ, что больной выздоровѣлъ.

454. Вѣроятно здѣсь надобно подразумѣвать шелковую бумагу.

455. Неподвижно.

456. Гушень: пустой духъ; выраженіе взято изъ Даодэ цзина Лао цзы; оно выражаетъ нематеріальность души.

457. Мѣстечко Ся шуй ли, названное по озеру на границѣ Китая и Монголіи, весьма извѣстно въ исторіи. Какъ военный постъ, оно имѣло своего Юань шуай или коменданта и начальника отряда.

458. Ци си: вечеръ 7-ой луны, 7-го числа; особое празднество въ Китаѣ, преимущественно для женщинъ.

459. Нынѣ Датунъ фу; при Гиньцахъ онъ былъ западною столицею.

460. Цзунь гуань: губернаторъ страны; Сюань чаемъ онъ называется, какъ поставленный Чингисханомъ, по завоеваніи этого края.

461. Сань янъ: три луны весны; янъ—какъ начало тепла.

462. Къ народу: очевидно, склоняя ихъ къ подданству Монголовъ. Чанъ чунь, повидимому неохотно согласился содѣйствовать цѣлямъ варваровъ въ покореніи своего отечества. Въ Цзиньгайсиньдэнъ говорится, что Чанъчунь разослалъ 18 учениковъ своихъ въ разныя стороны для успокоенія, привлеченія и защиты народа; поэтому пять Даосовъ сряду получили почетные титулы; равно 18-ти ученикамъ его, за привлеченіе народа, дарованы преемственные титулы Дацзуновъ (патріарховъ). Цз. 1, 1—2.

463. Всѣ эти города стоятъ на пути отъ Датунъфу къ Сюаньхуафу, или по тогдашнему, Сюаньдэ фу.

464. Страны, одна отъ другой отдаленныя и совершенно различныя.

465. Сюй цзинъ Умеръ въ дорогѣ.

466. Тай цзюнь: это должно быть даосская монахиня; цзюнь, у Даосовъ, есть титулъ женскій.

467. Привлекъ ли.... т. е. въ подданство Чингисхану. Чингисханъ, вѣроятно, хотѣлъ воспользоваться хоть этой услугой Чанъчуня, не могши получить дара безсмертія. Это повелѣніе, или правильнѣе письмо, равно и другія полученныя Чанъчунемъ отъ Чингисхана приложены въ подлинникѣ на концѣ.

468. Каменистый хребетъ, по сѣверную сторону Сюаньхуафу.

469. Дэсинскія, по городу Дэсинъ фу, который былъ въ то время главнымъ здѣсь городомъ.

470. Трудная для перевода фраза; подъисточный значитъ могильный; мысль та, что онъ освобождается отъ перерожденій и частыхъ нисхожденій въ землю.

471. 1224.

472. Вьющіяся растенія съ цвѣтками, которые растутъ гроздами; Китайцы устраиваютъ изъ нихъ бесѣдки.

473. Тао хуа чунь шуй: персиковые цвѣты и весенняя вода, или потоки; любимое выраженіе китайскихъ поэтовъ.

474. У Даосовъ, святые т. е. достигшіе безсмертія веселятся, пьютъ вино и поютъ веселыя пѣсни.

475. Цзинь цзы: носящій платье, жалованное императоромъ въ знакъ отличія.

476. Южное устье ущелья.

477. У Пекина, или въ Пекинѣ, а не въ Нань коу.

478. 7-го числа луны.

479. Разумѣется со взносомъ приношенія, по китайскому обычаю.

480. Названіе главнаго правителя губерніи.

481. Восемь религіозныхъ обществъ, о которыхъ упомянуто будетъ ниже.

482. Въ года 1224 и 1225.

483. Ху сяо цзя юй: принятая фраза, для обозначенія повсемѣстной извѣстности.

484. Куда были совершены торжественные ходы.

485. Всѣ эти названія имѣютъ отношеніе къ даосскому ученію.

486. Безразличіе, въ высшемъ духовномъ смыслѣ, есть идеалъ даосской нравственности.

487. Т. е. потокомъ перерожденія.

488. Выраженіе взято изъ Дао дэ цзина. Нѣчто есть безсмертное духовное начало въ человѣкѣ; оно низпало изъ первобытнаго міра т. е. изъ состоянія до образованія міра.

489. Западныхъ.

490. Т. е. дворецъ, гдѣ жили Гиньскіе государи.

491. Цинъ мѣра земли, заключающая въ себѣ нѣсколько нашихъ десятинъ.

492. Передъ праздникомъ Цинъ минъ, въ который покланяются могиламъ предковъ.

493. Островъ былъ на озерѣ.

494. Т. е. небо которое можетъ поспорить по чистотѣ съ воздухомъ.

495. Это дань, философскій камень.

496. Выспреннее небо.

497. Въ годъ 1225.

498. Изъ Шаньси.

499. Сяньянъ, область; Чжунъ нинь—горы въ Шаньси.

500. Мѣсто подвижничества Чанъ чуня въ Шаньси.

501. Зала въ монастырѣ, въ которой онъ жилъ.

502. Т. е. что наступаетъ срокъ его возвращенія.

503. Это навѣрное нынѣшняя гора Цзынъ шань, находящаяся внутри особаго дворцоваго сада въ Пекинѣ; во времена Гиньцевъ она тоже входила въ окружность дворца.

504. Это островъ, посрединѣ дворцоваго озера, называемый Цзюнъ дао.

505. По семи знаковъ въ стихѣ; дуй цзы, это пара стиховъ, вывѣшиваемые обыкновенно на стѣнахъ и у дверей. Здѣсь разумѣются стихи, на манеръ дуйцзъ.

506. Фынъ юе: любимое выраженіе китайскихъ поэтовъ, означаетъ вообще красоты вечерней природы и наслажденіе видомъ ихъ.

507. Онъ разумѣетъ большой величины камни, добываемые изъ озера Тай ху, въ южномъ Китаѣ; эти камни изрытые впадинами, чрезвычайно уважаются Китайцами; въ саду они ставятся въ извѣстныхъ аллеяхъ.

508. По китайской астрологіи, приближеніе планетъ къ какому либо созвѣздію грозитъ бѣдствіемъ странѣ, которая находится, по распредѣленію, подъ этимъ созвѣздіемъ.

509. Особо устрояемомъ.

510. Осенніе цвѣты, астры, весьма любимые Китайцами.

511. Стихи печальнаго содержанія; Чанъ чунь сочинилъ на манеръ ихъ, по размѣрамъ.

512. Чего домогается даосское ученіе.

513. Отъ цѣлей.

514. Въ разныя положенія, о которыхъ мы и не думали.

515. Молчаніе было порицаніемъ.

516. Шень сянь фо: святой, по даосскому ученію, и Будда, по сектѣ къ которой принадлежалъ Чанъ чунь, идеи и повѣрья всѣхъ религій равно допускаются.

517. Въ годъ 1226.

518. Пань шань, горы на С. В. отъ Пекина.

519. Разъ уже было выраженіе Цзинь лу: золотой способъ служенія; здѣсь Хуанъ лу, желтый; этотъ способъ моленія Даосовъ, также теургическій, обыкновенно производится за царствующую династію или по заказу двора.

520. Т. е. Даосы, надѣвающіе при служеніи желтыя шапки.

521 Носящіе платье безъ узоровъ, это собственное значеніе; въ общепринятомъ смыслѣ, это міряне и простолюдины.

522. Просить святыхъ значитъ, выносить съ процессіею кумиры.

523. Т. е. шелъ столько времени, сколько сидятъ за обѣдомъ; это (ши ши) обыкновенная фраза, означающая около часа времени.

524. Т. е. Синъ шена.

525. Владѣніе Янь го, или удѣлъ въ Пекинской области.

526. Въ текстѣ употреблены знаки, которые означаютъ дворецъ на лунѣ; полагаю, что это ошибка, и что вмѣсто гунъ дворца, надобно поставить другое гунъ, почетное наименованіе; съ этимъ измѣненіемъ, Чань гунъ означаетъ извѣстное лице у Даосовъ, за корыстолюбіе превращенное въ лягушку, но благодаря ученику своему, избавившійся отъ этой формы и сдѣлавшійся святымъ. Во всякомъ случаѣ требуется знать стихи, на которые отвѣчалъ Чанъ чунь (1).

527. Дунъ бинь: имя знаменитаго даосскаго святаго, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Люй цзу; это самый либеральный и веселый изъ даосскихъ чудотворовъ.

528. Пынъ лай, по сказанію Даосовъ, образованъ по подобію буддійской горы Сумеру, т. е. снизу узкій онъ къ верху шире и высится надъ землею.

529. Сюань юаня Лао цзы. Здѣсь приданъ этотъ титулъ Даосамъ, какъ такимъ, которые проникнуты духомъ глубокаго ученія Лао цзы.

530. Праздность, какъ удаленіе отъ мірскихъ дѣлъ. Даосы воспользовались этимъ правиломъ и соблюдаютъ его въ полномъ смыслѣ.

531. Кай синь ди: открыть землю сердца, т. е. положить основаніе развитію и преобладанію въ себѣ высшаго изъ трехъ началъ духа.

532. Т. е. островъ Пынъ лай.

532. Годы ясени: Китайская ясень (чунь) у Китайцевъ въ почетѣ за долголѣтнее ея существованіе; она сдѣлалась символомъ долголѣтія.

534. Эта идея заимствована изъ Буддизма, который считаетъ существованіе индивидуальности и Я зломъ и призракомъ.

535. Это малоизвѣстныя лица, существовавшія, кажется, при династіи Танъ.

536. Чи сунъ, геній юга, пламени и жара; олицетвореніе стихіи огня.

537. Приглашеніе жить въ кумирнѣ Тянь чанъ.

538. Въ годъ 1226.

539. Бао сюань танъ—залъ, фанъ ху—настоятельская келья.

---

(1) Это примѣчаніе было уже отпечатано когда мы получили отъ почтеннаго автора, Архимандрита Палладія (изъ Пекина), увѣдомленіе, что *Чанъ гунъ* положительно слѣдуетъ переводить словами: *чертоги луны* или *на лунѣ*. *Примч. Ред.*

540. Указывается на то, что Чанъ чунь не думалъ о снѣ и держалъ себя какъ днемъ.

541. Тѣ изъ звѣздъ сѣвернаго полушарія, которыя не заходятъ, и въ ту пору, въ началѣ ночи, были на сѣверѣ.

542. Въ годъ 1227.

543. Общество, имѣвшее цѣлію молить объ избавленіи отъ физическихъ бѣдствій.

544. Лоу, особыя высокія зданія въ домахъ богатыхъ Китайцевъ, для лѣтняго помѣщенія.

545 Въ простой комнатѣ: т. е. убранной по деревенски.

546. Не смѣлъ продолжить звука.

547. Вѣроятно повелѣніе Чингисхана прислано было въ Цинь чжоу, губ. Шань си, изъ смежной съ ними страны Сися, гдѣ воевалъ въ это время Чингисханъ.

548. Чанъчуньгунъ: дворецъ вѣчной весны; въ честь имени Чанъчуня

549. Это была самая важная дщица. Фактъ этотъ сомнителенъ.

550. Періодъ между лѣтомъ и осенью.

551. Между 10-ю и 12-ю часами утра.

552. Озеро внутри дворца.

553. Устье канала, которымъ снабжались водою озера; вода проведена была изъ ключей западныхъ горъ, какъ и нынѣ.

554. Общее повѣрье въ Китаѣ, что паденіе горъ и осушеніе водъ предвѣщаетъ какую либо печальную перемѣну.

555. Соученикъ Чанъ чуня.

556. По Бянь вэй лу: онъ и померъ въ отхожемъ мѣстѣ.

557. Передъ смертію, какъ въ обычаѣ у китайскихъ сектантевъ.

558. Эта пантеистическая идея обща Даосизму и Буддизму.

559. Черезъ ворона и зайца; это символы солнца и луны.

560. Которая приводится въ движеніе. Намекаетъ на одну общую силу въ природѣ.

561. Разумѣются всѣ человѣческія писанія, въ выспренномъ смыслѣ.

562. Возвратился къ истинному, Гуй чжень.

563. Тѣлу Чанъ чуня.

564. Обрядъ плача, или правильнѣе, громкаго рыданія. У Китайцевъ на все строгія правила.

565. Чингисханъ скончался въ томъ же году и въ той же лунѣ, какъ и Чанъ чунь.

566. Т. е. ты меня и замѣнишь въ этомъ занятіи.

567. Въ годъ 1228.

568. Т. е. въ первый день луны, который былъ подъ циклическимъ знакомъ динъ, однимъ изъ десяти.

569. Циклическіе знаки, слѣдующіе послѣ динъ; т. е. по прошествіи трехъ дней.

570. Города сѣвернаго Китая.

571. Буквально: спокойнаго уложенія, въ кумирнѣ Боюнь гуань. Это погребальный обрядъ.

572. День начинается съ полуночи.

573. Окончательное служеніе, съ жертвами.

574. Сѣдалище: Вэй; при этомъ ставятся или кумиры или, всего чаще, до-

щечки съ надписью: сѣдалище такого-то духа. Сѣдалища были поставлены въ честь 360 духовъ, соотвѣтственно числу дней обыкновеннаго, средняго года. У Даосовъ годовое и суточное вращеніе имѣетъ мистическій и священный смыслъ.

575. Сянь жуй: жуй верхняя кожа жуковъ и змѣй, отъ которой они освобождаются по времени; Даосы приложили это названіе къ праху своихъ мнимыхъ безсмертныхъ. По ихъ вѣрованію, святые по кончинѣ освобождаются изъ верхней тѣлесной оболочки, какъ жуки; внутренность ихъ не повреждена; въ гробѣ остается одна кожа.

576. Т. е. Даосовъ.

577. Т. е. пребывающій въ согласіи.

578. Боюнь гуань: кумирня бѣлыхъ облаковъ, существуетъ и нынѣ, близь Пекина, за западной стѣной его. Въ главномъ храмѣ, гдѣ погребенъ Чанъ чунь, поставленъ его кумиръ. Есть особый храмъ съ кумирами его и другихъ шести его сподвижниковъ, равно храмъ съ 18-ю спутниками его. Кумирня празднуетъ 19-е число 1-ой луны, какъ день рожденія Чанъ чуня; это праздникъ всего Пекина, на который сходится много народа. Боюнь гуань есть главный, по близости своей къ столицѣ, монастырь даосской вѣры во всемъ Китаѣ. Въ немъ хранятся стихи, въ родѣ дуй цзы, сочиненные въ прошедшемъ вѣкѣ государемъ правленія Цянь лунъ: «Для вѣчной жизни не нужно питаться эѳиромъ и искать таинственныхъ афоризмовъ; единое слово: не убивай! показываетъ, какъ велика заслуга его въ дѣлѣ спасенія.» Это слово, по преданію, сказано было Чанъ чунемъ Чингисхану, котораго онъ будто бы просилъ о пощадѣ живыхъ тварей.

579. Большое біографическое описаніе святыхъ.

580. Отъ Чанъ чуня осталось собраніе стихотвореній, собственно его произведенія, и нѣсколько наставленій.

581. Это посланіе извлечено изъ сочиненія Чэ гэнь лу. За достовѣрность его трудно поручиться.

582. По преданію, Чингисханъ носилъ простое холщевое платье; холщевый кафтанъ его хранился, какъ драгоцѣнность, при дворѣ монгольскихъ государей въ Китаѣ

583. 10,000.

584. Нашихъ: Чингисханъ какъ будто причисляетъ себя къ одному племени съ Хюнну; это мысль китайскихъ писателей, которые установляютъ этнографическое единство между всѣми сѣверными народами.

585. Въ Юань ши (Цз. 130, 14) приписывается Чингисхану такая поговорка: «Владыка людей управляетъ Поднебесною, какъ правая рука держитъ вещь непремѣнно съ помощію лѣвой руки (т. е министра)».

586. Указываетъ на учрежденіе древней династіи Чжоу. Три гуна были высшіе совѣтники государя. Девять циновъ занимали разныя части государственнаго управленія.

587. Вэнь ванъ, основатель династіи Чжоу, увезъ съ собой Тайгуна, который занимался уженіемъ рыбы на р Вэй, тамъ гдѣ обиталъ и Чанъ чунь.

588. Лю бэй, законный потомокъ дома Хань, три раза посѣщалъ хижину Чжу гэ лао, извѣстнаго стратегика временъ троецарствія, и успѣлъ наконецъ уговорить его.

589. Т. е. уступаю тебѣ свое мѣсто, какъ учителю.

590. Китайское вѣжливое выраженіе достойно приготовился принять учителя.

591. Намекаетъ на обычай древнихъ государей—посылать экипажи за мудрецами.

592. Въ Си ю цзи адреса Чанъ чуня не помѣщено; мы заимствуемъ его изъ Чэ гэнь лу.

593. Т. е. царскаго.

594. Города близъ Великой Стѣны: Хуаньчжоу восточнѣе Фучжоу.

595. Съ кускомъ ткани: намекаетъ на старинный обычай приглашать съ подарками.

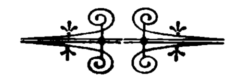
596. Очевидно говорится только для красоты и достоинства выраженій.

597. Владѣтелей, государей.

598. Это повелѣніе или письмо, какъ и слѣдующіе два, писаны грубымъ китайскимъ слогомъ и болѣе достовѣрны чѣмъ прежнія.

599. Свидѣтельство мѣстной власти.

600. Т. е. въ подданство Чингисхана.

ПОЯСНЕНІЕ

къ

КАРТѢ ВЛАДѢНІИ МОНГОЛОВЪ

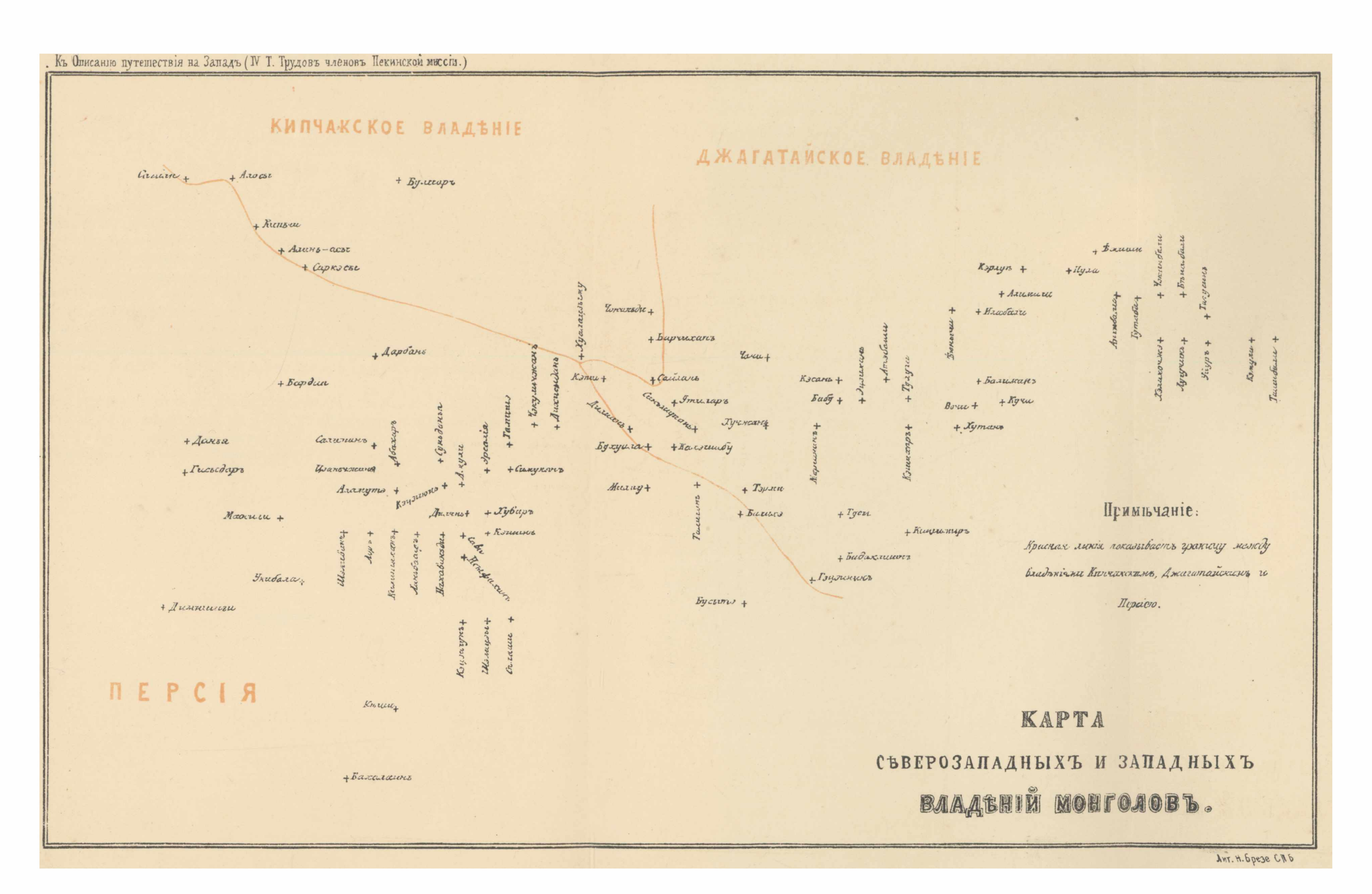
НА СѢВЕРО-ЗАПАДѢ.

Карта эта можетъ служить пособіемъ при чтеніи путешествія Чанъ-чуня, Она есть точное воспроизведеніе китайскаго оригинала, считающагося въ Китаѣ рѣдкостью, и принадлежавшаго къ Статистическому Сборнику, составленному въ Пекинѣ, по правительственнымъ документамъ, 1329—1331 годахъ, и давно уже утраченному. Рукописные отрывки этого сборника, вмѣстѣ съ картою, храняться въ библіотекѣ старинныхъ книгъ, при Хань линь юанѣ.

Границы, отдѣляющія Джагатайскія и Персидскія, равно принадлежавшія Чингисханидамъ, положены на картѣ, на основаніи указаній Юань ши, или Исторіи Монгольскаго дома, въ прибавленіи Сибэй ди фулу (о сѣверозападныхъ странахъ).

На картѣ есть названія мѣстъ, которыхъ нѣтъ въ Юань ши; а въ Юань ши есть другія, которыхъ нѣтъ на картѣ. Послѣднія суть: въ Джагатайскихъ владѣніяхъ Кэбули; въ Персіи: Багида, Хулимуцзы, Куфа, Вадайди, Бамоу, Табасинь, Фаинь, Найшабуръ, Салахадай и Баварди.

Къ Описанію путешествія на Западъ (IV Т. Трудовъ членовъ Пекинской миссіи.)
КИПЧАКСКОЕ ВЛАДѢНІЕ
ДЖАГАТАЙСКОЕ ВЛАДѢНІЕ
ПЕРСІЯ
Алосы
Булгаръ
Кипьчи
Аминь-асы
Саркэсы
Дарбань
Бафдин
Данья
Гисьсдаръ
Сачжиинъ
Абахиръ
Алакутэ
Кэцзиюнь
Сунъданьи
Ахуцзи
Эрсаліа
Тапцзы
Симукэнъ
Хубаръ
Кэшинъ
Дилчэнь
Махили
Хуаланьзыму
Кэти
Чжаньди
Барчиханъ
Саймань
Этилаяръ
Дилиань
Бухуила
Калэшибу
Мили
Тэрми
Бимыкэ
Тамиганъ
Бусыты
Чачи
Хучжань
Кэсань
Бибу
Тугиги
Кэшихаръ
Гэци
Кишмиръ
Бидахшанъ
Гэцзининь
Кэрлуъ
Пула
Алимили
Илабалы
Балиманъ
Вочи
Кучи
Хутанъ
Ижбали
Бишбали
Тугуньэ
Кэмули
Ухуръ
Удучинъ
Тушибали
Примѣчаніе:
Красная линія показываетъ границу между владѣніями Кипчакскимъ, Джагатайскимъ и Персію.
КАРТА
СѢВЕРОЗАПАДНЫХЪ И ЗАПАДНЫХЪ
ВЛАДѢНІЙ МОНГОЛОВЪ.
Лит. Н. Брезе СПБ

О МАГОМЕТАНАХЪ ВЪ КИТАѢ.

Магометане, населяющіе въ значительномъ количествѣ внутренній Китай, носятъ у Китайцевъ, подобно ихъ единовѣрцамъ въ Туркестанѣ, названіе Хой хой, или по просту Хой цзы; вѣру ихъ называютъ Хой цзяо и Цзѣ цзяо, «вѣрою запрещенія», вслѣдствіе запрещенія у Мусульманъ вина и свинины.

Первоначально названіе Хой хой прилагаемо было собственно къ народу Уйгуровъ, съ которымъ Китай издавна имѣлъ частыя сношенія; въ послѣдствіи, потому ли что первые и главные представители Ислама были изъ Уйгуровъ, или по привычкѣ Китайцевъ подводить чужеземцевъ подъ нарицательныя категоріи, они стали обозначать, подъ именемъ Хой хой, всѣхъ выходцевъ изъ запада, исповѣдывавшихъ магометанскую вѣру, безъ различія народа и племени. Это обобщеніе окончательно утвердилось съ воцареніемъ въ Китаѣ династіи Минъ, въ XV столѣтіи.

Китайскіе писатели, благодаря неопредѣленности названія Хой хой и невѣдѣнію исторіи отдаленнаго запада, относятъ появленіе магометанской религіи въ Китаѣ къ концу VI вѣка по Р. Х. Китайскіе Магометане не преминули воспользоваться этой ошибкой; одинъ изъ писателей ихъ, въ пространной біографіи Магомета на китайскомъ языкѣ, подъ годомъ 587 упоминаетъ о посольствѣ отъ китайскаго государя въ Аравію, къ Магомету, съ приглашеніемъ его въ Китай; Магометъ отказался и вмѣсто себя послалъ свой портретъ; однакожъ изображеніе его, въ послѣдствіи изчезло съ полотна, чтобы не подать повода къ обожанію его. Потомъ, въ городѣ Си ань фу старинной столицѣ Китая, гдѣ найденъ памятникъ Христіанства временъ династіи Танъ, открытъ также и памятникъ Магометанства въ Китаѣ, воздвигнутый будто бы въ 742 г. Въ этомъ памятникѣ между прочимъ сказано, что вѣра Мухажмеда вошла въ Поднебесную Имперію и распространилась въ ней при данастіи Суй, въ правленіе Кай хуанъ, т. е. между 581 и 600 годами. Наконецъ, между китайскими Магометами ходитъ небольшое сочиненіе о началѣ Магометанства въ Китаѣ; въ немъ разсказывается, что въ 628 г китайскій государь отправилъ посольство въ магометанскія страны (варіантъ: въ Самаркандъ), которое привело съ собой въ Китай одного ученаго чалмоносца, въ сопровожденіи 3000 Хой хой; эти три тысячи Магометанъ, будто бы, и положили основаніе магометанскому населенію въ Китаѣ.

Всѣ эти сказанія, исполненныя анахронизмовъ, объясняются притязаніями китайскихъ Магометанъ на древность ихъ религіи въ Китаѣ Имъ казалось предосудительнымъ молчаніе исторіи дома Танъ объ ихъ вѣрѣ, когда она упоминаетъ о существованіи въ то время въ Китаѣ другихъ религій: Христіанства, Маздеизма, и Манихеизма и они рѣшились восполнить этотъ пробѣлъ. Правда, что при сношеніяхъ династій Суй и Танъ съ западомъ, въ Китаѣ въ то время было много купцовъ и астрономовъ изъ тѣхъ странъ, которыми въ послѣдствіи возобладалъ Исламизмъ; но изъ того еще не слѣдуетъ, чтобъ эти выходцы внесли съ собой религію Магомета, которая еще не сложилась въ ту пору, или не распространилась на востокъ.

Первое знакомство Китайцевъ съ Магометанствомъ надобно полагать во времена династіи Сунъ, съ половины X-го вѣка, когда Магометане стали имѣть торговыя связи съ Китаемъ Южнымъ моремъ. Можно также, съ нѣкоторою вѣроятностію, допустить разсказъ Магометанъ, что въ половинѣ XI столѣтія въ Китаѣ появился потомокъ Магомета, въ лицѣ бухарскаго владѣтеля Софэйръ; онъ переселился сюда со всѣми родичами своими, избѣгая будто бы смутъ, царствовавшихъ

въ Мавареннагрѣ. Къ этому можно еще присоединить, что въ XII вѣкѣ, на службѣ господствовавшаго въ сѣверномъ Китаѣ дома Гиньцевъ, состоялъ огнестрѣльный полкъ изъ Хой хой, вѣроятно изъ Персовъ и можетъ быть магометанской вѣры.

Наконецъ, когда завоеванія Чингисхана открыли широкій путь, чрезъ Среднюю Азію между востокомъ и западомъ, вслѣдъ за завоевателями двинулись во вновь открытую страну, въ Китай, изъ Сиріи, Ирана, Мавареннагра и Уйгуріи, Арабы, Персы, Таджики и Уйгуры, съ семействами и цѣлыми, родами, въ качествѣ военноплѣнныхъ, добровольныхъ переселенцевъ ученыхъ, ремесленникъ въ и торговыхъ людей. Многіе изъ нихъ, люди болѣе или менѣе образованные, пользовались важными правами и особеннымъ вниманіемъ монгольскихъ хановъ, занимали высшія должности въ правительствѣ, назначаемы были воеводами, губернаторами городовъ и правителями провинцій Китая. При тѣхъ преимуществахъ, которыя даруемы были имъ надъ жителями богатой Срединной Имперіи, они не думали болѣе о возвратѣ на свою родину и оставались въ Китаѣ на всю жизнь. Изъ этихъ-то разноплеменныхъ переселенцевъ магометанскаго исповѣданія образовалась главная масса китайскихъ Магометанъ Благодаря фамильному преемству и выгодамъ промышленности и торговли, они укоренились на китайской почвѣ и сохранили свой особенный характеръ до сихъ поръ, тогда какъ представители другихъ религій и націй, Ѣ л и к э у н ь (Христіане-несторіане), Чжухудъ (Іудей), Б о л а н ь г и (франки), Л о л и (Лули, Цыгане), и др., давно уже изчезли, или, какъ Іудеи, изчезаютъ.

Паденіе дома Чингинсханидовъ въ Китаѣ и замѣна ихъ національною китайскою династіею не обрушились остракизмомъ на Магометанъ; они уцѣлѣли. Новый политическій порядокъ имѣлъ огромное вліяніе на внутреннюю организацію ихъ общества. Уже не пользуясь прежнимъ вліяніемъ, замкнутые въ странѣ, гдѣ на чужеземцевъ смотрѣли не дружелюбно, и гдѣ все, начиная съ кумировъ до всеобщаго употребленія свинины и вина, было противно духу исламизма, Магометане имѣли время тѣснѣе сблизиться между собою, потеряли особенности разноплеменнаго происхожденія и образовали замѣчательный народъ или общину людей, безъ національнаго единства, но твердо связанныхъ узами религіи. Такими они являются въ эпоху новаго переворота въ Китаѣ, въ половинѣ XVII столѣтія, кончившагося воцареніемъ въ Китаѣ Маньчжурскаго дома,—являются отдѣльнымъ цѣльнымъ племенемъ, глубоко сознающимъ себя и по духу совершенно независимымъ, среди языческаго населенія края.

Здѣсь кстати замѣтить, до какой степени неточно называютъ китайскихъ Магометанъ Татарами, какъ будто Магометане суть не что иное, какъ Татары. Послѣдніе составляютъ вѣтвь тюркскаго племени и не имѣютъ ничего общаго съ китайскими Магометанами, ни по происхожденію, ни по языку. Если, въ прежнія времена и могла быть примѣсь къ нимъ тюркскаго племени, то она поглощена массою магометанскаго населенія въ Китаѣ и не оставила послѣ себя слѣдовъ. Ошибочно также смѣшивать въ одинъ народъ китайскихъ Магометанъ и населеніе подвластнаго Китаю Туркестана, который самымъ названіемъ своимъ указываетъ на этнографическую особенность его жителей. Единственные представители Татаръ находятся въ Пекинѣ; это небольшая колонія Яркендцевъ, переселенная сюда въ прошедшемъ столѣтіи. Они живутъ отдѣльно и не смѣшиваются съ китайскими Магометанами. Послѣдніе называютъ этихъ Туркестанцевъ Чернокостными, оставляя за собой наименованіе Бѣлокостныхъ т. е. благородныхъ.

Съ начала нынѣшней династіи китайскіе Магометане впервые, сколько извѣстно, заявили себя какъ слѣдовало потомкамъ воинственныхъ и ученыхъ предковъ,

оружіемъ и кистью (перомъ).

Одинъ изъ послѣднихъ князей дома Минъ, спасаясь отъ оружія Маньчжуровъ, бѣжалъ въ сѣверо-западную часть Китая, гдѣ болѣе всего густо магометанское населеніе. Магометане приняли его сторону и произвели возмущеніе, или участвовали въ немъ (сказанія не ясны); однакожъ оно было скоро усмирено.

Маньчжурское правительство не замедлило понять, что не легко управиться съ фанатическимъ племенемъ; поэтому оно постоянно отличалось терпимостію по отношенію къ Магометанамъ. Много разъ государи отвергали неблагоразумные проэкты сановниковъ о закрытіи мечетей, запрещеніи печатанія магометанскихъ книгъ и включеніи магометанской вѣры въ разрядъ сектъ, воспрещенныхъ законами, и даже наказывали составителей подобныхъ проэктовъ. Они желали бы сгладить отличительныя черты этого чужеземнаго населенія и совершенно слить его съ китайскимъ, дабы тѣмъ предотвратить безпорядки отъ безпокойнаго племени. Однакожъ китайскіе мандарины не понимали важности такой политики и часто позволяли себѣ произволъ по отношенію къ Магометанамъ. Здѣсь я коснусь событія 80-хъ годовъ прошедшаго столѣтія; оно причинило китайскому правительству много хлопотъ и Магометанамъ ущерба.

Въ сѣверо западномъ углу внутренняго Китая, рядомъ съ первобытными обитателями края, полудикими Тангутами, обитаетъ магометанская колонія Уйгуровъ (изъ Хамила), по мѣсту жительство называемая Саларъ, а по жилищамъ Черноюртною. Со времени монгольскаго владычества, Саларцы имѣли свое управленіе въ лицѣ наслѣдственнаго тысящника. По вѣрѣ и религіознымъ обычаямъ они близки болѣе къ китайскимъ Магометанамъ, чѣмъ къ Туркестанцамъ и если сохранили нѣкоторыя особенности въ этомъ отношеніи, то это произошло отъ разобщеннаго положенія ихъ. Раздѣлялись они на 12 гуновъ (кочевьевъ или родовъ, не извѣстно), изъ коихъ въ каждомъ былъ особый глава духовный; кромѣ того былъ надъ всѣми высшій, особый глава вѣры. Разъ появился между ними нѣкто Маминъ синь, принесшій съ запада нѣкоторыя нововведенія касательно чтенія и можетъ быть истолкованія алкорана. Послѣдователи его одѣвались въ бѣлое платье. «Китайскіе ахуны (муллы), доносилъ послѣ главнокомандующій А гуй, читаютъ свои священныя книги тихо и спокойно; Маминъ синь хотѣлъ ввести чтеніе громкое, съ помаваніемъ головы и подпрыгиваніемъ, какъ читаютъ ихъ въ Туркестанѣ.» Различіе это повело приверженцевъ той и другой стороны къ ссорамъ и дракамъ. Тогда ближайшія маньчжурскія власти вмѣшались въ споръ, приняли сторону защитниковъ прежняго порядка, и не думая долго, схватили Маминъ синя и заключили его въ тюрьму. Раздраженные этимъ, приверженцы его, съ яростію напали на своихъ противниковъ, многихъ убили и отправились освобождать своего главу встрѣтивъ на пути отрядъ солдатъ, они перерѣзали ихъ; потомъ напали на ближайшій городъ (Хэчжоу), вырѣзали его гарнизонъ, запаслись порохомъ и двинулись на Ланьчжоу (въ Ганьсу). Пекинскій дворъ сильно встревожился извѣстіемъ объ этомъ возмущеніи онъ боялся за сѣверозападную часть Китая, гдѣ населеніе Магометанъ многочисленно. На мѣсто смутъ командированъ былъ знаменитый въ свое время А гуй; приказано было отправить туда войска изъ столицы, изъ смежныхъ съ Ганьсу губерній, изъ Алашани и даже изъ Урумци. Дѣло однакожъ обошлось безъ важныхъ потрясеній въ краѣ. Глава возмутившихся, ученикъ Маминъ синя, съ горстію единомышленныхъ фанатиковъ (ихъ было не болѣе тысячи человѣкъ), укрѣпился въ одной кумирнѣ на скалистомъ берегу Желтой Рѣки. А гуй, съ своей арміей, цѣлый мѣсяцъ осаждалъ кумирню. Нельзя безъ глубо-

каго чувства, читать описаніе отчаянной борьбы осажденныхъ и ужасовъ голода и жажды, изнурявшихъ ихъ силы; ничто не могло склонить ихъ къ сдачѣ. почти всѣ они погибли въ бою, въ чаяніи блаженства, которое обѣщалъ имъ вождь по смерти.

Послѣдствія возмущенія Саларцевъ отозвались на всемъ китайскомъ Магометанствѣ. Правительство воспретило, на будущее время, путешествіе Магометанъ за западную границу съ религіозною цѣлію, допускъ заграничныхъ муллъ въ Китай и построеніе новыхъ мечетей; въ мечетяхъ не дозволено держать пришлыхъ; не дозволено также имъ имѣть общихъ духовныхъ главъ.

Съ тѣхъ поръ китайскіе Магометане долго оставались въ покоѣ; возстанія Туркестанцевъ не производили между ними никакого гласнаго движенія. Наконецъ, въ послѣдніе годы, они снова выступили на сцену; причиняемыя ими смуты продолжаются нѣсколько лѣтъ сряду. Главною причиной этихъ возмущеній, обыкновенно поставляютъ притѣсненія и обиды, какія терпятъ Магометане отъ китайскихъ чиновниковъ. Пекинскіе Магометане съ негодованіемъ разсказываютъ тому примѣры, возмутительные для ихъ религіознаго чувства; мѣстные правители въ провинціяхъ придумываютъ разныя мѣры, въ видахъ незаконнаго побора съ Магометанъ; нѣкоторые изъ нихъ устроивали въ магометанскихъ селеніяхъ общественныя угощенія, въ которыхъ употребляема была свинина, и предлагали одно изъ двухъ или вкусить запрещенной ихъ закономъ пищи, или откупиться отъ этого деньгами. Магометане, вообще отличающіеся характеромъ неспокойнымъ, легко принимаютъ къ сердцу подобныя оскорбленія и скоро переходятъ отъ словъ къ дѣлу. Конечно, если бы законы въ Китаѣ были на столько дѣйствительны, что могли оградить гражданскія права и неприкосновенность религіи Магометанъ, то они могли бы быть болѣе или менѣе мирными подданными маньчжурскаго дома. Однакожъ, въ послѣднемъ движеніи ихъ нельзя признавать только обнаруженія чувства ненависти и мести; несомнѣнно тайное поджигательство китайскихъ инсургентовъ, которые хотѣли бы перенести поприще дѣйствія на западъ, дальше отъ вмѣшательства Европейцевъ, и употребить въ дѣло магометанское населеніе, какъ орудіе для осуществленія своихъ замысловъ. Вслѣдъ за возмущеніемъ китайскихъ Магометанъ, возстали и единовѣрцы ихъ въ Туркестанѣ. Первые начали съ того что хотѣли укрѣпиться въ крѣпости Дунъ гуань, стратегическомъ пунктѣ, который служитъ воротами изъ внутреннихъ провинцій Китая въ западныя, но были вытѣснены изъ этой позиціи; теперь, по видимому, всѣ силы ихъ сосредоточились въ Гань су, гдѣ поднялись также Магометане Со лэ, вѣроятно тѣ же Саларцы, о которыхъ сказано было выше. Судя по безпощадной ярости, съ которою магометанскіе инсургенты совершаютъ дѣло опустошенія и убійства, можно думать, что въ возстаніи ихъ нѣтъ другой цѣли, кромѣ изувѣрнаго Джихада Сами по себѣ и для себя, они не въ состояніи достигнуть важныхъ политическихъ результатовъ, потому что не могутъ надѣяться на сочувствіе и опору въ китайскомъ народонаселеніи; но для страны они причиняютъ новое бѣдствіе, а для маньчжурскаго правительства, безъ того уже удрученнаго затрудненіями всякаго рода, новые страхи и опасенія.

Я сказалъ выше, что съ воцареніемъ Маньчжуровъ въ Китаѣ, китайскіе Магометане заявили себя также и по книжной части; это время можно считать, эпохою возрожденія ихъ письменности; до тѣхъ поръ они не производили на свѣтъ въ Китаѣ, опытовъ своей учености, кромѣ немногихъ переводныхъ сочиненій астрологическаго и медицинскаго содержанія; съ половины XVII вѣка, они положили

основаніе самобытной литературѣ, на языкѣ обитаемой ими страны, съ двоякою цѣлію: вопервыхъ, чтобъ уяснить для своихъ единовѣрцевъ догматы и преданія Исламизма, а съ другой стороны, чтобы оградить свою религію отъ нападеній и насмѣшекъ Китайцевъ, и даже показать превосходство ея надъ существующими въ Китаѣ религіозными ученіями. Замѣчательно, что появленіе сочиненій ихъ въ Китаѣ совпадаетъ съ первыми письменными опытами европейскихъ вѣропроповѣдниковъ. Тѣ и другіе единовременно ухватились за Конфуціанизмъ, господствующую здѣсь школу, по одинаковымъ причинамъ. Позитивизмъ Конфуціанцевъ, пренебрегающій областью спиритуализма, довольствуется въ семъ отношеніи уцѣлѣвшими отъ древности отрывками религіозныхъ воззрѣній, часто малопонятными и противорѣчащими, и оставляетъ широкое поле для построенія любой системы; магометанскіе писатели сравниваютъ конфуціанское ученіе съ готовымъ матеріаломъ, изъ котораго можно построить капище или мечеть. Они приняли также за правило, что въ такой странѣ какъ Китай, самое лучшее средство дѣйствовать письменностію и соглашеніемъ своихъ идей съ общепринятыми нравственными началами ученыхъ Китайцевъ. Эти взгляды были усвоены и Іезуитами.

Первое магометанское сочиненіе въ Китаѣ, сколько мнѣ извѣстно, появилось въ 1642 году (авторъ Ванъ дай юй); въ немъ нѣтъ ничего оригинально-магометанскаго; все приспособлено къ нравственному ученію Конфуціанства, какъ будто то и другое ученіе основано на однихъ и тѣхъ же началахъ. Съ счастливой руки Ванъ дай юя, начался рядъ китайско-магометанскихъ произведеній, не прекращающійся и донынѣ. Излагать разнообразное содержаніе ихъ, даже въ общихъ чертахъ, здѣсь было бы неумѣстно. Ограничусь указаніемъ на болѣе или менѣе замѣчательныхъ авторовъ.

Мачжи, по имени Юсуфъ, родомъ изъ Юньнани, въ концѣ XVII столѣтія, написалъ книгу, подъ названіемъ «Компасъ магометанской вѣры», состоящую болѣе чѣмъ изъ 1700 страницъ. въ ней собраны разныя статьи по магометанской вѣрѣ, начиная отъ выспреннихъ умозрѣній до самыхъ мелкихъ преданій Исламизма. Писалъ онъ съ цѣлію представить свой трудъ императору Канъ си, такъ какъ онъ слышалъ, что этотъ Богдоханъ, во время своего путешествія по Китаю, заходилъ въ одну мечеть и интересовался содержаніемъ замѣченныхъ имъ тамъ арабско-персидскихъ оригиналовъ. Юсуфъ, по этимъ извѣстіямъ, отправился въ Пекинъ и здѣсь кончилъ свое сочиненіе, которому, по его словамъ, посвятилъ 35 лѣтъ своей жизни. Въ посвятительномъ адресѣ государю, онъ доказываетъ превосходство магометанскаго ученія и увѣряетъ, что все непонятное въ памятникахъ, завѣщанныхъ глубокою древностію въ Китаѣ, можно объяснить только съ помощію алкорана. Юсуфъ тѣмъ не ограничился; считая себя Сеидомъ, онъ составилъ другой адресъ государю, съ просьбою пожаловать ему какой нибудь почетный титулъ, въ родѣ тѣхъ, какіе даются потомкамъ Конфуція. Онъ доказываетъ свое происхожденіе отъ Адама въ 95-мъ, а отъ Магомета, въ прямой линіи въ 45 колѣнѣ. Ни та, ни другая попытка его выхлопотать титулъ и представить книгу государю, не удались ему, и онъ какъ самъ разсказываетъ, удалился изъ Пекина, обливаясь горькими слезами.

Замѣчательны сочиненія другаго магометанскаго писателя, Люцзѣляня (въ началѣ XVIII вѣка). Онъ составилъ между прочимъ: пространное жизнеописаніе Магомета (съ предисловіями и прибавленіями, болѣе 1300 страницъ), постановленія магометанскія (500 страницъ), и изложеніе магометанской философіи (200 страницъ). Это самый извѣстный и болѣе всѣхъ уважаемый киатйскими Магометанами писатель;

они называютъ его апостоломъ вѣры. Вотъ какъ онъ самъ отзывается о себѣ: «Въ восемь лѣтъ я прочелъ всѣ конфуціанскія книги; въ шесть затѣмъ лѣтъ, прочелъ магометанскія книги; потомъ, въ три года, буддійскія; въ годъ даосскія; кромѣ того прочелъ 137 книгъ Европейцевъ (на китайскомъ языкѣ?); путешествовалъ по Китаю, посѣщая библіотеки и отыскивая нашихъ книгъ; и много терпѣлъ отъ родныхъ за свои исключительныя и безплодныя. въ матеріальномъ отношеніи, занятія.» Произведенія Л ю ц з ѣ л я н я суть самыя отчетливыя: китайскій Магометанинъ находитъ въ нихъ ясное изложеніе догматическаго и обрядоваго ученія.

Опуская нѣсколько другихъ сочиненій, я упомяну еще о произведеніи Ц з и н ь б э й г а о, который занималъ въ Пекинѣ должность переводчика (въ первой половинѣ XVIII вѣла). Небольшое сочиненіе его: «Объ истинномъ значеніи магометанской религіи» есть апологія Магометанства передъ китайскимъ народомъ, въ которой авторъ довольно успѣшно отражаетъ насмѣшки и укоры, которымъ подвергаются Магометане въ Китаѣ; тонъ его замѣчателенъ спокойствіемъ и умѣренностію.

Народъ, который отстоялъ своеобразныя начала жизни и религіи и показалъ опыты умственнато труда въ такой средѣ, въ которой поглощены и изчезли не одно племя и не одинъ народъ съ ихъ національностію и вѣрою, заслуживалъ бы болѣе точныхъ статистическихъ свѣденій. чѣмъ тѣ, которыми мы владѣемъ. Любопытно было бы знать численность магометанскаго населенія въ Китаѣ; но въ этомъ отношеніи невозможно сдѣлать и приблизительныхъ разсчетовъ; мнѣ кажется только, что принимая въ соображеніе значительное число магометанскихъ семействъ въ нѣкоторыхъ городахъ, согласно оффиціальнымъ даннымъ, и прилагая его, въ уменьшенныхъ размѣрахъ, къ другимъ мѣстностямъ, населеннымъ Магометанами, можно предположить общее число Магометанъ въ Китаѣ между тремя и четырьмя милліонами душъ. Эта цифра составитъ немаловажное приращеніе къ мусульманскому міру,—приращеніе въ людяхъ, болѣе или менѣе развитыхъ, промышленныхъ и предпріимчивыхъ.

Магометане, главнымъ образомъ, населяютъ сѣверную и сѣверо-западную часть Китая. Земледѣліемъ они почти вовсе не занимаются; въ ихъ рукахъ находидся вся торговля съ Монголіей рогатымъ скотомъ и лошадьми, и мелочная распротажа ихъ; въ Ш а н ь с и они разводятъ опіумъ, для внутренняго потребленія; другіе занимаются промышленностію средней руки. Они также владѣли монополіей торговли ревенемъ въ Кяхтѣ. Богатыхъ домовъ, какъ фирмы китайскихъ компаній, по крайней мѣрѣ въ сѣверномъ Китаѣ, между ними нѣтъ; за то положительно можно сказать, что между ними нѣтъ ни одного безъ какого нибудь промысла. Они обыкновенно живутъ въ городахъ, отдѣльными общинами, или кварталами, при мечетяхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуютъ цѣлыя деревни. Продовольствіе они получаютъ отъ своихъ единовѣрцевъ и тщательно берегутъ себя отъ оскверненія въ пищѣ и питьѣ при сношеніяхъ съ Китайцами; послѣдніе рѣдко посѣщаютъ ихъ общины, а мечети никогда.

Исповѣданіе китайскихъ Магометанъ есть суннитское. Говорятъ, что между ними есть и Шіиты; но ни лично, ни изъ распросовъ, ни въ ихъ книгахъ, которыхъ у меня было болѣе 30, я не могъ въ томъ удостовѣриться. Они держатся ханифаитскаго толка. Ханифа, по времени, есть старшій изъ четырехъ суннитскихъ докторовъ. Если вѣрно, что въ затруднительныхъ случаяхъ, когда нельзя найти рѣшенія сомнѣній ни въ алкоранѣ, ни къ Суннѣ (писанномъ законѣ), ни въ хадисѣ (устномъ законопреданіи), Ханифа придаетъ личнымъ соображеніямъ болѣе значенія, чѣмъ другіе три авторитета, то эта черта магометанской казуистики очень

умѣстна въ Китаѣ, гдѣ при условномъ положеніи Магометанъ, часто представляются поводы къ недоразумѣніямъ. Но приписываемая ханифаитскому толку ревность къ Джихаду, или войнѣ съ невѣрными, не свойственна магометанскимъ подданнымъ Богдохана. Конечно тонкости толковъ доступны только духовнымъ руководителямъ Магометанъ, Ахунамъ и Имамамъ; простой народъ исполняетъ только одну особенность ханифаитскаго толка, именно, не омовеніе, а обливаніе предъ молитвою. Иногда мелкія различія въ обрядахъ, по обычаямъ четырехъ толковъ, производятъ между здѣшними Магометанами довольно важныя несогласія. Такъ, въ прошедшемъ столѣтіи, еще до возстанія Саларцевъ, изъ за способа чтенія алкорана, въ нѣдрѣ китайскаго Мусульманина возникли споры о лунномъ счисленіи, о земномъ поклонѣ послѣ поклоненія Уитаръ, о сниманіи туфлей при нѣкоторыхъ обрядахъ, и т. п. вопросахъ, пріобрѣтшихъ въ то время большую гласность. Болѣе всего надѣлало шума нововведеніе, состоявшее въ томъ, что нѣкоторые, при обязательномъ воззваніи Нѣтъ Бога, кромѣ Бога (лаиллахъ ил'аллахъ), стали поднимать вверхъ указательный палецъ, вѣроятно, въ знаменіе единства Божія (при словѣ лаиллахъ поднимали, при ил'аллахъ опускали палецъ); другіе, вмѣсто одного поднимали три пальца. Начались пренія и образовались партіи, сторонники которыхъ вступали въ явную вражду между собою и не посѣщали мечетей, одна у другой партіи Борьба не имѣла бы миролюбиваго исхода, если бы, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ даннымъ, не явился ахунъ изъ Бухары, слѣдственно высокій авторитетъ, который порѣшилъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что при воззваніи не слѣдуетъ поднимать пальцевъ; по справкѣ оказалось, что этотъ обычай существовалъ у послѣдователей толка Шафира, а не Абуханифы.

Мечети называются по китайски Ли байсы, мѣстомъ поклоненій: онѣ строятся съ востока на западъ, по направленію къ Меккѣ; минарета при нихъ не бываетъ; вмѣсто него устрояется возвышенный павильонъ, подъ именемъ луннаго, для наблюденія новой луны; вмѣсто турецкой луны, на верху мечетей обыкновенно водружается позолоченный шаръ. При мечетяхъ, особенное мѣсто назначено для училища, которое въ праздничные дни, за неимѣніемъ другихъ помѣщеній, служитъ обливальнею; поэтому оно бываетъ заставлено рядами мѣдныхъ чайниковъ съ водою. Мечеть обыкновенно служитъ мѣстопребываніемъ имама и ахуна. Имамъ, первостоятель въ общественныхъ молитвахъ, поступаетъ въ это званіе изъ мѣстныхъ прихожанъ и отвѣчаетъ предъ полиціей за порядокъ въ мечети. Ахунъ тоже что мулла, избирается и посвящается изъ Мусульманъ, болѣе или менѣе ученыхъ и часто приглашается общиной издалека При монгольской династіи, они назывались Ташиманами; во времена династіи Минъ было извѣстно названіе муллы (Маньла), а нынѣ у Магометанъ и у Китайцевъ воспреобладало персидское наименованіе ахунъ (Ахундъ), вѣроятно по численному превосходству Магометанъ персидскаго происхожденія.

Въ Пекинѣ считается 13 мечетей; мнѣ случалось быть въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и познакомиться съ ахунами и имамами. Въ первый разъ, какъ я посѣтилъ одну мечеть, меня ввели въ небольшую опрятную комнату, гдѣ сидѣлъ на кану, на тигровой кожѣ, поджавъ ноги, молодой Ахунъ, пріятной наружности, съ небольшой бѣлой чалмой на головѣ; при немъ былъ мальчикъ сынъ, котораго онъ училъ арабской грамотѣ. Узнавъ, что я изъ дальней западной стороны, онъ съ живымъ любопытствомъ распрашивалъ о судьбѣ Руми, изъ котораго, по его словамъ, вышли его предки; однако онъ не могъ взять въ толкъ перемѣнъ, происшедшихъ въ западной Азіи. Онъ выразилъ чрезвычайную симпанію къ Русскимъ, когда узналъ,

что у насъ Магометане пользуются совершенною свободою вѣроисповѣданія. Въ первое ко мнѣ посѣщеніе, ахунъ, желая показать мнѣ свое знакомство съ христіанствомъ, разомъ высказалъ мнѣ всѣ магометанскія бредни о лицѣ Іисуса Христа и о христіанской вѣрѣ. Христіанъ онъ, какъ и всѣ грамотные Магометане, называлъ, по книжному, Т э р с а а Іисуса Христа Э р р с а. Вообще, въ частныхъ сношеніяхъ съ иностранцами. Магометане любезны и привѣтливы; за то въ сочиненіяхъ своихъ являются противниками Христіанства

Въ другой мечети, я встрѣтилъ такой же ласковый пріемъ. Ахунъ ввелъ меня въ мечеть, китайской архитектуры, но съ поперечными перегородками внутри, въ которыхъ устроены деревянные пиластры; посреди храма висѣла европейская люстра; въ сѣверозападной части возвышалась каѳедра; въ глубинѣ храма, на западѣ, полукруглое святилище отгорожено было низкой балюстрадой. Ахунъ безъ церемоніи отодвинулъ ее ногой, чтобы ввести меня въ пустое святилище; оно ничѣмъ особымъ не отличалось, кромѣ того, что стѣны его были испещрены арабскими надписями (изрѣченіями изъ корана), вырѣзанными изъ золоченой бумаги и наклеенными на стѣнѣ; впрочемъ такія надписи виднѣлись и въ другихъ мѣстахъ, по стѣнамъ мечети. Въ притворѣ мечети, на востокѣ, стоялъ столъ, со дщицею на которой вырѣзана была обычная надпись многолѣтія царствующему императору; передъ дщицей стояла жаровня съ потухшими курительными свѣчами. Ахунъ увѣрялъ меня, что это чествованіе особы иновѣрнаго государя въ домѣ молитвы, обязательное для всѣхъ большихъ кумиренъ и монастырей въ Китаѣ, не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго, и замѣтилъ при томъ, что въ Хотбѣ онъ упоминаетъ и о Богдоханѣ.

Ахунъ зналъ по арабски и по персидски; тотъ и другой языкъ изучаются въ мечетяхъ совмѣстно; но произношеніе уже испорчено; живя въ Китаѣ, Магометане отвыкли произносить р и гортанные звуки арабскіе, и замѣнили первое звукомъ л, а послѣдніе звукомъ х. Ахунъ показалъ мнѣ нѣсколько фоліантовъ, писанныхъ на этихъ языкахъ. Надобно полагать, что въ мечетяхъ, разсѣянныхъ по Китаю и въ частныхъ библіотекахъ Магометанъ, хранится значительное собраніе оригинальныхъ арабскихъ и персидскихъ твореній, принесенныхъ въ Китай съ XIII вѣка, т. е. со времени монгольскаго періода. Магометанскій писатель Л ю ц з ѣ л я н ь, составляя книги свои о постановленіяхъ и философіи Магометанъ, руководствовался 6-ю оригиналами разнаго содержанія, которые онъ поимянно пересчитываетъ въ началѣ своихъ, сочиненій, причемъ замѣчаетъ съ сожалѣніемъ, что многое еще потеряно и погибло въ бѣдственное время, при паденіи Минской и воцареніи Маньчжурской династіи. Переведены на китайскій языкъ съ арабскаго и персидскаго языка немногія сочиненія, большею частію нравственнаго или обрядоваго содержанія. Въ числѣ книгъ, хранящихся въ посѣщенныхъ мною мечетяхъ, я не нашелъ ни одной, писанной турецкимъ или татарскимъ языкомъ, и не встрѣчалъ ни одного ахуна, который имѣлъ бы понятіе объ этихъ нарѣчіяхъ. Здѣшніе Магометане называютъ алкоранъ ф у р г а н и (ел-фурканъ—различеніе, т. е. дозволеннаго и недозволеннаго, и т. п.). Ахуны тщательно списываютъ его и распредѣляютъ въ 30 тетрадей; переводить текстъ его на китайскій языкъ считаютъ недозволеннымъ, исключая ссылокъ на него въ книгахъ. Изрѣченія изъ корана, безъ числа украшаютъ стѣны магометанскихъ жилищъ и вырѣзываются на камняхъ. Въ жилищахъ ахуновъ я замѣчалъ карты Мекки и Медины, съ проведеніемъ пути отъ Китая до Аравіи, и съ означеніемъ небывалыхъ памятниковъ въ священной странѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ пилигримство сдѣлалось слишкомъ затруднитель-

нымъ, ахуны установили, что оно возмѣщается постояннымъ посѣщеніемъ мечети и годовою жертвою Гурбанъ. На стѣнахъ въ магометанскихъ жилищахъ я видѣлъ также печатное, въ видѣ объявленія, описаніе наружныхъ красотъ Магомета, по арабски, съ китайскимъ переводомъ; въ немъ завѣряется, что, кто по этому описанію, будетъ постоянно представлять себѣ ликъ пророка, тотъ избавится многихъ бѣдствій; это явное подражаніе суевѣрнымъ и лживымъ вывѣскамъ Буддистовъ и Даосовъ.

Ахуны участвуютъ въ главныхъ фамильныхъ событіяхъ благословеніемъ и молитвами. По рожденіи младенца, на третій день приглашаютъ ахуна, который съ молитвою дуетъ на новорожденнаго три раза и даетъ ему мусульманское имя. Онъ есть главное лице при совершеніи брачныхъ договоровъ, равно совершаетъ отпѣваніе умершихъ. Ахунъ самъ посвящаетъ другаго въ санъ ахуна. Разъ я былъ свидѣтелемъ благословенія, даннаго однимъ ахуномъ вновь поставленному въ это званіе ученику его; послѣдній сталъ передъ старшимъ на колѣна и учитель прочелъ что-то по арабски, перекрестивъ свои руки съ руками новопосвященнаго; лѣвыми руками они поддерживали локти правыхъ рукъ одинъ у другаго, и взялись кистями правыхъ рукъ въ уровень съ лицемъ; этотъ способъ привѣтствія употребляется китайскими Магометанами и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ,

Китайскіе Магометане. пребывая нѣсколько столѣтій въ Поднебесной имперіи; незамѣтно подчинились ея вліянію въ тѣхъ обычаяхъ, которые собственно не имѣютъ религіознаго значенія. Браки ихъ обстановлены китайскими церемоніями. Въ брачные союзы они вступаютъ только съ своими единовѣрцами; но въ крайности они берутъ побочныхъ женъ изъ Китаянокъ; этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, надобно объяснять измѣненіе типа лицъ у китайскихъ Магометанъ въ полукитайскій. При погребеніяхъ у нихъ наблюдается нѣкоторая помпа, но безъ музыки, употребляющейся при китайскихъ похоронахъ; вмѣсто того передъ гробомъ несутъ нѣсколько курильницъ, съ возженными благовоніями. Для покойниковъ они не приготовляютъ гробовъ, а пользуются, на время. готовыми, которые обыкновенно стоятъ въ мечети, и въ которыхъ доносятъ покойниковъ до могилы. Тѣло умершаго обертывается простынею со слоемъ камфоры и другихъ ароматовъ: его кладутъ, или лучше сказать. усаживаютъ въ особой пещеркѣ, вырытой въ глубинѣ могилы, въ боку лицемъ на западъ.

Магометанскіе мужчины и женщины усвоили китайскій костюмъ: послѣднія переняли у Китаянокъ обычай связывать свои ноги съ малолѣтства. Ахуны и имамы также носятъ китайское платье, съ тѣмъ различіемъ, что не надѣваютъ сапоговъ, а ходятъ въ башмакахъ, которые снимаютъ съ ногъ, при вступленіи въ мечеть для молитвы, при чемъ обертываютъ голову небольшимъ кускомъ бѣлаго холста. Женщины не ходятъ въ мечети для молитвы, исключая дней поста.

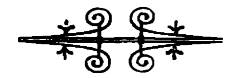
Ахуны строго наблюдаютъ счетъ лунныхъ годовъ и мѣсяцевъ, начиная счисленіе годовъ отъ Геджры, которую они переводятъ переселеніемъ, а иногда перенесеніемъ столицы Магомета изъ Мекки въ Медину Каждый годъ издается, на желтомъ листѣ, календарь, съ показаніемъ магометанскихъ праздниковъ, соотвѣтственно китайскимъ мѣсяцамъ и числамъ. У нихъ нѣтъ вставочной луны, какъ у Китайцевъ, потому начало новаго года, или какъ они называютъ, конецъ поста ихъ, проходитъ постепенно по всѣмъ мѣсяцамъ китайскаго года.

Китайскіе Магометане не считаютъ предосудительнымъ состоять на службѣ у китайскаго правительства, большею частію въ качествѣ незначительныхъ мандариновъ, что не обязываетъ ихъ къ исполненію обычаевъ, противныхъ ихъ вѣрѣ,

какъ-то жертвамъ духамъ, поклоненію тѣнямъ знаменитыхъ мужей и т. п. Впрочемъ есть примѣры, что Магометане занимали и занимаютъ высшія мѣста. Губернаторъ губерніи Чжэ-цзянъ, Масиньи, Магометанинъ, и единовѣрцы нисколько не считаютъ его, за то, ренегатомъ. Нѣкогда они долгое время засѣдали въ пекинскомъ астрономическомъ трибуналѣ и пользовались вниманіемъ Двора, до тѣхъ поръ пока ученые Іезуиты не смѣнили ихъ въ этомъ званіи.

Запрещеніе вина у китайскихъ Магометанъ также строго, какъ и въ другихъ мусульманскихъ странахъ, но также не всегда соблюдается. Странно, что они подвергаютъ запрещенію и табакъ, тогда какъ Персіяне и Турки не могутъ обойтись безъ кальяна и трубки. Юсуфъ, о которомъ я уже говорилъ, замѣчаетъ въ своемъ сочиненіи, что табакъ есть произрастеніе египетское; Магометъ, разъ увидѣвъ его, покачалъ головою; а этого было достаточно, чтобы положить на табакъ запретъ. Знакомый мнѣ ахунъ объяснялъ вопросъ нѣсколько иначе; онъ увѣрялъ, что Магометъ запретилъ употребленіе хашиша слѣдовательно и табаку который по своему дѣйствію походитъ на это зелье.

Сдѣлаю еще замѣтку объ уваженіи, какое оказываютъ здѣшніе ахуны и имамы къ желтому цвѣту. Говорилъ мнѣ объ этомъ одинъ имамъ, добродушный старикъ лѣтъ 70-ти; при чемъ прибавилъ, что единственная печаль его въ преклонныхъ лѣтахъ была о томъ, что онъ нигдѣ не могъ добыть желтаго сафьяна для туфлей, что̀ придало бы ему видъ совершеннаго Мусульманина священной родины Магомета. Имамъ предпочиталъ желтый сафьянъ китайскимъ тканямъ того же цвѣта, не только потомучто послѣднія приготвляются руками идолопоклонниковъ, но также и потому, что сафьянъ, какъ онъ слышалъ, есть издѣліе Магометанъ (казанскихъ). Хилый старикъ разсказалъ мнѣ также о своихъ путешествіяхъ по Китаю; между прочимъ, былъ онъ въ Маньчжуріи, куда ходилъ для назиданія и совершенія молитвъ для ссыльныхъ Магометанъ. Примѣры подобныхъ странствованій китайскихъ Магометанъ не рѣдки; ахуны и грамотѣи ихъ переходятъ изъ одной общины въ другую, учащаютъ взаимныя сношенія между ихъ единовѣрцами, переносятъ вѣсти и поддерживаютъ единомысліе во всемъ магометанскомъ населеніи. Ни одинъ Магометанинъ не лишается пріема и вспоможенія въ первомъ попавшемся магометанскомъ селеніи, или домѣ; заповѣдь о милостыни, по отношенію къ ихъ единовѣрцамъ исполняется, въ полномъ размѣрѣ; оттого писатели ихъ печатно вызываютъ Китайцевъ найти между Магометанами хоть одного бѣднаго человѣка.

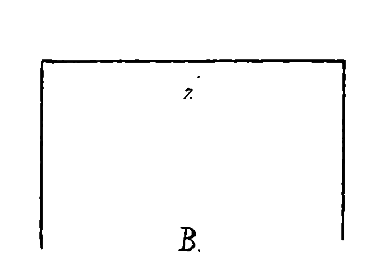

ПЛАНЪ ОДНОЙ ИЗЪ ПЕКИНСКИХЪ МЕЧЕТЕЙ

З.

Ю.

С.

1. Святилище.
2. Пиластры.
3. Каѳедра.
4. Столбы.
5. Жертвенный столъ въ честь Императора.
6. Притворъ.
7. Лунный Павильонъ.